

І С Т О Р І Я

ББК ТЗ (4УКР 55) 52 – 285

**ФОРМИРОВАНИЕ КРУПНОЙ БУРЖУАЗИИ
ДОНБАССА В 60-90 гг. XIX ВЕКА***Ю.В.Ковалева*

Вторая половина XIX века была отмечена бурным ростом предпринимательства и подъемом промышленного производства в Российской империи. Государство сделало стремительный рывок по пути капиталистической индустриализации за счет использования богатого потенциала природных ресурсов и их промышленной разработки. Был намечен целый комплекс правительственных программ освоения новых территорий, которые бы обеспечили российскую промышленность отечественным сырьем.

Одним из таких регионов был Донбасс, который с середины XIX века превратился в своеобразную Мекку предпринимательства. Здесь имелись все необходимые факторы для развития угольной и металлургической промышленности. Не случайно в конце XIX века Донбасс становится одним из крупных центров концентрации буржуазии в Российской империи.

Целью данной статьи является рассмотрение основных направлений, по которым формировалась донецкая буржуазия, и результатов этого процесса к концу XIX века.

Непосредственный толчок промышленной эксплуатации месторождений угля на Донском кряже был дан интенсивным железнодорожным строительством в конце

60-х годов XIX века. Повышение спроса на минеральное топливо в годы бурного возведения железных дорог стимулировало приток в молодую угольную промышленность новых капиталов, а также расширение состава предпринимателей, которые занимались добычей топлива.

В первую очередь происходит значительный всплеск производства на уже существующих промышленных разработках в восточной части Бахмутского, а также в Славяносербском уездах, которые территориально прилегали к первым железным дорогам на территории кряжа. Одновременно значительно возрастает количество углепромышленников из местных помещиков, большинство из которых проводили разработку угля на собственных землях. Это ставило их в более выгодное положение в сравнении с другими группами предпринимателей, вынужденных арендовать угольные месторождения или покупать их [1]. Таким образом, на первом этапе развития каменноугольной промышленности в западной части Донбасса заметно преобладали помещики-шахтовладельцы. В 1862 году из 20 крупных разработок 14 принадлежали местным землевладельцам И.Г.Иловайскому, В.П.Рутченко, П.А.Карпову, которые к концу XIX века стали крупными капиталистами [2]. В 1882 г. из 41 владельца шахт, присутствовавших на VII съезде горнопромышленников Юга, 17 являлись помещиками [3].

Немногим из местных землевладельцев, кто начал на рубеже 60-70 гг. промышленную эксплуатацию угольных копей на собственных землях, удалось стать крупными предпринимателями. К их числу относятся П.А.Карпов, П.П.Рыковский и другие. Ряд помещиков – Г.В.Депрерадович, А.В.Долгово-Сабуров – превратились в углепромыш-

ленников средней величины [4]. Они также принимали активное участие в деятельности съездов горнопромышленников Юга России [5]. Большинство же предпринимателей из местных помещиков, которые не владели достаточными денежными средствами, умением приспособляться к конъюнктуре рынка, бороться с конкуренцией, разорились и были вынуждены продавать или сдавать в аренду свои разработки. В результате разорения значительного количества предпринимателей из помещиков шло беспрерывное снижение удельного веса помещичьего предпринимательства на протяжении первых пореформенных десятилетий.

С конца 60-х гг. начинается приток купеческих капиталов в угольную промышленность Юга, пик которого приходится на 70-е гг. XIX века. Уже на I съезде горнопромышленников вместе с помещиками заседали купцы А.Рейс, К.Нейшильд, И.Уманский, С.Поляков. Вскоре к ним присоединились И.Прохоров, В.Максимов, Шупанов и другие [6]. Среди купцов наибольших успехов добились И.Л.Уманский, Самуил Поляков (один из основателей клана Поляковых – банкиров и промышленников) [7], А.К.Алчевский, который у своих современников до экономического кризиса начала 1900 гг. пользовался репутацией «финансового гения» [8]. В основном же преобладало мелкое и среднее купечество.

Однако нехватка технических знаний, достаточной финансовой поддержки, ограничения, которые существовали в купле и аренде земли, негативно сказывались на купеческом предпринимательстве. К тому же росла конкурентная борьба.

В восточной части Донбасса, расположенной на территории Войска Донского, значительно увеличилось количество промышленников из казаков, что являлось особенностью этой части региона. Например, в 1876 г. казаки составляли 71,6% владельцев предприятий, а в 1882 г. – 69,6%, в 1894г. – 53,4%; крестьяне соответственно – 12,4; 15,9; 26,5% [9]. Заметный след в истории угольной промышленности восточной части края оставили торговые казаки Байдалаковы, С.Н.Корнеев, И.С.Кошкин, семья Переселенковых, П.И. и Н.П.Трифоновы, П.И.Шапошников и другие [10]. Так И.С.Кошкин в качестве гласного городской Думы Ростова-на-Дону участвовал в работе XXXIX Съезда горнопромышленников Юга России [11].

Трудности материального характера, а также общинное землевладение обусловили появление специфической формы действующих предприятий – крестьянских товариществ и общин. Но крестьянские шахты оставались кустарными предприятиями с низкой продуктивностью труда и незначительными размерами производства. Лишь немногим крестьянам и казакам удавалось со временем стать крупными предпринимателями. К их числу принадлежал и бывший пастух Я.Древицкий, сын которого, Иван Яковлевич, сдавал в аренду акционерному обществу «Смоляниновского рудника Э.П.Шредера» свои земли «мерюю около 205 дес. 1851 кв. саж.» [12].

Таким образом, в 60-70-х гг. XIX века буржуазия Донбасса комплектовалась преимущественно за счет помещиков, купечества, крестьян и казаков. Удельный вес других слоев и социальных групп был незначительным.

В 80-е – начале 90-х гг. XIX в. проходило расширение состава буржуазии за счет притока представителей таких социальных слоев, как купечество, интеллигенция и предприниматели-иностранцы.

Начало потоку иностранцев еще в 60-х гг. положил англичанин Джон Юз, основав «Новороссийское общество» [13]. Среди немецких предпринимателей, кроме зятя «стального короля» Гартмана, известен был также директор Дрезденского банка, владевшего значительным пакетом акций Луганского паровозостроительного завода, Д.С.Шерешевский, входивший в правления компаний «Продпаровоз», «Унион»,

«Гартман»; Э.А.Борзинг, председатель правлений обществ Краматорского металлургического и «В.Финцер и К.Колипер» [14]. Бельгийцы концентрировались в основном в металлургической и машиностроительной отраслях. Например, бельгийский консул в Таганроге инженер Нев являлся членом правления Русско-Бельгийского металлургического общества [15]. Бельгиец-инженер Э.Боссе и немец Р.Геннефельд имели свои чугунолитейные заводы близ поселка Юзовки, при селе Варварополье и станции Лозовая-Павловка [16]. Но наиболее многочисленной и влиятельной группой были французы: представитель «Банка парижского союза» Дарси был председателем совета Продамета, правления Донецко-Юрьевского металлургического общества, куда входил также и финансист из Лиона Боннардель. Представитель в России парижского банкирского дома «М.Тальман и К°» А.А.Фредерикс был членом правления Донецко-Юрьевского металлургического завода [17].

Одной из особенностей развития тяжелой индустрии Юга в конце XIX века было то, что создавалась она на акционерных основах. В условиях изменения индивидуально-капиталистической формы собственности на коллективно-капиталистическую произошли изменения и в среде буржуазии. В частности, значительное влияние приобретает верхушка управляющих акционерными предприятиями, которая состояла из директоров и членов правлений и советов акционерных товариществ, директоров промышленных предприятий и др. Значительную часть этого слоя горнопромышленной буржуазии составляли представители второго поколения собственников шахт и заводчиков Юга, которые в основном получили техническое образование (высшее и среднее). Как правило, они получали по наследству места в правлениях и советах акционерных обществ и товариществ (Д.А.Алчевский, М.Д.Успенский и др.) [18].

Существенный процент среди высших управляющих составляли представители технической интеллигенции, главным образом горные инженеры, которые, закончив Горный институт, поступали на службу на частные предприятия региона.

Вторую, более многочисленную, группу технической интеллигенции составляли те инженеры, которые после окончания институтов поступали на государственную службу и лишь тогда переходили в акционерные компании. Наиболее известными представителями этой группы были А.А.Ауэрбах, П.Н.Горлов, Ф.Е.Енакиев, А.Ф.Мевиус, К.Л.Мсциховский, Е.Н.Таскин и др. Акционерные общества охотно отдавали руководящие посты (управляющего, директора, главы правления и т.д.) лицам, которые состояли на государственной службе, рассчитывая использовать в своих целях их широкие деловые связи.

Так, согласно данным временного генерал-губернатора Южного горнозаводского района за 1906 г., из 143 человек, стоявших во главе предприятий, 47 (32,9%) принадлежали к интеллигенции [19].

В 90-х гг. XIX века начинается сращивание банков с промышленностью. Широкое участие, а нередко и патронирование петербургскими банками большинства предприятий тяжелой промышленности Донбасса приводили к установлению тесных связей донецких капиталистов со столичной финансовой промышленной буржуазией и, соответственно, к расширению состава буржуазии нашего региона. До конца 90-х гг. среди представителей и членов правлений многих акционерных товариществ, которые действовали на Юге, встречаются имена руководителей крупных российских банков – А.Ю.Ротштейн, А.Ф.Кох, Г.И.Дернен (Петербургский Международный банк), А.И.Мураний (Петербургский частный банк), А.А.Померанцев (Российский торгово-промышленный банк) и др. Активную роль в руководстве крупными акционерными

предприятиями играли такие промышленники общероссийского масштаба, как В.Ф.Голубев, Б.Б.Герберц и др.[20].

Кроме крупной буржуазии, существенную роль играла средняя буржуазия. Это горнопромышленники, владельцы промышленных предприятий, банковских контор, служащие банков. Они часто избирались гласными земских управ и городских дум, городскими головами. Они вкладывали свои средства в развитие образования, строительство храмов. Например, семейный клан братьев Французовых, Д.П.Хараджаев, Д.Н.Иванов и др. [21].

Таким образом, формирование буржуазии Донбасса начинается на рубеже 60-70 гг. в период интенсивного железнодорожного строительства. Важнейшим фактором формирования в регионе стали внутренние процессы развития здесь капиталистических отношений.

Основное ядро буржуазии, которая формировалась, составили местные уроженцы, в основном принадлежавшие к привилегированным классам и слоям. Завершение промышленного переворота, начало бурной индустриализации в Донбассе приводят к заметному расширению состава заводчиков и владельцев предприятий за счет как местных, так и иногородних элементов. В 90-х гг. шел процесс замены индивидуально-капиталистических предприятий акционерными. Он сопровождался заметным расширением состава буржуазии за счет банкиров и промышленников других районов страны, высшего и среднего чиновничества, иностранных предпринимателей и рантье, а также представителей интеллигенции, в основном технической.

Кстати, характерной чертой Донбасса было как раз преобладание технической интеллигенции и иностранцев-предпринимателей среди деловой элиты. Но несмотря на высокий удельный вес иностранцев, основную массу предпринимателей составляли российские подданные.

В результате кардинальных изменений индустриальная буржуазия Украины постепенно превращалась в класс капиталистического общества, который консолидировал в себе разнородные социальные элементы.

РЕЗЮМЕ

Метою статті «Формування крупної буржуазії Донбасу в 60-90 рр. XIX століття» є простеження головних напрямків, за якими формувалась донецька буржуазія, і результатів цього процесу на кінець століття. На основі зібраних даних автор прийшов до висновків, що становлення буржуазії краю відбувалося на межі 60-70 рр. XIX століття головним чином за рахунок місцевих уродженців, котрі в основному належали до привілейованих прошарків суспільства. Відмінною рисою процесу є переважання технічної інтелігенції та іноземців в середовищі підприємців Донбасу.

SUMMARY

The article is devoted to the forming of big bourgeoisie of the Donbass in the 60-90 years of the XIX century. The aim of this work is to consider the main directions and results of this process by the end of the century. The author comes to conclusions that growing of our bourgeoisie took place in the 60-70 years of the XIX century at the expense of natives, mainly, belonged to the privileged strata of the society. The prevalence of technical intellectuals and foreigners among the employers of the Donbass was a characteristic feature of this process.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Лазанська Т.І. Соціальне положення промислової буржуазії України в XIX ст. / Укр. істор. журн. – 1996. – №2. – С.71.

2. Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861-1917 гг. – М.: Мысль, 1974. – С. 68.
3. Там же.
4. Крутиков В.В. Буржуазія України та економічна політика царизму в пореформений період. – Дніпропетровськ: Видавництво ДДУ, 1992. – С.29.
5. Труды XXIII съезда горнопромышленников Юга России. Ч.1. – Харьков, 1898. –С.5.
6. Лазанська Т.І. Указ. соч. – С.71.
7. Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860-1914. – Л.: Наука, 1991. – С.72-76.
8. Петров Ю.А. Крах Алчевского и фирма Рябушинских //Отечественная история. – 1995. – №4. – С.54.
9. Хлыстов И.П. Дон в эпоху капитализма. 60-середина 90-х гг. XIX века. Очерки по истории Юга России. – Ростов-на-Дону, 1962. – С.207.
10. Крутиков В.В. Указ. соч. – С.31.
11. Труды XXXIX Съезда горнопромышленников Юга России. Т.1. – Харьков: Типография Б.Бенгис, 1915. – С.4.
12. Госархив Донецкой области. – Ф. 167. – Оп.1. – Д.1.-Л.3.
13. ЦГИАЛ – Ф. 23. – Оп.12. – Д.469. – Л.84-113.
14. Боханов А.Н. Крупная буржуазия России. – М.: Наука, 1992. – С. 195.
15. ЦГИА Украины. – Ф.313. – Оп.2. – Д.2951. – Л.88.
16. ЦГИА Украины. – Ф.1596. – Оп.1. – Д.39. – Л.4-5.
17. Боханов А.Н. Указ. соч. – С.194.
18. Крутиков В.В. Указ. соч. – С.35.
19. Подсчитано по: ЦГИА Украины. – Ф. 1595. – Оп.-1. – Д.39. – Л.2-16.
20. Бовыкин В.И. Зарождение финансового капитала в России. – М.: Наука, 1984. – С.228-239.
21. Ляшенко В.Г. Торгово-промышленная буржуазия Донбасса в 1861-1917 гг. // Летопись Донбасса: краеведческий сборник. – Донецк, 1992. – Вып. 1. – С.35.

Надійшла до редакції 10.06.1999 р.

ББК Т 3 (4 Укр) 52 – 21г

ПОМІЩИЦЬКЕ ГОСПОДАРСТВО ПОРЕФОРМЕНОЇ УКРАЇНИ В РАДЯНСЬКІЙ ІСТОРІОГРАФІЇ

Н.Р.Темірова

Провідною рисою радянської історичної науки була тенденційність, що проявлялося і в виборі тематики досліджень, і в окресленні кола літератури, і в доступності джерел, і у висновках. Вченим диктувалося, що і як необхідно вивчати. Внаслідок копіткої культивативності з науки були викреслені цілі пласти інформації, цілі дослідницькі напрямки. Досить показовою в цьому відношенні є доля історії поміщицьких господарств України. Після революції 1917-1920 рр., коли вони фактично були приречені, вивчення їх набуло інших характеристик. По-перше, явно знизився науковий інтерес до поміщиків. По-друге, посилювався ідеологічний нахил у бік негативізації всього, що стосувалося цього стану.

Оцінка поміщицького господарства в радянській літературі значною мірою впливала з праць В.І.Леніна, присвячених аграрному питанню. Шукаючи обґрунтування аграрній програмі більшовиків, у працях «До питання про аграрну політику (загальну)

сучасного уряду», «Капіталізм у сільському господарстві», «Суть аграрного питання в Росії» та інших він приділяв значну увагу вивченню становища поміщиків Росії. В центрі уваги перебувало питання про їхню чисельність, розмір землеволодінь, співвідношення відробіткової та капіталістичної систем господарювання в різних регіонах країни. Велику увагу він приділив вивченню України, особливо її Півдня, як району з яскраво вираженими рисами сільськогосподарського капіталізму. Але ці дослідження мали чітко виражений суб'єктивний характер. До уваги бралися лише факти, які свідчили про надмірне багатство поміщиків, жорстоку експлуатацію селян – тобто те, чим можна було привернути селянство на бік більшовиків. Практично повністю замовчувались такі аспекти як виробництво, торгівля тощо. У поглядах на поміщицьке господарство чітко проявились позиції Леніна як представника ортодоксального марксизму. Він цікавився проблемами розподілу й ігнорував зміст сільськогосподарського виробництва. В даному випадку вивчення поміщицького господарства мало прикладне значення, висновки нерідко підганялись під відповідні більшовистські політико-ідеологічні установки.

Спеціально поміщицькому господарству в 20-ті роки були присвячені праці О.М.Челінцева [1, 2]. Він дав оцінку стану поміщицького господарства Росії напередодні 1917 р., вважаючи його низькоінтенсивним. Такого висновку він дійшов, порівнюючи поміщицькі економії з міцними господарствами колоністів, тоді як більша частина селянських ледве животіла. Автор правильно вказував на високий рівень експлуатації сільськогосподарських робітників, що, на його думку, було запорукою існування поміщицьких маєтків. Говорячи про можливі перспективи останніх, він відзначав, що зростання цін на сільськогосподарську продукцію, здешевлення робочої сили сприяло б його інтенсифікації. Проте до об'єктивних причин, як то незавершена внутрішня перебудова та загальна аграрна криза, додалися суб'єктивні обставини, зумовлені ствердженням радянської влади, що й призвело до ліквідації поміщиків та їхніх господарств.

Серед інших робіт, які вийшли з розглядуваного питання в перші роки радянської влади, слід відзначити праці М.Яворського, О.Погребняка, І.Чернишева [3-5]. В них показано, що в умовах розвитку капіталістичних відносин дворянське землеволодіння занепадало. Однією з причин виступала сільськогосподарська криза, зумовлена появою на європейському ринку дешевого хліба з-за океану. Створення Дворянського банку лише погіршило становище дворян-землевласників, посиливши їхню заборгованість. Складне економічне становище призводило чи до продажу, чи до запровадження напівфеодальних методів господарювання. Інша ж частина активно інтенсифікувала своє господарство. Після революції 1905 р. з'явилися додаткові обставини для розпродажу поміщицької землі – селянські погроми. Це зумовило зниження орендних платежів та деяке зростання цін на робочі руки. Внаслідок вказаних причин на початку XX ст. скоротилась площа дворянського землеволодіння. Таким чином, автори аналізують поміщицьке господарство в загальному контексті аграрного питання початку XX ст.

В цілому ж проблема поміщицького господарства періоду капіталізму зникла зі сторінок історичної літератури. Не зважаючи на очевидний науковий інтерес, дослідники обходили її своєю увагою. Під пресом ідеологічних стереотипів довгий час вважалося недоцільним вивчати шар суспільства, знищений в результаті здійснення аграрної політики більшовицької диктатури. Об'єктивний аналіз функціонування поміщицького господарства був небезпечним для існуючої колгоспно-радгоспної системи в сільському господарстві. Неможливо було відійти і від так званого класового підходу.

Відновлення уваги до проблеми з боку радянських істориків припадає на кінець 50-х – початок 60-х років. Поштовхом стали аграрні симпозиуми, перший з яких проведено в 1958 р. В цей період з'явився ряд статей зазначеної проблематики. Однією з

перших у повоєнні роки до дослідження соціально-економічної історії поміщиків звернулася Л.П.Мінарик [6-8]. До сфери її наукових інтересів входили перш за все господарства найбільших поміщиків Росії на межі XIX-XX ст. Центральне питання, яке вирішувалось нею, - співвідношення капіталістичної та відробіткової систем ведення господарства. Відповідь на нього дає вихід на оцінку рівня розвитку капіталізму в поміщицьких господарствах і в цілому в сільському господарстві. Автор дійшла висновку, що в більшості маєтків переважала змішана система з елементами відробіткової та капіталістичної, але визначальними були відробітки, особливо в центральних російських губерніях. Інша проблема, що розглядалася Л.П.Мінарик, - походження земельних володінь найбільших поміщиків. Нею, зокрема, встановлено, що 90% земельних магнатів Росії – дворянського походження. Великі поміщицькі господарства були сформовані переважно протягом XV – першої половини XIX ст. Основними шляхами одержання земель було пожалування за службу, встановлення родинних зв'язків, купівля землі. На початок XX ст. великі поміщицькі маєтки належали в основному нащадкам стародавніх дворянських родин.

Тема поміщицького господарства присутня у працях, присвячених проблемам російського села в цілому на початку XX ст. [9-13] В них вказується на кризовий стан поміщицьких маєтків, в залежності від профілю робіт виділялися різні аспекти функціонування останніх. М.М.Дружинін звернувся до передісторії реформи 1861 р., зазначивши, що вже від звільнення селян очікувався поштовх аграрному розвитку. Проте реальність виявилась дещо іншою – поміщики зіткнулися з низкою складних проблем: нестачею оборотних капіталів; зниженням вартості цінних паперів внаслідок надмірно великої пропозиції; відсутністю агрономічних знань у землевласників; низьким рівнем кваліфікації сільськогосподарських робітників; непристосованістю до ринкової економіки; споживацьким способом життя багатьох поміщиків. Автор характеризує особливості окремих регіонів Росії. Щодо українських губерній, особливо південноукраїнських, надзвичайної гостроти набула проблема забезпечення робочою силою (це спричинено багатоземеллям, більшою забезпеченістю селян землею). Господарство тут могло існувати лише за умови масового притоку сільськогосподарських робітників з північних губерній. Дослідник відзначив успіхи підприємницької діяльності поміщиків, водночас підкреслюючи, що то був примітивний капіталізм періоду початкового накопичення та спраги грошових прибутків. Значення цих праць полягає в накопиченні фактичного матеріалу з проблеми, введенні в обіг нових документів, у розробці принципів оцінки поміщиків та їхніх господарств.

Узагальнююча праця С.М.Дубровського присвячена сільському господарству Росії кінця XIX – початку XX ст. Як одна із складових аграрного сектору розглядається і поміщицьке господарство. Автор відзначив перерозподіл земельної власності в напрямку від дворян до різночинного соціального елементу. Наприклад, ним підраховано, що до 1914 р. внаслідок купівлі селянство України збільшило своє землеволодіння більш як на 2 млн. десятин. Майже на стільки ж скоротилося землеволодіння дворян [11. – С.11]. Він зупинився на проблемі співвідношення поміщицького землеволодіння та землекористування. Досить поширеною формою землекористування була здача в оренду, різну за формами: від кабально-кріпацької до підприємницької. Показано, що ознакою капіталістичної еволюції є травосіяння в умовах нерозвиненості в країні хімічної промисловості та наявності у господарствах робочої худоби, оскільки за напівкріпацьких методів використовуються селянські худоба й реманент. Дубровський, як і інші автори, становище аграрного сектора аналізував у контексті проблеми передумов революцій у Росії. Зокрема, він відзначив: «Збереження напівкріпацьких відробіткових гос-

подарств становить основну передумову першого демократичного етапу революції, розвиток капіталістичного поміщицького господарства за перемоги пролетарської соціалістичної революції відіграв свою роль в організації великого соціалістичного сільського господарства». Автор правий у тому відношенні, що на базі поміщицьких маєтків створювалися радгоспи. Але, як показує досвід інших держав, без радикального втручання доля поміщицьких господарств могла б бути іншою. З часом на їх основі могло сформуватися високорозвинене багатогалузеве господарство капіталістичного типу. Поряд з характеристикою становища поміщицького господарства під час Першої світової війни, показом об'єктивних труднощів (дефіциту робочої сили, робочої худоби, реманенту) у праці відзначається, що багато господарств в умовах сприятливої ринкової кон'юнктури зберегли посіви. В монографії Дубровського наведений багатий статистичний матеріал, розташований у таблицях, складених на основі аналізу перепису 1916 р.

Значний внесок у розробку проблеми зробив О.М.Анфімов [14, 15]. Він вперше спробував проаналізувати її комплексно. Ним у науковий обіг введена велика кількість джерел. У центрі уваги перебувала проблема співвідношення відробіткової та капіталістичної систем. Автором розглянуто широке коло питань: соціальна природа поміщицького землеволодіння, матеріально-виробнича база поміщицького господарства, землеволодіння, землекористування та система організації поміщицького господарства, торговельно-промислова діяльність, кредит тощо. На основі великого фактичного матеріалу О.М.Анфімов дійшов висновку про переважання відробіткової системи господарювання. Поряд з цим виділяється цілий ряд регіонів, де домінуючою була капіталістична система: Прибалтика, Правобережна та Південна Україна, Південь Росії. Кожен з них мав свою історію, перебував на певному рівні розвитку. В результаті і поміщицьке господарство мало регіональні особливості, але в працях Анфімова це не знайшло належного відображення.

Вказані вище роботи стосуються, як ми бачили, поміщицького господарства Європейської Росії в цілому. Існують також дослідження відносно окремих її регіонів: Білорусі, Прибалтики, Поволжя і т.д. Вивчалися і поміщицькі господарства України. Серед авторів, роботи яких присвячені цій проблемі, Л.М.Іванов, Р.С.Попова. У статті Л.М.Іванова центральним є питання про перевагу відробіткової чи капіталістичної системи в поміщицьких господарствах різних регіонів України [16]. Він показав, що відробітки панували тільки в Чернігівській губернії. На Півдні України переважала капіталістична система господарювання. В інших роботах українських дослідників висвітлюються окремі аспекти проблеми: чисельність поміщиків, дворянське землеволодіння, поміщицьке підприємництво тощо [17-19]. Р.С.Попова, відштовхуючись від праць В.Леніна, зупинилась на проблемі забезпеченості поміщицьких маєтків робочими руками. Вона відзначила, що прогрес поміщицького господарства зумовлювався міцнішою матеріально-технічною базою. Крім того, в них застосовувались досконаліші агротехнічні прийоми, кращими були умови утримання домашньої худоби. Автор звернула увагу на зв'язок поміщицьких економій з селянськими господарствами, показавши, що багато поміщицьких маєтків продавали селянам насіннєвий матеріал, селяни мали змогу переймати досвід застосування машин та способів обробітку ґрунту. Розвиток поміщицьких винокурень та цукроварень стимулювало розширення посівів технічних культур на селянських полях, а також розширювало застосування робочої сили, або, висловлюючись сучасною термінологією, створювало додаткові робочі місця на селі. Але всі ці позитивні тенденції гасилися реакційними формами організації господарства.

Є.І.Солоп зупинилась на еволюції дворянського землеволодіння. Вона відзначила наявність тенденції до його скорочення. Серед причин цього явища названі як

об'єктивні, так і суб'єктивні чинники. До перших віднесено істотну заборгованість кредитним установам; відсутність вільних капіталів; дефіцит робочої сили, особливо на Півдні; аграрна криза 80-90-х років XIX ст.; внутрішньосільська конкуренція. Серед суб'єктивних факторів автор називає організаційну та психологічну непідготовленість землевласників до господарювання за нових умов; споживницький характер існування багатьох поміщиків; розглядає аграрне питання Криму, який був дещо відмінним від решти території Південної України з огляду на природні умови. Тутешні поміщики володіли великими стадами тонкорунних овець. Великі поміщицькі економії широко застосовували працю батраків та сільськогосподарську техніку. Автор відзначив причини швидкого розвитку капіталістичних відносин на півострові: непоширення кріпацтва; попередній досвід залучення найманих робітників; наявність великої кількості вільних земель; вигідне географічне розташування, яке сприяло вивезенню сільськогосподарської продукції. Перебування основної частини кримської землі в приватних руках зумовило особливу напруженість в аграрному секторі Криму. В статті Ф.П.Кунцевич показаний перерозподіл землі між різними становими групами, причини скорочення дворянського землеволодіння.

У деяких працях дослідження історії поміщицького господарства служить відправною точкою для висвітлення інших проблем. Вивчаючи сільськогосподарський пролетаріат Півдня України, О.І.Лугова здійснила спробу комплексно проаналізувати функціонування поміщицького маєтку в регіоні наприкінці XIX ст. [20]. Нею висвітлені характерні риси формування поміщицького землеволодіння, розглянуто сільськогосподарське виробництво, матеріально-технічне забезпечення господарств, запровадження в них найманої робочої сили і т.д. У радянській історичній літературі це одна з найвдалих спроб обрисувати характерні риси розвитку поміщицьких маєтків.

Одним з найскладніших питань досліджуваної проблеми є визначення самої категорії «поміщик». Справа в тому, що після скасування кріпацтва внаслідок вільного продажу землі землеволодіння набувало безстанового характеру, тобто тепер володіння землею стало правом не тільки для дворян. Внаслідок цього серед великих землевласників з'явилися представники різних соціальних груп – міщани, купці, навіть селяни. Перехід до безстановості помітнішим став на початку XX ст. Тому перед дослідником постає завдання ідентифікації поміщика та його господарства. Ця проблема порушується в статті І.К.Рибалки й Ф.Г.Турченка «Изменение в социальной структуре советского общества», монографії Ф.Г.Турченка [21, 22]. Автори справедливо відзначають, що не можна під поняття «поміщик» підводити лише дворян-землевласників, оскільки на селі з'явилась нова постать – «новий поміщик». До основних ознак поміщицького господарства автори віднесли землеволодіння чи землекористування не менше 50 дес. або ж істотні капіталовкладення в інші галузі сільського господарства.

Ф.Г.Турченко детальніше зупинився на характеристиці поміщиків України. Він зосередив свою увагу на таких питаннях як визначення терміну «поміщик», кількісний склад цієї верстви населення, її економічні позиції. Автор показав, що поміщики, будучи найменш чисельною соціальною групою, напередодні 1917 р. відігравали важливу роль як в економічному, так і в політичному житті Росії. При цьому відзначив незавершеність капіталістичної еволюції цих господарств. Ця обставина зумовила кризовий стан частини поміщицьких маєтків. Держава, в свою чергу, всіляко підтримувала поміщиків, надаючи пільги при організації будь-якої справи, кредити, позики тощо. Але у згаданих працях аналіз поміщицького господарства має допоміжний характер, оскільки вони присвячені висвітленню інших проблем.

Підґрунтям будь-якого історичного дослідження виступає його джерельна база. Від її достатності значною мірою залежить успіх того чи іншого проекту. Розпочавши вивчення поміщицького господарства, радянські вчені звернулися до глибокого аналізу інформативних можливостей відповідних документів та ступеня їх достовірності. О.М.Анфімов проаналізував ніким до нього не вивчений документ, якому дав умовну назву «Свод по России». Він являє собою первісні матеріали сільськогосподарського перепису 1916 р. [23]. Л.П.Минарик розкрила інформативні можливості та принципи роботи з «Статистикой землевладения 1905 г.», після чого цей документ був включений у науковий обіг [24].

Джерелознавча робота була продовжена в 70-ті роки. Н.В.Єлисеєва, М.М.Островський, В.І.Пронін, Н.А.Проскуракова, Н.Б.Селунська та інші проаналізували матеріали земської статистики, Дворянського банку, статистику довгострокового кредиту, сільськогосподарські переписи 1916 та 1917 років [25-29]. Якщо в попередній період перед науковцями відкривалися нові документи з проблеми, то тепер вирішувалося завдання вдосконалення методики їхньої обробки. Групою московських вчених на чолі з І.Д.Ковальченком започаткований новий джерелознавчий напрямок – вивчення можливостей застосування математичних методів в історичних дослідженнях. Особливо актуально це було для обробки масових однотипних даних, до яких відносяться, наприклад, матеріали сільськогосподарських переписів, земська статистика, оціночні описи дворянських маєтків тощо. За звичайної методики для виходу на певний рівень узагальнень дослідник повинен був вручну здійснити обтяжливі обчислення. По-перше, це витрата часу. По-друге, уривчастість, неповнота документальних матеріалів обмежує дослідження. Вчені розробляли методику, яка б дозволила обійти «білі плями» документів. Вона, зокрема, передбачає застосування при обчисленнях ЕОМ. На основі кореляційного аналізу статистики була здійснена спроба побудувати модель поміщицького господарства Європейської Росії початку ХХ ст. Такий підхід дозволяє встановити не тільки економічні взаємозв'язки в господарстві, а й соціальні. Подібна методика заслуговує на увагу, оскільки таким чином за обмежених можливостей відтворення минулого дослідники власноручно розширюють рамки документу. На цій основі на початку 80-х років І.Д.Ковальченком, Л.І.Бородіним, Л.В.Міловим виконане дослідження «Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма» [30]. Перше, що кидається в очі, – майже вдвічі менший обсяг порівняно з монографією тієї ж тематики А.Анфімова, написаною на тринадцять років раніше. Головне ж полягає в тому, що авторам значною мірою вдалось подолати емпіризм у дослідженні, встановивши зв'язки між економічними й соціальними категоріями.

Отже, в радянській науковій літературі історія поміщицького господарства пореформеної України представлена досить широко. Протягом 50-80-х років його дослідження зібрали великий фактичний матеріал, що дозволило з'ясувати характер сільськогосподарського виробництва в маєтках. Не заперечуючи досягнень радянських істориків у цьому напрямку, слід відзначити, що їхня робота мала дещо однобокий характер. Відштовхуючись від концепції Леніна, в центр уваги вони поставили питання про співвідношення відробіткової та капіталістичної систем господарювання. Такий підхід зумовив ігнорування цілого ряду важливих аспектів, без яких історія поміщицького господарства та й самих поміщиків залишається неповною: поміщицькі господарства в податковій системі, прибутковість, їхній зв'язок з селянськими господарствами, благодійництво та меценатство тощо. Незважаючи на появу деяких досліджень зазначеної тематики в 90-ті роки, всі ці проблеми ще очікують своїх дослідників.

РЕЗЮМЕ

Статья представляет собой обзор научной литературы по истории помещичьего хозяйства пореформенной Украины. Наряду с бесспорными успехами советских ученых в этом направлении отмечена исследовательская односторонность: основное внимание сосредоточивалось на выяснении соотношения отработочной и капиталистической систем организации хозяйства; помещичье хозяйство рассматривалось исключительно с точки зрения выяснения предпосылок социалистической революции в России. Вследствие этого многие вопросы остались неохваченными и должны в ближайшее время стать предметом изучения украинскими историками.

SUMMARY

Article represents the review of the scientific literature on a history landowner of a farm postreformation of Ukraine. Alongside with indisputable successes of the Soviet scientists in this direction is marked research one-sided: the basic attention was focused to finding - out of a correlation of work off and capitalist systems of organization of a farm; landowner the farm was considered extremely from the point of view of finding - out of the preconditions of socialist revolution in Russia. On account of this many questions have remained not covered and should in a near future become a subject of study of the Ukrainian historians.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Челинцев А.Н. Помещичье хозяйство в России перед революцией // Записки института изучения России. Т.І. – Прага, 1925. – С.49-81.
2. Челинцев А.Н. Русское сельское хозяйство перед революцией. – М., 1928. – 58 с.
3. Яворський М. Україна в епоху капіталізму. – Вип. ІІІ. – К.: Держвидав, 1925. – 309с.
4. Погребінський О. Століпінська реформа на Україні. – Одеса: Пролетар, 1931. – 128 с.
5. Чернышев И.В. Аграрный вопрос в России (1861-1917 гг.). – Курск: Советская деревня, 1927. – 234 с.
6. Минарик Л.П. Происхождение и состав земельных владений крупнейших помещиков России конца XIX-начала XX вв. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. – М.: Наука, 1965. – С.356-395.
7. Минарик Л.П. Об уровне развития капиталистического землевладения в крупных помещичьих хозяйствах Европейской России конца XIX-начала XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Кишинев: Картя Молдовеняска, 1964. – С. 615-626.
8. Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX вв. – М.: Советская Россия, 1971. – 143 с.
9. Дружинин Н.М. Помещичье хозяйство после реформы 1861 г. // Исторические записки. – Т.89. – М.: Наука, 1972. – С.187-230.
10. Дружинина Е.И. Генезис капитализма на юге и юго-востоке Европейской России // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. – М.: Ин-т истории СССР, 1980. – С.149-171.
11. Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. – М.: Наука, 1985. – 398 с.
12. Егиазарова Н.А. Аграрный кризис конца XIX века в России. – М.: АН СССР, 1959. – 192 с.
13. Карнаухова Е.С. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860-1914). – М.: АН СССР, 1951. – 216 с.

14. Анфимов А.М. Помещичье хозяйство России в годы I мировой войны // Исторические записки. – Т.60. – 1957. – С.124-175.
15. Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX вв.) – М.: Наука, 1969. – 395 с.
16. Иванов Л.М. О капиталистической и отработочной системах в сельском хозяйстве помещиков на Украине в конце XIX в. // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. – М.: АН СССР, 1961. – С. 312-357.
17. Попова Р.С. Помещичье предпринимательство в период кризиса феодально-крепостнических отношений // Актуальные проблемы аграрной истории Украинской ССР. –Днепропетровск: ДГУ, 1981. – С.146-153.
18. Солоп Е.И. К эволюции дворянского землевладения в пореформенный период (Александровский уезд Екатеринославской губернии) // Актуальные проблемы аграрной истории Украинской ССР. – Днепропетровск: ДГУ, 1981. – С. 173-182.
19. Кунцевич Ф.П. Экспорт хлеба за границу и его влияние на развитие зернового хозяйства в Таврической губернии в конце XIX – начале XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Л.: Наука ЛО, 1972. – С. 263-273.
20. Лугова О.І. Сільськогосподарський пролетаріат півдня України в період капіталізму. – К.: Наук.думка, 1965. – 191 с.
21. Рибалка І.К., Турченко Ф.Г. Соціально-класова структура населення України напередодні Жовтневої революції // Український історичний журнал. – 1981. – №11. – С.20-23.
22. Турченко Ф.Г. Великий Октябрь и ликвидация эксплуататорских классов на Украине. – Киев-Одесса: Вища школа, 1987. – 199 с.
23. Анфимов А.М. «Свод по России» как источник для изучения помещичьего хозяйства XX века // Проблемы источниковедения. – Т. VIII. – М.: АН СССР, 1959. – С.31-49.
24. Минарик Л.П. «Статистика землевладения 1905 года» как источник по изучению крупного помещичьего землевладения России в начале XX века // Малоисследованные источники по истории СССР XIX-XX вв. – М.: Наука, 1964. – С.56-73.
25. Елисеева Н.В. Новый источник по истории помещичьего хозяйства европейской России конца XIX – начала XX в. // История СССР. – 1976. – № 5. – С.93-98.
26. Островский М.М. Земская статистика помещичьих хозяйств как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. – Т.Х. – М.-Л.: Наука, 1978. – С.285-296.
27. Пронин В.И. Материалы Дворянского банка как источник изучения помещичьего хозяйства // Бахрушинские чтения. – Вып.2. – Новосибирск, 1971. – С.85-94.
28. Селунская Н.Б. Источники по истории помещичьего хозяйства // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. – М.: Наука, 1979. – С.317-343.
29. Селунская Н.Б. Моделирование социальной структуры помещичьего хозяйства России конца XIX – начала XX в. // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. – М.: Наука, 1975. – С.151-179.
30. Ковальченко И.Д. и др. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. – М.: Наука, 1982. – 264 с.

Надійшла до редакції 05.04.1999 р.

ББК: ТЗ(4УКР)61

ПОЛІТИЧНІ УРОКИ УКРАЇНСЬКОЇ РЕВОЛЮЦІЇ 1917-1920 рр.

Л.О.Крутова

Важливою сторінкою увійшла у вітчизняну історію українська революція 1917-1920 рр. Коли розпалася імперія й відходили в минуле феодальні форми самодержавного правління в Росії, Україна зробила свій вибір на користь відродження власної державності. Ціла низка факторів стали на заваді здійснення цієї мети. Сьогодні, наприкінці ХХ ст., в нових історичних умовах знову розгорнулося будівництво української держави. Дуже важливо критично осмислити наш попередній досвід, не задовольняючись лише високими оцінками революційних подій 1917-1920 рр. в Україні. Щоб уникнути можливого повторення помилок минулого, необхідно визначити внутрішні та зовнішні фактори негативної дії, вказати на прорахунки власних політичних сил. З'ясуванню політичних уроків української революції 1917-1920 рр. і присвячена дана стаття.

На таких крутих поворотах історії, якими стали революційні події 1917 р. в Росії та Україні, конче важливо визначити головну перспективу суспільного розвитку, чітко сформулювати мету, яка могла б об'єднати суспільство. Це здатні зробити національні політичні сили, їх лідери. На 1917 р. в Україні такі політичні сили визріли - УПСР, УСДРП, УПСФ. Вони мали відомих, авторитетних партійних лідерів - М.Грушевського, В.Винниченка, С.Петлюру та ряд інших.

Згуртувавшись у Центральній Раді, вони визначали шлях України - шлях до відродження національної державності. Кінцевий результат залежав від безпосередніх дій цих сил в Україні та зовнішніх обставин, що складалися навколо України.

На заклик Центральної Ради - приступити до розбудови власної державності - гаряче відгукнулася значна частина українського суспільства, що й забезпечило лідерам української революції широку підтримку тоді, навесні 1917 року. Однак українські політичні діячі не змогли об'єктивно оцінити реальний розклад сил в суспільстві. Останнє сприймалося ними у світлі ілюзій. М.Грушевський, зокрема, вважав (навіть у 1918 р.), що національні почуття з'єднали усі верстви - від пана до пролетаря [1].

В дійсності українське суспільство перебувало в стадії глибокого соціального розколу як у місті, так і на селі. Тому визначене лідером Центральної Ради завдання йти до мети - автономії України - «спільно й однодушно» могло схвилювати громадськість на початковому етапі революції, коли соціальні проблеми ще не набули такої гостроти, як це сталося пізніше. «Не повинні споритися тепер про те, в чім вони (селяни, робітники, пани - авт.) різняться в справі земельній чи іншій, тільки мати перед очима ту спільну політичну справу, яка їх об'єднує, - спільну нашу мету» [2].

Окрім того, українські політичні лідери майже (або зовсім) не враховували своєрідність історичного розвитку основних регіонів України, що визначала особливості не лише їх економічних характеристик, а й культурного життя, національного складу та менталітету населення Лівобережної, Правобережної, Західної та Південної України. Найвиразніше це виявилось в нереалізованому об'єднанні Української Народної Республіки та Західно-Української Народної Республіки.

Відсутність тверезої оцінки глибини соціально-класового розколу суспільства, розуміння важливості врахування співвідношення національного, соціального та

регіонального факторів призвели до недооцінки нагальної потреби розв'язання соціальних проблем в українській революції.

Як лідер не лише Центральної Ради, а й партії українських есерів, яка знаходила широку підтримку насамперед в українському селі, М. Грушевський не раз демонстрував прагнення полегшити важке життя трудового люду. Це зафіксував і третій Універсал. Однак розв'язання соціальних проблем після проголошення УНР відкладалося на другий план і в програмах, і в реальних діях. «Треба насамперед укріпити свободу, здобути волю Україні, її автономію, а тоді трудящий народ буде хазяїном на Україні і упорядкує земельну справу на Українській землі так, аби було для нього найкраще...», – підкреслював М.Грушевський [3].

Та трудящі маси вже не бажали чекати кращих часів; їх нетерпіння виливалося хвилею селянських повстань і робітничих страйків у листопаді - грудні 1917 р., втратою довіри до нової влади. Цю довіру так і не вдалося повернути ні четвертим Універсалом, ні оголошеною навесні 1918 р. аграрною реформою. Час був згаяний. Неспроможність кожного наступного українського уряду розв'язати найпекучішу аграрну проблему, яка зачіпала інтереси абсолютної більшості населення, поглиблювала недовіру до урядового Центру, штовхала селянство у бік політичних противників (від більшовиків до денікінців) і врешті-решт стала головною причиною великого селянського повстанського руху в Україні. Тільки запровадження більшовиками нової економічної політики збило цю могутню хвилю селянського гніву.

Збагнути необхідність розв'язання соціальних проблем водночас з вирішенням проблеми національного відродження не змогли ні лідери Центральної Ради, ні Директорія. П.Скоропадський, який шукав шляхів до соціального компромісу, теж не зміг задовольнити інтереси ні верхівки, ні низів українського суспільства. Занадто глибокою була прірва між ними.

Виявляючи гаряче бажання й високу дієвість у справі розбудови національної держави, лідери українських політичних сил не мали, на жаль, чіткого уявлення (а відтак і чіткої програми дій) щодо її майбутнього державного устрою. Ще більшого значення набуває цей фактор, якщо брати до уваги, що на тому зламі епох перед Україною, по суті, розкривалися перспективи як унітарної, так і федеративної держави. Законодавство й реальні кроки національних урядів та лідерів українських державних утворень того часу дають підстави для висновку про недооцінку вагомості розв'язання (або хоча б підготовки) даної проблеми.

Натомість центр ваги в державному будівництві лідери українських політичних сил перенесли у площину проблеми взаємин України й Росії (автономний статус України у федеративній Росії чи самостійна національна держава). Відтак не лише зведена будова української державності виявилася нетривкою. «Ахілесовою п'ятою» Української Народної Республіки Центральної Ради й Директорії було питання про дієздатність місцевих органів влади й управління, їх зв'язок з центральними. В тих державних утвореннях, де це питання було більш-менш розв'язане – Українській Державі П.Скоропадського, ЗУНР, – там ефективніше працювали владні структури, там результативніше розвивався і процес державотворення в цілому. Відсутність чітко функціонуючої вертикалі влади - одна з причин краху української держави.

Здійснювати розбудову національної держави без врахування культурних (у широкому розумінні) потреб національних меншин в умовах досить високої активності капіталу, власниками якого були і представники останніх, справа нереальна. Це добре усвідомлювали ті, хто закладав підвалини української державності. В таких працях М.Грушевського, як «Вільна Україна», «Якої ми хочемо автономії і федерації»,

підкреслювалася нагальна потреба успішного розв'язання даного питання, висловлювалася впевненість, що «Право національних меншостей буде забезпечене!» [4], що вони зможуть користуватися своєю рідною мовою в державних органах, що їх діти одержать право на здобуття освіти рідною мовою, будуть мати право на утворення власних релігійних та культурних товариств і навіть на їх фінансову підтримку з боку держави. Щоправда, запропонований механізм реалізації цих проблем національних меншин не був досконалим. І все-таки прагнення розв'язати таке важливе й непросте питання цивілізовано, рішуче засуджуючи будь-які прояви «українського шовінізму, виключності, нетолеранції супроти інших народностей» [5] заслуговує високої оцінки і поваги.

Законодавство того часу засвідчує різні підходи українських урядів до розв'язання болючої мовної проблеми. Закон ЗУНР, затверджений 15 лютого 1919 р., надавав українській мові статус державної. Водночас національні меншини зберігали право користуватися рідною мовою в державних установах, їм гарантувалося право на збереження й розвиток національних мов в культурній сфері [6]. В Українській Народній Республіці українська мова теж набула статусу державної мови (березень 1918 р.) [7], третій Універсал давав підстави для надій на забезпечення права національних меншин користуватися рідною мовою в державних установах [8]. Та законодавчого акту, який би гарантував збереження національних мов «некорінного» населення України, не з'явилося. Українізація закладів культури, як зазначав у своїх спогадах П.Скоропадський, провадилася «наспіх і такими заходами, які тільки одштовхнули од української ідеї культурні верстви краю замість того, щоб притягати їх» [9]. За відмову впровадження державної мови у банківській та торговельній сферах (закон від 24 березня 1918 р.) загрожувало покарання у вигляді штрафу – від 1 до 3 тис руб. або тюремне ув'язнення строком від 2 до 3 місяців. Усі вивіски та написи в населених пунктах слід було оформити українською мовою. Винуватців у невиконанні даного розпорядження передбачалося усувати з посад і віддавати під суд [10].

Інші підходи до розв'язання мовної проблеми запропонував «З'їзд народів», що відбувся у Києві ще 21-28 вересня 1917 р. під егідою Центральної Ради. Резолюція з'їзду зафіксувала прагнення делегатів – латишів, литовців, татар, грузинів, молдаван та ін. зберегти російську мову як мову міжнаціонального спілкування, скасувавши будь-які привілеї для неї в галузі шкільної освіти, церковного життя та судочинства. Усі інші мови мали одержати рівні права з російською [11]. Однак такій пропозиції не судилося стати реальністю.

Уряд Української Держави П.Скоропадського підходив до даної проблеми виважено, враховуючи існуючий склад населення України, реальний стан готовності до переходу на українську мову кваліфікованих кадрів різних рівнів та профілів. Разом з тим тверезо оцінювались і фінансові можливості держави. А тому запровадження української мови в містах здійснювалося поступово, «дуже обережно й тактовно», аби виключити «незадоволення... з боку широких кругів міського населення», не допустити «непотрібного, ускладнюючого життя молоді держави Kulturkampf'u» [12]. І пошук компромісу був немарний. Усі дослідники української історії того часу звертали увагу на особливості відродження національної культури в Українській Державі 1918 року.

Становлення держави, утвердження її в очах співвітчизників та світової громадськості у значній мірі визначаються й ефективністю взаємодії молодого державного утворення з сусідніми державами. Тогочасний розклад сил на політичній карті Європи не був сприятливим для успішного процесу державотворення на українських землях. Безпосередні сусіди України - Німеччина, Австро-Угорщина, Румунія та Росія – не були зацікавлені в існуванні української держави. У власних інтересах вони використовували

ли то одні, то інші політичні сили України, що лише поглиблювало політичний, соціальний, національний розкол українського суспільства і аж ніяк не сприяло єднанню нації, а отже і зміцненню національної державності. Один з важливих політичних уроків української революції полягає в усвідомленні безперспективності розв'язання внутрішніх проблем (зокрема й проблеми державотворення) з використанням збройних сил інших держав, оскільки останні нав'язуватимуть власні «правила гри», що негативно позначиться на суверенітеті української держави.

Узагальнюючи політичний досвід 1917-1920 рр., слід звернути увагу ще на один висновок. Українській політичній культурній еліті довелося тоді робити вибір між загальнолюдськими цінностями та правом нації на самовизначення. В умовах розвитку революційних подій вибір був зроблений на користь останнього. Історичний досвід довів, що в умовах активного розвитку економічних, політичних й духовних контактів між різними державами і народами будь-яка недооцінка значимості прав людини не сприятиме утвердженню такої нації, успішному розв'язанню її власних проблем. Шлях до цієї мети пролягає через пошук злагоди в самому суспільстві, а вона може стати реальністю лише у процесі наполегливого, довготривалого виховання толерантності як у ставленні окремих членів суспільства, так і у взаєминах різних політичних, громадських утворень як на місцевому, регіональному, так і на центральному рівні державного керівництва. Інакше ще раз доведеться задовольнитися давно відомою тезою про те, що історія навчає тому, що нічому не навчає.

РЕЗЮМЕ

Опыт украинской революции 1917-1920 гг. свидетельствует, что залог успеха революционных преобразований общества – в поиске социально-экономического и национального компромисса, во взвешенном подходе к определению нового государственного устройства, выработке действующего механизма и трезвом расчете на собственные силы и возможности.

SUMMARY

The experience of Ukrainian revolution (1917-1920) leers witness that the pledge of success of revolutions transformation of society is in the search for social, economic and national compromise, in a careful approach to define a new arrangement of state, in working out active mechanism of power and in sober calculation for and strength and abilities.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Грушевський М. Звідки пішло українство і до чого воно йде // Політологія. Кінець ХІХ – перша половина ХХ ст.: Хрестоматія / за ред. О.Ш.Семкіна. – Львів: Світ, 1996. – С.200.
2. Грушевський М. Хто такі українці і чого вони хочуть. – К.: Т-во «Знання» України, 1991. – С.120.
3. Там само. – С.119.
4. Там само. – С.103-105, 126.
5. Там само. – С.105.
6. Кульчицький В.С., Настюк М.І., Тищик Б.Й. Історія держави і права України. – Львів: Світ, 1996. – С.184.
7. Розовик Д.Ф. Центральна Рада й українська культура // Український історичний журнал. – 1993. – № 2-3. – С.25.

8. Українська Центральна Рада: У 2 т. – Т.І. – К.: Наукова думка, 1996. – С.401.
9. Скоропадський П.Спомини. – К.: Україна, 1992. – С.77.
10. Українська Центральна Рада. – Т.2. – К.: Наукова думка, 1997. – С.421, 229.
11. Яневський Д.Б. Українська Центральна Рада: перші кроки до новітньої національної державності (березень-листопад 1917 р.) // Минуле України: відновлені сторінки. – К.: Наукова думка, 1991. – С.21.
12. Дорошенко Дм. Історія України. 1917–1923. – Т.ІІ. Українська Гетьманська Держава 1918 р. – Ужгород, 1930; Нью-Йорк, 1954. – С.338-339.

Надійшла до редакції 15.05.99 р.

ББК Т 3 (4Укр.) 61-3

ЗЕМЕЛЬНІ ГРОМАДИ І СІЛЬРАДИ ПІВДЕННОЇ УКРАЇНИ У 20-ті РОКИ: ВЛАДА НЕОФІЦІЙНА І ОФІЦІЙНА

П.В.Добров, І.М.Кривко

Протягом 1917-1920 рр. Південна Україна зазнала значних змін політичної влади. У такому virі політичних, соціальних та економічних трансформацій, мабуть, єдиним органом саморегуляції селян, що зміг зберегти свій авторитет серед селян, були земельні громади. Ці угруповання в українському селі мали давні історичні корені; вони були невід'ємною частиною щоденного життя кожного українського села, хоча сам термін «земельна громада» в дореволюційному законодавстві не фігурував. На Півдні громади з'явилися, напевно, ще в козацьку добу внаслідок колонізації її вихідцями з центральних районів України.

Вперше термін «громада» в радянському законодавстві з'явився в «Положенні про соціалістичний землеустрій і перехідні заходи до соціалістичного землеробства» та в Інструкції по застосуванню цього Положення [1]. Під земельною громадою вважалося об'єднання землекористувачів з метою спільного користування землею. Остаточно цей термін був введений Земельним кодексом УСРР 1922 р. [2]. У Кодексі засади функціонування земгромад були викладені найбільш повно.

У проміжок часу від виходу «Положення про соціалістичний землеустрій» (1919 р.) до моменту прийняття Земельного кодексу (1922 р.) радянська адміністративна система намагалася інтегрувати в структуру управління старі громади. Ці громади в Кодексі називалися «існуючими».

Більшовицьке керівництво легалізувало старі громади і погоджувалося рахуватися з певними інтересами громад в обмін на те, що цей традиційний соціальний інститут буде виконувати фіскальні функції. Нова влада легалізувала одночасно як земельну, так і сільську громади. Цим кроком наперед було запрограмовано змішання сфер їх компетенції, взаємне втручання в справи радянських органів управління.

В основу функціонування земельної громади керівництво радянської держави поклало не принцип об'єднання селян-землекористувачів, а принцип об'єднання землі. Тобто селянин міг одночасно бути членом кількох земгромад, якщо його земельні наділи були розкидані по цих громадах. Землекористування вже існуючих на момент виходу Кодексу громад визначалося дореволюційними актами поземельного устрою або законами радянської влади першого пореволюційного часу. Старі громади функціонували без статуту, вони розв'язували питання своєї життєдіяльності приговорами.

Кількість «існуючих» земельних громад на Півдні України на момент прийняття Кодексу не перевищувала 5 тисяч.

З 1922 р. розпочався новий етап у співіснуванні державних структур і селянських форм самоорганізації. Після видання Земельного кодексу жорстко впроваджувалося правило, за яким селянин-господар мав право на користування землею тільки за умови перебування у складі земгромади. Отже, з цього часу земельні громади охоплювали абсолютно всі населені пункти. Там, де громади вже існували, їх документація переоформлювалася, а там, де громад не було, вони створювалися заново, із заданими параметрами.

Процес створення земгромад розтягнувся на кілька років і відбувався напівсамодіяльно. І тільки в 1924 р. ситуація докорінно змінилася. Державні і партійні структури почали активно втручатися в процес організації земгромад, що було пов'язано зі зміною в політичному курсі держави щодо села. В цілому процес охоплення українського селянства громадами закінчився в 1928 р. У 1928 р. по Степу їх нараховувалося 8997 (по Україні – 31822) [3].

На певному етапі свого існування громади вступили в суперництво з владою в особі сільських рад. Одна сільрада об'єднувала кілька громад. Територія, на яку поширювалася діяльність сільради, була більшою за територію, що займала земгромада, не тільки через невеликі розміри останньої. Сільські ради перейняли від дореволюційних сільських громад функції адміністративних органів. А сільські громади включали в себе від однієї до десяти, а можливо, і більше земельних громад. Наприклад, Сичавська сільрада Комінтернівського району Одеського округу контролювала 5 земельних громад, кожна з яких являла собою окремий населений пункт [4]. За даними фінансового обстеження 1928 р., з 340 обстежених степових земгромад 302 цілком входили до складу однієї сільради [5]; решта 38 громад територіально були поділені між сусідніми сільськими радами, тобто ці громади розташовувалися на території двох і більше сільрад. Включення всієї території громади до території однієї сільради було зручним приводом для органів радянської влади не займатися повсякденними справами громади, перекладаючи на земгромаду вирішення майже усіх питань життєдіяльності села [6].

Протистояння між громадами і радами було в усіх напрямках. Перш за все мало місце суперництво земельного сходу як органу управління земгромади і сходу сільради (сходу виборців). Існування на селі двох сходів не сприймалося самими селянами. Вони розглядали сход виборців як порушення традицій і всерйоз ставилися тільки до звичного їм земельного сходу. Членство в земгромаді залежало від волевиявлення самої громади, і на нього не впливала наявність у особи виборчих прав, бо земельна громада була не політичною, а становою організацією, тобто об'єднувала людей певної соціальної групи (землеробське населення села). Ця соціальна група мала певні права, наприклад, користуватися землею, та обов'язки (сплачувати продподаток), а також відрізнялася від інших груп специфічним світобаченням та нормами поведінки. На відміну від земельного сходу, збори виборців села включали в себе і не землеробське населення, яке не було членом земгромади. Працівники райвиконкомів, які в 1928 р. займалися обстеженням земгромад, підкреслювали, що земельні сходи за своїм характером наближаються до дореволюційних сільських сходів, котрі були органами управління сільської громади; земельні громади в цілому являли собою міцно згуртовані організації, які нічим не відрізнялися від старих сільських громад [7].

До компетенції земельних сходів входило таке коло питань: складання статуту земгромади та внесення до нього доповнень і змін, обрання уповноважених, розподіл обов'язків між ними, встановлення порядку контролю над уповноваженими, поділ громади у випадку добровільної угоди, прийняття до складу громади нових безземель-

них членів і дозвіл на вихід із громади з землею, виділення наділів до одного місця, встановлення та зміни порядку користування різними угіддями земгромади, проведення землевпорядкування, перехід до інших форм землекористування, розподіл землі між частинами земгромади, проведення земельних переділів та розверсток, введення громадської сівозміни, громадського випасу худоби, розпорядження угіддями спільного користування та вільними земельними ділянками, нагляд за дотриманням орендних угод, порушення позовів про позбавлення землекористування осіб, що вели хижачке господарство, користування виморочними землями. Наприклад, Балабинська земгромада Запорізького округу протягом лютого-липня 1928 р. на земельних зборах обговорювала такі питання: доповідь уповноваженого про подвірну земельну реєстрацію, прийняття земгромадою статуту; доповідь уповноваженого Іваненка про стан землі, відібраної у судовому порядку у членів четвертої групи артілі «Нова Сім'я» та у І.П.Петренка; вибори збирачів надходжень по самооподаткуванню; про самовільне захоплення землі І.В.Крохмалем і О.Д.Петренком; доповідь уповноваженого про районну нараду; вибори до комісії з організації певною групою господарів самостійної земгромади; встановлення суми самооподаткування; про купівлю бугая для громадської череди; про посівну кампанію; про найм чередників; про потрапу у Мокрянських плавнях трави худобою мешканців с. Балабино; про порушення встановленого порядку випасу худоби; заява артілі інвалідів з проханням виділити землю за селом для виготовлення цегли та ін. [8].

Сход землекористувачів поглинув збори виборців сільради. Як свідчить аналіз документів, на земельних сходах і на сільських сходах (зібраннях виборців) обговорювалися абсолютно ідентичні питання [9]. Кількість питань, які розглядалися земельним сходом, інколи втричі перевищувала кількість питань, що розглядалися на засіданнях сільради. Місцеві радянські працівники нарікали, що неможливо провести підрахунок присутніх на зборах повноправних членів. Як правило, на сході було присутньо 35–40% членів земгромади. Усі питання вирішувалися простою більшістю голосів. Сход тривав 5–6 годин, і в обговоренні та голосуванні брали участь лише ті, хто був зацікавлений у вирішенні питання, котре розглядалося сходом [10]. Земельні сходи скликалися щотижня, а засідання сільради – раз на місяць. Кожна постанова сходу заносилася до протоколу (приговору), де зазначався час та місце його складання, кількість присутніх, кількість згодних та незгодних з постановою. Протокол підписувався головою правління земгромади, секретарем зборів, усіма присутніми. В обов'язковому порядку він реєструвався у райвиконкомі. Після прийняття у 1927 р. поправок до Земельного кодексу реєстрація протоколів покладалася на сільраду.

Постанови земельних сходів виконувалися безпосередньо самою сільрадою або ж в особі членів та уповноважених сільради. Рідше земгромади обирали спеціальних осіб чи комісії. Коли земгромада приймала постанови, що виходили за межі її компетенції, то виконання цих постанов сільрадою перетворювало раду на додаток земгромади. Коли ж за чинним законодавством непридатні громадам постанови земельних сходів доручали виконувати уповноваженим земгромади, сільрада взагалі усувалася від виконання владних функцій, підмінялася земгромадою [11]. Уповноважені громад брали участь в засіданнях сільради [12]. Для посилення нагляду за земгромадами їх уповноваженими примусово обиралися голови сільрад [13].

Сільрада та її ревізійна комісія звітували про свою діяльність на зборах земгромади [14], виконували постанови земгромади та вносила на затвердження громадою деяких своїх постанов [15].

Найчастіше зіштовхувалися повноваження сільрад та земгромад при розгляді питань землекористування. Наприклад, у звіті Запорізького окрвиконкому (жовтень

1925 р.) зауважувалося, що члени земельних комісій сільрад не були знайомі з існуючим земельним законодавством, а це призводило до того, що земельні комісії розглядали питання, що знаходилися в компетенції земельних громад. Або ж проведення земельних сходів доручалося земельним комісіям [16].

Особливо гостро виявилися протиріччя між двома інститутами влади на селі під час хлібозаготівельної кризи 1927/28 р., коли виборні органи земельної громади протидіяли воєннокомуністичним засобам вилучення хліба у селян. За повідомленнями секретаря Запорізького окружного парткомітету, в окрузі навесні 1928 р. навіть відбулися виступи протесту. У с. Кам'янка в демонстрації взяло участь 800 чоловік, вони висунули гасло: «Даєш царя та вільну торгівлю!». У с. Водяному демонстрація відбулася під гаслом «Бий комуністів!» [17].

Компартійна бюрократія змушена була визнати, що в селі виник своєрідний «актив» в особі ходоків, уповноважених, землемірів, що був вихований та організований на основі роботи в земгромаді. Цей «актив» заробив собі авторитет на вирішенні земельних та судових справ, він користувався повагою усіх прошарків сільського населення, за «активом» земгромади селяни йшли не тільки при розгляді земельних справ, але й з інших приводів. Фактично, керівництво громади перебирало на себе функції місцевої профспілки, комітету взаємодопомоги та судово-земельної комісії [18].

Отже, громада замінювала собою низку радянських управлінських органів та громадських організацій. Комуністам варто було б не розшаровувати громади через зазначені структури за соціальною ознакою, а навпаки, використати земгромаду для економічного і соціального розвитку села.

Сільрада не була юридичною особою, а значить, не мала власних фінансів. Усі кошти від місцевої промисловості, комунального господарства, навіть прибутки від базарних зборів сільрада передавала райвиконкому. Сільради не мали своїх бюджетів, лише складали прибутково-видаткові кошториси, які включалися до районного бюджету. Не маючи власного бюджету, сільрада перебувала в повній фінансовій залежності від земгромади, не могла впливати на неї.

Прибутково-видаткові кошториси сільрад були введені з 1 жовтня 1925 р. на підставі закону ВУЦВК та РНК УСРР від 5 липня 1925 р. [19]. Вони не були самостійними сільськими бюджетами, законодавство розглядало їх як перехідний шабель до справжніх бюджетів сільрад. Вони повинні були виявити нові джерела прибутків, надати сільрадам право нагляду за прибутками підприємств та установ, що перебували на їх території. Тобто, вже з 1925 р. сільради отримали можливість реального контролю над джерелами прибутків земгромад.

Кошториси сільрад не були введені в Сталінському та Старобільському округах. Парадоксально, що найбільші за обсягом кошториси сільрад були зосереджені в дефіцитних округах, за винятком Артемівського округу: тут середній кошторис сільради становив 13210 крб. Найслабкіші ж кошториси були у двох економічно потужних округах – Миколаївському та Херсонському. В останньому середній кошторис сільради складав 132 крб. Така невідповідність між загальним економічним станом округів та розмірами кошторисів сільрад пояснювалася тим, що ці кошториси складалися не самими сільрадами, а райвиконкомами та окружними фінансовими відділами, і місцева специфіка не враховувалася [20].

Для задоволення своїх адміністративних та громадських потреб сільрада повинна була звертатися за допомогою до земгромади. Через останню сільрада провадила самооподаткування членів громади, рішення про самооподаткування приймалося на зборах виборців, які по суті були земельними зборами. Так, в Шевченківській сільраді Томаківського району

Запорізького округу земельна громада на початку 1926 р. виділила сільраді для проведення благоустрою села 730 крб. До липня сільрада отримала 135 крб., і ще 35 крб. уповноважений земгромади видав різним сільським організаціям на господарські потреби, 240 крб. до сільради не дійшло [21]. У даному випадку і земельна громада, і сільська рада знімали з себе відповідальність за проведення благоустрою села.

Період толерантного ставлення законодавства до земгромад продовжувався до 1927 р. Розвиток сільського господарства на засадах непу давав позитивні результати не лише в економіці, а й в соціальних відносинах. Земельні громади набули сили й більшого авторитету, ніж органи державної влади – сільради. Владні структури більше не могли терпіти співіснування на селі цих двох форм селянського самоуправління – реальної і номінальної.

Вирішальний поворот у поглядах на земгромади відбувся на X Всеукраїнському з'їзді Рад (квітень 1927 р.). У своєму виступі на з'їзді народний комісар землеробства О.Шліхтер поставив питання про передачу функцій земельних громад сільським радам, про перехід громад «з рейок земельно-розподільчих завдань на рейки земельно-виробничих завдань», що фактично означало обмеження кола діяльності громад [22], бо до цього моменту за чинним законодавством ради повинні були провадити лише загальний нагляд за виконанням громадами розпоряджень владних органів та призначати уповноважених [23]. У постанові з'їзду по доповіді Голови ВУЦВК Г.І.Петровського було вказано на необхідність перегляду обсягу прав та обов'язків сільських рад у напрямку розширення їхніх адміністративно-господарських повноважень.

В 1927 р. владні структури прибирають до рук сільради, до яких в основному входили середняки. Виникає гостре протистояння земгромад і рад. Щоб уникнути його, владі треба було позбавити права голосу в громадах осіб, що були вже позбавлені виборчих прав у радах. Цей крок якраз і пояснювався тим, що в громадах авторитетом користувалися «куркулі», сходами керували їх уповноважені [24]. Все скінчилося тим, що Особлива колегія вищого контролю за земельними спорами визнала, що особи, позбавлені виборчих прав, не можуть бути уповноваженими громад у земельних справах, головувати чи бути секретарями на зборах. Це було зроблено для усунення конкуренції з боку найбільш впливової частини села, для розчищення шляху до керівництва громадами з боку самих сільрад.

Юридичне підпорядкування земгромад сільрадами розпочалося з «Положення про сільські ради» (12 жовтня 1927 р.). Також були внесені зміни до Земельного кодексу: членами земельної громади вважалися не лише власне селяни, але й наймити, кустарі-ремісники, члени колективів, пов'язані з земгромадою. Правом ухвального голосу на загальних зборах земельної громади користувалися лише особи, що мали виборчі права. Сход вважався законним, якщо на ньому було присутньо не менше четвертої частини усіх повноправних членів громади (ст. 62).

Чергове розширення складу сходу за рахунок введення неземлеробського населення збільшувало соціальну базу радянської влади на селі, готувало підґрунтя для проведення колективізації. Загальні збори могли тепер збиратися лише з відома сільради.

Повністю новим у Земельному кодексі 1927 р. був розділ IV – «Про нагляд за діяльністю земельної громади». Контроль за земгромадами майже повністю покладался на сільські ради. Тепер виключно сільради затверджували та реєстрували постанови загальних зборів про питання землекористування (у Земельному кодексі 1922 р. цей обов'язок покладался на райвиконкоми). Крім того, сільради отримали право «цікавитися» постановами загальних зборів та правління з інших питань (ст. 63).

До компетенції сільрад з вирішення земельних спорів були віднесені: спори, що виникали з приводу землекористування окремих дворів, з приводу дотримання умов земельних орендних угод; спори, які виникали під час розподілу господарства та майна у разі розділу двору; спори про розміри грошової чи натуральної компенсації членам двору, що виділяються з господарства, яке визнане сільрадою неподільним; спори про поновлення порушеного землекористування окремих дворів (ст. 25). Усі ці конфлікти повинні були розглядатися на засіданні президії сільради або на пленарному засіданні.

В 1928 р. нагляд сільрад за земгромадами ще більше посилювався. 17 липня 1928 р. була затверджена Інструкція про побіжну земельну реєстрацію [25]. Цим документом до компетенції сільрад передавалися реєстрація орендних договорів, розділ дворів, злиття дворів, обмін земельними ділянками, перенесень будівель, оголошення недробимості дворів, опіки, судових вироків по землекористуванню та складу дворів.

За цією ж Інструкцією практично усі постанови громади з земельних питань підлягали затвердженню сільрадою або реєстрацію нею, без чого постанова не вважалася законною. Лише вирішення питання про порядок землекористування поки що залишалося за земгромадою.

Влада розуміла, що встановити контроль над громадами неможливо без створення матеріальної бази сільрад. А для цього треба було передати до сільського бюджету (бюджету сільрад) прибутки, які громада отримувала від громадських земель, угідь та підприємств. Цей крок повинен був підірвати матеріальну залежність сільрад від земельних громад. А надалі планувалася ціла низка заходів по підпорядкуванню громад. Газета «Беднота» від 14 січня 1928 р. писала: «Сільраді треба в законодавчому порядку надати право керівництва справами земельної громади через земельні секції. Земгромада повинна бути підпорядкована сільраді». Закон 1928 р. про самооподаткування також мало впливав на обмеження матеріального добробуту громад, бо не виключав можливості для земгромад проводити власне, незалежне від сільради, самооподаткування.

До рук сільрад перейшло розпорядження коштами самообкладання, що збиралися земельними громадами для місцевих господарських та соціальних потреб («Положення про самообкладання людної на задоволення її громадських потреб» від 2 січня 1928 р. [26]). Ініціатива щодо проведення самооподаткування повинна була виходити від сільради, а проводитися – за постановою загальних зборів, на яких повинні були бути присутніми 1/2 частина членів земгромади, що мали виборчі права. Тобто влада все ж таки намагалася заручитися підтримкою станової селянської організації.

Закон 1928 р. про самооподаткування також мало впливав на обмеження матеріального добробуту громад, бо не виключав можливості для земгромад проводити власне, незалежне від сільради, самооподаткування.

Земельна громада вже стояла на заваді прагненням тоталітарної системи «комунізувати» село. На основі резолюції XV з'їзду ВКП(б) «Про роботу на селі» були розроблені і 15 грудня 1928 р. прийняті ЦВК СРСР «Загальні засади землекористування і землеустрою». Цим документом максимально запроваджувався класовий принцип при регулюванні землекористування, створювалися пільгові умови для розвитку колгоспів. Бідняки і середняки отримали право на кращі і зручніше розміщені ділянки. Заможні селяни були позбавлені права вирішального голосу на зборах громади і не могли обиратися до її керівництва. Сільрада отримала право скасовувати рішення земельного сходу.

«Класовий принцип», спрямований на підпорядкування та ліквідацію земгромад, застосовувався і в сфері господарської діяльності громад. За постановою ЦК ВКП(б) від 26 серпня 1929 р. «Про основні принципи й чергові завдання в галузі контрактиції

зернових посівів» рішення бідняцько-середняцької більшості земгромади було обов'язковим для всіх членів при складанні контракційного договору.

З 1928 р. починається ліквідація хутірських земгромад. Цей процес відбувався за таким сценарієм: землі середняцьких хутірських господарств включали в громадські сівозміни сусідніх земельних громад, а їх садиби переносили до населених пунктів. Землі «куркульських» хутірських господарств включали в громадську сівозміну найближчих земгромад з бідняцько-середняцьким складом, садиби цих «куркульських» господарств в обов'язковому порядку переносили до сіл цих громад. Відрубні господарства також включали до громадських сівозмін. Бідняцькі хутори та відруби включали до складу колективів [27]. У Первомайському окрузі на перенесення 32 дворів із шести хуторів було потрібно 32 тис. крб. [28]. Компенсацію матеріальних витрат селянам за технічні вдосконалення не надавали.

Звичайно, хуторяни не виявляли ентузіазму в переселенні, і ця обставина була постійною темою у звітах земельних органів про реорганізацію земгромад. Замість хуторів утворювалися висілки із громадськими сівозмінами. Щоб посіяти у селян відразу до індивідуального господарювання, влада дозволяла відведення хуторів та відрубів. Але відводили їх на непридатних землях: в урочищах, на крутоярах, пісках [29].

Підпорядкування земельних громад сільрадам провадилося і за умов посилення контролю за перевиборами органів управління громад. За інструктивними матеріалами Наркомзему початку 1930 р., ради разом з активом земгромад мали складати списки кандидатів до правління громади, тим самим забезпечуючи участь у ньому своїх представників і проводячи «класовий принцип». Громади, що мали менше 30 дворів і 120 га, об'єднувалися й обирали спільні органи управління. На сільради покладалося затвердження складу органів управління земгромад. Взагалі, сільради очолили всю роботу по перевиборах правлінь земгромад. Сільради почали скликати загальні збори земгромад. Законними вважалися збори, в яких брало участь 1/3 частина всіх повноправних членів земельної громади, враховуючи наймитів. Подвірні книги й тепер заповнювалися чи перевірялися при участі одного з членів сільради та представниками від різних громадських організацій села [30].

З початком суцільної колективізації влада вирішує зовсім скасувати земельні громади. 3 лютого 1930 р. на підставі постанови президії ЦВК СРСР «Основні положення про організацію сільських рад в СРСР» в районах суцільної колективізації земельні громади підлягали ліквідації, а їх права і обов'язки передавалися сільським радам.

В Україні 15 лютого 1930 р. ВУЦВК та РНК видали постанову «Про порядок розв'язання земельних спорів», за якою до компетенції сільрад відходило вирішення усіх земельних спорів про землекористування індивідуальних господарств, а тому усі судово-земельні установи підлягали ліквідації, крім того, скасувався розділ Земельного кодексу УСРР «Про нагляд за діяльністю земельних громад» [31]. Його замінили «Основи землекористування та соціалістичної організації сільського господарства УСРР».

Ліквідаційний процес закінчився прийняттям постанови ВУЦВК та РНК від 25 лютого 1930 р. «Про скасування земельних громад у районах суцільної колективізації, а також у селах, де більшість бідняцько-середняцького складу людності охоплено виробничою сільськогосподарською кооперацією» [32].

Ліквідація громад провадилася зверху, урядовими структурами. Процедура ліквідації відбувалася за таким сценарієм: член сільради разом з представником від партійного осередку, КНС, наймитів заповнював та перевіряв подвірні списки та книги. Рада вирішувала питання щодо зменшення землекористування для куркульських господарств, займалася ліквідацією майна і справ громади. Для цього член сільради викликав

правління земельної громади, її уповноважених, представників сільськогосподарських кооперативних об'єднань, КНС, актив села, оголошував рішення ради про ліквідацію громади і приступав до прийому її майна. Майно, гроші, справи земгромади передавалися сільраді. Якщо в селі був колгосп, майно земгромади передавалося йому [33]. Тепер тільки сільська рада розв'язувала усі питання індивідуальних господарств, які ще залишилися.

Земельні громади були природними, традиційними селянськими організаціями. Під впливом післяреволюційного законодавства та радянської дійсності вони набули рис напівдержавної представницької селянської організації. Стати державними організаціями їм не дозволяли, оскільки земельні громади не визнавали «класового принципу» при вирішенні своїх справ. Членами громад було все землеробське населення села. Саме ця безкласовість земгромад, заперечення ними існування класової боротьби, а також їх фінансова самостійність і зміни в урядовій політиці наприкінці 20-х років призвели до ліквідації цього соціального інституту.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются проблемы соотношения и реализации полномочий земельных общин и сельсоветов Южной Украины, степень их влияния в украинском селе 20-х лет. Определенные этапы сосуществования двух органов властей, представлена характеристика взаимоотношений между земобщинами и сельсоветами на каждом этапе. Рассмотренные сферы сечения полномочий земобщин и сельсоветов: объем прав и компетенция земельных общин и сборов избирателей сельсоветов, установленная идентичность вопросов, которые рассматривались на обоих созывах; регулирование поземельных отношений; возможности доступа к пользованию финансами села. Исследован процесс ликвидации земобщин путем постепенной передачи их функций сельсоветам: расширение полномочий сельсоветов, отнесение к сфере их компетенции решения земельных споров, создание самостоятельного сельского бюджета. Анализируется механизм ликвидационного процесса земельных общин, устанавливается мера участия в этом процессе сельских советов. Показанные причины ликвидации земельных общин, которые были связаны с началом сплошной коллективизации. Исследованная законодательная основа ликвидационного процесса. Определено место земобщин в системе властей на селе: показано, что они были полуофициальными представительскими крестьянскими организациями.

SUMMARY

This article is dedicated to the problems of relations between the land communes and rural councils, execution of power by them as well as to their significance for life of the Ukrainian village in the 1920s. The periods of the mentioned institutions' coexistence have been defined by the author altogether with an exhaustive characteristics, give the relations between the land communes and rural councils, the list of these rights responsible lilies, the identity of the questions, raised by the both confereenees; among the latter – the regulation of the land fund questions, the possibility of village finance usage. The authors managed to reveal the mechanics of the land communes' disbandment process, which was carried on by step by step delegation of the lather's responsibilities under the rural council's jurisdiction. According to the research results the rural councils accoutered the additional rights such as their decisive also role in settling the arguments around the land fund usage, the permission to the rural community to have and to execute the budget of its own. The article investigates the mechanics and the reasons of the land communes' disbandment, clarifies the role of the rural councils in the mentioned process. According to the authors the disbandment of the communes was closely con-

nected to the beginning of a large scale collectivization, which particularly can be traced via the legal acts of that time/

It has been summed up by author that the disbanded land communes were the most effective representative bodies in the rural.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Центральний державний архів вищих органів влади і управління України. – Ф.27, оп.1, спр.129, арк.36-47; Державний архів Миколаївської області. – Ф.Р-1-3, оп.1, спр.135, арк.25-41.
2. Земельний Кодекс УСРР. – Харків: Видавн. відділ Наркомзему, 1923.
3. Статистика України. – №157. Т. V. Серія УІ. Статистика фінансів. Вип.5: Низові бюджети України 1926-27 рр. – Харків: ЦСУ УСРР, 1929. – С.11.
4. Державний архів Херсонської області. – Ф.Р-1191, оп.1, спр.132а, арк.10, 34.
5. Статистика України. – С.40.
6. Державний архів Запорізької області. – Ф.Р-1, оп.1, спр.110, арк.77.
7. Устинов М. О взаимоотношениях сельсоветов с земельными обществами // Власть Советов. – 1928. – № 40-41. – С.23-25.
8. Державний архів Запорізької області. – Ф.Р.-406, оп.1, спр.144, арк.1-12.
9. Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917-1954 гг. – М., 1954.
10. Пече рица Г. О сельсоветах и земобществах // Власть Советов. – 1928. – № 37. – С.20.
11. Амфитеатров Г. Земельное общество и сельсовет // Революция права. – 1926. – № 2. – С.94-113.
12. Державний архів Одеської області. – Ф.Р-53, оп.1, спр.612, арк.23.
13. Там же. – Арк.113.
14. Державний архів Миколаївської області. – Ф.Р-103, оп.1, спр.135, арк.86.
15. ЦДАВОВУ. – Ф.539, оп.2, спр.92, арк.113.
16. Державний архів Запорізької області. – Ф.Р-1, оп.1, спр.110, арк.9; спр.755, арк.181.
17. Російський центр збереження та вивчення документів новітньої історії. – Ф.17, оп.26, спр.360, арк.169.
18. Фейгин В. О руководстве советским аппаратом и элементах двоевластия в деревне // Большевик. – 1928. – № 9. – С.72-83.
19. Статистика України...
20. Сосновий Т. Проблема сельбюджета на Украине // Хозяйство Украины. – 1926. – № 11-12. – С.131-136.
21. ЦДАВОВУ. – Ф.27, оп.4, спр.899, арк.134.
22. Х-й Всеукраїнський з'їзд Рад робітничих, селянських та червоноармійських депутатів. 6-13 квітня 1927 року: Стенографічний звіт та постанови. – Харків, 1928.
23. Зібрання узаконень Робітничо-селянського уряду УСРР. – 1924. – № 46.
24. Російський центр збереження та вивчення документів новітньої історії. – Ф.17, оп.26, спр.202, арк.165.
25. ЦДАВОВУ. – Ф.27, оп.8, спр.228, арк.1.
26. Зібрання узаконень Робітничо-селянського уряду УСРР. – 1928. – № 1. – Ст.1.
27. Центральний державний архів громадських об'єднань України. – Ф.1, оп.20, спр.2966, арк.185.
28. Державний архів миколаївської області. – Ф.Р-2219, оп.3, спр.3, арк.11.
29. ЦДАВОВУ. – Ф.27, оп.9, спр.698, арк.40.
30. Там же. – Арк.141-142.
31. Зібрання узаконень Робітничо-селянського уряду УСРР. – 1930. – № 5. – Ст.48.
32. Там же. – № 6. – Ст.63.
33. ЦДАВОВУ. – Ф.27, оп.9, спр.698, арк.251-253, 283-284.

Надійшла до редакції 22.04.1999 р.

ББК 63.3 (4 УКР) 616 - 49

1936 РІК В ЗАГАЛЬНОМУ КОНТЕКСТІ ПОЛІТИЧНИХ РЕПРЕСІЙ НА УКРАЇНІ 1930-х РОКІВ

В.М.Нікольський

Дослідження політичних репресій радянських часів на Україні останнім часом набули значних розмірів. Видано друком у вигляді монографій, статей та матеріалів наукових конференцій десятки робіт. Проведений нами аналіз цих публікацій дозволяє зробити такі попередні висновки: 1) недостатньо уваги приділено вивченню статистичних та соціолого-демографічних аспектів репресій, 2) фактично ігноровано вченими репресії 1936 р., що передували масовим операціям так званої «великої чистки».

Джерельну базу статті становлять документи Державного архіву Служби безпеки України (Київ) (далі – ДА СБУ-К). У його фондах знайдено такі таблиці: «Загальні дані на 1936 рік про заведені слідчі справи притягнутих та арештованих органами НКВС УРСР»; «Відомості про кількість арештованих по НКВС УРСР (включаючи дані областей) за час з 1 жовтня 1936 р. по 1 січня 1937 р.»; «Характер злочинів та заходи соціального захисту. Вироки судів за 1936 рік»; «Довідка про кількість заведених справ та арештованих по лінії троцькістської контрреволюції по окремих оперпунктах транспортного відділу Донецького відділу НКВС за 1936 рік»; «Довідка про кількість заведених справ та арештованих по лінії троцькістської контрреволюції по окремих органах НКВС Донецької області за 1937 р.»; «Довідка про кількість справ та арештованих по лінії німецької контрреволюції по оперпунктах транспортного відділу УНКВС Донецької області за 1936 р.»; «Довідка про кількість заведених справ і арештованих по лінії німецької контрреволюції по окремих органах НКВС по Донецькій області за 1936 рік»; «Розбивка арештованих по Донецькій області троцькістів по галузях господарства, партійності та контрреволюційному минулому за 1936 р.».

Ми проаналізували також такі текстові матеріали: «Звіт про оперативно-слідчу роботу органів НКВС УРСР за 1936 рік»; «Троцькістсько-зинов'ївська контрреволюція по Україні за 1936 рік»; «Наказ НКВС УРСР № 00110 від 10 травня 1936 р. «Про результати слідчої роботи за 1 квартал 1936 р.», доповідна записка наркома внутрішніх справ УРСР комісару державної безпеки 3-го рангу Успенському; доповідна записка заступника начальника дорожньо-транспортного відділу НКВС Північно-Донецької залізниці «Про результати роботи по ліквідації та розгрому контрреволюційних формувань та антирадянських елементів на залізниці за період з 1.10.1936 р. по 1.7.1938 р.»; пояснювальна записка наркома внутрішніх справ УРСР Успенського заступнику наркома внутрішніх справ Союзу РСР комкору Фриновському від 3 вересня 1938 р. «Про результати оперативної роботи НКВС УРСР за період з 1 жовтня 1936 р. по 1 липня 1938 р.».

Для порівняння цифрових даних, ми також використали відповідні матеріали, що стосуються 1935, 1937, 1938 років.

Загальна статистика має такий вигляд.

У 1936 р. по Україні органами НКВС (без міліції) було заведено 11858 слідчих справ, притягнуто до відповідальності 19742 особи, з яких заарештовано 15717 (79,6%) Згідно оперативно-слідчих підходів, що тоді існували, статистичні звіти органів НКВС включали два ключових моменти: заведення та розкриття «групових справ»; робота із «злочинцями – одинаками». У 1935 р. цей розподіл був таким: 1) групових справ було завершено слідством 2740 (23% від загальної кількості), притягнуто до відповідальності

– 10624 особи (53,8%), заарештовано 7869 чол. (50% загалу заарештованих та 71,4% від числа притягнутих); 2) одинаків було притягнуто 9118 чол., заарештовано 7848 [1].

Для порівняння візьмемо звітні дані за 1935, 1937 та 1938 роки. У 1935 р. було заведено 21746 слідчих справ, притягнуто для відповідальності 37035 осіб, з яких заарештовано 24934 [2]. У 1937 р. було заарештовано 77794 особи [3], у 1938 р. – 108006 [4] (в статистичній звітності за ці роки відсутні показники заведених справ та притягнутих до відповідальності).

Роки	Заарештовано (осіб)	В % до 1935 р.	В % до 1936 р.
1935 р.	24934	100%	158,6%
1936 р.	15717	63%	100 %
1937 р.	77794	311%	495%
1938 р.	108006	433%	687,2%

Таким чином, у 1936 р. кількість заарештованих за політичні злочини порівняно з попереднім роком зменшилась на 37%. А в наступні роки «великої чистки» цей показник збільшується, відповідно, майже в 5 та 7 разів.

Як можна пояснити значне зменшення арештів в 1936 р.?

В своїй пояснювальній записці заступнику наркома внутрішніх справ СРСР М.Фриновському нарком внутрішніх справ УРСР О.Успенський в вересні 1938 р. дав таке тлумачення ситуації 1936 р.: «У той період у керівництва органів НКВС на Україні знаходився ворог народу Балицький. Він зробив все для того, щоб зберегти від розгрому основні кадри антирадянських формувань на Україні. Балицький організовано проводив неприкритий супротив виконанню оперативних наказів НКВС СРСР» [5].

Сам нарком В.Балицький, в наказі по НКВС УРСР №00110 від 10 травня 1936 р. «Про результати слідчої роботи за 1 квартал 1936 р.» наголошував, що «...незважаючи на те, що в органах Управління Державної Безпеки справи по боротьбі з контрреволюцією займають основне місце, в деяких органах занадто багато справ, що не мають прямого відношення до контрреволюції. Деякі Начальники та керівники забувають, що УПРАВЛІННЯ ДЕРЖАВНОЇ БЕЗПЕКИ У ПЕРШУ ЧЕРГУ – ОРГАН БОРОТЬБИ З КОНТРРЕВОЛЮЦІЄЮ, що НАШИМ ОСНОВНИМ ЗАВДАННЯМ Є – НАНОСИТИ УДАРИ ПО КОНТРРЕВОЛЮЦІЇ, ДИВЕРСІЇ, ШПИГУНСТВУ (виділено в тексті наказу. – В.Н.). Серед інших справ, проведених органами УДБ значну частку становили справи по службово-посадовим злочинам та розкраданням» [6]. В наказі наведено таку цифру – в 1 кварталі 1936 р. частка притягнутих за контрреволюційні злочини становила 38,8% від загалу арештованих органами держбезпеки. Таким чином всі інші, «неконтрреволюційні» злочини займали в діяльності Управління державної безпеки 61,2%.

Тобто, акцент робився на більш вузькій «спеціалізації» органів держбезпеки, та ніякого пом'якшення діяльності органів держбезпеки не відбувалося. Навпаки, В.Балицький наводить такі дані: порівняно з четвертим кварталом 1935 р. у першому кварталі 1936 р. відсоток притягнутих за КР злочини по лінії секретно-політичного відділу (СПО) збільшився з 45,7% до 68,2%, по лінії транспортного відділу (ТВ) – з 10,2% до 16,4%. Водночас, по лінії особливого відділу (ОВ) – [контррозвідка в Червоній армії] відбулося невеличке зменшення цього показника з 55,4% до 51,8% (на 3,6%), та по лінії економічного відділу – зменшення з 21,3% до 20,3% (на 1%) [7].

Слід зазначити, що «якість» роботи органів держбезпеки оцінювалася, перш за все, по кількості розкритих та «ліквідованих» контрреволюційних організацій. На протязі 1936 р. було «ліквідовано» 141 таку організацію з загальною чисельністю учасників – 1825 [8].

Організації ці характеризувалися такими показниками [9]:

Характер КР організацій	Заведено справ	Притягнуто (осіб)
троцькістські	30	336
право-ліві	1	11
праві	1	6
децистські	1	4
робітничої опозиції	2	6
есерівські	1	13
дашнакські	1	17
німецькі	46	794
українські	26	284
польські	4	42
російські (білогвардійські)	3	40
румунські	2	6
молодіжні	4	50
куркульські повстанські	3	47
інші повстанські фашистські	6	39
церковні	5	52
сектантські	5	78
ЗАГАЛОМ	141	1825

Таким чином, розподіл «ліквідованих» організацій був таким: в загальній кількості німецькі організації становили 32,6% (а їх учасники – 43,5%), троцькістські – 21,3% та 18,4%, українські – 18,4%, 15,6%, церковні та сектантські – 7,1%, 7,1%, інші фашистські – 4,2%, 2,1%, молодіжні – 2,8%, 2,7%, польські – 2,8%, 2,3%, куркульські повстанські – 2,1%, 2,6%, всі інші організації – 9,5% та 5,7%. Ці дані дозволяють з'ясувати акценти в діяльності УДБ НКВС у 1936 р. На першому місці були фашистські організації, далі – троцькістські та українські (націоналістичні). Всі інші займали невеличке місце серед об'єктів зацікавленості держбезпеки.

Характер обвинувачень арештованих має такий вигляд [10]:

Обвинувачення	Притягнуто	%	в т.ч. арештовано	%
<i>КР злочини</i>	12070	61,6%	11418	72,6%
в тому числі:				
троцькістська КР	4327	21,9%	4311	72,6%
КР агітація	2810	14,2%	2488	15,8%
фашистська націоналіст. КР	2412	12,2%	2368	15,8%
терористичні прояви	826	4,2%	748	4,8%
церковна, сектантська КР	602	3%	544	3,5%
шпигунство, зрада Батьківщини	537	2,7%	521	3,3%

диверсії, шкідництво	367	1,9%	310	1,9%
інші КР злочини	189	1%	129	0,8%
<i>Злочини не КР характеру</i>				
службові та війнські	7672	38,9%	4299	27,4%
кримінальне хуліганство, незаконний проїзд на залізниці	2126	10,8%	605	3,8%
аварії, псування державного та громадського майна	1350	6,8%	953	6,1%
нелегальний перехід кордону	500	2,5%	484	3,1%
інші злочини [11]	1559	7,9%	1073	6,8%

З таблиці видно, що дві третини арештованих органами ДБ відносилися саме до тих, хто підлягав переслідуванню з політичних мотивів. Серед них, за нашими підрахунками, найбільша частка обвинувачувалася у троцькістській контрреволюції – 35,8%, контрреволюційну агітацію «проводили» 23,3%, фашистська націоналістична контрреволюція інкримінувалася 20% арештованих, терористичні прояви – 7%, у церковній та сектантській контрреволюції було обвинувачено 5%, шпигунстві та зраді Батьківщини – 4,4%, диверсіях та шкідництві – 3%, інших контрреволюційних злочинах – 1,5% [12].

В звіті «Про оперативно-слідчу роботу органів НКВС УРСР за 1936 рік», зокрема, йдеться: «Наведені цифри, якщо їх порівняти з даними за попередній рік, свідчать про значні зміни в напрямі оперативного удару органів НКВС та про все більше переключення апаратів УДБ на виконання основного завдання – боротьбу з контрреволюцією... Майже все зменшення в числі заведених справ та притягнутих йде по лінії злочинів не контрреволюційного характеру»[13].

В 1935 р. з загальної кількості 37035 притягнутих органами НКВС в злочинах не-контрреволюційного характеру обвинувачувалося 23852 особи, за 1936 р. ця категорія притягнутих складала тільки 7672 особи, тобто знижка більш ніж у три рази. По окремих, основних категоріях злочинів не КР характеру зменшення кількості притягнутих виявляється в таких цифрах: кількість притягнутих за посадові злочини зменшилася з 8107 чол. до 2126 чол., за розкрадання – з 5320 до 1548 чол., за хуліганство та кримінальні злочини – з 3906 до 1350 чол... В 1935 р. притягнуті за злочини не КР характеру в загальній масі притягнутих органами НКВС становили переважну більшість – 64,4% . За звітний рік ця категорія притягнутих дала тільки 38,9%; по «арештним» же справам питома вага обвинувачених в злочинах не КР характеру знизилася з 50,8% (за 1935 р.) до 27,4% (за 1936 р.). Відповідно тому різко збільшився відсоток обвинувачених в контрреволюційних злочинах – в 1935 р. з загальної кількості притягнутих за КР злочини було 35,6%, а в 1936 р. – 61,1%; з числа заарештованих в 1935 р. – 49,2%, а в 1936 р. – 72,6% [14].

Зміна орієнтирів позначилася й в самій динаміці притягнення за КР і не КР злочини по кварталах 1936 р. [15].

Квартали року	Обвинувачені в КР злочинах	Обвинувачені в інших злочинах
перший	39,9%	60,1%
других	51%	49%
третій	71,8%	28,2%
четвертий	79%	21%

Таблиця демонструє швидкі темпи зростання частки обвинувачених у контрреволюційних злочинах при загальному зростанні за рік – вдвічі.

Водночас, згідно звіту, загальне число притягнутих за КР злочини в 1936 р., порівняно з 1935 р. зменшилося на 1113 осіб (на 8,4%). Це відбулося, в основному, за рахунок зменшення притягнутих за антирадянську пропаганду та агітацію [16].

Найбільш значну групу серед обвинувачених в контрреволюційній діяльності складали особи, що належали до троцькістських, зинов'ївських, децистських, правих та право-лівацьких груп (загалом – 4327 чол., що становило 35,8% загалу притягнутих за КР злочини, та 21,9% по відношенню до загальної кількості притягнутих органами НКВС по всіх справах, включаючи злочини не КР характеру. В 1935 р. ця категорія притягнутих становила тільки 690 осіб, тобто відбулося збільшення майже у 7 разів [17].

1936 р. характеризується також значним посиленням репресій проти осіб, яких було звинувачено як німецько-фашистських елементів. Таких було 1757 осіб, що порівняно з 1935 р. дало збільшення на 636 чол., тобто – більш ніж на 50%. Майже всі притягнуті до відповідальності як німецько-фашистські елементи, обвинувачувалися як учасники контрреволюційних організацій та груп (загалом було «ліквідовано» 255 таких організацій та груп з загальним числом учасників – 1510 чол.). В цій категорії одиниць було репресовано лише 247 чол. [18].

Серед загалу притягнутих за КР злочини репресовані по лінії троцькістської та німецько-фашистської контрреволюції (що тоді майже ототожнювалося) складали понад 50%.

Порівняно з 1935 р. не відбулося змін в репресуванні таких категорій як «українська націоналістична контрреволюція», «церковно-сектантська контрреволюція».

Окрім зменшення порівняно з попереднім роком чисельності справ та притягнутих по обвинуваченню в контрреволюційній агітації (менше на 2278 осіб), значно зменшилися обвинувачення у шкідництві (на 511 чол.).

Звертає увагу різке зменшення чисельності притягнутих «по лінії польської КР та польського шпигунства: в 1935 р. – 1531 чол., в 1936 р. – 495 чол.

Зниження загальної кількості заведених справ та притягнутих до відповідальності відбувся у 1936 р. по всіх відділах УДБ, причому, найменше зниження було по лінії секретно-політичного відділу; по всіх інших відділах кількість справ та притягнутих до відповідальності зменшилася порівняно з 1935 р. більш ніж у 2 рази. Зменшення кількості притягнутих було, в основному, за рахунок злочинів не КР характеру. Кількість притягнутих за контрреволюційні злочини по всіх відділах, за винятком особливого відділу, збільшилася [19].

Відділи УДБ	КР злочини		Інші злочини	
	1936 р.	1935 р.	1936 р.	1935 р.
СПВ	6829	6425	1364	5419
ЕКВ	1493	1056	1160	5225
ТВ	1514	1139	3622	10270
ОВ	2199	4529	1076	2076

Відповідно до цього, змінилися й співвідношення між кількістю притягнутих за КР злочини та кількістю обвинувачених в злочинах не КР характеру. Відсоток обвинувачених в КР злочинах порівняно з 1935 р. збільшився по всіх відділах, за винятком транспортного. Тут склалася така картина [20]:

Частка обвинувачених в КР злочинах серед притягнутих по відділах	1936 р.	1935 р.
Секретно-політичний	83,4%	54,2%
Особливий	67,1%	54,2%
Економічний	56,3%	16,8%
Транспортний	29,5%	9,9%

Наведені підрахунки є середніми за рік. На протязі всього 1936 р. відсоток притягнутих за КР злочини по всіх відділах мав постійно зростаючу динаміку.

Про це свідчать дані, що характеризують питому вагу притягнутих за КР злочини по відділах УДБ по окремих кварталах [21]:

Відділи	1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал
СПВ	68,2%	75,4%	90,5%	92%
ОВ	51,8%	61,6%	63,4%	83,3%
ЕКВ	20,3%	44,5%	72,6%	81,2%
ТВ	16,4%	14,6%	44,1%	53,1%

Важливішим показником діяльності є її результати. За 1936 р. органами НКВС УРСР було закінчено слідчих справ на 20913 осіб. З цієї чисельності: 1) передано в прокуратуру для притягнення до судової відповідальності 9126 справ на 15983 чол. (76,4%); 2) передано в Особливу нараду НКВС СРСР 1084 справи на 1501 чол. (7,2%); 3) передано в «трійки» при обласних управліннях НКВС 536 справ на 539 чол. (2,6%); 4) передано в міліцію, інші органи НКВС, відправлено в інші пункти СРСР для розселення перебіжчиків, повернуто в табори та на заслання 826 чол. (3,9%); 5) кримінальне переслідування припинено у відношенні 2064 чол. (9,9%).

При порівнянні з даними про результати справ, закінчених у 1935 р., можна відзначити:

1) загальна чисельність закінчених слідством за 1936 р. справ, у зв'язку зі зниженням кількості заведених, значно менша ніж у 1935 р. (в суди передано менше майже вдвічі, в обласні трійки – у 3 рази, в Особливу нараду (ОСО) – менше на 465 чол., в інші органи – менше майже вдвічі);

2) водночас, згідно критеріїв щодо діяльності слідчих органів, які існували в ті часи [22], поліпшилася «якість проведених справ»: розгляд по справах, що були спрямовані до судів або в ОСО, по відношенню до загальної кількості притягнутих по закінчених справах в 1936 р. становив 83,6%, тоді як в 1935 р. в ці інстанції було передано тільки 76,6%;

3) значно зменшилася кількість притягнутих, у відношенні до яких кримінальне переслідування було припинено (з 4990 чол. в 1935 р. – до 2064 чол. в 1936 р.). Відсоток припинених справ порівняно з 1935 р. зменшився з 13,2% до 9,9%.

Зменшення відсотку припинених справ спостерігалось по всіх відділах, за виключенням ЕКВ [23]:

Припинено по лінії відділу	1936 р.	1935 р.
ОВ	11,1%	23,8%
СПВ	10,1%	11,1%
ТВ	8,7%	12,7%
ЕКВ	9%	7,1%

Як показує аналіз, основна маса справ була припинена в першому кварталі 1936 р. (понад половину припинених справ). Це були справи, що виникли минулого року.

З загальної кількості справ, переданих для розгляду в суди, прокуратуру, Особливу нараду та обласні трійки, було розглянуто 9912 справ на 17018 чол.

Було винесено такі вироби:

Ким винесено	Розстріл	5-10 років ВТТ або тюрми	до 5 років ВТТ або тюрми	визнання заслання	примусові роботи та умовно	виправдано та звільнено
Судами	177	2398	7534	50	2464	2493
ОСО			1186	164	8	10
трійками			515	4	8	7

Аналіз цієї таблиці та порівняння наведених даних з показниками 1935 р. дозволяють зробити такі висновки [24]:

1) Загальна чисельність розглянутих справ менше, ніж у 1935 р. Особливо різко скоротилося число справ, що пройшли через обласні трійки (майже у 4 рази).

2) Результати заслуховування справ характеризуються зовсім іншими показниками, ніж у 1935 р. Збільшилася загальна кількість осіб, засуджених до вищого заходу кримінального покарання (ВЗКП) – розстрілу (за 1936 р. – 177 чол., за 1935 р. – 137 чол.). Засудження до ВЗКП, в виправно-трудові табори, до позбавлення волі у загальних місцях ув'язнення та до заслання загалом складали 70,7% від загалу притягнутих до відповідальності, тоді як у 1935 р. цей показник становив 62,2%. Відсоток засуджених до невеличких мір покарання (умовно, примусові роботи тощо) знизився з 21,4% до 14,6%, а відсоток виправданих – з 16,4% до 14,7%.

3) Згідно критеріїв оцінки діяльності слідчих органів, загальний відсоток засуджених до невеличких покарань та виправданих є свідомством того, що такі справи виникли у відношенні дрібних злочинів, а також про направлення до судів справ з недостатніми доказами.

Ми можемо проаналізувати діяльність окремих територіальних органів НКВС, з метою з'ясування масштабів та спрямованості політичних репресій в окремих регіонах України [25]:

Територіальні органи НКВС	Заведено справ	Притягнуто до відповідальності (осіб)	З них заарештовано (осіб)
НКВС УРСР	265	512	463
Харківська обл.	2520	3891	3161
Донецька обл.	1943	3677	2932
Днепропетровська обл.	1380	2753	2243
Київська обл.	1848	2694	2013
Одеська обл.	1257	2028	1517
Вінницька обл.	1118	1807	1490
Чернігівська обл.	867	1448	1077
Молдавська АРСР	205	337	272
Прикордонні загони	455	595	549

Як видно з таблиці, було заведено найбільшу кількість справ, притягнуто по них та заарештовано УНКВС по **Харківській** та **Донецькій** областях; за ними йде **Дніпропетровська** область. На ці три області, що розташовані на Лівобережжі України, приходилось понад 50% всіх заведених справ. В цих же областях було «ліквідовано» переважну кількість контрреволюційних організацій (88 з загального числа 141) та велику чисельність контрреволюційних груп та інших групових справ.

Одинаки найбільший відсоток складали в прикордонних загонах (64,3%), УНКВС по Київській області (54,7%). Далі йшли: УНКВС по Харківській області (52%), Молдавській АРСР (49,6%), Вінницькій області (48,8%), Одеській області (48,2%), Чернігівській області (46,1%), НКВС УРСР [центральный апарат] (42,2%), УНКВС по **Донецькій** області (37%), УНКВС по **Дніпропетровській** області (31,4%).

За характером в групі контрреволюційних злочинів, по територіальних органах НКВС основні показники були такими [26]:

Органи НКВС	троцькісти	шпигунство, терор, диверсії, шкідництво	націоналістична, фашистська діяльність	церковна, сектантська КР	КР агітація та інші злочини
НКВС УРСР	208	74	94	2	16
Харківська обл.	788	229	205	148	885
Донецька	792	266	740	102	436
Дніпропетр.	671	139	631	47	361
Київська	576	267	286	92	394
Одеська	631	128	141	30	244
Вінницька	403	209	142	84	330
Чернігівська	216	251	147	87	291
МАССР	37	68	21	10	47
прикордонні за- гони	5	87	5	—	7

З наведених даних можна з'ясувати, що за чисельність притягнутих до відповідальності за контрреволюційні злочини попереду знаходилися УНКВС **Донецької** та **Харківської** областей. Порівняно з попереднім роком відсоток притягнутих по обвинуваченню в КР злочинах збільшився по всіх регіонах. Так, по **Донецькій** області це збільшення було – з 34% до 67,1%.

Результати слідства по регіональних органах НКВС мали такі результати (по кількості справ):

	Передано в суди	Передано в ОСО	Передано в «трійки»	Передано в інші органи	Припинено (осіб)
НКВС УРСР	158	118	3	43	60
Харківська	1860	165	169	47	159
Донецька	1683	107	52	60	331
Дніпропетр.	1162	130	66	88	348
Київська	1452	172	156	81	304
Одеська	869	176	35	75	333

Вінницька	856	113	28	98	173
Чернігівська	780	43	30	51	269
МАРСР	169	24		78	40
Прикордонні загони	137	36		390	47

Як свідчать цифри, по кількості закінчених справ попереду також були УНКВС Харківської, Донецької та Дніпропетровської областей. Цими органами було передано також найбільшу кількість справ в суди.

Порівняно з 1935 р. майже у всіх органах, за виключенням Одеського та Чернігівського УНКВС відсоток припинених справ зменшився.

Результати переданих для розгляду справ були такими [27]:

	Розстріл	5-10 років ВТТ або тюрми	до 5 років ВТТ або тюрми	вислан-ня, заслан-ня	примусові роботи та умовно	виправ-дано та звільнено
НКВС УРСР	60	11	303	12	29	44
Харківська	8	236	1832	8	701	291
Донецька	12	576	1532	19	207	439
Київська	6	216	1502	89	517	362
Дніпропетровська	23	536	1269	6	250	423
Вінницька	28	286	1010	44	312	234
Одеська	16	206	739	25	173	352
Черкаська	10	132	791	4	248	274
МАССР	3	42	159	4	25	62
прикордонні загони	11	57	98	7	18	29

З цих даних видно, що найбільші показники по характеру результатів розглянутих справ – по НКВС УРСР, прикордонним загонам, Донецькому та Дніпропетровському облуправлінням (загальний відсоток засуджених до ВЗКП та ув'язненню на термін до 10 років більший ніж в інших органах). Найменші показники відмічені по справах Одеського та Чернігівського облуправлінь – третя частина всіх обвинувачених засуджена до дрібних мір покарання або виправдана.

Таким чином, можна зробити загальні висновки щодо політичних репресій 1936 р. на Україні. По-перше, йдеться про процес переорієнтації органів НКВС на виконання суто функцій «політичного меча» влади; але цей процес було сприйнято в наступні роки, завдяки чисто бюрократичному підходу, як спробу саботувати дії партійних органів по репресуванню політичних супротивників влади. По-друге, реальна спрямованість репресій ще була «традиційною» для тих часів, але було закладено підвалини для широкомасштабної «великої чистки» 1937-1938 рр. По-третє, місцеві органи НКВС поки ще намагалися притримуватися хоча б видимості законопослушності, легітимності, хоча паралельне з судами існування ОСО та обласних «трійок» давало можливості обходити існуюче законодавство.

РЕЗЮМЕ

Автор впервые в исторической науке исследует политические репрессии советского периода на Украине, которые предшествовали так называемой «большой чистке» 1937-1938 гг. Проведен сравнительный анализ результатов репрессивной деятельности НКВД в 1935, 1936, 1937 и 1938 гг. Исследованы характер обвинений, последовательная смена ориентиров в деятельности карательных органов.

SUMMARY

The author is first in the historical science, who research the political repression's the time of Soviet Union on the territory of Ukraine, which were before so called «great cleaning» 1937-1938 years. He made the relative analyze of results of repression activity organs NKVD in 1935? 1936? 1937 and 1938 years. He researched the character of charges, the gradual change of the orientations in the activity of repression organs.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. ДА СБУ-К. – Спр.26-А, арк. 1.
2. Там же. – Спр. 15, арк. 1.
3. Там же. – Спр. 35, арк.3.
4. Там же. – Арк. 4.
5. Там же. – Спр. 36(додаток), арк. 1.
6. Там же. – Спр.26, арк.137.
7. Там же.
8. Там же. – Спр. 26-А, арк. 2
9. Складено згідно матеріалів. Спр. 26-А, арк. 2.
10. Там же.
11. До «інших злочинів» було віднесено: втечу з місць заслання та виправно-трудових таборів, підробку документів, приховування соціального минулого тощо.
12. Підраховано по: ДА СБУ-К. – Спр.26-А, арк. 2-3
13. Там же. – Арк. 4.
14. Підраховано. – Там же.
15. Там же. – Арк. 5.
16. Там же. – Спр. 15, арк.2; Спр.26-А, арк. 5.
17. Підраховано. – Там же.
18. Підраховано. – Там же.
19. Там же. – Арк.6.
20. Підраховано. – Там же.
21. Там же. – Арк. 7.
22. У тих випадках, коли справа не була достатньо підготовленою до розгляду суду, її намагалися передати на розгляд місцевих трійок при облуправліннях НКВС, які розглядали їх у спрощеному порядку. Цей спосіб в гігантських масштабах застосовувався під час «великої чистки» 1937-1938 рр. Передача же справи до народного суду або Особливої наради вимагала виконання всіх законодавчих положень, т.я. суди розглядали справи з участю прокурора та захисника, а розгляд на ОСО міг розкрити недоліки роботи конкретного органу УДБ НКВС.
23. Спр.26-А. – Арк.7. – Спр.15, арк..7.
24. Там же.
25. Там же. – Спр. 26-А, арк. 10.
26. Там же. – Арк. 11.
27. Там же. – Арк..14.

Надійшла до редакції 25.06.1999 р.

ББК ТЗ (7КАН) 6

**КВЕБЕКСКАЯ ПРОБЛЕМА В СОВРЕМЕННОЙ КАНАДЕ:
ПОИСКИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА***В. Г. Коваленко*

Квебекская проблема связана с исторически сложившимся существованием в Канаде двух наций – англо- и франкоканадцев, противостояние между которыми стало причиной возникновения конфликта в стране. Ввиду существования франкоязычной провинции Квебек Канада была образована как федеративное, а не унитарное англоязычное государство. Импульс, который Квебек дал в борьбе за провинциальную автономию, способствовал тому, что правительства провинций стали в Канаде почти такими же легитимными, как и федеральное.

Реформы 60-70-х гг. («тихая революция») преобразили Квебек в современное индустриальное и урбанизированное общество. Следствием их стало проведение Квебеком политики экономического и языкового национализма, приведшей к установлению франкоканадской элитой контроля за провинциальной экономикой и официального статуса французского языка в провинции, который воспринимается франкоканадцами как основной фактор национальной идентичности и индикатор положения франкоканадской нации. Рост авторитета сепаратистской Квебекской партии, выступающей за полный суверенитет провинции, стал результатом роста социально-экономического статуса франкоканадцев, которые теперь могли опираться на собственные ресурсы и политику провинциального руководства. Но достижение политического суверенитета еще не подразумевало отделение Квебека и разрыв его отношений с федерацией. Оно означало юридическое признание существования франкоканадской нации. Но это вызвало жесткую оппозицию со стороны англоканадских провинций, считающих Квебек одной из десяти равноправных провинций, обладающей этнокультурными особенностями, но не центром сосредоточения франкоканадской нации. Референдум 1980 года о переговорах с Оттавой о реорганизации федерации в реальную, а не формальную конфедерацию и отказ Квебека подписать конституционный акт 1982 года означали, что франкоканадский вопрос находится на более высоком уровне, затрагивающем основы национально-государственного устройства и единого экономического пространства канадской федерации.

Отказ подписать новую конституцию был обусловлен тем, что установление французского языка в качестве официального касалось, по мнению Квебека, сохранения билингвизма на федеральном уровне и «статус кво» в Квебеке и ничего не изменяло в плане противостояния одноязычию (англоязычию) остальных провинций. Кроме того, официально закрепленная процедура внесения поправок в конституцию лишала Квебек его исторического права вето. Если лишение Онтарио права вето носило формальный характер, учитывая традиционно доминирующую роль этой провинции в политической и экономической жизни страны, то Квебек терял важный инструмент давления на Оттаву и противодействия англоканадским провинциям. Но главное то, что конституционная реформа обошла молчанием вопрос о признании существования двух наций в стране и право франкоканадцев на самоопределение, что обостряло национально-конституционный вопрос [1].

Консервативное правительство Малруни в Оттаве с середины 80-х гг. стало проводить политику децентрализованного федерализма, включая концепцию «особого статуса» Квебека. Она легла в основу конституционного соглашения в Мич-Лейке в июне 1987 года, предусматривавшего наделение Квебека статусом «особого сообщества» в обмен на подписание конституции. Принятый документ определял Квебек как «уникальное сообщество» внутри Канады, а Канаду – как страну, состоящую из «франкоязычного общества, которое существует преимущественно в Квебеке, но не ограничивается им, и англоязычного общества, которое существует главным образом вне Квебека, но также присутствует и в Квебеке» [2]. Такая формулировка резко отличалась от радикальной программы сепаратиста Р.Левека, которая устанавливала приоритет квебекской Хартии прав и свобод над канадской, исключительную юрисдикцию в сфере языка и в финансовой области, что ограничивало практически до минимума вмешательство федеральных властей в экономическую политику Квебека [3]. Концепция «особого статуса» и экономическая стратегия децентрализованного федерализма стали точкой конвергенции политического курса Б.Малруни и квебекского либерального правительства Р.Бурасса, сменившего сепаратистов Квебекской партии в июне 1985 года в провинции. Для достижения соглашения по поводу Квебека со всеми провинциями Оттава пошла на дальнейшую децентрализацию федерации путем расширения провинциальной юрисдикции, подготавливая одновременно почву для заключения континентального соглашения о свободной торговле, что давало канадским провинциям открытый доступ на рынки стран-участниц соглашения и прямое сотрудничество с ними в обход центра. Это было особенно важно для Квебека, основу экономики которого во многом составляют экспортные отрасли, и для западных провинций Альберта и Британская Колумбия, которые, благодаря нефти и другим ресурсам, развивались быстрыми темпами. Сдвиг в балансе экономического развития при растущей интеграции отдельных районов Канады и США в единые хозяйственные комплексы не только нарушил традиционное господство Онтарио, но и ослабил роль центра в решении политических и экономических проблем. Квебек получал статус «особого сообщества», предполагающий во многих сферах исключительную юрисдикцию провинции, остальные провинции также наделялись широкими полномочиями, включая право вето.

Продолжение процесса децентрализации федерации объяснялось тем, что центр оказался между «молотом и наковальней», западноканадским регионализмом, настроенным и антиквебекски, и антифедералистски, и франкоканадским сепаратизмом. Но проведение такой политики стало «троянским конем» конституционного компромисса. Соглашение в Мич-Лейке не учитывало возросшую оппозицию со стороны западных провинций, которая объяснялась нежеланием делиться доходами с менее развитыми регионами по федеральной системе уравнительных платежей, сопротивлением требованию «особого статуса» Квебека, что ставило его в привилегированное положение, и стремлением добиться более эффективного давления на политику федеральных властей. Очевидно, что конституционный конфликт лежит не с Оттавой, а между Квебеком и остальной Канадой, между франкоязычным, исторически обособленным сообществом и чуждыми идеологически, экономически и политически западными провинциями. Соглашение 1987 года не было ратифицировано, поскольку оно имело своей целью соединить такие несовместимые понятия, как «особый статус» Квебека и равноправие всех субъектов федерации. Англоканадские провинции дали понять Оттаве, что

либо федерация сохранится в рамках конституционного акта 1982 года, либо им должен быть предоставлен аналогичный «особый статус». Но в первом случае конституционный кризис продолжал бы усиливаться, а второй вариант приводил федерацию к максимальной децентрализации, но сводил на нет положение Квебека как «уникального сообщества». Реальный эффект соглашения в Мич-Лейке был небольшим, поскольку соглашение обращалось к «выражению всего французского», а не к факту существования франкоканадской нации [4].

После неудачи конституционного соглашения проблема сохранения единства Канады обострилась, поскольку стало ясно, что «статус кво» одинаково неприемлем как для Квебека, так и для остальных провинций. Мич-Лейк форсировал разрыв между франко- и англоязычными частями Канады, показателем которого стало возникновение двух региональных партий, которые представляли силы квебекского сепаратизма и англоканадского национализма на федеральном уровне, – Квебекского блока и Партии реформ. После Мич-Лейка центробежные тенденции в федерации усилились, а в Квебеке вновь был поставлен на повестку дня вопрос о выходе провинции из состава Канады. По различным опросам общественного мнения, в 1990 году 44% населения Квебека поддерживали полное отделение провинции, 55% – провозглашение суверенитета Квебека, 58% – «суверенитет – ассоциацию», 68% – право провинции на ведение переговоров о возможности сохранения экономического союза суверенного Квебека с остальной Канадой [5]. Четыре атлантические провинции пригрозили в случае отделения Квебека объединиться в Приморский союз, а в части общественного мнения Альберты и Британской Колумбии была сформулирована двоякая установка: либо добиться радикального перераспределения власти в пользу провинций, либо пойти на максимальную децентрализацию федерации вплоть до допустимости идеи выхода обеих провинций из состава Канады и присоединения их к США на правах штатов. Очевидно, что в случае достижения Квебеком суверенитета центробежные тенденции в федерации начнут набирать обороты, а отделение Квебека отрежет атлантические провинции от остальной территории страны. В Квебеке сепаратистские настроения подкреплялись экономическими прогнозами, ставившими на американские инвестиции в системе общего рынка, что давало уверенность в том, что экономика Квебека выдержит негативные последствия эрозии канадской федеративной системы. При этом многие сепаратисты не отрицали сохранение экономического союза суверенного Квебека с остальной Канадой.

Трудность достижения компромисса заключалась в том, что Оттава стояла перед фактом столкновения стремления квебекцев закрепить конституционно статус «особого сообщества» и веры большинства англоканадцев в принцип равенства провинций, исходивший из сильного чувства «канадизма», которое основывается на единстве понятий «нация» и «государство». В силу этого все попытки Оттавы договориться с Квебеком на условиях, дающих ему преференциальный статус, вызывали сопротивление англофонов. Многие в Канаде были готовы признать языковую и культурную обособленность Квебека, но отвергали право провинциального правительства давать на этой основе свое определение правам и обязанностям граждан, пока Квебек является частью канадской федерации. Союзником Квебека в вопросе о реорганизации федерации с целью сохранения ее единства было федеральное правительство, о чем свидетельствовали намерение последнего заключить новое конституционное соглашение и съезд консерваторов в Торонто в августе 1991 года, где 92% делегатов проголосовали за при-

знание Квебека «особым сообществом» с правом провинции определять свое будущее. В январе и в марте были опубликованы доклады членов Комиссии по Квебеку и Конституционного комитета Аллэра и Беланже – Кампо [6], в которых был проанализирован вариант «суверенитет – ассоциация» и рекомендовано одностороннее отделение без конституционно закрепленных гарантий экономического союза в том случае, если остальная Канада не согласится с предложенным вариантом. Таким образом, Квебек давал понять, что в случае непринятия его позиции в условиях заключения нового конституционного соглашения он пойдет на подготовку референдума о суверенитете, включая разработку законов, идущих вразрез с канадской конституцией и общенациональными правовыми нормами. В июле 1991 года Национальное собрание Квебека приняло закон, предусматривавший проведение через год такого референдума. Тогда же прошел учредительный съезд новой федеральной партии, представляющей силы сепаратистов, – Квебекского блока. Это свидетельствовало о росте влияния суверенистов и о выходе их на качественно новый уровень политической борьбы, не ограничивающийся деятельностью внутри провинции. Лидеры Квебекского блока выступили с твердым намерением добиваться суверенитета Квебека.

Обострение квебекского вопроса ускорило подготовку федеральным правительством нового конституционного соглашения, основные положения которого были выдвинуты на обсуждение в марте 1992 года Специальным парламентским комитетом, созданным для разработки конституционной реформы. Квебек не принял участие в открывающейся 12 марта конференции, а его парламент днем ранее принял резолюцию, в которой указывалось, что предложения Оттавы представляют «слишком малую автономию провинции» и подтверждалось решение о проведении референдума о суверенитете 26 октября 1992 года, если провинция не получит предложений по радикальному расширению «особого статуса» Квебека [7]. Настойчивые усилия федерального правительства привели к возобновлению переговоров с Квебеком и руководством англоканадских провинций. В августе 1992 года в Шарлоттауне был согласован новый проект конституционной реформы. Соглашение предоставляло Квебеку «особый статус» и одновременно значительно расширяло полномочия всех провинций, усиливало их роль в федеральном парламенте. Подтверждалось право Квебека на треть мест в Верховном суде Канады, гарантировалось право вето и четверть мест в палате общин федерации, исключительная юрисдикция в сфере культуры, языка и образования, иммиграции, во многих областях экономики. Свидетельством усиления процесса децентрализации власти стало положение о создании выборного сената, в который избиралось равное количество сенаторов от каждой провинции. Именно это требование было одним из главных в программе Партии реформ, представляющей регионалистские силы запада страны. Образовавшийся разрыв между Квебеком и остальными провинциями и неспособность федеральных властей найти эффективное решение квебекской и конституционной проблемы показали, что и новое соглашение уже не соответствует реальности и неприемлемо своей недостаточностью ни для Квебека, ни для западных провинций. Общеканадский референдум, проведенный одновременно с квебекским 26 октября, показал, что именно в вышеуказанных регионах проект соглашения был отклонен большинством, тогда как приморские провинции, зависящие от федеральных дотаций, в основном поддержали проект, а в центральной Онтарио голоса разделились поровну.

Неудача соглашения в Шарлоттауне вызвала новую волну сепаратизма в Квебеке, что привело к изменению политической ситуации в стране. В результате федеральных парламентских выборов в октябре 1993 года у руля власти стали либералы. Консерваторы лишились статуса парламентской партии, а официальной оппозицией стали Квебекский блок и Партии реформ, объективные союзники в борьбе против Оттавы, но непримиримые противники по отношению друг к другу. На провинциальных выборах в сентябре 1994 года победила сепаратистская Квебекская партия, сформировавшая свое правительство после почти десятилетнего перерыва. Овладение политической властью позволило сепаратистам эффективно влиять на Оттаву и поставить англоканадские провинции перед альтернативой: либо согласиться на вариант «суверенитет – ассоциация», либо правительство Квебека будет добиваться проведения референдума о суверенитете провинции, и ее возможном отделении. Выход Квебека усилил бы центробежные тенденции в федерации, поскольку англоканадские провинции ценят Квебек как политический противовес доминирующей Онтарио. Пока Квебек в федерации, последняя сохраняет свою целостность и сохраняются определенные рычаги давления на Оттаву. В противном случае этот сдерживающий фактор устраняется. Хотя многие сепаратисты в отделении видели лишь крайнее средство: провозглашение суверенитета еще не означало полный разрыв всех связей провинции с Канадой. Кроме того, именно франкоязычный Квебек во многом определяет канадскую самобытность. Отделение Квебека превратило бы Канаду в англоязычное сообщество, которое отличалось бы от американского немногими особенностями традиций, культуры и менталитета, что во многом пасовало перед экономической, технологической и массовой культурной интеграцией, инициируемой из США. Поэтому после прихода сепаратистов к власти в провинции квебекская проблема осталась главным фактором, влияющим на формирование канадской внутренней политики, приобрела новое содержание. Необходимость разрешения национально-конституционной проблемы стала особенно актуальной после того, как в июне 1995 года между руководством Квебекской партии (Ж.Паризо), Квебекского блока (Л.Бушар) и Партии демократического действия (М.Дюмон и Ж.Аллэр) было заключено соглашение о совместных действиях по достижению суверенитета Квебека. 30 октября 1995 года был проведен референдум о суверенитете провинции (первый был в 1980 году), где сепаратистам для победы не хватило лишь 53 тыс. голосов при 4,75 млн. избирателей: 50,6% – против; 49,4% – за. Но в 1998 году Квебекская партия осталась правящей в провинции и намерена провести новый референдум, а затяжной конституционный кризис между Квебеком и Канадой увеличивает шансы на его проведение и на победу на нем сепаратистов. Слова бывшего премьера Квебека Р.Левека о том, что «за фикцией десяти провинций существует две различные нации, каждая из которых имеет право на самоопределение», стали приобретать более актуальное содержание [8]. Рост сепаратизма сдерживается высоким уровнем парламентаризма в стране и пониманием того факта, что Квебек в свое время добровольно вошел в состав федерации. Перед центральной властью стоит трудная задача найти альтернативу сепаратистской установке, направленной на достижение суверенитета с возможным последующим отделением Квебека, в виде нового варианта изменения статуса провинции, который был бы адекватен современному положению Квебека и учитывал факт существования на анклава, а франкоканадской нации.

РЕЗЮМЕ

Конституційний конфлікт у Канаді полягає у історичних відмінностях між англomовним та франкомовним суспільствами. Останнє сконцентроване у провінції Квебек та вимагає фіксації прав існуючої франкоканадської нації у канадській конституції. Невдача угод у Міч-Лейку та Шарлоттауні і протидія англоканадських провінцій спробам Квебека досягти статусу «особливого суспільства» тільки загострили кризу у федерації, зміцнивши сепаратистські настрої у Квебеку. Про це говорить тільки відносна невдача сепаратистів на референдумі 1995 року та стійка позиція правлячої Квебекської партії продовжувати тиск на федеральну владу щодо реорганізації федерації або досягнення суверенітета провінції.

SUMMARY

Constitutional conflict in Canada is based on the differences between English-speaking and French-speaking societies. French Canadiens are predominantly in the province of Quebec and they demand the fixation of their rights in the Canadian Constitution as national. The failure of constitutional accords in Meech Lake and Charlottetown and the opposition of English Canadian provinces to the attempts of Quebecois to get a status of «unique society» rised the crisis. Separatist emotions are stronger and after only a relative failure on the October referendum in 1995 the Party Quebecois preserves its governing positions pressing Ottawa to reorganize the federation or to achieve province sovereignty.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Milne D. The New Canadian Constitution. – Toronto, 1982. – P. 163-164.
2. Данилов С.Ю. Действия правительства Канады по урегулированию конституционного кризиса (1976-1992) // США: экономика, политика, идеология. – 1993. – №10. – С.66-67.
3. Behiels M. The Meech Lake Accord and the political realignment in Canada 1979-1990 // Canada on the threshold of the 21st century. – Amsterdam, 1991. – P.404-406.
4. Levitt J. Quebec: Social Change and Political Crisis. Kenneth McRoberts. – Toronto, 1988 // Canadian Review of Studies on Nationalism. – 1992. – Vol. XIX. – №1-2. – P.216.
5. Dion S. Explaining Quebec Nationalism. Brookings Institution Working Papers. – Washington, 1991. – P.124.
6. A Quebec Free To Choose. Report of the Constitutional Committee of the Quebec Liberal Party (the Allaire Report), 28.01.1991; Report of the Commission of the Political and Constitutional Future of Quebec (the Belanger – Campeau Report), 23.03.1991.
7. Ситников Б.П. Зарождается новая Канада? // США: экономика, политика, идеология. – 1992. – № 7. – С.47.
8. Поздеева Л. В., Коленеко В.А. Межнациональные отношения в Канаде // Новая и новейшая история. – 1990. – №1. – С.40.

Надійшла до редакції 25.06.1999 р.

ББК ТЗ (Ник) 6р 30

НИКАРАГУА: ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ 90-х ГОДОВ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

С.А.Барышников

В послевоенный период проблема демократизации общественно-политической системы Никарагуа всегда во многом определялась условиями, динамикой и результатами политики «прямого действия», демонстрируя приоритет и историческую традицию авторитарного начала. И лишь на рубеже 80-90-х гг., когда под влиянием сложных и противоречивых внутри- и внешнеполитических факторов наметились реальные возможности для осуществления частичной демократизации никарагуанского общества, именно выборы становятся ключевым элементом и главным инструментом политической модернизации, а последняя все более заметно перемещается в электоральную плоскость. Наиболее ярко данное обстоятельство проявилось в ходе подготовки и проведения всеобщих выборов 1990 г. «Выборы 25 февраля 1990 г., – считает российский исследователь К.Майданик, – стали одним из узловых моментов процесса политической модернизации Никарагуа, началом нового его этапа» [1].

Исходной конституционной датой проведения выборов был ноябрь 1990 г. Однако уже в начале 1989 г. ситуация в стране и за ее пределами заметно и качественно изменилась: с одной стороны, стремясь обеспечить себе устойчивое большинство, правящий Сандинистский фронт национального освобождения (СФНО) объявляет о приближении срока выборов; с другой – на сандинистское правительство оказывается весьма жесткое внешнее (как со стороны Соединенных Штатов, так и со стороны Советского Союза [2]) давление. «...Представляется, – отмечает К.Медина, – что к лету 1989 г. в СФНО было осознано объективное значение избирательного процесса для демократизации и укрепления связей с массами, резко ослабевших в ходе «экономического урегулирования (1988-1989 гг.)» [3].

Собственно сама подготовка к выборам началась даже с некоторым опозданием – лишь с лета 1989 г. Борьба за голоса избирателей впервые в истории СФНО стала для партии наиболее важным и значимым направлением политического действия. Тогда же был сформирован Высший избирательный совет (ВИС) во главе с сандинистом Мариано Фиальсом, в котором, впрочем, сандинисты не имели большинства; обнародован Закон о выборах 1988 г., получивший, кстати, весьма высокую оценку со стороны международных организаций; разрешено присутствие на выборах тысяч наблюдателей из десятков стран мира, от ООН, ОАГ и других представительных структур. В июне 1989 г. начала оформляться противостоящая СФНО демократическая коалиция в составе 14 политических партий и организаций различной – порой диаметрально противоположной политико-идеологической направленности – Национальный оппозиционный союз (НОС). Социальную базу НОС составили самые разнообразные и широкие слои населения: и представители частного сектора национальной экономики, и известные деятели науки и культуры, и активисты антисандинистских профсоюзов и даже социалисты с коммунистами («традиционные левые»), выступавшие на протяжении всего периода сандинистского правления с критикой революционного режима слева... После долгих колебаний и серьезного идейного противостояния в сентябре 1989г. в качестве единого кандидата от НОС на пост президента страны была выдвинута видный представитель оппозиции, вдова национального героя Никарагуа Педро Хоакина Чаморро, в прошлом член первого состава Правительства национального

возрождения, издатель влиятельной оппозиционной сандинистам газеты «Ла Пренса» – Виолета Барриос де Чаморро [4].

Предвыборная программа НОС, подававшаяся под цветами государственного флага Никарагуа («бело-голубое»), обещала немедленное прекращение военных действий на территории страны, реальное улучшение экономического положения, резкое сокращение в кратчайшие сроки темпов инфляции, в первую очередь за счет минимизации всех государственных расходов, восстановление и процветание демократии, гражданских свобод, прекращение милитаризации общества (предполагалось, в частности, отменить принятый сандинистами Закон о всеобщей воинской обязанности, официально именовавшийся «Законом о патриотической воинской службе»!). Наряду с этим, предусматривалось осуществить резкое сокращение армии и органов внутренних дел, пересмотреть результаты аграрной реформы – с возвращением «незаконно конфискованных земель» их прежним владельцам и т.д. Интересно то, что в программе НОС не было сказано ни слова осуждения в адрес США и «контрас», которые на протяжении ряда лет фактически вели необъявленную войну против Никарагуа. Зато вся она была построена на жестких обвинениях в адрес сандинистов, «предавших революцию», «монополизировавших власть», «надругавшихся над демократией», «разоривших – некомпетентностью, коррупцией, идеологизированностью политики – экономику страны».

Несколько позднее был опубликован и предвыборный манифест СФНО, представленный внешне совершенно аморфным, на наш взгляд, лозунгом «Все будет лучше!». В этой платформе правящей партии содержались достаточно размытые обещания перехода к смешанной экономике, постепенного повышения уровня и объемов национального производства, жизненного уровня в целом, занятости, дальнейшего сокращения инфляции, возвращения к первоначальным планам социального развития. Очевидно, сандинисты ограничились чисто декларативными формулировками и обещаниями, так как рассчитывали достаточно активно и динамично провести саму избирательную кампанию, укрепив не «словом», а «делом» свои пошатнувшиеся позиции в народных массах, возродить политику массовой мобилизации, обеспечивавшую им в самые критические моменты высокий уровень социальной поддержки.

Тем не менее, как оказалось, общее состояние никарагуанской экономики, фактически проваленный правительством социальный проект национального развития, усложнившиеся позиции страны на региональном и международном уровнях предопределили поражение сандинистов, несмотря на многочисленные позитивные для них результаты предварительных прогнозов наблюдателей и опросов общественного мнения.

В выборах приняло участие около 90% зарегистрированных избирателей (на предыдущих в 1984г. – 75,5%), так что уровень абсентеизма – и это стало одной из важнейших особенностей электорального процесса 1989-1990 гг. – был относительно низким. «Еще в одной стране Латинской Америки, – объясняли некоторые наблюдатели, – пораженной «кризисом века», оппозиция, опираясь на «экономическое недовольство» масс, одержала победу на выборах, а правительство, «управлявшее (без особого успеха) кризисом», потерпело поражение» [5]. Внешне именно таким образом и обстояли дела в Никарагуа. Однако в данном случае, как нам представляется, поражение СФНО означало в первую очередь прекращение «революционного эксперимента», знаменовало собой завершение целого исторического этапа новейшего развития, а не тривиальную смену власти в рамках однотипной и одномерной политической системы. Никарагуанский выбор-90 продемонстрировал то, что «революционный, освободительный процесс в Центральной Америке потерпел серьезное поражение» [6]. Кстати, по-

следнее было тем более болезненным, что явилось результатом свободного волеизъявления народа, к интересам и инициативе которого так любят апеллировать революционеры всех времен.

Придя в апреле 1990 года к власти, разношерстная коалиция антисандинистских сил на протяжении всего периода президентства В.Чаморро (1990-1996 гг.) так и не смогла добиться значимых результатов в таких жизненно важных сферах, как экономическая и социальная. Совершенно правы авторы, отмечающие «явный разрыв между открытостью формирующейся политической системы и несовершенством социальной» [7]. Не было достигнуто и реального политического урегулирования, ибо сандинистские лидеры, провозгласившие курс «править страной снизу» [8], а также постоянные разногласия внутри самого НОС свели фактически на нет усилия демократов «первой волны» на этом поприще. В конце концов, по меткому выражению самих никарагуанцев, возник некий гибридный вариант «демократуры». Поэтому практические задачи по преодолению системного кризиса, по осуществлению подлинной социально-экономической и политической модернизации предстояло решать уже следующей «команде» демократов, модернизаторам «второй волны». Иными словами, дальнейшие перспективы развития никарагуанского общества во многом зависели от результатов очередных всеобщих выборов 1996 г.

К началу избирательной кампании в мае 1996 г. основные действующие лица электорального процесса определились достаточно четко [9]. Сами выборы были назначены на 20 октября 1996 года. В ходе выборов никарагуанцам предстояло избрать президента, вице-президента, 90 депутатов Национальной ассамблеи, 145 глав муниципалитетов и 20 депутатов Центральноамериканского парламента. К лету 1996 г. ВИС (в феврале того же года его возглавила политически нейтральная Роса Марина Селайя) зарегистрировал «4 коалиции, объединившие 13 партий, и 19 самостоятельных партий. В стране с населением 4,2 млн. (2,4 млн. избирателей) было выдвинуто 23 кандидата на пост президента» [10].

Следствием крайней «размытости» политического спектра и кризиса доверия (журнал «Энвио» в апреле 1992 г. справедливо писал о «кризисе надежд» [11]) к правительству и основным участникам политического процесса стало разделение электората между двумя главными претендентами на пост главы государства: лидером СФНО, экс-президентом Даниэлем Ортегой и главой Либерального альянса (ЛА), бывшим мэром столицы страны, президентом Союза производителей кофе Никарагуа Арнольдо Алеманом [12]. Тот факт, что названные кандидатуры занимали и олицетворяли резко полярные позиции по ключевым проблемам, свидетельствовал о слабости политического центра (ни левоцентрист Серхио Рамирес, ни правоцентрист Антонио Лакайо не могли претендовать на серьезные результаты), расколотого на мини-партии. А такой расклад сил вновь ставил под угрозу сохранение гражданского мира и согласия в стране.

В ходе предвыборных состязаний и самой избирательной кампании Алеману удалось убедить большинство избирателей в том, что сандинисты уже не вернутся к власти, учитывая провал их экономической политики и «крайне запущенную» социальную сферу, поэтому ЛА и его кандидаты имели предпочтительные шансы [13]. Фаворит электорального процесса постоянно заверял избирателей в том, что его правительство не будет никого преследовать по политическим мотивам, а займется искоренением нищеты, созданием новых рабочих мест и решением проблемы конфискованной за годы правления СФНО (1979-1990 гг.) собственности. Безусловно, при такой

позиции Алеман пользовался поддержкой крупных предпринимателей и управленцев, а также мог рассчитывать на содействие никарагуанской диаспоры за рубежом.

В отличие даже от такого известного политика, как Алеман, Ортега накопил огромный опыт политического руководства, в том числе участвуя в избирательных кампаниях 1984 и 1990 гг. Он также приобрел необходимые навыки политического маневрирования, руководя СФНО в оппозиции, сумев сохранить за собой пост Генерального секретаря партии – несмотря на серьезные внутренние разногласия и противоречия в сандинистских рядах, претерпевших за последние годы ряд расколов и конфликтов. Поэтому он ни в меньшей степени, чем Алеман, рассчитывал на успех. Проведенные перед самым голосованием опросы общественного мнения, тем не менее, однозначно указывали на победу ЛА во главе с Алеманом (от 45 до 49% голосов) уже в первом туре.

Состоявшиеся 20 октября 1996г. вторые в новейшей истории Никарагуа свободные и демократические выборы прошли в достаточно спокойной обстановке при высокой активности избирателей (около 80%). После уже предварительного подсчета голосов выяснилось, что ЛА и Алеман опережают СФНО и Ортегу на 10 пунктов – соответственно 49,4% и 39,3% голосов никарагуанцев, принявших участие в выборах [14]. Еще более плачевными для сандинистов оказались окончательные результаты голосования, подведенные 8 ноября 1996 года: 37,75% против 51,03% у либералов [15].

К особенностям электорального процесса 1996 г. в Никарагуа следует отнести и весьма неутешительные для большинства из 35 политических партий результаты выборов, что стало в определенной степени неожиданностью. Тем не менее, на наш взгляд, по итогам голосования политическая карта страны существенно изменилась. В частности, в парламенте создалось принципиально новое соотношение сил: либералы и сандинисты получили свыше 80% мест. Поэтому в перспективе не исключено движение к созданию в Никарагуа двухпартийной системы, что при достаточно взвешенной внутренней политике вступившего 10 января 1997 г. в должность президента Алемана и его «команды» может упрочить политическую стабильность в никарагуанском обществе. Данное обстоятельство, пожалуй, единственное, вселяющее осторожный оптимизм при оценке ближайших перспектив общественно-политического развития этой центральноамериканской страны. По крайней мере, итоги двух названных избирательных кампаний текущего десятилетия подтвердили приверженность большинства никарагуанцев идее демократии и продемонстрировали их негативное отношение к авторитарному прошлому. И в завершение, придавая нашему анализу более убедительное звучание, приведем подробные результаты этих двух избирательных кампаний.

РЕЗУЛЬТАТЫ ВСЕОБЩИХ ВЫБОРОВ В НИКАРАГУА

а) выборы 25 февраля 1990 года

№ п/п	Кандидат на пост президента, вице-президента	Политический блок или партия	Количество Голосов	%
1	Даниэль Ортега Серхио Рамирес Меркадо	СФНО	580,0 тыс.	40,8
2	Виолета Барриос де Чаморо Вирхилио Абеяярдо Годой	Нац. оппозиционный союз (НОС)	777,5 тыс.	54,7
3	Исса Моисес Хассан Виктор Терсеро	Движение обновленного действия (ДОД)	13,0 тыс.	1,0
4	Бруклин Ривера Уильям Ванегас	Индийская организация ЯТАМА	13,0 тыс.	1,0

Остальные 6 политических партий, принявших участие в выборах, вместе получили около 2% голосов избирателей, чьи бюллетени были признаны действительными.

б) выборы 20 октября 1996 года

№ п/п	Кандидат на пост президента вице-президента	Политический блок или партия	Количество голосов	%
1	2	3	4	5
1	Арнольдо Алеман Энрике Боланьос	Либеральный альянс (ЛА)	904,9 тыс.	51,0
2	Даниэль Ортега Хуан Мануэль Кальдера	СФНО	669,4 тыс.	37,7
3	Гильермо Антонио Осорио Роберто Родригес	Никарагуанский христи- анский путь (НХП)	67,995 тыс.	4,13
4	Ноэль Хосе Видаурре Николас Хосе Боланьос	Консервативная партия Никарагуа (КПН)	37,826 тыс.	2,3
5	Франсиско Хосе Дуарте Эмилио Хосе Молина	Национальное консерва- тивное движение	12,224 тыс.	0,74
6	Алехандро Серрано Хуан Санчес Баркеро	Альянс «Единство» (У)	9,744 тыс.	0,59
7	Бенхамин Рамон Лансас Мария Ауксилиадора Перес	Национальный проект (ПРОНАЛ)	8,0 тыс.	0,50
8	Серхио Рамирес Меркадо Карлос Леонель Аргуэльо	Движение сандинист. об- новления (ДСО)	7,939 тыс.	0,48
9	Аусберто Нарваэс Тирсо Рамон Морено	Партия либерального единства (ПЛЕ)	7,715 тыс.	0,47
10	Франсиско Майорга Честер Гевара	Альянс «Сила-96 и ПАН»(ПАН-ФУЭРСА)	6,918 тыс.	0,42
11	Аллан Антонио Тефель Луис Гутьеррес	Движение национал. обновления (МОРЕНА)	6,344 тыс.	0,39
12	Верхилио Абельардо Годой Педро Рейес	Независимая либеральная партия (НЛП)	5,951 тыс.	0,36
13	Хосе Альберто Диас Мигель Сентено	Партия национальной справедливости (ПНС)	5,279 тыс.	0,32
14	Андрес Робелино Роблес Фидель Антонио Тапиа	Никарагуанская партия единства рабочих, крестьян и служащих	5,200 тыс.	0,32
15	Эдгар Киньонес Ноэль Алонсо Ривера	Партия никарагуан. со- противления (ПНС)	4,904 тыс.	0,3
16	Эли Альтамирано Перес Рафаэль Гутьеррес	Ком. партия Никарагуа (КПН)	4,478 тыс.	0,27
17	Мириам Моралес Франсиско Паладино	Консервативный народ- ный альянс (КНА)	4,163 тыс.	0,25
18	Альфредо Сесар Агирре Роберто Хосе Теран	Альянс «НОС-96» (УНО-96)	3,635 тыс.	0,22
19	Серхио Мендиета Кармен Архентина Рохас	Интеграционистская партия Центральной Америки (ПИАК)	2,296 тыс.	0,14

1	2	3	4	5
20	Джеймс Уэбстер Питтс Даниэль Поррас	Партия демократического действия (ПАД)	2,254 тыс.	0,14
21	Густаво Таблада Карлос Хосе Перес	Никарагуанская социалистическая партия	1,330 тыс.	0,08
22	Исса Моисес Хассан Виктор Терсеро	Движение обновленного действия (ДОД)	1,250 тыс.	0,08
23	Роберто Уркуйо Муньос Милтон Ренато Арсиа	Никарагуанский демократический альянс	1,075 тыс.	0,07

Из 35 политических партий, официально зарегистрированных ВИС Республики Никарагуа, две (Партия революционных трудящихся и Национальная консервативная партия) не выдвинули ни одного кандидата на высшие государственные посты, а движение «Никарагуа превыше всего» в последний момент присоединилась к Никарагуанскому демократическому альянсу. Результаты всеобщих выборов 1990 и 1996 гг. подсчитаны по материалам журналов «Envío». – 1990. – №102 и «Panorama centroamericano. Reporte politico». – 1996. – №120.

РЕЗЮМЕ

Стаття присвячена аналізу результатів загальних виборів в Нікарагуа, відбувшихся у 90-х роках. Автор намагається не лише висвітлити проблеми поточного політичного розвитку цієї латиноамериканської країни, але і визначити перспективні варіанти процесу політичної модернізації нікарагуанського суспільства.

SUMMARY

The article is devoted to the analysis of outcomes of general election in Nicaragua which was taking place in the 90-th years.. The author tries not only to illuminate problems of current political development of this Latin American country, but also to designate perspective variants of process of political modernizing of the Nicaraguan society.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах / В.Г.Хорос, Г.И.Мирский, К.Л.Майданик и др. – М.: Наука, 1996. – С.239.
2. Так, Елена Горовая отмечает, что на протяжении года советское руководство настойчиво убеждало лидеров СФНО в необходимости проведения выборов (специальный представитель МИД СССР 11 раз летал в Никарагуа на переговоры) – условия стабилизации обстановки в Центральной Америке. – См.: Горовая Е.В. Сандинистский фронт национального освобождения в Никарагуа: социальная база и политическая платформа (1961-1979 гг.). – Автореф.дис. ... канд.ист.наук. – М.:МГИМО, 1994. – С.4.
3. Медина К. Час истины? //Латинская Америка. – 1990. – №7. –С.28.
4. Envío Managua, 1989, №97, P.1.
5. Майданик К.Л. Неравнодушные заметки (О некоторых итогах выборов в Никарагуа) //Латинская Америка. – 1990. – №4. – С.140.
6. Там же. – С.141.
7. Чумакова М.Л. Никарагуа: время выбора //Латинская Америка. – 1997. – №2. – С.58

8. Envio, 1990, №105, P.36-47.
9. Panorama centroamericano. Reporte politico, Guatemala, 1996, №115, P.16-18.
10. Чумакова М.Л. Указ соч. – С.59.
11. Envio, 1992, №125, P.3.
12. La Prensa. Managua, 20.05.1988.
13. Panorama centroamericano. Reporte Politico, 1996, №115, P.17.
14. La Prensa, 22.10.1996.
15. Чумакова М.Л. Указ. Соч. – С.64.

Надійшла до редакції 10.06.1999 р.

ББК ТЗ (7СПО) 63-7
Г 858

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ИНТЕРЕСА ЭЛЕКТОРАТА США В 80-90-е ГОДЫ

О.Л.Грицун

Сегодня, в момент острого общественного кризиса в Украине, особый научный интерес вызывают вопросы рационализации, инвариации путей государственного развития. В связи с этим особую актуальность обретают проблемы концентрации властных усилий на наиболее важных (уязвимых) направлениях модернизации политической системы. Деятельностный прорыв в этой сфере невозможен без достаточного историко-научного и методолого-технического обеспечения и теоретической проработки концептуальных основ внутренней политики, что придает значимость исканиям в области теории демократии и управления общественными процессами.

Такой научно-практический статус позволяет вывести отрасли междисциплинарного знания, каковой является историологический анализ политических явлений, в разряд первостепенных, а научную деятельность в них признать весьма целесообразной. К исследованиям подобного характера, на наш взгляд, относится историческое измерение феномена общественного интереса в контексте современного избирательного процесса США.

Стремление историка к истине, представленной в ясной и отчетливой форме, бесконечно, как бесконечен поиск методов достижения этой цели. Вариант логического освоения проблем современного выбора помогает понять историзм политического процесса, принципы его протекания (циклизм, причинность), закономерности развития (эволюционизм, интегративность, систематизм и др.). В настоящей статье опорные понятия, создающие логический хребет исследования, вбирают в себя сущность реально действующих факторов политической истории, суждения же формируют научно-аналитический корпус его.

Мир последних десятилетий XX века наполнен неожиданностями, сложной динамикой, изменяющей вещи за относительно короткие промежутки времени. История, как просмотр ускоренно перематывающейся киноленты, сплавляет обозначения, символы, понятия в единый поток хаотически всплывающих признаков. Задача логики упорядочить наши мысли о понятиях, их свойствах, различить их признаки (структуру, классические черты, особенности элементов и т.д.). Поэтому использование закономерностей теории рассуждений при описании изменений имеет смысл, так как каждое изменение содержит свою логику, а она определяет парадигму эволюции понятия. Для исторической науки очень важно установить тенденции развития понятий; ведь из на-

ших представлений о вещи, явлении, идее вытекает наше отношение к ним и, следовательно, действие, составляющее живую ткань реалий.

Одним из ключевых структурных элементов понятия «общественный интерес» является такая базисная категория, как потребность. Она регулирует стимуляторные структуры человека, мобилизует резервные силы биосоциального аппарата личности, акцентирует ее деятельность. Логически закономерным представляется изменение потребностей общества в связи с динамикой ценностных ориентаций массового сознания, а она в свою очередь зависит от специфики понимания конкретным человеком смысла и целей существования его и общества. Однако жизненные приоритеты личности определяются психологическими, аксиологическими, ментальностными процессами трансформации общества, поэтому именно общенародные акции способны комплексно отразить глубину и масштабность происходящего. Мониторингом, фиксирующим искажения культурантропологического, социопсихологического, этнологического срезом современного исторического ландшафта, может служить электоральный процесс.

Во времена войны во Вьетнаме естественное нежелание американцев погибнуть за чуждые им интересы превратилось из личной потребности сохранения жизни в общий интерес прекращения войны, сфокусированно выразившийся в кампании по выборам президента США 1968 года. Предложенный же Р.Рейганом в начале 80-х гг. путь оздоровления общества через возврат к индивидуализму, уважению к семье и собственности «конституировал» обратный вектор движения – преобладание личностного в потребностях и побуждениях рядового американца [1]. Такое заметное колебание имеет свои предпосылки, и коренятся они в глубоком структурном смещении, произошедшем в социуме, изменении способа формирования потребностей американцев за последние 30-40 лет. Сменилась фаза общественного развития, и маятник антропоэволюционных тенденций качнулся от социоориентирующих установок индустриальных 50-х гг., культивировавших трудовые усилия, накопительство, воздержание, к гедонистическим настроениям постиндустриализма 80-90-х гг. Такая субъективизация восприятия национальных интересов, перегруппировка критериев и стереотипов мироосмысления сказалась на психологической ауре президентских выборов 1984 и 1988 гг. [2]. «Рейганомическая политика» удовлетворения частнособственнических потребностей электората выглядела более значимой, чем стратегические усилия СОИ [3].

Упомянутые кампании по выборам сделали очевидным сдвиг в общественном понимании роли норм морали в повседневной жизни, экстраполировавшийся на уровень политического мышления. Сегодня концентрация внимания на личностной Я-ипостаси, выкристаллизация собственной необходимости в системе приоритетов обусловливает в основном негативное отношение американских граждан к попыткам части истеблишмента форсировать электоральный процесс в связи со скандалом Клинтон-Левински [4]. Таким образом, презумпция невмешательства общества в сферу удовлетворения частных потребностей в «эру Клинтона» все больше возводится в понятийный абсолют, личные интересы начинают отличаться все большей императивностью, неотъемлемостью, «избалованностью».

Однако психосоциальный портрет американского общества 80-90-х гг. весьма разнolik, и несмотря на то, что постулаты о приверженности нации в целом стратегическому курсу развития страны и основам вестернизированного миропорядка заметно истерлись в общественном сознании, третья часть электората регулярно голосует на выборах [5]. Это свидетельствует о стойкой архетипичности значительной части общеамериканских установок, а также лежащих в их фундаменте идеологем и духовных принципов.

Впрочем, разновекторность и разнокачественность эволюции идеи общественно-

го интереса, ее парадоксальность и алогизм являются одной из главных особенностей парадигмы американской демократии на современном этапе. Такое противоречие основано на искусственности политико-духовной унификации идеалов американского народа, несмотря на генетическую и культурную его гетерогенность. Логическая эксплицитность, аксиологическая истинность, аргументативность «нормально мыслящего» общества видится в диалектике представлений американцев об общем благе, но все более очерчивается метафизичность личностного эго-прозрения, нормативная трансцендентализация индивидуального взгляда на это благо. Свобода (прежде всего она подразумевается как высшее общее благо), таким образом, и здесь получает двойственное толкование: я могу поступать в соответствии со своими убеждениями, разумением жизни, предначертаниями судьбы, Божьей милостью, наконец, но это не может, не должно влиять на поступательный ход развития общества – оно обязано жить по выработавшимся, неподверженным эрозии правилам.

Социологические опросы периода парламентских выборов 1994 года рельефно проявили отношение различных слоев общества к платформе республиканцев «Контракт с Америкой», в которой понятие свобода трактуется как возможность влияния каждого американца на федеральное правительство и решения местных проблем [6]. Характерной особенностью, объединяющей представителей разных групп, является релятивизация представлений о целях и задачах такого влияния, сведение его значения к утилитарно-локальному эффекту, ограничение сиюминутностью его действия. Возможность интеграции (или агрегации) потребностей в некую целостность, отражающую, в известной мере, общую заинтересованность, предполагает, как в данном случае, коллективное же понимание потребностей.

Закономерной представляется устойчивость восприятия очередных политических выборов не только как путей артикуляции нужд избирателей, но и как способов удовлетворения потребностей протеста, являющихся системообразующим началом политической культуры действия в США. Так, своеобразным катализатором электоральной активности в президентских и парламентских кампаниях рубежа 80-х и 90-х гг. стала проблема запрещения аборт [7]. Анализ динамики общественного мнения по этим вопросам свидетельствует, что признаки понятия потребность, обретая специфические характерологические черты, канализируют поведение граждан во внеинституциональное русло, образуют детонирующий фактор процесса социальной энтропизации. Нестандартность имиджа беспартийного независимого кандидата в президенты Р.Перо на выборах 1992 года и набранные им при этом 19% голосов говорят о возможном варианте детехнологизации политического процесса, выхода его за рамки заданных параметров и глубокой трансформации всей политической системы [8].

Предпосылки и закономерности формирования потребностей (информационное влияние на избирателя, его вовлеченность в движение производства и распределения ресурсов, интегрированность в групповые, корпоративные, институциональные связи и др.) составляют акторскую матрицу общественного интереса как доминанты политических отношений самых различных уровней. Этот технологический аспект не может не выступать заметным ориентиром в кулуарно-электоральной борьбе, лоббировании всевозможных предвыборных программ и решений. Он же является строгим корректором отношений по линиям элита-масса (парламентские выборы), лидер-общество (президентская кампания), а также регулятором механизмов прямой (возможный референдум) демократии.

Представляется очевидной жестко детерминированная зависимость успеха любого проекта в области публичной политики от содержания, вкладываемого массами в понятие потребности, связанной с реализацией данного проекта. Действительным про-

дуктом такого взаимодействия института общественного мнения с системой, программируемой функционированием властного целесообразия и политической необходимости, сегодня может стать искусственная (через процедуру импичмента Б.Клинтона) активизация процесса циклических изменений американской истории.

Синкретизм историологических подходов показывает, что, оставаясь главным мотиватором электорального поведения американцев, развиваясь и обретая структурную пластичность, концепт общественного интереса в 80-90-е гг. переживает предкризисное состояние. Перегруппировка ценностных ориентиров значительной части населения, создающая предпосылку дефицита человеческих побуждений и духовного разрыва смыслообразующих оснований жизни, подтверждается дальнейшей абсентеизацией электората [9]. Происходит поляризация общественного мнения относительно как насущных интересов, так и стратегических, перспективных [10].

Большинство общественных потребностей ощущается и воспринимается избирателями как второстепенные, абстрактные, ирреальные, в то время как собственные устремления, зачастую не связанные с общественными или государственными институтами, получают приоритетное значение. Однако логика изменений говорит об обратимости такой трансформации или, возможно, временном ее характере.

РЕЗЮМЕ

Історіологічний аналіз даних американських виборчих кампаній 80-90-х рр. Свідчить про політичне перегрупування цінностних орієнтирів в масовій свідомості електорату США, а також зміни у розумінні суспільного інтересу. Відзначається певна індивідуалізація потреб та партикуляризація уявлень пересічного американця про суспільні ідеали і чесноти. Втім трансформаційна логіка припускає зворотність процесів, щодо поляризації електоральних потреб і мотиваційно-дійовничих джерел особистості та загалу.

SUMMARY

Historical analysis of given American electoral campaigns of 80-90s testifies to appreciable re-orientation of value aim in a mass consciousness of American people and also to the change in understanding of social and private interest. A definite individualization of needs is observed and besides the way American people see social ideals and spiritual principles is so subdivided. However transformative logic surmises reversibility of polarization of electoral needs and reversibility of stimulating bases of society and personality.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Замошкин Ю.А. Вызовы цивилизаций и опыт США: история, психология, политика. – М.: Наука, 1990. – С.192.
2. Aldrich J., Miller G., Ostrom C. American Government. People, Institutions and Policies. – Boston etc.: Houghton Mifflin Company, 1986. – P.451.
3. Приходько О. Выборы без выбора. По материалам зарубежной печати // Зеркало недели, 44(103), 2.11.96. – С.6.
4. Загоруйко Ю. Ирландский визит // Зеркало недели, 37 (206), 18.09.98. – С.5.
5. Janda K., Berry J., Goldman Y. The Challenge of Democracy. Government in America. – Boston etc.: Houghton Mifflin Company, 1992. – P.318.
6. Червонная С.А. Рассовые взаимоотношения в свете президентских выборов в США // США: экономика, политика, идеология. – 1996, №4, С.30.

7. Пахомов А.А. Выборы 1990: скромная победа демократов // США: экономика, политика, идеология. – 1991, №2, С.31-35.
8. Американский электорат: новые тенденции: научно-аналитический обзор. – М.: ИНИОН АН СССР, 1992. – С.48.
9. Meisel S. The Parties Respond Change in the American Party System. – San Francisco etc.: Westview Press, 1990. – P.248.
10. Ibidem. – P.255.

Надійшла до редакції 20.06.1999 р.

ББК:Ф 66.72 + Ф 66.023.3. + Т 63.1.

ПРОФСПІЛКИ І ТОТАЛІТАРИЗМ У ПРИЗМІ АНГЛО-АМЕРИКАНСЬКОЇ ІСТОРІОГРАФІЇ

В.М.Докашенко, О.В.Кранівін

Поступальний процес розбудови Української незалежної держави викликав необхідність принципової зміни в діяльності всіх ланок політичної системи. З точки зору історичної ретроспективи цілком закономірно, що становлення молодого держави, яке проходить на основі досить низького розвитку продуктивних сил, відбувається на загальному тлі економічної кризи і супроводжується різким погіршенням життєвого рівня широких верств населення. Останнє об'єктивно висуває завдання розробки і реалізації ефективної системи захисту трудящих не лише з боку державних органів влади, але й з боку профспілкових об'єднань. Найбільш чисельне з них – Федерація професійних спілок України, кардинально змінивши характер своєї діяльності, розробила ряд адекватних заходів, які певною мірою здатні пом'якшити наслідки негативних явищ, створюючи тим самим сприятливіші умови для прискорення державотворчих процесів.

Проте, при всій безумовній позитивності зрушень у діяльності професійних спілок, їх авторитет в сучасному українському суспільстві залишається невисоким. Причини цього скептицизму і навіть недовіри з боку трудящих певною мірою криються у діяльності їх попередників – радянських профспілок, які, трансформували свою первісну сутність, лише декларували потенційні захисні можливості, а в реальній дійсності обстоювали інтереси тоталітарної держави.

З точки зору історичної ретроспективи питання правомірності поєднання професійних спілок, організації демократичної за своїми первісними засадами, і тоталітаризму – системи, що ґрунтувалась на кардинально протилежних концептуальних засадах, перед наукою завжди стояло надзвичайно гостро. Повною мірою це стосується і сьогодення, коли масова громадська організація знаходиться на стадії принципової зміни характеру своєї діяльності, веде активний концептуальний пошук свого місця в новій системі політичних стосунків.

Але будь-яка, навіть найкраща концепція потребує свого подальшого розвитку та реалізації. Зараз же ситуація розвивається таким чином, що заглиблення у найближче минуле, що проходить на фоні політичних баталій, мимоволі залишає поза увагою надзвичайно важливий аспект історичного аналізу – дослідження зарубіжних авторів з проблеми тоталітаризму та основ профспілкового руху, котрих свого часу всіляко «розвінчували» як «буржуазних фальсифікаторів» та «советологів». Така втрата «популярності» навряд чи позначиться на їх авторитеті, але певною мірою відіб'ється на характері державотворчості в цілому і розвитку профспілкового руху зокрема. І за при-

кладом ходити далеко не варто. Так, ідея активної політичної діяльності профспілок була декларована Другим (позачерговим) з'їздом Федерації незалежних профспілок України (1992 р.) і конкретизована в одному з виступів Голови Федерації О.М.Стояна. «Пріоритети профспілок, – зазначав він, – мають знаходитись у сфері політичних, щоб вони справді стали реальною політичною силою і саме через політичні дії здійснювали свою основну функцію – соціальний захист людей» [1]. Однак свій подальший розвиток вона отримала лише у 1997 р. із започаткування Всеукраїнської партії трудящих. При цьому, очевидно, слід зазначити, що вказану ідею важко назвати новою. Її ще у 1973 р. обстоював американський економіст Ірвін Ріхтер у своїй ґрунтовній книзі «Політична мета тредюніонізму» [2]. У 1977 р. М.Джексон у праці «Індустріальні відносини» характеризував політичну діяльність профспілок як таку, «... що має широкі цілі та перспективи» [3, с.71].

Безумовно, не всі думки авторів із далекого зарубіжжя можна використати, та вони й не ставили перед собою мети видавати рецепти на всі випадки життя, але при всьому цьому не можна не визнати беззаперечного факту, що відсутність ідеологічної упередженості надає їх дослідженням ґрунтовнішого та об'єктивнішого характеру. Тобто роботи західних вчених позбавлені основної вади, характерної для дослідників радянських часів, – ідеологічної заданості. Остання ж, як відомо, випливала із такого принципу взаємовідносин правлячої партії із суспільством як комуністична ідейність. Цим вітчизняні історики вже первинно ставились у нерівноправне положення із зарубіжними колегами, оскільки у своїх дослідженнях змушені були керуватись лише тими положеннями світової економічної, політичної та соціальної думки, які влаштовували партію влади.

У той же час науковість як принцип дослідження вимагала плюралістичних підходів. Отже, для вітчизняної історіографії надзвичайно гострою була проблема визначення ступеня співвідношення науки і політики. Одночасно зазначимо, що така постановка питання не була новою. Час від часу проблема дискутувалась на міжнародному рівні, але свого більш-менш повного вирішення так і не знайшла навіть у країнах традиційної демократії. У зв'язку з цим професор Манчестерського університету В.Маккензі ще у 1966 р. писав: «Про організацію західної науки, про її ставлення до урядів, про перспективи її розвитку як соціальної системи, як в національному, так і на міжнародному плані, поки що написано мало» [4, с.379]. Характеризуючи положення своїх радянських колег, він зазначав: «Російські вчені, хоч і залишаються самотніми, але як науковці вони близькі до нас і це не може не бентижити дрібних бюрократів» [4, с.379]. Є всі підстави вважати, що ця обставина «бентежила» не лише «дрібних бюрократів», і досвід розправи з дисидентським рухом 70-х рр. – яскраве тому свідчення.

Ясна річ, що за таких умов важко було очікувати на високі результати у розробці проблем профспілкового руху, оскільки ідеологічна упередженість блокувала приплив свіжих ідей навіть до його теоретичних засад. Цитований вище автор вважав, що «марксизм припинив свій розвиток через те, що переоцінив власний успіх [4, с.83]. Цілком можливо, що такий стан повністю задовольняв владу. «Тоталітарні лідери, – вважав професор Рутгерського університету Тобі Джексон, – прагнуть домінувати над всіма групами суспільства, щоб застрахуватись від втрати влади... Вони йдуть далі, вимагаючи теоретичного підтвердження режиму тією ж мірою, що й слухняних дій...» І далі: «Тоталітарні лідери бояться, що люди, які можуть мати незалежні думки, зможуть думати і про нових лідерів.» [5, с.411]

Ця теза дає певне пояснення стосовно причин утримання професійних спілок у фарватері партійної політики в умовах тоталітарної системи, розкриває вона певною мірою й видозміну їх функціональної діяльності, адже профспілки – це, перш за все, організація, що

об'єднує найрізноманітніші верстви населення навколо соціальних проблем. У цьому й приховані їх велетенські потенційні можливості, в тому числі й політичні. І суть питання полягає лише в тому, на чиєму боці будуть профспілки як організатори. Якщо вони стануть в опозицію до влади, то в такому випадку, враховуючи їх чисельність та первісне призначення, будь-якій партії влади навряд чи вдасться її утримати. Отже найближчим завданням тоталітарної партії, що обіймала владу, було завдання утримати професійні спілки у сфері свого впливу та не допустити їх переходу в опозиційний табір.

Саме тому наявність опозиції неприпустима в умовах тоталітаризму, що, власне, й заперечує свободу вибору. Посилаючись на відомого фахівця в галузі суспільних відносин професора де-Гре, цитований вже нами Тобі Джексон зазначає, що «... свобода потребує тонкого балансування серед груп, що утворюють єдине суспільство. Якщо ж група офіційних осіб, котра приймає рішення (партія), настільки міцна, що її голос у процесі вироблення рішення не піддається сумніву, то свобода неможлива. При цьому деспотизм може бути і доброзичливим, але демократичність вибору все рівно буде відсутньою» [5, с.111].

Рівень свободи, що, у свою чергу, характеризує ступінь деспотизму в СРСР, на різних історичних етапах був різним. У сталінські часи, зауважував професор соціології Бостонського університету Марк Філд, «...вищий керівник вільно маніпулював радянським суспільством... Це – арешти, тюрми, катування, заслання або клеймо «ворог народу. Це – контроль за всім, що було сказано по радіо та надруковано в пресі, що говорилося у шкільному класі або писалося в романах, ваялося з мармуру або писалося на полотні. Все це руйнувало та спотворювало соціальні групи» [6, с.169].

У постсталінські часи ситуація дещо змінилась. Вищеназвані риси тоталітаризму носили «стертий» і не такий яскраво виражений характер. У зв'язку з цим зарубіжні автори змінюють і його назву. Марк Філд наводить найрозповсюдженіші з них: тоталітаризм без терору, крупномасштабна корпорація з багатьма пануючими прошарками, керованих партією, суспільство основане на ідеологічній угоді... Але від зміни назви системи, підкреслював він, її сутність не змінювалась: «Радянський Союз залишався модифікацією тоталітарної системи» [6, с.170].

Модифікація тоталітаризму призводила до відповідної метаморфози профспілок у цій системі. Тепер регулярно проводилися з'їзди профспілок, організовувалися «вибори» до всіх їх структурних ланок, постійно підкреслювалась їх організаційна самостійність, але, як і раніше, вони залишались «привідним» пасом партії. «Немає ніяких ознак того, – пише цитований автор, – що партія «ослабла» або відмовилась від контролю над всіма аспектами суспільного життя. Мова може йти лише про те, що у порівнянні з 1953 р. з'являються певні ознаки змін, дуже обачливі та обережні з боку партії» [6, с.178].

Саме ця обставина примушувала наймасовішу організацію трудящих виконувати не властиві їй функції. Центр тяжіння у практичній діяльності професійних спілок так само був зміщений у сферу виробничих аспектів. Захисна ж функція, як і раніше, залишалась другорядною, навіть формальною. У такому ж стані перебувала й їх виховна функція, яку фактично було зведено до завдань пропаганди пануючої ідеології. По суті, багаточисельні верстви населення залишилися беззахисними перед гарно вибудованою та ідеологічно захищеною машиною тоталітаризму. Позбавлені реальної функції захисту професійні спілки остаточно перетворились у своєрідний державний орган. Тому не дивно, – писали ще у 1956 р. відомі «советографи» р.Бауер, А.Інкелс та К.Клюкхон, – що радянські емігранти вважали профспілки частиною уряду [7, с.75].

У справедливості сказаного не важко переконатись, вчитавшись, наприклад, у текст угоди, підписаний урядом із страйковим комітетом шахтарів у 1989 р. Підпис го-

лови ВЦРПС стояв не навпроти підпису голови уряду, а поруч з ним. Наведений приклад – яскраве свідчення тому, чиї саме інтереси представляли профспілки зразка 70-х – 80-х рр. Одночасно він повністю підтверджує правомірність визначення, яким наділив радянські професійні спілки класик «советології» У.Ростоу ще у 1954 р. У своєму дослідженні «Динаміка радянського суспільства», характеризуючи реальний стан радянських профспілок, він вжив спеціальний термін «The emasculation of the Trade Unions» [8, с.64]. Серед десятка значень слів цієї фрази, що наводить «Большой англо-русский словарь», найбільш точним, незважаючи на відвертий натуралізм та вульгарність, є «кастрація профспілок». Саме в такому стані опинились профспілки України на початку державотворчих процесів.

При всьому цьому звинувачувати їх в упередженості теж важко. Важко тому, що той стан, у якому вони перебували, робив їх безсилими у серйозних випробовуваннях. Вони просто не володіли формами та методами страйкової боротьби. Відомі американські соціологи Делберт Міллер та Уільям Форм у своїй не менш відомій на Заході роботі «Індустріальна соціологія. Соціологія робітничих організацій» наводять з цього приводу думку одного з основоположників теорії страйкової боротьби М.Росса, котрий вважав, що «...характер страйку, як зброї робітничого класу, в основному залежить від характеру його організаторів» [9, с.415]. Разом з тим, з точки зору цитованих авторів, «Чим триваліший страйк, тим більший його економічний та соціальний вплив на суспільство, тим більше обидві сторони (профспілки та адміністрація) розкриваються перед народом» [9, с.418]. Тривалість шахтарських страйків 1989 р. повною мірою надає можливість виявити істинний характер професійних спілок. Вони, як і їх політичний лідер, виявилися не готовими до таких випробувань, хоча передумови останніх і закладались самою радянською системою господарювання. Так, вже згадувані у цій статті р.Бауер, А.Інкелс та К.Клюкхон підкреслювали неадекватність оплати праці відносно затрат робочої сили ряду категорій робітників [7, с.218], яка, власне, й слугувала основною причиною страйків. Профспілки ж, знаючи про це і не маючи відповідних важелів впливу на уряд, не могли ні випередити стан подій, ні, тим більше, очолити робітників під час страйку.

Питання функціонування професійних спілок неоднозначно оцінюється в країнах демократії. Діапазон коливань думок тут надзвичайно широкий: від повного заперечення доцільності їх існування до наділення їх надзвичайно широкими повноваженнями. Перші свою точку зору виводять із характеру сучасного виробництва, яке внаслідок надзвичайно глибокого поділу праці не єднає, а роз'єднує робітників. Звідси обґрунтовується відсутність перспектив профспілкового руху, який своєю сутністю спрямований на об'єднання трудівників. Наприклад, відомий фахівець в галузі соціології організації праці та маркетингу Роберт Дубін (США) стверджує: «Спеціалізація має відцентрове значення для організації праці, оскільки руйнує єдність робочих процесів» [10, с.49]. Більшість же вчених, як, наприклад, гарвардські професори р.Фрімен та Д.Медофф, позитивно оцінюють роль професійних спілок, передусім у колективно-договірній практиці [11, с.189].

Даний напрямок діяльності, очевидно, виглядає найбільш принагідним і для професійних спілок України. Затяжна економічна криза та викликані нею соціальні негаразди, з нашої точки зору, вимагають ретельної підготовки колективних договорів. Під силу це лише організації, що має відповідний досвід такої діяльності, тим більше, що на сьогоднішній день наше суспільство має надзвичайно обмежене правове поле захисту. На це ж орієнтує профспілки Східної Європи і міжнародний профспілковий центр у Женеві. Один із авторів прогнозу соціально-економічних перспектив розвитку країн,

що позбулися тоталітарної системи, Едіт Сінг вважає, що основні зусилля Міжнародної організації праці у цьому регіоні повинні бути спрямовані «...на надання гарантій того, що протягом перехідного періоду, який може затягнутися надовго, значній кількості робітників буде забезпечено стабільну зайнятість при відповідних умовах праці та побуту» [12, с.346-347]. Задля реалізації зазначеного Україна має створити необхідну правову базу. Найближчим кроком у цьому напрямку вбачається прийняття Верховною Радою Закону про професійні спілки.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются взгляды западных ученых относительно места и роли профессиональных союзов в советской модели тоталитарной системы. Отмечается утилитарность профсоюзного движения, в основе которой лежал тип взаимоотношений правящей партии с обществом. Со ссылкой на точку зрения зарубежных специалистов обосновывается вывод относительно истинной цели сохранения статус-кво этой массовой организации трудящихся. В работе отмечается, что в ходе своего развития тоталитарная система претерпела относительные изменения, хотя ее сущность от этого не изменилась. Профсоюзы, как и на ее более ранней стадии, оставались подчиненными воле государства, превратившись в один из винтиков государственного механизма.

SUMMARY

The article deals with the place and role of trade unions in the Soviet model of a totalitarian system, as western scholars see it. The utility of the trade union movement based on a certain type of relations between the ruling party and the society is paid special attention to in the paper. In reference to the view point of foreign experts the true aim of the preservation of the status quo of this mass organization of working-people is revealed. It is noted that in the course of its development the totalitarian system underwent certain changes that did not affect the essence of it. Like at its earlier stage trade unions being one of the screws in the machinery of the State remained subjugated to the will of the state.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Профспілкова газета. – 1992. – №45. – С.2-3.
2. Richter I. The Political Purpose in Trade Unionism. London, 1973 508 p.
3. Jackson M. Industrial Relations.– London, 1977. – 420 p.
4. Mackenzie W.J. Politics and Social Science.– London: Penguin books, 1967.– 424 p.
5. Jackson Toby. Contemporary Society. Social process and social structure in urban industrial societies.– New York, London, Sydney: John Wiley & Sons, INC, 1964.– 320 p.
6. Fild Mark G. Soviet society and communist party controls: a case of «constricted» development // Contemporary Soviet society. Sociological Perspectives.– New York: Praeger Publishers, 1978.– 278 p.
7. Bauer Raymond, Inkels Alex, Kluchon Clyde. How the Soviet System Works Psychological and Social Themes.– New York: Vintage books, 1956.– 219 p.
8. Rostow W.W. The dynamics of soviet society. A mentor book. – New York? 1954. – 264 p.
9. Miller Delbert C., Form William H. Industrial Sociology. The Sociology of Work Organization. A Harper international edition jointly published by Harper & Row, New York, Evanston & London and John Weatherhill, INC, Tokyo, 1963. – 873 p.
10. Dubin Robert. The world of work: Industrial Society and Human Relations.– New York: Englewood Cliffs, 1965. -- 449 p.

11. Вебер А.Б. Рынок, профсоюз, заработная плата // Политические исследования. – 1992. – №1 – 2. – С.187-192.
12. Singh Ajit. Labour markets and structural adjustments: A global view // Towards social adjustment. Labour market issues in structural adjustment. Edited by Gay Standing and Victor Forman. International Labour Office. – Geneva, 1991. – 320 p

Надійшла до редакції 20.05.1999 р.

ББК 66.Оя 73

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ – СУБЪЕКТ «ПАРТИЙНОГО ПРАВА»

Н.В.Примуш

1. Юридические определения политической партии

Политическая структура современного гражданского общества чрезвычайно сложна, она включает в себя множество взаимодействующих с государством общественных объединений. Политические партии – лишь один из ее видов. Следовательно, основополагающее значение для их правового регулирования имеет формулирование такого юридического определения самого понятия «политическая партия», которое позволило бы ограничить партии как специфический субъект права от всех иных видов общественных объединений. Только в зависимости от наличия или отсутствия у какого-либо объединения признанного законом качеств политических партий может быть определен правовой статус, права и обязанности, место и роль в политической системе. Однако, как справедливо отмечает Т. Бекназар-Юзбашев, для законодателя «с давних пор затруднительно было юридически оформить институт политических партий», ибо «по своему происхождению, в сфере своей деятельности, функциональному предназначению и т.д. партии в большей мере представляют собой общественно-политическую, чем государственную правовую категорию» [1]. В этом, очевидно, кроется одна из причин отсутствия законодательства и единого общепризнанного определения политической партии. Кроме того, весьма различны представления о предназначении политических партий, их роли в общественно-политической жизни. В различных определениях, содержащихся как в конституциях, так и – чаще всего – в специальных законах о политических партиях отдельных стран, можно выделить ряд признаков, которые в совокупности придают общественному объединению качество политической партии. При этом следует подчеркнуть, что соответствующие нормативные положения исходят из определений политических партий, сформулированных политологами и социологами, изучающими партии как элемент социальной и политической систем общества.

Анализ современного законодательства позволяет выделить три основных квалификационных признака, которые присущи политической партии как правовому институту. При отсутствии хотя бы одного из них общественное объединение теряет юридическое качество партии.

1. Политическая партия – это общественное объединение, главной целью участия которого в политическом процессе является завоевание и осуществление (или участие в осуществлении) государственной власти в рамках и на основе конституции и действующего законодательства.

Это главный квалификационный признак политической партии, выражающий саму ее сущность и отличающий ее от всех иных видов общественных объединений неполитического характера (различного рода союзов, ассоциаций, фондов и т.д.). Последние пред-

ставляют собой создаваемые социальными и профессиональными группами организации, главная цель которых – удовлетворение и защита частных, специфических интересов своих членов. Конечно, для достижения этих целей такие организации нередко стремятся оказывать влияние и на политику, но политическая деятельность не является решающей, а носит вспомогательный характер и осуществляется, главным образом, через партии. В этом их принципиальное отличие от политических партий, которое все более последовательно проводится современным законодательством.

Во-первых, в той или иной форме этот главный признак включается во все определения, формулируемые конституциями и специальными законами о политических партиях. В ряде новейших законодательных актов политическая партия определяется прежде всего как организация, создаваемая для завоевания и осуществления государственной власти (Эфиопия, Польша и др.). Польский закон определяет политическую партию как общественную организацию, ставящую своей целью «участие в политической жизни, особенно путем оказания влияния на формирование государственной политики и осуществление власти» [2].

Однако, в законодательстве большинства стран главный признак политической партии формулируется не столь прямо, а опосредованно – через определение ее общего предназначения, ее роли. Спектр таких определений весьма широк – от признания лишь той роли, которую партии играют в избирательном процессе, до признания их участия в определении национальной политики (Франция, Мали и др.). Конституции Италии, Испании значительно шире определяют роль политических партий. Так, Конституция Испании (ст.6) устанавливает, что политические партии «участвуют в формировании и выражении народной воли и являются основным инструментом политического участия» [3]; согласно Конституции Италии (ст.49), политические партии содействуют «определению национальной политики» [4].

Не рассматривая здесь практическое значение подобного рода определений, ограничимся следующим общим выводом. Все эти определения, содержащие положения о цели политических партий, независимо от того, идет ли речь о содействии «выражению мнений путем голосования», «формированию, и выражению народной воли», «определению национальной политики» по сути, формулируют главный признак политической партии. Ведь в демократическом обществе единственным легальным путем завоевания государственной власти является участие в свободных выборах, проводимых на многопартийной основе.

Во-вторых, законодательство об иных видах общественных объединений, определяя природу последних, как правило, подчеркивает их неполитический характер. В ряде стран различным видам общественных объединений прямо запрещено осуществлять политическую деятельность, что принципиально отличает их правовой статус от статуса политических партий. В этом отношении показательным законодательством Болгарии. Так, согласно ст.12 Конституции «объединения граждан, включая профсоюзы, не могут ставить перед собой политические цели и осуществлять политическую деятельность, присущие только политическим партиям» [5]. Осуществление общественным объединением политической деятельности нередко служит одним из правовых оснований для его роспуска (Болгария).

Говоря об общей тенденции к закреплению законом рассматриваемого признака политических партий, отличающего ее от остальных общественных объединений, следует отметить неоднозначность решения этой проблемы в законодательстве ряда постсоциалистических и развивающихся стран. Это обусловлено особенностями структуры переходного общества, для которых характерны сформировавшиеся устойчивые поли-

тические партии и вовлечение в политическую деятельность, обычно осуществляемую партиями, различного рода иных объединений.

В условиях неразвитости партийной системы одной из важных форм политической организации становятся политические движения, которые, во многом отличаясь от партий, имеют с ними один общий признак – они создаются для участия в политической жизни с целью борьбы за овладение государственной властью. Это своего рода протопартии, которые, как свидетельствует опыт ряда стран, в последующем либо трансформируются в политические партии, либо распадаются. Возникая на начальном этапе становления многопартийной системы, политические движения осуществляют политическую деятельность, обычно присущую политическим партиям, особенно это касается участия в избирательном процессе. Примером могут служить первые демократические выборы, проводившиеся в постсоциалистических государствах, в том числе и в Украине. Основными участниками этих выборов были не политические партии, а именно политические движения.

Таким образом, практически невозможно провести разграничение между политическими партиями и политическими движениями по главному квалификационному признаку, что и находит свое отражение в законодательстве. В одних странах (Чехия, Словакия) приняты специальные законы о политических партиях и политических движениях, устанавливающие единый правовой статус этих двух видов объединений. В ряде государств, в частности членов СНГ, законодательство также не проводит различия между политическими партиями и другими общественно-политическими организациями, но в то же время ограничивает их от иных общественных объединений. Например, Закон Молдовы 1991г. «О партиях и других общественно-политических организациях» дает общее определение политических партий и общественно-политических организаций как объединений, способствующих осуществлению политической воли определенной части населения и принимающих участие через своих представителей в управлении делами государства, решении экономических и социально-культурных вопросов. Другими «общественно-политическими организациями» закон признает фронты, политические движения, лиги и т.д. При этом подчеркивается, что закон не распространяется на объединения граждан, которые не претендуют на участие в образовании государственных органов. Таким образом, и этот закон, выделяя главный квалификационный признак политических партий, распространяет его на общественно-политические организации, в том числе политические движения, которые по ряду других признаков существенно отличаются от партий.

Еще более сложна в рассматриваемых странах проблема разграничения политических партий и общественных организаций неполитического характера. В социалистическом государстве последние наделялись широкими правами, которые формально обеспечивали их участие в «управлении делами общества и государства»: они участвовали в выборах, выдвигали своих представителей в различные государственные органы и т.д. Другое дело, что на практике эти организации были лишены самостоятельности, действуя под руководством правящей партии в качестве ее «приводных ремней». Но старая традиция вовлечения их в политику сохраняется и в новых условиях, когда идет процесс становления многопартийной системы. Организации, создаваемые для защиты специфических интересов своих членов, претендуют на участие в политическом процессе, в частности, в выборах, наравне с политическими партиями.

В постсоциалистических государствах наметилось два подхода к данной проблеме. Сторонники первого из них считают, что в условиях незавершенности процесса формирования стабильных политических партий нельзя лишать общественные органи-

зации права участвовать в выборах. Так, по мнению В.Соколевича, при существующей сегодня в Польше политической организации общества еще рано ограничивать круг субъектов, обладающих правом выдвижения кандидатов только политическими партиями. Сторонники второго подхода, напротив, считают недопустимым осуществление общественными организациями политической деятельности, присущей только политическим партиям. «Общественные организации, – пишет болгарский политолог Г.Карасимеонов, – могут воздействовать на политическую жизнь через партии, но сами не имеют правовых оснований участвовать в политическом процессе» [6]. Такой подход, как мы видим на примере Болгарии, находит свое отражение в законодательстве, запрещающем общественным организациям ставить политические цели и соответственно заниматься политической деятельностью.

Таким образом, содержащаяся в проекте закона о политических партиях формулировка главного квалификационного признака партии теряет свое практическое значение, ибо не служит ограничению ее от иных видов общественных объединений. Если временно, до формирования в стране устойчивой реальной многопартийности, необходимо допускать к политической деятельности, помимо партий, иные объединения, то следует ограничить их круг только объединениями политического характера. Наиболее оптимальным является решение, которое дает законодательство ряда стран, где такими объединениями признаются лишь политические движения, представляющие собой протопартии. И уж ни в коем случае ими не могут быть объединения, создаваемые для реализации и защиты групповых интересов, идет ли речь о профсоюзах или обществах защиты прав потребителей и охраны животного мира.

2. Политическая партия – это организация, объединяющая индивидов на основе общности политических взглядов, признания определенной системы ценностей, находящихся свое воплощение в программе, которая намечает основные направления политики государства.

В уставах и иных документах различного рода общественных объединений могут, конечно, содержаться некоторые положения, касающиеся отдельных вопросов социально-экономической и духовной жизни общества, но в них отражены прежде всего частные, групповые интересы. Ни одна из них, по справедливому утверждению Г.Карасимеонова, не обладает качеством организации, которой присуща программа управления государством.

Наличие политической программы, отражающей взгляды на устройство общества и государства как один из признаков политических партий, отличающий ее от иных общественных объединений, содержится в определениях, которые формируются законодательством ряда стран. Это особенно характерно для новейшего законодательства развивающихся стран (Анголы, Бразилии, Египта, Конго).

Представление программы является обязательным условием для регистрации объединения в качестве политической партии. Более того, иногда к ее содержанию выдвигаются определенные требования (Ангола, Эфиопия). Согласно, например, ст.19 ангольского Закона, «программа должна как минимум включать положения о целях и задачах, краткое изложение политических и административных мер, которые партия намеревается осуществить, если ее кандидаты будут избраны в государственные органы» [7]. В этой связи, по нашему мнению, если бы в Украине партии всерьез и честно занялись разработками своих программ, а Президент как гарант Конституции удерживал бы при этом посредством Минюста рамку права, то не только число партий могло бы сократиться, но и вся политическая карта Украины изрядно бы переконструировалась. Имеются в виду, разумеется, не бессодержательные декларации и лозунги, а дей-

ствительно программа, в которой подробно определены цели и задачи партии, средства и методы их достижения и решения.

3. Политическая партия – это объединение, действующее на постоянной основе, имеющее формализованную организационную структуру.

Этот признак включается законодательством ряда стран в определение политической партии. Политической партией признается объединение, имеющее определенную постоянную организационную структуру, основанную на формальном членстве. Так, закон ФРГ говорит о численности и постоянстве организации.

Этот признак отличает политические партии от временных и узких по своему составу объединений, которые также могут участвовать в политической жизни. К ним относятся, прежде всего, объединения избирателей, которые создаются на период выборов и обычно прекращают свое существование с их окончанием. Иными словами, отсутствует нормализованная устойчивая организационная структура. Именно такого рода объединения имеет в виду законодательство Франции, предусматривающее участие в выборах наряду с политическими партиями политических групп.

Указанный признак отличает политические партии от различного рода неформальных групп, в которых отношения между руководителями и членами основаны на личных связях и которые исчезают вместе со своим патроном или покровителем. Понятие «постоянная организация», используемое законодательством, не сводится только к временному фактору (продолжительность, длительность существования организации). Оно предполагает также наличие определенного числа членов организации, без чего последняя не может действовать на постоянной основе и выполнять функции, присущие партиям. Численность партии рассматривается законодательством некоторых стран как один из ее квалификационных признаков. Но если, например, закон ФРГ в общей форме указывает, что партией признается объединение, гарантирующее серьезность своих намерений числом членов, то законодательство ряда стран устанавливает минимальное число членов, необходимое для признания объединения политической партией. При этом уменьшение установленной численности партии ведет к ее роспуску (Ангола, Гвинея-Бисау).

В организационном отношении политические партии существенно отличаются от политических движений. Главное отличие состоит в характере членства. Во-первых, в отличие от политических движений, политические партии имеют фиксированное членство. Во-вторых, политическая партия основана на индивидуальном членстве. Существовавшие во многих государствах Африки политические партии, имевшие коллективное членство, по существу являлись не партиями, а национальными фронтами. Политические движения, напротив, представляют собой конгломерат различных организаций, отдельных граждан и их групп. В качестве примера можно привести некоторые украинские политические движения.

Указанное различие в организационном строении политических партий и политических движений имеет существенное значение для определения их правового статуса. Оно исключает возможность предоставления им единого статуса. При регистрации этих объединений нельзя предъявить одинаковые требования к их организационному строению. Следовательно, их статусы различны. Между тем, принятые в ряде стран законы о политических партиях и политических движениях, не учитывая специфики организационного строения этих двух видов общественных объединений, представляют им единый правовой статус, что влечет за собой ряд практических трудностей. Так, Закон Молдовы предусматривает, что членство в политических партиях и других об-

щественно-политических организациях является фиксированным, что гражданин не может быть членом двух и более партий и организаций.

Рассмотренные признаки политической партии, находящие свое закрепление в законодательстве ряда различных стран, позволяют сформулировать ее общее юридическое определение: *политическая партия – это общественное объединение, которое создано для участия в политическом процессе с целью завоевания и осуществления государственной власти конституционными средствами, действует на постоянной основе и имеет политическую программу.*

2. Задачи, функции, права и обязанности политических партий

В современном законодательстве существует множество разнообразных определений политических партий. Все их можно свести к двум основным группам в зависимости от подхода законодателя к трактовке общего предназначения политических партий в обществе и государстве.

В одних странах законодательное определение их предназначения отражает традиционный для политико-правовых доктрин XIX в. взгляд на политические партии лишь как на главный субъект избирательного процесса. Политические партии представляли собой организации, предназначенные преимущественно для проведения выборов, и не проявляли заметной активности в периоды между выборами.

В другой группе стран соответствующее определение исходит из более широкой трактовки общего предназначения политических партий. В них находят отражение современные взгляды на политические партии как на постоянно действующий институт политической системы, роль которого отнюдь не ограничена лишь участием в выборах. На конституционном уровне признается их важная роль не только в избирательном процессе, но и в политическом процессе в целом. Соответствующие конституционные положения о партиях как основных инструментах политического участия, об их участии в формировании национальной политики, в организации и осуществлении государственной власти являются исходными для определения многообразных задач и функций политических партий, которые закреплены в некоторых специальных законах, а в ряде стран и в конституциях (ФРГ, Португалия, Мозамбик).

Нормативно устанавливаются политические, идеологические и воспитательные задачи и функции политических партий. К политическим относятся: участие в формировании и деятельности органов государственного и местного самоуправления; рекрутирование политических кадров, содействие осуществлению политических прав граждан, осуществление связи между обществом и государством.

Важное значение придается идеологической функции – агитационно-пропагандистской деятельности, направленной на формирование общественного мнения и политического сознания граждан (ФРГ, Ангола). Характерно, что законодательство некоторых стран признает агитационно-пропагандистскую деятельность политических партий в качестве постоянной функции, проводя различие между общей и предвыборной агитацией (Австрия, Бельгия).

К воспитательной функции законодательство относит деятельность, направленную на содействие патриотическому и гражданскому воспитанию, на усиление чувства патриотизма и укрепление морали и нации, на информирование и просвещение народа (Ангола, Мозамбик, Буркина-Фасо).

Таким образом, определяя функции политических партий, законодательство придает им общественный характер. Как сказано в Законе ФРГ, политические партии «посредст-

вом свободного постоянного участия в политическом волеизъявлении народа... выполняют *общественные задачи*, возложенные на них и закрепленные за ними *Основным законом*»[8]. Как отмечалось, концепция «публичных функций», которые осуществляют политические партии, была сформулирована и Верховным судом США, указавшим, что действия частных актеров могут быть публичными по своему характеру.

Такая трактовка роли деятельности политических партий обуславливает объем и характер закрепляемых законодательно их прав и обязанностей.

Предоставляемые политическим партиям права должны, с одной стороны, обеспечить им свободу деятельности и выполнения предусмотренных законом общественных задач, а с другой – гарантировать существование и нормальное функционирование многопартийной системы.

Если суммировать соответствующие положения законодательства отдельных стран, то можно выделить следующие права политических партий:

- 1) политические права и свободы: право участвовать в формировании и деятельности государственных органов; свобода пропаганды своей идеологии и программы; свобода организации массовых мероприятий; право свободного доступа к государственным средствам массовой информации и право учреждать свои; право создавать с другими политическими партиями различного рода коалиции и блоки; право устанавливать международные связи с зарубежными политическими партиями и их международными объединениями;
- 2) имущественные права: право собственности; право заниматься разрешенной законом предпринимательской деятельностью; право получать от государства материальную и финансовую поддержку в различных формах.

Здесь следует подчеркнуть лишь два обстоятельства. Первое: все права политических партий являются коллективными, ибо хотя многие совпадают с индивидуальными конституционными правами граждан, они принадлежат не отдельным индивидам, а их объединениям – политическим партиям. Второе – и это следует особо отметить – новый подход к правовому регулированию прав и свобод политических партий, заключающийся в том, что некоторые из них закрепляются конституцией. Как правило, это право участвовать в формировании и деятельности государственных органов.

Вместе с тем в новейших конституциях все более широкое распространение получает закрепление в качестве основных таких прав, как право на свободный доступ к СМИ (Бразилия, Беларусь, Молдова) и получение государственной финансовой поддержки (Бразилия, Аргентина, Португалия). Эти основные права конкретизируются как специальными законами о политических партиях, так и иными законодательными актами.

Предоставляя политическим партиям широкие права и свободы, законодательство в то же время возлагает на них обязанности, среди которых также есть ряд конституционных. В некоторых странах обязанности политических партий формулируются в самом общем виде. Однако в большинстве стран перечень обязанностей значительно шире, они носят более конкретный характер и относятся как к организации, так и к различным сторонам деятельности политических партий. Таковы, например, обязанности соблюдать конституцию и законы; соблюдать в своей организации принципы демократии; соблюдать в своей деятельности принцип гласности; сообщать в государственный орган обо всех изменениях устава, программы, состава руководящих органов; не прибегать в своей деятельности к насильственным методам.

Следует отметить, что в конкретном перечне обязанностей политических партий, предусматриваемом законодательством отдельных стран, находят свое отражение особенности их политического развития. Так, в освободившихся странах, где сильны ме-

жэтническая рознь, сепаратизм и регионализм, важное значение приобретают такие обязанности, как уважение к территориальной целостности и укрепление национального единства (Гвинея, Конго, Камерун). В ряде стран, совершающих переход от авторитарных режимов к демократии, законодательство предусматривает обязанность политических партий уважать права и свободы человека, принцип многопартийности, республиканскую форму правления. В некоторых странах законы о политических партиях не ограничиваются закреплением общей обязанности соблюдать конституцию, а конкретизируют ее применительно к определенным статьям.

Закрепляемые законодательством обязанности политических партий носят отнюдь не декларативный характер – невыполнение их влечет за собой применение различного рода санкций, которые предусматриваются как специальными законами о политических партиях, так и иными законодательными актами. Устанавливается юридическая ответственность политических партий за правонарушения, определяются конкретные составы правонарушений и санкций. Наиболее серьезные правонарушения влекут применение таких санкций, как приостановление деятельности политической партии или даже ее роспуск, а менее серьезные, как правило, – штрафные санкции.

Важнейшим принципом, определяющим правовой статус политических партий в демократическом государстве, является принцип равноправия: все политические партии имеют равные права и обязанности. Однако в условиях тоталитарных и авторитарных режимов, где формально существовала многопартийная система, законодательство открыто не признавало этот принцип. Примером могут служить «социалистические» конституции Болгарии, Польши, Чехословакии. Так, Конституция Польши (ст.3) устанавливала, что ведущей политической силой общества в строительстве социализма является Польская Объединенная Рабочая Партия [9]. Тем самым ПОРП конституционно гарантировалась монополия на политическую власть, в то время как другие легально признанные политические партии находились в положении ее сателлитов и обязаны были подчиняться ее руководству.

Правовая регламентация политических партий в современных условиях исходит из принципа их равноправия, который закрепляется конституциями и специальными законами.

Принцип равенства политических партий находит свое подтверждение и защиту в решениях органов конституционного правосудия. Характерен, например, ряд решений этих органов в ФРГ, Израиле и Франции по вопросу о критериях предоставления политическим партиям государственных субсидий.

Вместе с тем следует отметить, что принцип равноправия политических партий отнюдь не всегда достаточно последовательно соблюдается законодательством, регламентирующим те или иные их права. Однако это различие реально существует во многих странах и обусловлено оно таким фактором, как значимость политических партий, определяемая по результатам выборов. Это особенно характерно для регламентации таких прав политических партий, как право на свободный доступ к государственным СМИ и право на получение государственных субсидий. Партии, представленные в парламенте, имеют ряд преимуществ в пользовании этими правами по сравнению с партиями, не имеющими в нем своих представителей.

Юридическое различие правящих и оппозиционных политических партий проявляется еще и в том, что нередко законодательство устанавливает особый правовой статус оппозиционных партий. Это новая тенденция, присущая правовой институционализации политических партий во все большем числе современных государств. Однако в данном случае речь идет прежде всего о представлении оппозиционным партиям до-

полнительных правовых гарантий, необходимых для реализации ими предусмотренных законодательством прав, а существующие в ряде стран отступления от формального принципа равноправия, как правило, имеют своей целью обеспечить возможность их нормального функционирования.

Начало юридическому признанию оппозиции, то есть ее институционализации, положила Великобритания, где Закон о Министрах Короны 1937 г. установил ежегодное жалование лидеру «официальной оппозиции». Аналогичные положения предусматривает и законодательство большинства стран Британского Содружества (Австралия, Индия, Малайзия, Канада и т.д.). В некоторых из них положение о лидере оппозиции, порядке его назначения и правах включается в основной закон.

Однако в последние годы законодательство ряда стран значительно шире регламентирует правовой статус оппозиционных партий. В некоторых из них этот статус определяется не только Конституцией или общими законами о политических партиях, но и специальными законами о правовом статусе оппозиции. Законодательно определяется само понятие оппозиции.

Таким образом, рассматриваемое законодательство проводит различие между внепарламентской и парламентской оппозицией. Например, Конституция Португалии предоставляет парламентской оппозиции право на эфирное время на государственных радио и телевидении пропорционально количеству мандатов, право на ответ и политическое возражение на политические заявления правительства, причем это право предоставляется оппозиционным партиям на равных основаниях с правительственными партиями, т.е. они имеют одинаковое эфирное время и одинаковый объем публикаций. Кроме того, оппозиционные партии имеют право на регулярное получение от правительства информации о проблемах, представляющих общественный интерес.

В ряде стран парламентские фракции оппозиционных партий получают дополнительную материальную поддержку государства (ФРГ, Швеция, Чехия).

Таким образом, в рамках общего правового статуса политических партий, в целом основанного на принципе их равноправия, формируется особый правовой статус оппозиционных политических партий, представленных в парламенте. Это новое явление в юридической институционализации политических партий свидетельствует о стремлении демократического государства обеспечить функционирование реальной многопартийной системы, немыслимой без существования оппозиционных партий.

РЕЗЮМЕ

На основі узагальненого світового досвіду досліджуються три головні кваліфікаційні ознаки, які притаманні політичній партії як правовому інституту. Аналізується проблема розмежування політичних партій та громадських організацій не політичного характеру, завдання, функції, права і обов'язки партій.

SUMMARY

On the ground of common international experience three basic qualificative signs of political parties are investigated, they are characterized as a political institute. The problem of exact determination of political parties and public organizations with nonpolitical character is analyzed as well as the problem of parties' tasks, functions, rights, and duties.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бекназар-Юзбашев Т.Б. Партии в буржуазных политико-правовых учениях. – М., 1988. – С.9.

2. Dziennik ustaw (Warsawa). – 1990. – №54.
3. Испания: Конституция и законодательные акты. – М., 1982. – С.31.
4. Конституция зарубежных государств. – М., 1996. – С.253.
5. Право и жизнь. 1992. – №1. – С.69.
6. Карасимеонов Г. Политические партии: часть 1, общая теория. Св. Климент Охридски. 1993. – С.94.
7. Зарубежное законодательство о политических партиях: Сборник нормативных актов. – М., 1993. – С.30.
8. Зарубежное законодательство о политических партиях: Сборник нормативных актов. – М., 1993. – С.151.
9. Конституции социалистических государств. Т.2. – М., 1987. – С.89.

Надійшла до редакції 23.06.1999 р.

ББК 66.0я73

СУБ'ЄКТИ ТА ОБ'ЄКТИ ПОЛІТИКИ (методологічно-теоретичний аспект)

А.П.Розкошній

Розгляд проблеми «суб'єкти та об'єкти політики» має принципове значення як в загальноконцептуальному плані, так і в плані визначення складових елементів.

Наука про політику, і в цьому її предмет вивчення, розглядає, аналізує політичну свідомість, політичні системи, політичні процеси, політичні режими, політичні технології і т.д., тобто все те, що має вихід так чи інакше на політичну діяльність. Але перш ніж говорити про власне діяльність, необхідно з'ясувати вихідне питання: хто діє?

Це, так би мовити, загальне питання. За ним з усією закономірністю виникають такі:

- чому діє так, а не інакше?
- підтримку чи протидію він зустрічає в своїй діяльності?
- заради чого, в ім'я якої мети діє?
- в яких формах протікає діяльність?

Весь набір цих питань пов'язаний з таким поняттям, як суб'єкт політики.

Суб'єкт політики – це діюча особа, соціальна група, організація, які, маючи певні інтереси, використовуючи певні засоби, проявляють себе в сфері політики.

Хто саме виступає в ролі суб'єкта політики – відносно цього серед науковців – політологів немає єдиної точки зору.

Одні взагалі не схильні окремо розглядати суб'єкти політики, вважаючи за доцільне зосередитись на проблемах влади, політичної системи, політичних рішень та дій і т.д.; деякі суб'єкти згадуються при цьому побіжно, без розкриття їх характерних ознак.

Інші вживають термін «суб'єкт» стосовно лише окремих суб'єктів, таких як особа, соціальні спільноти, залишаючи поза увагою інші, що не дозволяє виявити специфіку та роль усіх суб'єктів у політичному процесі.

Тимчасом є необхідність дати не лише повний перелік дійових осіб у сфері політики, але й виявити ступінь та особливості включення кожної з них в політичне життя.

Суб'єктами політики є: особа, політичні лідери, політична еліта, соціальні спільноти, етнонаціональні спільноти, громадські рухи, громадські організації, політичні партії, регіони, держава.

Крім поняття «суб'єкт політики», існує в політології і таке поняття, як «об'єкт по-

літики», яке тісно пов'язане з поняттям «суб'єкт», що потребує спеціального розгляду. Об'єкт політики – це особа, група суспільства, організація, на які справляє вплив суб'єкт політики. Іншими словами: той перелік суб'єктів, який подано вище, поширюється і на об'єкти політики.

Перш ніж перейти до характеристики окремих суб'єктів та об'єктів політики, доречно відмітити притаманну для всіх їх ознаку: суб'єкти є одночасно й об'єктами політики, об'єкти – суб'єктами. Пояснюється це наступними реально існуючими в суспільстві двома факторами.

Перший: суб'єкт політики діє не в якомусь вакуумі, а в цілком конкретних умовах даної держави – на нього впливають стан економіки, культури, суспільні відносини і т.д., і в своїй діяльності він не може не враховувати цього впливу, стаючи, таким чином, об'єктом політики.

Другий: у своїй діяльності суб'єкт політики зустрічає не лише підтримку тих сил, які розділяють його погляди та наміри, але й протидію інших суб'єктів політики, що не згодні з його намірами та діями, самі проявляють політичну активність, і в цих умовах – і в умовах підтримки, і в умовах протидії – суб'єкт політики стає об'єктом політики.

Той факт, що суб'єкти політики існують в діалектичній єдності, має неабияке значення для розуміння будь-якої політичної події: лише розгляд діяльності політичного суб'єкта і як об'єкта, на який впливають інші суб'єкти, дозволяє достатньо повно з'ясувати причини, характер та наслідки політичної діяльності.

Із врахуванням такої єдності доречно дати класифікацію суб'єктів та об'єктів політики.

Особа – це первісний суб'єкт та об'єкт політики, адже з людини починається політичний інтерес, на людину врешті-решт виходить політика, визначаючи її благополуччя і громадянські свободи, права та обов'язки.

Політичний лідер – це персоніфікований суб'єкт та об'єкт політики, здатний справляти суттєвий вплив на політичні процеси і, разом з тим, змушений враховувати вплив того середовища, в якому діє.

Політична еліта – це група осіб, прошарок суспільства, які є при владі або протидіють їй; їх діяльність має вирішальне значення для вироблення та здійснення державної політики.

Соціальна спільнота – це основний суб'єкт та об'єкт політики, адже політика здійснюється в інтересах або ж всупереч інтересам великих груп суспільства.

Етнонаціональна спільнота – це суб'єкт та об'єкт політики, що ґрунтується на ідеї національної самосвідомості, яка проявляється в певній мірі і яка підтримується або придушується владою.

Громадський рух – це рухомий, неформальний суб'єкт та об'єкт політики, що виникає та проявляє себе як відгук на потреби суспільства та окремих його частин.

Громадська організація – це усталений, сформований суб'єкт та об'єкт політики, що сприяє розвитку трудової, соціальної та політичної активності та самодіяльності своїх членів, захищаючи їх інтереси.

Політична партія – це політизований, колективний суб'єкт та об'єкт політики, що має свою платформу, чітку структуру, включеність в політичні процеси і схильність до взяття влади.

Регіон – це своєрідний в межах держави суб'єкт та об'єкт політики, що поєднує в собі ознаки, інтереси і загальнодержавні, і місцеві.

Держава – це офіційно визнаний суб'єкт та об'єкт політики, що діє через свої законодавчі, виконаві та судові органи, забезпечуючи життєдіяльність суспільства в усіх

його сферах, і є об'єктом для всіх попередніх суб'єктів політики.

Кожен суб'єкт та об'єкт політики проявляє себе в сфері політичного життя не лише як такий, що має специфічні для даної категорії риси, властивості, але й несучи та виявляючи риси, властивості інших суб'єктів та об'єктів. Іншими словами: не існує суб'єкта чи об'єкта в «чистому» вигляді, і тому їх розгляд як окремих категорій носить умовний характер і потрібен лише для характеристики особливостей кожного.

Особа, як первісна клітинка суспільства, є одночасно складовою певної соціальної та етнонаціональної спільноти, нерідко учасником громадського руху, громадської організації, політичної партії. І особа і, тим більше, політичний лідер, крім усього цього, виходять на рівень категорії «держава», маючи відношення до формування законодавчих органів і до формування державної політики. Причетність до соціальної чи етнонаціональної спільноти стає основою для входження в певний рух, організацію, партію і т.д.

Можна простежити, разом з тим, зворотний вплив, зворотний зв'язок. Усвідомлення причетності до певної соціальної чи етнонаціональної спільноти, руху, організації, партії впливає на вироблення цілком конкретних особистих якостей у людини. Державна діяльність сприяє формуванню якостей політичного лідера і т.д.

Засвідчення діалектичної єдності, однак, не означає, що одна й та ж категорія (особа, спільнота і т.д.) проявляє себе і як суб'єкт і як об'єкт завжди в рівній мірі. Все залежить від тих обставин, в яких розгортається політична діяльність.

Взяти хоча б особу. Ще стародавні мислителі по-різному розуміли її можливості в політичних справах. Платон, наприклад, вважав, що політика доступна лише «мудрим», філософам від народження, що вона – «царське мистецтво», простим людям – недоступна. Арістотель, навпаки, розглядав людину як істоту політичну, бо, згідно з його твердженням, «за межами політики живуть лише звірі та боги». Таким чином, співвідношення «суб'єкт» тлумачилось у першому випадку як заперечення здатності рядовій людині виявити себе у політичній сфері, в другому – як обов'язковість, невідворотність участі кожного у політиці.

Усі наступні історичні епохи дають незаперечне підтвердження того факту, що власті намагались відсторонити людину від політики, а людина прагнула через участь у політичних процесах відстояти свої інтереси. Не став винятком у цьому відношенні радянський лад в СРСР, де формально було проголошено народовладдя, а насправді громадяни перебували у стані політичного відчуження, не беручи участі ні в виробленні, ні в здійсненні політики; і вироблялась і здійснювалась в умовах тоталітаризму політика КПРС.

Розпад СРСР, створення на його місці незалежних держав відкрили широкі можливості для політичної емансипації особи. З об'єкта політики вона все в більшій мірі перетворюється в суб'єкт, що добре видно на прикладі України.

Для особи в умовах України є характерним значний різнобій у ступені причетності до політичних процесів. Частина громадян (за кількістю – незначна) прагне скористатись свободою слова, світоглядом і стає на рівень активної участі в політиці (прагнення стати депутатом, входження до політичної партії і т.д.), інша – досить інертно ставиться до політики, зводячи свою участь в ній до голосування на виборах. Третя частка (досить значна!) негативно ставиться до політики і до політиків, вбачаючи в них причину своїх бідувань. Не випадково саме ці дві останні категорії визначають стан особи в політичних процесах: якщо й дія – то дія суперечлива, непослідовна.

По-новому складається співвідношення «суб'єкт-об'єкт» у діяльності сучасних політичних лідерів. В умовах тоталітаризму та автотаризму їх було, по-перше, небагато, а по-друге, вони прагнули будь-що проявити себе як суб'єкти політики; останнє і при-

вело їх до численних суб'єктивістських помилок. Нинішні політичні лідери України – від керівника громадського руху до президента – прагнуть, як правило, якомога повніше врахувати думку, настрої, вимоги інших суб'єктів політики, певним чином балансуєючи на понятті «суб'єкт-об'єкт», стаючи в результаті і об'єктами політики.

Однак процес формування лідерства в Україні йде суперечливо. Спостерігається тенденція до збільшення кількості лідерів (поява значної кількості партій, вибори в депутати на альтернативній основі, збільшення кількості мітингів, очолюваних своїми керівниками, і т.д.) при недостатній їх якості, невисокому престижі. Більшість лідерів продовжують суб'єктивістські помилки своїх попередників, воляють проявити себе переважно як суб'єкти політики, прагнуть як найефективніше «подати» свою фігуру і в меншій мірі дбають про вираження інтересів тих, хто висунув їх у лідери.

Змінюється політичний статус соціальних спільнот. Донедавна офіційна пропаганда СРСР проголошувала, що робітничий клас – це політичний авангард народу, що колгоспне селянство та інтелігенція – це активна політична сила, та в реальності і вони були переважно об'єктами політики; цифри кількості робітників та селян у Радах, «факти» їхньої участі у пресі і т.д. були звичайнісінькою бутафорією. Як суб'єкти політики соціальні спільноти України проявляють себе в сучасних умовах значно повніше. Це видно і з фактів політичних страйків гірників, і на функціонуванні оновлених виробничих проспілок, і в політико-культурницькій діяльності інтелігенції.

Що стосується етнонаціональних спільнот, їх причетність до політики докорінно змінилася. В Україні, як і в інших бувших республіках Союзу, вважалось, що є наукова, ленінська національна політика, єдино вірна, здійснювана в інтересах усіх націй, народностей, національностей, і етнонаціональним спільнотам нічого не залишилося як слідувати в руслі цієї політики, тобто бути її об'єктами. Створення суверенної української держави вивело народ України на шлях самостійної національної політики, він стає творцем власної долі, активним суб'єктом політики.

У своєрідному становищі щодо тандему «суб'єкт-об'єкт» опинилися політичні партії. Як правило, поспіхом створені, вони раптом одержали змогу визначати свою політику, тобто стати суб'єктами політики. Та процес виявився непростим: в умовах офіційної багатопартійності вони не всі і не відразу сформулювали власні програми, були на початковому етапі в значній мірі об'єктами політики, піддаючись впливові зовнішніх сил, тобто інших суб'єктів, зокрема, соціальних спільнот, в надрах яких зароджувались. А більш-менш оформившись, зважились на боротьбу за владу, тобто зробили крен у бік суб'єктів політики. Протиріччя, крайнощі у співвідношенні «суб'єкт-об'єкт» – одна з причин слабості і непопулярності політичних партій в Україні.

Не обійшли протиріччя, крайнощі і державу, що є вирішальним суб'єктом та об'єктом політики. Держава в особі своїх законодавчих органів виявила велику активність у виданні законів, постанов, розпоряджень – тобто в плані функціонування як суб'єкт політики. Але при цьому не створила дієвих механізмів, які б дали змогу сприйняти запити громадян, врахувати інтереси регіонів, тобто стати об'єктом політики. У результаті далеко не всі політичні дії держави відповідають назрілим потребам суспільства, багато рішень залишається на папері – і від цього страждає авторитет держави як суб'єкта політики в очах населення.

Загальний висновок щодо співвідношення «суб'єкт-об'єкт»: для зваженої, послідовної політичної діяльності важливе поєднання обох елементів: суб'єкт лише тоді зможе себе проявити в повній мірі, якщо він буде враховувати оточення, діяльність інших суб'єктів, тобто буде виступати одночасно і як об'єкт політики.

Включення в політичне життя, і тим більш активна політична діяльність відбува-

ються не самі собою, а завдяки певним передумовам, в числі яких, перш за все, матеріальні, соціально-культурні, політико-правові.

Матеріальні передумови – це наявність елементарного: житла, продовольства, промтоварів, засобів зв'язку. Ще Маркс влучно зауважив: для того, щоб люди були здатні займатися політикою, вони повинні їсти, пити, мати житло та одягатися, і відноситися це однаково і до особи, і до різних масштабів спільнот, організацій, органів. Хоча, слід визнати, можливості задоволення матеріальних запитів у різних суб'єктів політики різні. Навіть окремі люди, що належать до однієї спільноти, мають різні матеріальні можливості. Одні живуть у зручних помешканнях і не відчувають побутових негараздів, інші не мають їх, терплять від різного роду незручностей. Одні мають телефон, передплачують газети та журнали, у інших відсутня можливість одержати оперативну інформацію про події. Одні живуть у місті, де є змога зібратись для політичних акцій, інші – в селі, де будь-яке зібрання проблематичне.

Перший варіант в усіх випадках – це сприятливі умови для політичної діяльності, з'являється не лише бажання але й можливість; другий варіант – ні бажання, ні можливості.

Було б однак легковажним ставити в пряму залежність матеріальні передумови і політику за принципом: чим кращі умови – тим активніша участь. В США, не зважаючи на високий рівень життя, більшість американців мало цікавиться політикою, хіба що під час виборчих кампаній, зводячи свою участь до присутності на шоу – зустрічах з кандидатами та відвідин виборчих дільниць. З іншого боку, бідність, злиденність не означають згортання участі в політиці, нестатки можуть призвести до спонтанного протесту, вибухонебезпечних дій політичного характеру. Різниця – в методах: в першому випадку – демократичні, у другому – екстремальні.

Соціально-культурні передумови – це весь комплекс факторів, що забезпечують сприйняття суб'єктом політики навколишнього світу, оцінку подій. На першому місці тут – загальна та політична освіта. У людини освіченої є по меншій мірі три якості, що мають можливість увійти в світ політики і діяти не аби-як, а усвідомлено. Це: а) почуття обов'язку брати участь у політичному житті, що може вплинути на її долю і долю її близьких, однодумців; б) більша вірогідність брати участь в політичних дискусіях, адже це буде участь на основі знань та переконань; в) схильність до використання демократичних, легітимних методів політичної боротьби, тому що тільки знання дають змогу пізнати такі методи й віддати їм перевагу.

Відсутність або ж недостатність знань не означає, однак, виключення людини чи соціальної спільноти, організації з політичного життя. Навіть неграмотні можуть брати участь у політичних процесах. Проте така участь звичайно є результатом політичного маніпулювання, бо протікає в екстремальних формах, що виникають раптово, неосмислено.

Політико-правові передумови – це широкий набір законів, традицій, моральних норм, що стимулюють політичну діяльність і гарантують здійснення політичних прав громадян, організацій. Ці передумови створюються певним політичним режимом, забезпечуються демократичними процедурами, підкріплюються контролем з боку виконавчих та судових органів.

Як і в двох попередніх положеннях, відсутність цих передумов обмежує політичну діяльність або ж спрямовує її в русло вибухонебезпечних форм.

Крім передумов, суттєве значення для включення в політичну діяльність мають мотиви, якими керуються суб'єкти політики. Причому у різних суб'єктів вони різні і за природою і за проявами.

Для особи, політичних лідерів характерні, в основному, три групи мотивів: ком-

пенсаційні, корисливі, безкорисливі. Компенсаційні (теорія американського політолога Лассуела) – це коли людина прагне підвищити свій авторитет шляхом активної участі в політиці; спостерігається своєрідна компенсація недоліків, які є у людини і які вона сама знає. Корисливі – найбільш поширені, коли людина йде в політику заради матеріальних благ, високої посади, реалізації своєї переваги над іншими, здобуття влади. Безкорисливі зустрічаються рідко – коли людина проявляє себе в політичній сфері, керуючись певними ідеалами, ідеями, йдучи завідомо при цьому на матеріальні обмеження, а то й фізичні випробування, смерть.

Для соціальних та національних спільнот в основі мотивів, що визначаються ситуацією в суспільстві, лежать соціальні, національні інтереси. Так, мотивами багатьох політичних акцій шахтарів було їх прагнення домогтися права самостійності вугільних підприємств, можливості самим розпоряджатися часткою видобутого палива. Для кримських татар мотивами виступів є бажання відстояти своє право на участь у формуванні політики республіки Крим, на розвиток національної культури.

Для громадських рухів, громадських організацій, політичних партій мотивами дій є ті завдання, цілі, заради яких вони створюються. Рух – в ім'я чогось. Організація – по відстоюванню певних інтересів. Партія – заради здійснення своєї програми. При цьому саме мотиви є рушійною силою і якісно перетворюючим фактором в їх діяльності: рух може стати основою для організації, організація – трансформувється в партію. Досить впливова в Україні громадська організація Рух, що виникла ще в 1989 р., переросла в 1993 р. у політичну організацію, вносячи відповідні доповнення в програмні документи.

Щодо регіону, держави, то у них дуже широке коло мотивів, якими вони керуються. Але головні – це: забезпечення прогресу в економіці, культурі, соціальній сфері.

За своїми якісними ознаками мотиви будь-якого учасника політичного процесу мають, ясна річ, суб'єктивний характер: вони розцінюються ним як позитивні. Тим часом, оцінка його мотивів об'єктом політики може бути іншою, навіть протилежною. І тому в політиці важливо не лише розглядати мотиви однієї сторони (суб'єкта), але й сприйняття, оцінку іншою стороною (об'єктом).

Політична діяльність протікає на різних рівнях, в різних формах, від чого залежить вплив тих чи інших суб'єктів політики на політичний процес.

Розрізняються, в основному, три рівні: функціональний, опосередкована участь, безпосередня участь.

Функціональний рівень – це участь у визначенні структури політичної влади, персонального її складу, у визначенні курсу внутрішньої та зовнішньої політики. Сам термін – «функціональний» засвідчує загальний вплив на політику шляхом прояву певних настроїв, створення певної ситуації, що впливає на політичні процеси в суспільстві. Це, так би мовити, перший, початковий рівень участі в політиці.

Опосередкована участь – це участь через обрані органи, громадсько-політичні організації, які здатні приймати політичні рішення і діяти у сфері політики. Вона характеризується більшою конкретністю, а отже, і більшою політичною активністю шляхом особистих або колективних звернень, видачі наказів представницьким органам.

Безпосередня участь – це участь у виборах, референдумах, демонстраціях, пікетуванні, виступи на мітингах, зборах, по телебаченню, радіо, на сторінках газет. Вона є проявом найбільшої політичної активності, це, так би мовити, третій рівень участі.

Усі суб'єкти політики причетні до всіх трьох рівней участі. Проявляють певні настрої, створюють певні ситуації і рухи, організації, партії, соціальні та національні спільноти і видатні особи, лідери, і рядові громадяни (функціональний рівень). Вони ж мають вплив на представницькі органи (опосередкована участь). Вони ж – учасники

політичного процесу (безпосередня участь).

При цьому використовуються найрізноманітніші форми. Це: участь у виборах або ігнорування виборів («абсентеїзм»), депутатська діяльність, демонстрація, мітинг, пікетування, бунт, революція, страйк, голодування, самоспалення, терористичний акт, стаття в газеті, виступ по телебаченню, радіо, дискусійний клуб, діяльність руху, організації, партії, громадська ініціатива.

Вибір форми залежить і від об'єктивних обставин, що визначають необхідність і можливість використання певної форми, і від властивостей самого суб'єкта політики.

Так, по-різному ставляться до виборчої кампанії різні громадяни: одні беруть в них участь, інші ігнорують їх.

Конкретні ідейні позиції людей, політичних партій позначаються на ставленні до річниць Жовтневої революції. Соціалісти, комуністи і ті, хто поділяє їхні погляди, виходять на демонстрації як на свято, а прихильники Руху відзначають дату як день скорботи за тими, хто постраждав від революції, або ж просто ігнорують це свято, проголошуючи його робочим днем.

Неодноразово влаштовувались пікети біля будинку Верховної Ради України шахтарями, вчителями, чорнобильцями з метою донести до відома громадськості свої вимоги до владних органів.

Що стосується преси – цей засіб використовується дуже широко і постійно як в центрі, так і на місцях практично всіма суб'єктами політики. Стали звичними проведення бесід за круглим столом на телебаченні, виступи політичних діячів у прямому ефірі по радіо, статті, звернення на політичні теми в газетах.

Різне ставлення до одних форм політичної діяльності наочно видно на прикладі соціальних спільнот. При формально рівних правах у робітників і селян менше можливостей бути обраними до законодавчого органу і зайнятися депутатською діяльністю, ніж у представників інтелігенції (по наявності засобів агітації, обґрунтованості програм і т.д.). Різне ставлення до страйку у робітників і селян: перші неодноразово використовували цю форму, селяни – ні (психологія, традиції не дозволяють: «вчасно сіяти треба, корів доїти...»). Доступ до преси у інтелігенції кращий, ніж у інших соціальних спільнот (рівень освіти, наявність зв'язків з редакціями позначаються).

Отже, роль того чи іншого суб'єкта політики в житті суспільства прямо залежить від того, на якому рівні і в якій формі протікає діяльність.

Сприйняття дії суб'єкта об'єктом може бути трояким: а) ухвалення, а отже взаємодія; б) байдужість, а значить інертність; в) заперечення, що веде до протидії. Об'єкт, змушений тим чи іншим способом реагувати на дії суб'єкта, сам стає суб'єктом, і тому, розглядаючи політичний процес, слід вести мову не тільки і навіть не стільки про вплив суб'єкта на об'єкт, скільки про їх взаємини.

Перші два варіанти взаємин – взаємодія та інертність – не часто зустрічаються в політичному процесі; якщо і є взаємодія, то вона звичайно тимчасова, досягається в результаті подолання протиріч суб'єктів; якщо й виявляється інертність, то в ній нерідко закладена передумова для протиріч. Прикладом першого варіанту може бути блок політичних сил, партій, які об'єднують дії в ім'я спільної або схожої цілі. Прикладом другого варіанту може бути відмова частини виборців від участі в голосуванні; це інертність, в якій закладено власне протест або проти системи виборів, або проти кандидатів, запропонованих для голосування.

Найбільш поширеним є третій варіант – протидія одного суб'єкта іншому. І це цілком закономірно. У політиці завжди діють різні сили, що представляють різні суб'єкти з різними, нерідко протилежними інтересами. Протилежність веде до конфлік-

тів, конфронтації, в результаті чого порушується спокій в суспільстві, а протистояння призводить до значних втрат матеріальних ресурсів і людських сил.

З огляду на це і розглянемо спеціально, завдяки чому і як проявляється конфліктогенність тих чи інших суб'єктів конфлікту.

Особа здатна вступити в конфлікт, головним чином, за таких обставин: нелади на виробництві (конфлікт між кадровим та молодим робітником, конфлікт робітника з адміністрацією і т.д.); негаразди в побуті (в сім'ї, в ЖКВ, в транспорті і т.д.); різниця в поглядах (різний світогляд, різна релігія і т.д.); образа з боку влади (незаслужений вирок суду, невиплата зарплати і т.д.).

Політичний лідер має підстави для включення в конфлікт, коли він прагне здобути владу, а на шляху – суперник (суперники), коли він прагне «переграти» іншого лідера, вступивши з ним в спір «за круглим столом» чи в пресі.

Соціальна спільнота може вдатися до протиріччя з приводу форм власності (робітники, в основному, – за суспільну, колективну, селяни – за приватну, індивідуальну); з приводу строків виплати та розміру зарплати (шахтарі – добились, бюджетники – ні); з приводу розміру податків (виробники, бізнесмени – за зниження, уряд – не погоджується).

Етнонаціональна спільнота йде на гострі конфлікти з приводу територіальних проблем, коли на одну площу претендують кілька суб'єктів (Крим), або йдеться про утворення самостійної держави (курдська проблема); коли проявляється шовінізм з боку сильної нації; коли національні інтереси пов'язуються із світоглядом, релігією.

Громадський рух, громадська організація можуть вагомо заявити себе в конфліктах, коли вони привертають увагу громадської думки до проблем в економічній, соціальній, культурній сферах (страйк з ініціативи профспілок, рух чорнобильців, пікети студентів на захист освіти, науки і т.д.).

Політична партія включається в конфлікт, головним чином, з ідейних мотивів та мотивів здобуття влади.

Регіон несе в собі конфліктогенність одстоюючи місцеві, специфічні інтереси перед загальнодержавною владою (Донбас – за право розпоряджатись прибутками, за визнання російської мови другою державною і т.д.)

Держава відіграє в будь-яких конфліктах особливу роль, використовуючи свій авторитет, вдаючись при потребі до насилля.

Для того, щоб взаємини суб'єктів політики склалися переважно за першим варіантом (взаємодія!), при необхідності забезпечувався другий варіант (інертність об'єкту), а якщо виник конфлікт – здобувалась перевага, необхідні наступні передумови:

а) втручання суб'єктом реальної обстановки (яка економічна ситуація, яка громадська думка, які закони і т.д.);

б) врахування суб'єктом сили об'єкту (які його матеріальні, ідеологічні, психологічні можливості і т.д.);

в) врахування суб'єктом власних сил (наявність плану дій, згуртованість колективу, авторитет лідера і т.д.).

РЕЗЮМЕ

В статті розглядається проблема суб'єктів і об'єктів політики. Дані повний їх перелік і характеристика кожного. Прослідована їх діалектична взаємозв'язок і передумови включення в політику. Визначені рівні їх участі в політичному процесі і форми участі.

SUMMARY

The problem of subjects and objects in politics is principally considered in this publication. Their completed list and characteristics are given here. The author has traced dialectical interrelation and premises of including subjects and objects into politics and defined the levels of their participation in the political process and forms of participation.

Надійшла до редакції 31.05.1999 р.

ББК ТЗ (о) 63-6

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Г.П.Ерхов

Двадцатое столетие в истории и современных международных отношениях заняло особое место. В историческом плане в это время набрал активную силу процесс масштабного развития. Основой его стало мощное послевоенное национально-освободительное движение народов, приведшее к образованию независимых государств в Азии, Африке и центральной части Латинской Америки. В международное сотрудничество постоянно включались новые государства, другие участники – неправительственные организации, политические партии и различные общественные движения, транснациональные корпорации, организации спорта и туризма, видные деятели в политике, образовании, культуре и медицине.

Важное место в процессе активного развития международных отношений заняли международные организации – Лига наций и Организация Объединенных Наций (ООН), которые возникли, как известно, соответственно после первой и второй мировых войн. Их создание было связано со стремлением народов и государств прежде всего противостоять войне, приносящей людям горе и большие страдания, развивать взаимовыгодное сотрудничество.

Сегодня в составе Организации Объединенных Наций 185 суверенных государств. На всех обжитых людьми континентах действуют региональные международные союзы: на американском – Организация американских государств (ОАГ), на азиатском – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), на африканском – конференция Африканских государств, в Европе – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Северо-Атлантический Союз (НАТО) и Европейский Союз (ЕС), в Восточной Европе и Азии – Союз независимых государств (СНГ), Совет по экономическому сотрудничеству стран Персидского залива. Кроме того, в мире насчитывается целый ряд двухсторонних межгосударственных союзов в области политического, экономического и культурного сотрудничества. Такие организации действуют в центрально-американском регионе и центральной Европе, в странах Балтии, Средней Азии, Черноморского бассейна и других районах мира.

Влияние столь разветвленной сети участников международных отношений на их развитие постоянно возрастает, что обеспечивает большой динамизм международных отношений в современных условиях. Анализ их содержания указывает на важнейшие тенденции развития международных отношений, которые, на наш взгляд, определяют их будущее. Одна из ведущих тенденций – их глобализация. Ею диктуется стремление

к созданию универсальной системы мирового сообщества, способной обеспечивать разрешение актуальных проблем международного сотрудничества.

Самой актуальной проблемой в жизни мирового сообщества сегодня остается сохранение мира на Земле. Только общими усилиями народов возможно предотвратить мировой пожар, обуздав рост современных ядерных и обычных вооружений, разрешая спорные ситуации и возникшие противоречия путем мирных конструктивных переговоров. Со времени окончания второй мировой войны в мире произошло более 200 вооруженных конфликтов, которые представляли собой большую потенциальную опасность возникновения военного пожара на Земле. Так, на Африканском континенте сейчас действуют 17 региональных конфликтов: в Алжире, Марокко, Либерии, Конго, Кении, Сенегале, Сомали, Судане, Сьерра-Леоне, Эфиопии, Экваториальной Гвинее и других странах. В их основе этнические и религиозные противоречия, территориальные претензии, ибо границы, к примеру, 50 молодых африканских суверенных государств колонизаторами проведены, что называется, под линейку». Так было выгодно в прошлом государствам-метрополиям, которые, используя внутренние противоречия в колониях, веками удерживали их в повиновении.

Региональные конфликты сегодня действуют также на Балканах в Европе, на Кавказе в России, на Ближнем востоке и в Средней Азии, в Афганистане, до сих пор существует напряженность в Ирландском Ольстере, индийском Кашмире, в Шри-Ланке, на Корейском полуострове, а также на острове Кипр.

Историческое прошлое убедительно свидетельствует, что региональные конфликты нередко становились началом больших войн, включавших многие государства. Особенно наглядно это видно на примере израильско-палестинского и иракско-кувейтского противостояния. Как известно, в первом конфликте участвовали Египет, Иордания, Сирия и Ливан, а во втором – санкционированные ООН военные действия коалиции 15 государств во главе с США, нанесших поражение Ираку зимой 1991 года. До сих пор эти два военных очага огненно дышат, угрожая перерасти из регионального в широкомасштабный международный конфликт. Миротворческие спонсорские действия США, России и Франции пока не приносят существенных результатов в улучшении отношений Израиля и Автономии Палестины, между Ираком и ООН.

Региональные конфликты в мире ставят перед мировым сообществом трудную задачу – совместными усилиями государств с помощью переговорного процесса разрешить противоречив, убрать с пути развития многих народов военное противостояние. Добиться прекращения региональных конфликтов на Земле – значит во многом добиться уменьшения опасности возникновения нового мирового пожара. Столь же актуальной и глобальной задачей современных международных отношений в сохранении мира на земле является сокращение и запрещение распространения ядерных вооружений. К сожалению, сегодня в мире набирает силу тенденция расширения числа государств, имеющих ядерное оружие. После его испытания в 1998 году Индией и Пакистаном число ядерных держав становится более 10. Их расширение грозит наибольшей опасностью для человечества, и она должна быть мировым сообществом преодолена.

Таким образом, после второй мировой войны, после ее неисчислимых бед и страданий людей опасность возникновения нового конфликта на Земле не миновала. Более того, в нашем продвижении к третьему тысячелетию человеческой цивилизации тенденция такой опасности сохраняется, подпитываясь региональными конфликтами и острыми проблемами наращивания ядерных вооружений в мире.

Другой тенденцией современного развития международных отношений является стремление всего мирового сообщества разрешать нарастающие проблемы экологиче-

ской безопасности на Земле. Бурное развитие во всех странах промышленности и сельского хозяйства, строительства и транспорта, а также технизированной сферы услуг происходит без должного учета экологических последствий. Одной из самых больших экологических проблем на всех континентах сегодня является загрязнение сферы обитания человека от топливно-энергетического производства. Общеизвестно, что ежегодно во всех странах мира поглощается три с половиной миллиарда тонн нефти двигателями внутреннего сгорания и печами обогрева. Реальной замены нефтегазовому топливу и сырью наша наука пока не определила. К тому же в мире постоянно возрастает разработка нефтяных месторождений, расширяется использование нефти и газа в народном хозяйстве. Проектом XX века в этом плане считается освоение Тенгизского нефтеносного района в Казахстане, который будет сродни добыче нефти в Персидском Заливе, либо в Калифорнии, или в Западной Сибири. Большую экологическую напряженность будет создавать трубопровод длиной в 1580 километров – от Каспия до порта Новороссийск на Черном море. Через трубу сечением более одного метра хлынет поток нефти почти 70 млн. тонн в год.

Общественность стран СНГ проявляет большое беспокойство в связи с техническими недоработками проекта «Нефть из Тенгиза». Так, Фонд внешней политики России осенью 1997 года провел международную научно-практическую конференцию на тему: «Деятельность Каспийского трубопроводного консорциума в Черноморском регионе: экономические, социальные и экологические аспекты». Научный их анализ показал: во-первых, в ходе разработки трубопровода осталась без внимания проблема повышенной сейсмичности территории, через которую он будет проложен; во-вторых, большим фактором экологической опасности является резервуарная база трубопровода, когда в одном только месте будет накапливаться более 1 млн. тонн нефти. Ученые-экологи, выступая на указанной конференции, подчеркивали, что в таком скоплении нефтепродуктов токсические испарения могут достигнуть шести тысяч тонн в год. При этом значительная масса вредных веществ не будет подниматься в атмосферу, а стечет на землю, создавая вокруг резервуарного парка трубопровода опасные для жизни людей значительные площади.

У мирового сообщества вызывает большую тревогу сохраняющаяся экоопасность на сибирском озере Байкал, в лесах Амазонии в Южной Америке, последствия экологических катастроф в районе Чернобыльской АЭС на Украине. Весь мир был потрясен последствиями войны Ирака и Кувейта в Персидском заливе, а также участвовавшими крупными утечками нефтепродуктов в ходе их транспортировки по морю, автомобильным и железнодорожным дорогам, по трубопроводам. Только скоординированные меры всего мирового сообщества в целом могут привести к решению проблем экологической безопасности на всей нашей планете.

Забываясь о мире на Земле, о сохранении ее естественного состояния, мировое общество испытывает огромное тяготение к интеграции экономической жизни государств и народов. Как нам представляется, эта тенденция в развитии современных международных отношений носит и будет носить устойчивый характер. На ее базе зиждется концепция МО – транснационализм, которая сегодня выдвигает активным участником международных отношений транснациональные корпорации в различных направлениях экономической деятельности людей. В настоящее время их насчитывается в мире более 7 тысяч, производящих компьютерные системы, электронику, самолеты, автомобили, продукты питания и товары бытового назначения. Крупнейшие транснациональные корпорации располагают огромными экономическими ресурсами, которые нередко превышают в целом объемы национального внутреннего продукта малых и

средних государств. К примеру, торговые связи между США и остальным миром более чем на 80 процентов находятся в руках ТНК.

Влияние транснациональных корпораций в современном мире растет не только в экономической деятельности людей, но и в области политической и социальной жизни. ТНК занимают независимую позицию по вопросам внешней политики государств, оказывает большое влияние на разрешение многих международных проблем. Активные экономические действия ТНК в мире способствуют интеграционному процессу государств, развитию международных рыночных отношений и сотрудничества народов. Развивающаяся в современных условиях тенденция расширения экономической интеграции в значительной мере обусловливается объективным процессом мирового разделения труда. Уровень его сегодня постоянно возрастает. Государства и транснациональные корпорации все активнее используют в развитии экономики возможности одних богатых природными ресурсами, других – имеющих передовые наукоемкие технологии, позволяющие производить качественную промышленную продукцию и товары, оказывать широкие услуги населению. Общеизвестны нефтересурсы мирового значения Ближнего Востока, России; лесные богатства Южной и Северной Америки, Индии, Юго-Восточной Азии, Экваториальной и Южной Африки, скандинавских стран, других регионов мира. Их рациональное использование должно стать задачей мирового сообщества.

С другой стороны, использование современных эффективных технологий развитых в экономическом отношении стран позволяет молодым государствам быстрее решать проблемы подъема национальной экономики, эффективнее использовать свои природные богатства, на взаимовыгодной основе предоставлять их странам, нуждающимся в недостающих ресурсах.

Углубляющееся разделение труда в мире постоянно подпитывается интеграционными процессами и ставит перед мировым сообществом задачу всемерно развивать международное экономическое сотрудничество.

Постоянный учет этой тенденции в современных международных отношениях может во многом смягчить продовольственную проблему человечества. Нарастающие трудности в обеспечении продуктами питания на Земле связаны с ростом планетарного населения, с неэффективным использованием пригодных для сельскохозяйственного производства угодий, его отсталая технология во многих странах азиатского, африканского и латиноамериканского континентов. Особенно усиливается продовольственная проблема во время региональных конфликтов, которые нарушают процесс производства продуктов питания. По данным международных организаций и средств массовой информации, сегодня в мире голодает до 500 млн. человек. Деятельность гуманитарных международных организаций по оказанию продовольственной помощи не решает указанную проблему. Мировому сообществу необходимо принимать решительные меры для того чтобы прервать столь опасную для человечества тенденцию нарастания продовольственных трудностей в мире. Прежде всего необходимо добиться строгого соблюдения договоров, конвенций и соглашений на различных уровнях по сохранению плодородия почв, бережному использованию морских богатств, фауны и флоры. Заслуживают внимания многие международные научные и инвестиционные проекты, направленные на разработку новых сортов пшеницы, риса, кукурузы, сахарного тростника, бобовых и других продовольственных культур. В связи с этим важно всячески поддерживать создание в различных районах мира специальных международных научных центров по селекции земледельческих культур. Примером тому может служить научный центр ООН в Сирии, ведущий многие годы улучшение селекции злаковых расте-

ний, приспособленных к жестким условиям засушливого климата стран Аравийского полуострова. Создание новых и совершенствование традиционных видов растений, меры по обводнению земель позволило государствам Ближнего Востока значительно увеличить урожаи зерновых культур и уменьшить импорт продовольствия.

К сожалению, международные организации сегодня не уделяют должного внимания мировой продовольственной проблеме, их экономические проекты не имеют приоритета среди других программ и они не учитывают постоянного нарастания дефицита продуктов питания во многих районах мира.

Наконец, среди определяющих тенденций в современных международных отношениях доминирующее положение занимает их правовое обеспечение. Весь миропорядок на нашей планете должен опираться на международное право, которое призвано характеризовать равноправное сотрудничество народов во всех областях жизни, помогать людям сохранять мир на земле. Свод международных законов постоянно пополняется. Его основу, на наш взгляд, должны составлять научные, демократические принципы нормирования мирового правового поля. Общеизвестно, что его создание сопряжено с большими трудностями, которые обуславливаются необходимостью разработки универсальных законов, договоров, конвенций, соглашений и других международных правовых актов. Их содержание должно учитывать уровень современного права и его особенности в различных странах. Без такого подхода к созданию современного международного правового поля взаимодействие факторов международных отношений будет наталкиваться на несогласованные акты. Вопрос этот непростой. Трудности его разрешения связаны с разноуровневым характером правового законодательства в различных странах, с их национальными традициями.

Особо следует выделить при этом правовое обеспечение глобальных проблем современных международных отношений. Их приоритет необходим, так как они связаны с важнейшими направлениями сотрудничества государств и народов в современных условиях.

Мы остановились только на главных течениях международных отношений в мире на рубеже XX и XXI столетий. Третье тысячелетие, на наш взгляд, значительно ускорит процесс международного сотрудничества в мире. Научное видение данного процесса, обобщение его практики на различных уровнях представляет собой актуальную задачу.

РЕЗЮМЕ

Стаття присвячена розгляду важливих тенденцій у розвитку сучасних міжнародних відносин. Автор, порівнюючи своє бачення проблеми з існуючими у науковій літературі різними поглядами, намагається аргументувати основні напрямки розвитку міжнародного співробітництва і світового порядку у сучасних умовах та на близьку історичну перспективу.

SUMMARY

Present clause is devoted to consideration of the major tendencies in development of the modern international attitudes(relations). The author, by comparing the vision of a problem with various sights, available in the scientific literature, aspired to give reason for the main directions of development of the international cooperation and world(global) order in modern conditions and on the nearest historical prospect.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Сорокин К.О. Геополитика современности и геостратегия России. – М.:РОССПЭН, 1996. – 168 с. – ЦХ: 796455 = I экз.
2. Киссинджер г. Дипломатия / Пер. с англ. В.В.Львова; Послесл. г.А.Арбатова. – М.: Ладомир, 1977. – 848 с.: ил. – ЦХ: 800840 = I экз.
3. Развитие интеграционных процессов в Европе и Россия: Пробл. темат.сб./Редкол.:Т.Г.Пархалина (гл.ред.) и др.; РАН.ИНИОН. – М.:ИНИОН РАН, 1997.–308 с. – ЦХ 800817 = 1 экз.
4. Этнические и региональные конфликты в Евразии: В 3 кн. Кн.3: Международный опыт разрешения этнических конфликтов / Б.Коппитерс, Р.Зайдельман, Р.Раджоньери и др.; Общ.ред:В.Коппитерс, Э.Ремакль, А.Зверев.– М.: Весь мир, 1997. – 304 с. – ЦХ: 800953 = I экз.
5. Международные отношения: социологические подходы / П.А.Цыганков (рук.), А.Вендт, М.Финнемор и др.; Под ред. П.А.Цыганкова. – М.:Гардарика, 1998. – 352 с. – -Учеб.аб.: б/н = 53 экз. – ЦХ: 803271 = 1 экз.
6. «Арабески» Истории: Альм. Вып.5-6: Каспийский транзит: В 2-х т. Т.1 / Сост. и подгот. А.И.Куркчи. – М.: ДИ-ДИК; Танаис, 1996.–576 с.: ил. – ЦХ: 805209 = 1 экз.
7. «Арабески» Истории: АЛЬМ. Вып.5-6: Каспийский транзит: В 2-х т. Т.2 / Сост. и подгот. А.И.Куркчи. – М.: ДИ-ДИК; Танаис, 1996.–624 с.: ил. – ЦХ: 805210 = 1 экз.

Надійшла до редакції 12.05.1999 р.

Ф І Л О Л О Г І Я

ББК Ш40*01

ТАЙНА КАК КАТЕГОРИЯ ПОЭТИКИ

А.А.Кораблев

Доказывать, что поэзия есть тайна и что, в то же время, поэзия есть основной предмет поэтики, как будто нет необходимости. Но утверждение, что, таким образом, тайна должна быть включена в поэтическую систему как одна из основных ее категорий, требует, по-видимому, некоторых объяснений.

Во-первых, следует уточнить, что имеется в виду, когда речь идет о тайне художественного творчества. Во-вторых, нужно попытаться понять, почему вопрос о тайне как категории поэтики становится актуальным тогда, когда сама поэтика – как дискурсивный эквивалент тайны – перестает быть актуальной для творческого сознания.

Говоря о тайне, мы имеем в виду знание, воспринимаемое как незнание. Это знание – уже существующее, но еще не принадлежащее познающему. Оно существует (объективно) и в то же время как бы не существует (субъективно). Как знание тайна предопределяет путь познания; как незнание она предоставляет познающему свободу поиска и риска.

Суждения о том, насколько тайна открыта познанию, полностью или частично, едва ли можно признать вполне корректными, поскольку о природе и пределах незнания приходится судить, находясь в пределах достигнутого знания. Тем не менее, по тому, как незнание переходит в свою противоположность, можно строить предположения о его природе.

Существующая зависимость между характером познавательных усилий и получаемым знанием позволяет предположить существенную неоднородность познаваемого. Обретаемые знания обнаруживают некие *пределы* и *границы*, разделяющие все неведомое и неизвестное как *непостижимое, непознанное и незнаемое*, или, иначе, как *тайна, загадка и секрет*, или, в терминах И.Канта, *mysterium, arcana, secreta* [1].

Тайна (*mysterium*) – это запредельное незнание, то, что неизвестно и остается неизвестным, если прилагать только интеллектуальные усилия. Область запредельного незнания требует от познающего духовных усилий, трансформации его познавательных способностей («измененного сознания»). Практика и теория открытия тайн бытия называется *мистикой*.

Ограничение познавательных притязаний является особым, отрицающим («апофатическим») методом познания, в противоположность утверждающему («катафатическому»). Незнание предстает как форма знания. Полное неведение оказывается наиболее адекватным постижением области запредельного (Дионисий Ареопагит, Мейстер Экхарт, Николай Кузанский и др.).

Создание аристотелевской «Поэтики» было, по сути, актом дифференциации «тайны творчества» и «секретов ремесла», в соответствии с платоновской концепцией «двух искусств»: секреты миметического искусства, описываемые логически, тем самым ограничивались возможностями логического описания, но тайны высшего, манического, вдохновенного искусства исследованию не подлежали и мыслились мифологически: первопричи-

нами таких произведений считались боги, музы, даймоны и подобные им сверхъестественные существа, составляющие совокупно область таинственного, поэтический «Парнас», куда допускаются только избранные и отнюдь не за ученые заслуги.

По мере того, как античные боги становились метафорами поэтического и демонами религиозного сознания, поэты оказывались перед все более ответственным выбором: быть ли им «жрецами», подчинившись и служа неведомым силам, или не быть, сложив с себя этот сан и соединившись с миром, историей, народом. В эпоху Возрождения этот выбор обрел экзистенциальное значение: Гамлет и Дон Кихот, Дант и Фауст выбирают, в каком мире им существовать – в мире, где властвует тайна, или в мире без тайн, где властвует человек.

В русской литературе выбор поэтической экзистенции последовательно тематизируется в произведениях Пушкина («Пророк», «Поэт», «Поэт и чернь», «Моцарт и Сальери» и др.), предвзятое последующее разделение между *символическими* и *метафизическими* представлениями о поэзии, которые знаменательно противопоставятся в теоретической дуэли Блока и Гумилева. В ответ на вызывающе «сальерианское», а по существу – метафизическое, определение Гумилева: «Поэтом является тот, кто учтет все законы, управляющие комплексом взятых им слов», высказанное в статье с характерным «сальерианским» же названием «Анатомия стихотворения» (1921), символист и «моцартианец» Блок (ответная статья, заметим, называется: «Без божества, без вдохновенья») отмечает: «Это жутко. До сих пор мы думали совершенно иначе: что в поэте непременно должно быть что-то праздничное; что для поэта потребно вдохновение; что поэт идет «дорогою свободной, куда влечет его свободный ум», и многое другое, разное, иногда прямо противоположное, но всегда – менее скучное и менее мрачное, чем приведенное определение Н.Гумилева» [2].

Эта «жуть» давно стала привычной и, кажется, никого уже не пугает. Теоретическая концепция не кажется ущербной или недостаточной, если в ней нет ни «божества», ни «вдохновенья», теоретик литературы, как правило, в этих гипотезах не нуждается. И совершенно закономерно, что в ответ на «анатомические» или «археологические» представления об искусстве (например, «Anatomy of criticism» Н.Фрая или «L'archéologie du savoir» М.Фуко), когда, как пишет поэт, в руках исследователя «скальпель и заступ», вспоминаются изначальные, мифологические представления: поэзия постулируется как превосходящая возможности человеческого разума «тайна», как нечто самодостаточное, самовывяляющееся и самовывговаривающееся, а художественное произведение трактуется как переход «из потаенного в открытость» [М.Хайдеггер; 3], как рождение «из таинственных недр мирового бытия» [И.Ильин; 4]. Тайна вновь становится реальным фактором, предопределяющим и ограничивающим научное теоретизирование. В отличие от «загадок», «секретов», «проблем», обозначающих границу между познанным и непознанным, «тайна» обозначает границу непознаваемого, во всяком случае непознаваемого рационально. Характеризуя современное состояние науки, А.Генис пишет: «Концепция принципиальной непознаваемости мира вновь обрекает нас на сосуществование с тайной. Ее вторжение не только в физику и математику, но и в политику, социологию, психологию, искусство вынуждает западную цивилизацию заново осваивать забытое умение жить в таинственном, а не просто загадочном мире» [5].

В филологии XX века соприсутствие символического и метафизического подходов поляризовалось в герменевтической и структуралистской тенденциях, а также в соотносимых с ними построениях. Так, в концепциях М.Хайдеггера, Г.-Г.Гадамера и др. «тайна» оказывается не только альфой, но и омегой теоретических рассуждений, т.е. не только исходной аксиомой, но и предполагаемым открытым итогом [6]. Таков

же и положительный смысл деконструкции, разрушающей все возможные интерпретации, подменяющие непосредственное ощущение тайны. В структурализме, наоборот, тайна оказывается чем-то внешним, посторонним и, главное, потусторонним по отношению к структурируемой концепции. Об этом достаточно ясно в свое время высказался Ю.М.Лотман: отметив противоречие между донаучным, научным и постнаучным этапами знания, он заключает, что «науче не следует братья за решение ненаучных по своей природе или неправильно поставленных вопросов, а потребителю научных знаний, во избежание разочарования, не следует предъявлять к ней таких требований» [7].

Соотносительность этих отношений к тайне, которые можно определить как имманентное и трансцендентное, побуждают теоретика литературы задаваться вопросами о возможности их интегрирования и, как следствие, об осмыслении «тайны» как естественной и существенно необходимой категории поэтики, не только обозначающей «внешний» и «внутренний» пределы поэтической системы, но также пронизывающей собой эту систему.

Поэтика, обращенная к тайне бытия и полагающая себя одним из ее дискурсов, должна бы по праву называться «мистической» (от греческого *μυστικός* – «тайнственный»), что едва ли возможно, если учесть букет коннотаций, которые вызывает это слово. Пожалуй, самый удачный эвфемизм, найденный для обозначения такой поэтики – «онтологическая», хотя в большинстве случаев, насколько можно судить по употреблению этого звучного определения, оно семантизировано метафизически и почти синонимично значению «объективная». Занимающих такую позицию нельзя упрекнуть в ненаучности, но проблема-то заключается в том, что постигать бытие, оставаясь в пределах научности, невозможно. «Объективность» предполагает прежде всего «объектность», «предметность», т.е. раздельность и противопоставленность познаваемого и познающего, и если предметом избирается бытие, то это означает его утрату, превращение его в умозрительное подобие. Возможно, именно в связи с кардинальным поворотом от «сущности» к «бытию» в современной философии наряду с «классическим» типом рациональности, стремящимся к чистой «объективности», активизируются принципы и методы «неклассического» типа, не только допускающие, но и предполагающие в научных исследованиях момент «субъективности», «гуманитарности», состоящий, как писал С.С.Аверинцев, «в постоянном нравственно-интеллектуальном усилии, преодолевающем произвол и высвобождающем возможности человеческого понимания» [8].

Филологический символизм требует признания произведений искусства «за действительность», в отличие от метафизического непризнания их за таковых. Литературный герой, понимаемый символически, воспринимается именно как бытие, с которым, по мысли М.М.Бахтина, спорить или соглашаться можно только эстетически, т.е. проявляя и себя как творческое бытие. Определить такое отношение к явлениям искусства как научное не представляется возможным, скорее подошло бы определение «инонаучное», употребленное С.С.Аверинцевым применительно к симвонологии [9] и заинтересованно воспринятое М.М.Бахтиным [10].

Здесь мы снова, но уже с другой стороны, приходим к мистике как методологии тайны. Если согласиться, что предмет филологии содержит в себе нечто иррациональное, т.е. рационально непостижимое, некую, иначе говоря, «тайну», то соответствующим должно быть и отношение к этой области, а именно – мистическим. Мистика – это форма адекватности в постижении тайны, которая предполагает, с одной стороны, преодоление рациональности (что, собственно, и приводит к «инонаучности»), а с другой стороны, ограничение научных притязаний, «апофатизм» (который, кстати, как показывает К.Г.Исупов, был также характерен для филологии Бахтина; см.: 11).

Естественно, что определения «символическая» («символологическая»), «инонаучная», «апофатическая» и даже «диалогическая» и «онтологическая», прилагаемые к поэтике, не могут не восприниматься как нарушение чистоты научной методологии. И в этом смысле знаменательна и симптоматична настороженность, которую вызывают работы некоторых донецких филологов, в том числе и в самом Донецке. Действительно, это прорывы или, по крайней мере, попытки прорыва за пределы «научности». Если концепция целостности (М.М.Гиршмана), вызвав первоначальное неприятие, со временем все-таки была принята научным сообществом, правда, в адаптированном виде, не реализовав пока еще своей взрывчатой силы, то другие, коррелирующие с ней концепции – учение о слове как смыслопроявлении бытия (В.В.Федорова), идеи «тайнодействия», «саморазвития», «герменейи» – воспринимаются как опасность «мифологизации» науки.

Несомненно, такая опасность есть. Но есть и головокружительный шанс радикально расширить владения филологии.

РЕЗЮМЕ

Проблема «таємного» розглядається в статті як проблема вивчення онтології поетичної реальності. По відношенню до «таємного» (трансцендентальне/іманентне) визначаються типи філологічного знання – метафізичне і символічне. Методологія М.М.Бахтіна характеризується як приклад символічної філології.

SUMMARY

The problem of «mystery» is considered in the article as a problem of studying ontology of poetical reality. With respect to the mystery (transcendental/immanent) the types of the philological knowledge: metaphysical and symbolic are defined. Methodology by M.M.Bakhtin is characterized as an example of symbolic philology.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. – М., 1980. – С.212.
2. Блок А.А. «Без божества, без вдохновенья» (Цех акмеистов) // Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. Т.6. – М., 1962. – С.182.
3. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986. – С.49.
4. Ильин И.А. Одинокий художник. – М., 1993. – С.253.
5. Генис А. Вавилонская башня: Искусство настоящего времени. – М., 1997. – С.200.
6. Аналогічна познавальна установка В.В.Налимова: «Наш исходный постулат: в Мире есть *Тайна*. Не надо пытаться ее разгадать, ибо тогда мы разрушим ее – вульгаризируем, упростим, редуцируя грандиозное к привычному. В то же время горизонт тайны хочется расширять, трансформируя ее в образы *Запредельного*, слегка просвечивающие через туман нашего незнания» (Налимов В.В. В поисках иных смыслов. – М., 1993. – С.3).
7. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. – Л., 1972. – С.5.
8. Аверинцев С.С. Филология // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979. – С.374.
9. Аверинцев С.С. Символ // КЛЭ. Т.7. – М., 1972. – Стб.828.
10. Бахтин М.М. Указ. соч. – С.362.
11. Исупов К.Г. Апофатика М.М.Бахтина. Тезисы к проблеме // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1997. – №3.

Надійшла до редакції 25.05.1999 р.

ББК Ш43 (4укр) (=411.4)6

УТВЕРДЖЕННЯ ІДЕЙ ПРАВДИ І ДОБРА У ПОЕМІ «ХРИСТОС» В.СОСЮРИ

В.В.Краснікова

Наскрізь трагічною була доля нової української літератури. Кожного письменника, культурного діяча, що ставав на захист прав свого народу, української національної ідей, мови чекав, за словами М.Драгоманова, шлях на Голгофу і терновий вінок. І сто-крат трагічною виявилася доля української інтелігенції за системи тоталітарного більшовизму. Жорстокі репресії, розстріли, заслання чекали кожного, хто не погоджувався з «єдино вірною» лінією партії, декретованою ідеологією, нівеляцією традиційних моральних засад, загальнолюдських етичних і естетичних принципів.

Першими жертвами системи ставали письменники, митці, національно зорієнтовані інтелігенти. Не всі, кому дозволено було залишатися на волі, підкорилися системі, не всі співали осанну партії та її вождям. Мабуть, чи не найкраще висловив трагедію цієї невеликої частини письменників Юрій Клен:

Помолимося за тих, кому на герць
Піти не вистачить снаги і сили,
За всіх отих, кого гірка, як смерть,
Недоля під ярмо важке схилила ...

До когорти цих поетів належить В.Сосюра, справжнє творче обличчя якого ми пізнаємо лише зараз, у час відзначення 100-річного ювілею поета. Виявляється, що писав В.Сосюра не лише поезію про кохання, про громадянську війну, промисловий Донбас, трудові подвиги. Хвилювали його заборонені теми з історичного минулого України, теми біблійні, загальнолюдські.

Де, як не в Біблії можна було шукати і знаходити відповідь на масштаби апокаліпсису, викликаного результатами так званої «Великої Жовтневої соціалістичної революції»? Виявляється, що все це уже колись було. Було попередження, але така уже вдача: вчитися не на уроках історії, а на власних помилках. Все життя В.Сосюру терзали сумніви, пошуки відповіді на вічні питання про смисл і призначення Людини, про сутність добра і зла, про гірку чашу горя, що судилося українському народові. Мабуть, від Т.Шевченка успадкував В. Сосюра єдність двох найсуттєвіших понять-категорій – України і Бога.

Віра в Бога, поклоніння творцю світу та всього суцього на землі супроводжували В.Сосюру все життя і стали наріжним каменем естетичного кредо поета. Визначальні у цьому плані твори були написані протягом 1948-49 рр., але довгий час перебували під суворою забороною. Тільки недавно читачі змогли познайомитися з поемами «Каїн», «Мойсей», «Ваал», текст яких опублікував журнал «Київ». Там же була надрукована і поема «Христос», яка творилася В.Сосюрою у тяжкий для нього період, у лікарні.

За обсягом твір невеликий. Поема тісно пов'язана з біблійним текстом, автор використовує євангельську фабулу і зберігає її у великій кількості епізодів, мотивів.

У поемі показана велика жертвна любов, яка мала передатися повсталому народу, для побудови гармонійного суспільства. Образ Христа змальований від появи на світ у «тесляра і діви Марії» – до розп'яття на хресті, після зради Юдою.

«Бездумний Ірод» – жорстокий правитель Юдеї тільки згадується у творі. Дізнавшись про народження Ісуса Христа, він хотів йому «св'язі відтяти крила». Тому Йосип з Марією змушені тікати в Єгипет і переховувати сина у країні колишніх ворогів юдеїв. Автор послідовно дотримується біблійного сюжету, нічого у ньому не змінюючи.

Про дитячі та юнацькі роки Ісуса Христа у Святому Письмі відомостей дуже мало, тому автор романтизує розповідь про цей період життя Христа і вводить розділи про перебування його у храмі на вершині Евересту. Там він «проходить зоряні семестри», здобуваючи науку у «семи мудреців». І мудрі благословення наставників «Іди, пророк! Пролий за світло кров, – і кров твоя в народах світлом буде...» – Христос виконує самовіддано і свято. Він постійно рухається вперед, усвідомлює своє призначення і готовий вмерти, щоб люди отримали надію на майбутнє. Ось звучить його полум'яне звернення до матері: «Я, на жертву вже готовий». Один – за всіх, за всі гріхи людства, як «покуту, обраного за промахи і злочини всього загалу»[1, с.28]

Стоїть Христос і весь сія ...

Не сльози – краплі крові ...

...Горить на нім

в крові вінець терновий...

Не випадково автор говорить про «краплі крові» ще не розп'ятого Христа, що падали на руки матері. Передбачаючи свої страждання на хресті, його людська природа нагадувала про себе. В якийсь момент Ісус молить Бога відвернути «гірку Чашу» від нього, і кров, як крапельки поту, стікає з його обличчя. Євангеліст Лука, лікар за освітою, твердить, що коли людина знаходиться у стані крайнього нервового напруження, таке можливе [2, с.1318]. Але якась мить, і вибір зроблено.

Ось він змінивсь ... Він – на хресті...

Які він терпить муки!..

Сіяють очі золоті –

Гвіздки пробили руки...

Ісус зробив усе можливе, щоб допомогти людям. Він створив свою школу з послідовників, прощав багато гріхів, а гріхи людські перебирав на себе. Його місія на землі в утвердженні народної Правди, у вірі в необхідність сплести «в одно серця, і думи й руки» і тоді «світ стане, як знамено, без сліз, і крові, й муки». Що «самаритянину – єврей подасть братерську руку», а в Римі, у «проклятім Римі» теж знайдуться «браття», яким ми руки подамо. І тому, не зважаючи на гнівні заклики фарисеїв, останнє слово за народом.

Вступаючи у відкриту боротьбу з фарисеями, які вже давно вирішили вбити Христа, він, як цар, входить у головні ворота Єрусалиму. Його радісно зустрічає народ. Образ Христа в очах пригноблених злився з образом національного героя. З ним апостоли, одинадцять апостолів, бо майбутній зрадник ще «не приєднався, щоб уплинути на душі, світлі душі злидарів».

Юда постає перед Христом і його учнями лише на Вечірній трапезі. Учні з недовірою ставляться до нього, не хотять прийняти у свою сім'ю. Але Христос, розуміючи, що перед ним зрадник його, не відступає від другої заповіді: «Возлюби ближнього, як самого себе». Зі словами: «Ти – наш», – дає випити золоту Чашу Юді.

І учні п'ють, бліді, бліді...

І мовчки п'є Христос...

І встав. І встали мовчки всі.

Христос: «Іуда де?»

Учні: «Нема».

А зрадник уже в палаці первосвященника Анни пропонує план захоплення і арешту Христа. І тут перед нами постає проблема зради, яку В.Сосюра подає по-іншому, ніж це трактує Біблія. У Біблії зрада Юди була продиктована недовірою до свого Учителя, розчаруванням у ньому. Зауважимо, що в Біблії Юда зраджує Христа за тридцять срібляників, а

потім, як ні в чому не бувало, повертається до нього. У В.Сосюри ж причиною зради стала жінка, колишня коханка Юди. І продає він Христа за тридцять три срібляники, як говорить сам зрадник, «за кожний рік його». Отже, Юда віддає Христа на муки із ревності. Чому? Бо молоде серце Спасителя автор назавжди поєднує з Марією Магдалиною.

Марія – зрадниця, Марія – повія, обдурена негідником Ваалом, щиро закохується у Христа, зізнається йому у своєму вседайному коханні і просить прощення за свої гріхи. І Христос, полонений Правдою, назавжди залишається із милою. Тепер його свята Справа, його Правда разом з нею. Їх не розлучить ніхто, ні люті накази Бога, ні розуміння неминучої кари, «як смерті за Любов».

А що ж зрадник? Зробивши свою чорну справу, він на деякий час прозріває. Він мучиться, він ридає, просить прощення за скоєний кривавий злочин, навіть бажає прийняти смерть за Христа. Збентежений і Анна, розуміючи ганебність злочину. Але Анна мовчить, сліпо виконуючи Ваалове «насильство лжі над поруганою Правдою». У цьому страшному двобої перемагає правдива віра, Любов, як розп'яття, якими б великими не були страждання «Месіїна».

Сціпив він уста...

«Я іду, Любов!»

Пролилась свята

На Галгофі кров.

Гріхи людські він спокутував тілом своїм. Хоч, як зазначає Ю.Бурляй: «Це – високоромантична перемога... Бо невизначеністю високої мрії кінчається твір. Адже змальовується химерний злет у далекі світи – ідеальну будучину»[1; с.27].

Я бачу даль... Там все розвітле,

Там сад, де пусто все було...

І не земне, чудесне світло...

Вражені неймовірними муками Христа, Марія – мати і Марія Магдалина зливаються в одну і «плачуть коло його прекрасних ніг». І, немов уві сні, чуються їм пророчні слова: «Я не умер, я в вас живий». Хоч «не б'ється в грудях серце» і «бік списа пробила мідь», він вічно житиме в людях і для людей.

На цьому і закінчується легенда про видиме і суще, про те, чого жде кожний з нас і вірить в нього.

РЕЗЮМЕ

Рассматривается видение В.Сосурой евангельской легенды о Иисусе Христе, который пошел на смерть за грехи человечества. Для В.Сосуры Христос – воплощение Правды, Добра и Самопожертвования.

SUMMARY

The article under discussion considers Sosura's vision of evangelic legend about Jesus Christ, who died become of People's sins. For V.Sosura Jesus Christ is the incarnation of Fruth, rindness and Self Sacrifice.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Бурляй Ю. «Я в вас живий!» // Київ. – 1997. – № 1-2. – С.26-32.
2. Библия или Книги священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. – 1525 с.
3. Сосюра В. Христос. Легенда // Київ. – 1997. – № 12. – С.12-25.

Надійшла до редакції 20.05.1999 р.

ББК Ш43 (4РОС)(=411,4)5х8Пушкин 4х3

ББК Ш43 (4ФРА)(471.1)5х8Виньи 4х3

**«КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» А.С.ПУШКИНА
И «СЕН-МАР» А. де ВИНЬИ:
К ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СВОЕОБРАЗИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ**

Н.С.Постовая

Суждения о французской словесности – интереснейшая часть наследия, оставленного Пушкиным-критиком. Принципиальным свойством французской литературы поэт считает франкоцентризм: «Долгое время французы пренебрегали словесностью своих соседей» [1, с. 202]. Язык же французский определен как «столь осторожный в своих привычках», сколь «пристрастный к своим преданиям» и сколь «неприятный» к языкам, даже ему единоплеменным [1, с.208]¹. При том, что Пушкин утверждает: «Из всех литератур она (французская – Н.П.) имела самое большое влияние на нашу» [2, с. 18], все же не составит труда создать и подборку весьма скептических замечаний поэта о французской словесности. Прекрасный знаток не переведенных в то время сочинений классиков и современных ему художников Франции, Пушкин утверждал, что «лучшие писатели их,..., Монтень, Вольтер, Монтескье, Лагарп и сам Руссо доказали, сколь чувство изящного было для них чуждо и непонятно» [2, с. 55]. Пушкин вопрошал, «признались ли наконец французы в тощем и вялом однообразии своего Ламартина» [2, с. 56]; Пушкин замечал: «Разумеется, их гонения столь же несправедливы, как и любовь. Между молодыми талантами нынешнего времени Сент-Бев менее всех известен, а между тем он чуть ли не самый замечательный» [2, с. 56]. Эти мысли интересны своей парадоксальностью: Пушкин отказывает в «чувстве изящного» французам, у которых «мера и вкус» стали важнейшим критерием художественности. Хотелось бы найти какое-то объяснение подобному неприятию, идущему от гениального, эстетически чуткого русского поэта. В известной мере это противостояние авторитарности, которой наделяло французскую культуру отечественное восприятие. В заметках Пушкина встречается и фраза: «Причина, замедлившая ход нашей словесности – общее употребление французского языка» и даже безапелляционное: «Всем известно, что французы – народ самый антипоэтический» [2, с.55]. Таким образом, в размышлениях Пушкина получает неординарное воплощение проблема восприятия французской литературы русским художественным сознанием первой трети XIX века. Эта проблема выявляет своеобразие национальных эстетических предпочтений, жанрово-стилевых исканий. В статье Пушкина «О Мильтоне и переводе «Потерянного рая» Шатобриана» есть любопытный критический и полемический выпад: «Cinq-Mars», посредственный роман графа де Виньи, равняют с великими созданиями В.Скотта», и далее: «...Альфред де Виньи, которого французские критики без церемоний поставили на одной доске с Вальтером Скоттом» [1, с.2-3]. Здесь же Пушкиным предпринят тщательный разбор эпизода с участием исторической фигуры Мильтона из романа Виньи «Сен-Мар». Этот разбор, содержащий ряд резких суждений, завершается безоговороч-

¹ В этих суждениях ощутима перекличка идей Пушкина с теоретической мыслью Жермены де Сталь, автора критического исследования «О Германии», опубликованного еще в 1813 году.

ними предпочтениями, отданными роману В.Скотта «Вудсток», где также представлен эпизод встречи Джона Мильтона с одним из действующих лиц в кабинете Кромвеля. Полемичный тон статьи объясним. Пушкин-современник рождения и становления жанра исторического романа и, как автор «Капитанской дочки» – создатель его вершинного образца в русской литературе этого периода. Во Франции первым историческим романом нового типа был «Сен-Мар» Альфреда де Виньи. Несмотря на отмеченную резкость высказываний Пушкина в адрес «Сен-Мара», принципиально возможен сопоставительный анализ тематических топосов (устойчивых мотивов) в романе французского автора, с одной стороны, и в «Капитанской дочке» – с другой. (Именно путем такого анализа, как представляется, можно уяснить, что же неприемлемо для Пушкина в индивидуальной художественной системе А. де Виньи). Нам неизвестны попытки такого сопоставления, хотя и в том, и в другом случае речь идет об авторах-первооткрывателях, основоположниках жанра исторического романа, каковыми и выступили Виньи во французской литературе, Пушкин – в русской. Сходство обнаруживается и в универсальности их дарования: проза, поэзия, драма составляет наследие писателей-современников – Пушкина и Виньи. «Сен-Мар» и «Капитанская дочка» разделены целым десятилетием: 1826 г. – выход в свет французского романа, 1836 г. – публикация «Капитанской дочки». Однозначно негативна оценка Пушкиным, по его словам, «посредственного сочинения графа де Виньи». При всем том анализ выявляет ряд родственных элементов топики, хотя и получивших порой диаметрально противоположное художественное воплощение. Пугачевский бунт в «Капитанской дочке» и заговор мятежных аристократов времени Людовика XIII в «Сен-Маре» – разные эпохи в жизни разных народов. Но оба центральных события – попытка потрясения устоев существующей власти, хотя и с противоположных – демократической и аристократической позиций. Оба романа повествуют о крахе подобных начинаний. Оба главных героя – Петр Андреевич Гринев и Анри д'Эффиа де Сен Мар молоды самой что ни на есть первой молодостью – обоим нет и двадцати; «история молодого человека» лидирует в сюжетных предпочтениях романа XIX века. И Гринев, и Сен-Мар – провинциальные дворяне, предназначены воинской службе. В первой главе каждого из интересующих нас произведений повествуется о выезде героя из отчего дома. Но, в отличие от, скажем, героя Дюма – д'Артаньяна, оба вначале направляются отнюдь не в столицу – крайне разочарованный решением отца Гринев едет в Оренбург; огорченный разлукой с возлюбленной Сен-Мар движется в Перпиньян, за двести лье от Парижа. Сходная оценка столичных нравов в произведениях Пушкина и Виньи принадлежит представителям старшего поколения. Что касается Андрея Петровича Гринева, то чтение Придворного календаря «производило в нем всегда удивительное волнение желчи» [3, с.242]. Петербург, по его мнению, не место для Петруши: «Чему научится он, служа в Петербурге? Мотать да повесничать?» [3, с.243]. В романе Виньи место погибшего отца молодого героя занимает родственник, старый маршал де Басомпьер. Он заявляет: «Ко двору... в наши дни это скользкая стезя» [4, с.26] и: «Королевский двор теперь не что иное как дворец, где все чего-то добиваются» [4, с.27]. Забегая вперед, заметим, что столичное мироустройство и в том, и в другом случае будет сопряжено с обвинением, судом (Гринева судят за «сочувствие» бунтовщикам, Сен-Мара – за организацию заговора). В обоих случаях в столице состоится казнь героя – исторического лица. У Пушкина это – казнь Пугачева; он «узнал Гринева в толпе и кивнул ему головой, которая через минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу» [3, с.334]. Сюжетная параллель в романе Виньи – казнь Сен-Мара: «...господин де Сен-Мар крепче обнял плаху,... топор

опустился и голова скатилась наземь» [4, с.382]. Сходный ракурс завершает событие рассказывания в обоих произведениях.

Примечательно, что обе юные героини, обе возлюбленные – и в повествовании Виньи, и в повествовании Пушкина носят имя Мария – Мария Гонзаго, герцогиня Мантуанская, и Мария Ивановна, дочь капитана Миронова. К Сен-Мару и к Гриневу приставлен старый преданный слуга – Граншан во французском и Савельич в русском варианте. Оба неизменно апеллируют к своей ответственности перед родителями юного хозяина и воспитанника, оба берегут хозяйское добро пуще глаза и немного комичны в своей щепетильности. Так, рассказывая Сен-Мару о гибели одного из членов хозяйской семьи, Граншан горд своим исполненным долгом: «Когда графу разорвало ядром живот, я один привел обратно его коней, мулов, привез его палатку и все снаряжение, так что ни одного носового платка, сударь, не пропало; и могу вас уверить, что при въезде в Шомон кони и сбруя были так же хорошо вычищены, как если бы граф собирался на охоту» [4, с.86]. Как не вспомнить при этом «реестр барскому добру, украденному...» – то есть бумагу, составленную Савельичем и предъявленную им Пугачеву, где значатся «два халата, миткалевый и шелковый полосатый, на 6 рублей, мундир из тонкого зеленого сукна» [3, с.296] и т.д., включая пресловутый заячий тулуп. О Граншане читаем, что «он принадлежал к числу тех преданных слуг, которые стали редки во Франции, – такие слуги горюют горестями своих господ и радуются их радостям, мечтают о женитьбе молодых хозяев, чтобы воспитывать малолетних отпрысков, бранят детей, а иной раз и отцов, жертвуют ради них жизнью...» [4, с.21]. Таков и Савельич с его ревностью к «проклятому мусье», бранящий оступившегося Гринева за первую попойку. Таков он, когда предлагает Пугачеву свою жизнь взамен Петрушиной, настаивающий, что в его, Савельича, казни, больше проку, чем в смерти «барского дитяти». Савельич, валяющийся с мольбой в ногах у Пугачева, заставляет вспомнить Граншана, без слов рухнувшего мертвым у подножия эшафота юного Сен-Мара. (Сюжетное решение во французском романе во многом принадлежит театральной эстетике).

Взросление, мужание центральных героев Пушкина и Виньи, таких юных, что мотив отеческой опеки естественен и органичен в повествовании, происходит стремительно. Оно совершается тем более быстро, что столь экстремальны события, вовлекающие молодых людей в свой водоворот (события, поистине «трясущие песочные часы», по выражению персонажа романа «Сен-Мар»). Этот путь мужания предполагает и выбор собственной позиции, и испытание предательством, и должную оценку преданности. Мотив предательства, клеветы определяет перипетии судьбы как Анри д'Эффиа де Сен-Мара, так и Петра Гринева. Нравственную неполноценность в реалистическом повествовании русского писателя явит мелкий дворянчик Швабрин, в укрупненных разломах эпохи романтического полотно Виньи – сам король Людовик XIII и его окружение.

Любопытно, что даже мотив предчувствия – предугадывания, предвосхищения последующих событий представлен у Пушкина и Виньи аналогичным образом – через архетипическую ситуацию вещего сна. У Пушкина это рассказ Гринева: «Мне приснился сон, которого я никогда не мог позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю с ним странные обстоятельства моей жизни» [3, с.250]. В Петрушином кошмаре вместо больного отца, проститься с которым якобы нужно герою, явится мужик с черной бородой; Петруша не соглашается принять его благословение, несмотря на уговоры матушки: «Поцелуй у него ручку» [3, с.250]. «Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны. Я хотел бежать... и не мог: комната наполнилась мертвыми телами; я спотыкался о тела и

скользил в кровавых лужах. Страшный мужик ласково меня кликал, говоря: «Не бойсь, подойди под мое благословение...» [3, с.251].

Герой романа Виньи Анри де Сен-Мар видит во сне городскую площадь, запруженную «каким-то иноплеменным северным народом»; видит свою возлюбленную на троне, на возвышении, куда нужно взойти и ему. «Поднимайся, – говорила она и сильно тянула его за руку, но тяжелые балки рассыпались под его ногами, и он никак не мог подняться: вдруг рука, обретя еще большую силу, подняла его до верха... Он склонился, чтобы поцеловать эту великодушную руку, руку обожаемую... Но она оказалась рукой палача!» [4, с.90]. Это сон-пророчество о том возвышении героя, которое обернется эшафотом. Примечательно совпадение даже деталей сна – любимые люди (матушка Гринева и Мария Гонзаго) влекут героев к действию и обманный, ложный поцелуй, готовый вот-вот сорваться с уст, внезапно оборачивается кошмарным видением, где явственно обозначены реальные контуры грядущего. Но если герой Пушкина, создателя реалистического повествования, заметит по поводу сна следующее: «Читатель извинит меня: ибо вероятно знает, по опыту, как сродно человеку предаваться суеверию, несмотря на всевозможное презрение к предрассудкам» [3, с.250], то в романтическом романе Виньи ожидание трагического финала будет приуготовляться еще целым рядом мотивов-предвестников.

Известное сходство являют и приметы «внешней композиции», как, например, деление на главы (четырнадцать – у Пушкина, двадцать шесть – в более просторном повествовании Виньи), обязательно предваряемые эпиграфом. Эпиграф предпослан и произведению в целом – у Пушкина это пословица «Береги честь смолоду»; у Виньи – двойной эпиграф – из трилогии Бомарше и мемуаров мадам де Мотевиль. Два двойных эпиграфа в романе Пушкина и четыре – в романе Виньи почти пропорциональны количеству глав. Есть переключки и в самих названиях глав:

«Сен-Мар»	«Капитанская дочка»
«Осада» (гл. IX)	«Осада города» (гл. X)
«Мятеж» (гл. XIV)	«Мятежная слобода» (гл. XI)
«Разлука» (гл. XXIII)	«Разлука» (гл. IX)
«Суд» (гл. IV)	«Суд» (гл. XIV)
«Узники» (гл. XXV)	«Арест» (гл. XIII)

(Главы «Узники» и «Арест» в обоих произведениях предпоследние).

Возможно, именно досада русского писателя на, по его словам, «посредственное сочинение графа де Виньи» составляет диалектический момент отталкивания от ряда сходных сюжетных мотивов, их переплавки и включения в иную художественную систему. Действительно, формулируемая Пушкиным задача уяснить «ce qui nous charme dans le roman historique» [1, с. 269]¹ – «что нас чарует в историческом романе» – предполагает особое решение. Для Пушкина важно, что «мы знакомимся... не с enflure²..., не с dignité³ истории, но современно, но домашним образом» [1, с. 269]. (Эта эстетизация «домашности» созвучна утверждению В.Скотта о задаче романа «celebrare domestica facta»⁴). Читатель «Капитанской дочки», конечно же, помнит императрицу, представшую взорам Маши Мироновой в белом утреннем платье, ночном чепце и в

¹ Небольшая заметка Пушкина «О романах Вальтера Скотта» на две трети написана им на французском языке.

² enflure (фр.) – напыщенность.

³ dignité (фр.) – достоинство.

⁴ celebrare domestica facta (лат.) – прославить события обыденной жизни.

душегрейке. Альфред де Виньи в предисловии к четвертому изданию «Сен-Мара», озаглавленному «Размышления о правде в искусстве» (1829 г.) по-иному решает вопрос, каким должно быть художественное осмысление исторических событий. Свободу писателя французский автор видит в возможности включить в повествование все главные фигуры века и, «чтобы изобразить их деятельность более цельной, поступаться иногда фактической реальностью ради той идеи, которую каждый из этих людей призван олицетворять в глазах потомков» [5, с. 421]. Анализируя повсеместный интерес к истории у современников, Виньи замечает, что «только Религия, Философия, Поэзия (истинная) способны возвыситься над жизнью, выйти за пределы эпох, достичь вечного» [5, с. 420]. Согласно Пушкину, в подлинно историческом повествовании его герои «sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté, de théâtral même dans les circonstances solennelles – car les grandes circonstances leur sont familières» («безыскусны в обиходных обстоятельствах жизни, в их речи нет ничего аффектированного и театрального даже в торжественных обстоятельствах – так как великие обстоятельства им обиходны» [1, с. 269]. Столь несхожее понимание жанровых задач влечет и различие в концепции героя, ощутимо влияет на весь художественный строй анализируемых произведений. Так, мотив чести – доминанта, одинаково важная в иерархии нравственных ценностей художественного мира «Капитанской дочки» и «Сен-Мара». Вместе с тем трактовка этого мотива различна. Укоренившимся в национальном сознании восприятием понятия чести продиктовано напутствие Андрея Петровича Гринёва отъезжающему сыну: «Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся, на службу не напрашивайся, от службы не отговаривайся, и помни пословицу: «Береги платье снову, а честь смолоду» [3, с.244]. Из дальнейшего повествования становится ясно, что Петр Гринёв и собственный выбор делает в пользу этих убеждений: «С омерзением смотрел я на дворянина, валяющегося в ногах у беглого казака» [3, с.316]. В романе Пушкина утверждается героичность служения своему долгу, пусть самому скромному. Верность присяге сохраняют перед лицом смерти и Гринёв-младший, и другие герои повествования (сцена казни коменданта Белогорской крепости Ивана Кузьмича Миронова, поручика Ивана Игнатьевича). Мотив верности, на этот раз сыновнему долгу звучит и в уже упоминавшемся сне Петра Гринёва. В обрушившемся на него кошмаре герой все же до конца сохраняет ясное сознание невозможности нарушить свой долг. Совсем другой сон видит д'Эффиа де Сен-Мар. Это сон честолюбца, устремляющегося на глазах у «иноплеменной» толпы к возвышению. Честь, трактуемая как честолюбие, приведет к мятежу, бунту, логика которого влечет и нарушение долга. Но своего героя Альфред де Виньи получил из «рук эпохи» (определение, данное А.В.Карельским персонажам Г. фон Клейста уместно и в нашем случае). Через весь XIX век пройдет этот типаж – сугубо французский – честолюбца, чьи страсти и притязания безмерны и внушены временем. Французская революция, память о гильотине, блистательная карьера Наполеона, взлеты и падения вчера еще неизвестных современникам людей – историческая почва для той концепции героя, которую воплощает в своем романе Виньи. Его герой – на гребне эпохи, к нему обращены все взоры; отсюда и вкус к театральной эстетике, отвергаемой Пушкиным («rien d'affecté, de théâtral»), но столь значимой для французов, впитавших к тому же традицию героико-патетической трагедии классицизма. Особенно выразительно разница в предпочтениях проявляется при сопоставлении эпизодов приступа и взятия Белогорской крепости в «Капитанской дочке» и военных действий близ Перпиньяна в романе Виньи, а также эпизодов казни Пугачева и Сен-Мара в финале обоих романов. У Пушкина – сжатость изложения, его предельная сгущенность сами

по себе драматизировать повествование. И захват крепости, и расправы и казнь занимают столько же времени в описании, сколько, по всей видимости, могли бы занять в действительности (авторскому слову как бы возвращена его изначальная принадлежность действительности). Виньи в описании военных действий более риторичен (несколько картинно, театрально словесное оформление происходящего при осаде Перпиньяна), но этот «груз мертвых смыслов» (как говорит о риторическом слове С.Аверинцев) видится все же причастным к чаемому выходу «за пределы эпох». Описание гибели Сен-Мара и его друга де Ту вложено в уста мэтра трагедии, драматурга Пьера Корнеля (зачитывающего Мильтону письмо Монтрезора) – вновь театральная, сценическая аллюзия опосредует действительность.

Таким образом, внешнее сходство сюжетных мотивов «Капитанской дочки» и «Сен-Мара» позволяет острее и конкретнее прочувствовать принципиальное различие их художественного воплощения, равно как и ощутить подтвержденную другими путями, на иной национальной почве, иным художественным языком значимость этих мотивов, общечеловеческий смысл стержневых нравственных оппозиций. При этом, если у Пушкина герои соразмерны великим обстоятельствам истории («*des grandes circonstances leur sont familières*»), то у Виньи, как пишет А.В.Карельский, «всякое прикосновение к истории пагубно для индивида, ибо... ввергает его в бездну неразрешимых нравственных конфликтов и... неминуемо приводит его к гибели» [6, с. 68].

РЕЗЮМЕ

У статті Н.С.Постової здійснено зіставний аналіз історичних романів А.С.Пушкіна «Капітанська дочка» і А. де Він'ї «Сен-Мар». Аналіз з'ясовує спорідненість ряду сюжетних мотивів творів російського і французького авторів. При цьому концепія героя, способи відтворення історичного минулого принципово відмінні. Своєрідність розуміння жанрових завдань впливає з особливостей національного художнього мислення.

SUMMARY

N.S.Postovaja's article offers a comparative analysis of historical novels «Captain's daughter» by A.S.Pushkin and «Cinq-Mars» by A. de Vigny. The analysis reveals similarity of certain motifs in the plots of Russian and French authors. Nevertheless, the concept of the protagonist, ways of depicting the historical past are altogether different. Peculiarities of understanding the genre perspectives are shown as resulting from the specific features of national artistic mentality.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пушкин А.С. Критика и публицистика // Собр. соч. В 10-ти т. Т. 6. – М.: Худ. лит., 1976. – 508 с.
2. А.С.Пушкин об искусстве. В 2-х т. Т.2 / Сост., предисл. и коммент. А.А.Вишневского. – М.: Искусство, 1990. – 351 с.
3. Пушкин А.С. Капитанская дочка // Собр. Соч. В. 10-ти т. Т. 5. – М.: Худ. лит., 1975, с. 239-345.
4. Виньи А. де. Сен-Мар. Стелло. – М.: Правда, 1990. – 576 с.
5. Литературные манифесты западноевропейских романтиков. – М.: Изд-во Моск. унта, 1980. – 639 с.
6. Карельский А.В. От героя к человеку: Два века западноевропейской литературы. – М.: Сов. писатель, 1990. – 400 с.

Надійшла до редакції 12.03.1999 р.

ББК Ш43 (4ВЕЛ) (=432.11)5*8 Уайльд4

ГОТИКА В ЗЕРКАЛЕ ПАРОДИИ (повесть О.Уайльда «Кентервильское привидение»)

О.В.Матвиенко

Свою озорную пародию «Кентервильское привидение» О.Уайльд создал в 1891 г. – на исходе века, когда давно отжившая свое классическая готика осталась фактом истории литературы, а оживленные дискуссии о ней безвозвратно ушли в небытие. Спустя без малого столетие после появления первых пародий Дж. Остен «Нортенгерское аббатство» и Т.Л.Пикока «Аббатство Кошмаров» (обе – 1818 г.) готика вновь представала перед читателем в пародийном облачении – но на этот раз сквозь него просвечивают древние бессмертные формы фольклора и литературы – сказка, притча, аллегория. Эта небольшая повесть знаменует собой этап развития пародийной линии в готике, где наконец «выдыхается», исчерпывает себя жесткая оппозиция романа ужасов и его художественного остракизма. В отличие от предшественников – Дж.Остен, разоблачающей и развенчивающей «черный роман», и Т.Л.Пикока, который предпочитал полемизировать с готическим сознанием, О.Уайльд вводит готику в игровой контекст, трансформирует ее в озорную сказку. Сказочная тональность, по мнению Н.А. Соловьевой, «несколько нарушает каноны жанра» [1; 22], но при этом сближает пародию с ее первоисточником: готические романы зачастую вырастали из видений, легенд, преданий, фольклорных мотивов, генетически близких сказке.

Автор намеренно создает литературный контекст, вызывающий однозначные ассоциации с «черным романом»; уже в самом названии повести присутствуют жанровые приметы готики. Предельно узнаваемо и тщательно выписано место действия – почтенный родовый замок рода Кентервиль в тюдоровском стиле, с непременными потайными комнатами, парадным и гобеленовым залом, оружейной палатой, библиотекой, извилистыми лестницами с обшитыми черным дубом панелями. Не обойдены вниманием автора и детали готического антуража: замок сумрачен и неприветлив, его давние обитатели – стаи га-лок, воронов и сов – неохотно уступают место новым жильцам.

Сюжет повести задан сценарием готического происхождения. Здесь наличествуют и фамильные преступные тайны – «skeletons in the cupboard» – о них красноречиво напоминает кровавое пятно на полу гостиной, и фигура призрака – покойного сэра Симона де Кентервиля, и тема Рока – проклятия, и древнее вещее пророчество. Дождь, переходящий в нескончаемый ливень, заунывные стоны и завывания ветра, порывы бури, непроглядные, безлунные ночи – излюбленный в готике акустический и визуальный ряд, сопровождающий всякое появление на сцене беспокойного духа. И такое изобилие выразительных деталей настораживает: истинная, «серьезная» готика не спешит выставлять напоказ весь арсенал художественных приемов, довольствуясь одним-двумя штрихами и позволяя воображению читателя воссоздать остальное. О.Уайльд идет на сознательное нарушение этой принципиальной «пунктирности» рисунка, создавая заметный крен в сторону пародии.

Существенно меняется масштаб ключевой фигуры готики – призрака. За типично готической фигурой – призраком сэра Симона де Кентервиля – различим целый ряд его литературных предшественников, потусторонних героев Г.Уолпола, М.Г.Льюиса, А.Радклифф, В.Скотта и др. Набор их ролей традиционен: привидение предстает бесстрастным вестником божественного возмездия (дух Альфонсо Доброго у Г.Уолпола), безвинно убиенной жертвой феодальных распрей (призрак лорда Ловеля в романе

К.Рив «Старый английский барон»), грешной душой, искупающей свои земные страсти (Лорентина А.Радклиф) или злобным духом, стремящимся сокрушить волю жертвы (Дама в старинном платье из «Комнаты с гобеленами» В.Скотта). Уайльдовский образ, безусловно, вбирает в себя все эти готические ипостаси. Он настойчиво напоминает семье материалистов и прагматиков Отисов о существовании мира потустороннего; он – жертва родовой мести, погибшая мученической смертью; он посмертно несет кару за убийство жены; он преследует цель напугать соседей, вселить в них благоговейный ужас. Но в этой готической по определению фигуре проступают ошеломляюще земные, «слишком человеческие» черточки, никак не приличествующие посланцу инобытия: черты актера, эстета, денди. Его послужной список – истории о напуганных насмерть и бьющихся в истериках дамах, о джентльменах, которые занимаются лечением нервных расстройств, разбитых семьях и воспалениях мозга, о бесчисленных утоплениях, удушениях, самоубийствах – свидетельство не столько кровожадности, сколько актерского тщеславия и авантюрной жилки героя. Не случайно среди литературных источников повести значатся, помимо прочих, жизнеописание Томаса Гриффитса Уэйнрайта «Перо, карандаш и яд» и пародийное эссе Томаса де Квинси «Убийство как изящное искусство». Есть в нем и черты истого английского денди: он «перебирает гардероб», стремясь «как можно эффектнее обставить свой выход», подыскивает «сложный грим» для особых ролей; каждое появление на сцене вызывает у него чувство самоупоения, «какое ведомо всякому истинному художнику». Автор играючи обмирщает облик потустороннего героя, наделяет его характерными слабостями людей искусства – тщеславием, игрой «на публику», болезненным самолюбием, представляет его неким фатоватым светским львом, который и после смерти не в силах расстаться с привычной ролью lady-killer.

В сюжетном плане пародия строится на хроническом несовпадении мистериального сценария, освященного многовековой традицией, с логикой поведения новоиспеченных владельцев замка – семейства американского посла Хайрама Отиса. Попытки «американских варваров» вторгнуться в запретное пространство готики, внести собственные коррективы в действо симптоматичны: в пародии намеренно нарушены привычные масштабы и границы двух миров, потустороннего и обыденного. В игровую плоскость переведен и эффект «suspense»: некогда оттенявший трагическое противостояние смертного и Провидения, где последнее слово оставалось за высшими силами, теперь он вносит напряжение и азарт в озорное соперничество духа и людей. Новую расстановку сил подкрепляет и шуточный обмен противоборствующих сторон характеристическими признаками в «батальных сценах»: неумные, вечно затевающие новые каверзы близнецы смахивают на легендарных духов – трикстеров, а призрак сэра Симона на глазах деградирует, превращаясь в дряхлую, немощную развалину. Фамильные рыцарские доспехи чересчур тяжелы для него; он страдает одышкой, несварением желудка, нервическим расстройством, банальными простудами.

Если образ сэра Симона все более обретает кровь и плоть, обрастает психологическими убедительными деталями (это несчастный, обозленный на мир, людей и судьбу старик), то уайльдовская героиня – юная Вирджиния Отис – несомненно «беатифицируется». Представительница семейства, исповедующего жизненные принципы практицизма и здравого смысла, Вирджиния тяготеет к преображению в бесплотного ангела кротости и милосердия. Ее литературная родословная восходит к готическим героиням (имя вполне соответствует роли – Дева). Заданное готическим сценарием противостояние вселенского злодея-призрака и невинной девы должно разрешиться подобающим финалом: духовная чистота героини в силу определения одерживает верх над кознями антигероя.

Европейская ментальность автора невольно воскрешает в Вирджинии – Героине-Искупительнице – архетипические, легендарные, литературные составляющие образа: героиню сказки «Красавица и Чудовище», серьезных «маленьких женщин» Диккенса – Нелл, Флоренс Домби, крошку Доррит, дантовскую Беатриче, Святую Деву, гётевскую Вечную Женственность. Но этот же символический ряд высвечивает и несомненную заурядность, примитивность, ущербность фигуры Вирджинии по сравнению со «старо-светскими образцами»: уровень ее роли скорее соответствует американской комедии с элементами триллера, чем глубинной трагедийности английской готики. Даже возвышенная роль носительницы нравственного начала реализуется у героини на инфантильном уровне как милый нравственный ригоризм: «нечестно таскать краски без спросу», «убивать вообще нехорошо».

Небезынтересны временные и психологические «разночтения» в образе Вирджинии. Она появляется в повести в нескольких ролях, и отсюда – неопределенность, размытость ее возраста. «Сказочная» Вирджиния – младшая в семье и не ощущает себя взрослой. В старинном пророчестве упомянуто «златокудрое дитя – *golden girl*»; «чистотой ребенка» в Вирджинии умиляется сэр Симон. Возможно и метафорическое прочтение возраста героини: ее наивность, ребячество отражает психологическую молодость американской нации. В роли истой готической героини-инженю она, пятнадцатилетняя дочь американского посла (в переводе с «американского» – отпрыск благородного семейства), «в семье своей родной казалась девочкой чужой»: часто молчалива, погружена в себя, обладает чувствительной натурой, не принимает участия в жестких забавах братьев-близнецов. Соответствуют ее готическому амплуа и занятия живописью: она привозит с собой акварельные краски, рисует по преимуществу закаты (вспомним пейзажные наброски в альбоме барышни Эмили Сент-Обер у А. Радклифф); единственная из всего многочисленного семейства Отисов, она проявляет «*an alarming sympathy with medievalism*».

Пародийно обыграна автором и сцена искушения, которому добродетельная героиня должна подвергнуться со стороны демонического духа. Предупреждение: «Страшные чудовища явятся тебе в ночи и станут нашептывать злые слова», галантный жест, исполненный «старомодной грации», каким сэр Симон целует ее руку: «пальцы его были холодны как лед, губы жгли как огонь» – неизменная авторская ирония разряжает драматическую напряженность момента. Эти игривые интонации возникнут еще раз в финале повести, когда юный супруг полушутя потребует от Вирджинии отчета о ночи, проведенной «наедине» с призраком: «У жены не должно быть секретов от мужа». Фривольный тон, альковные намеки – все это безошибочно работает на снижение готического пафоса истории.

Симптоматично, что роль идейного оппонента готики в повести доверена не скептически настроенному англичанину, чей жизненный принцип – *nil admirari*, как, например, ироничный Генри Тилни у Дж.Остен или его преподобие мистер Горло у Т.Л.Пиккока. Спор готического и прагматического сознания у О.Уайльда переведен в план столкновения английского и американского менталитетов, мировосприятий. Таким образом, за готикой закрепляется особая, представительская функция: готическое, прочно укорененное в британской ментальности, становится синонимом «*Englishism*».

С американским семейством, воплощающим в повести обыденное, прагматически ориентированное, материалистическое сознание, специфически ассоциируется важный готический лейтмотив – узурпация власти. Связь на первый взгляд парадоксальная: в нравственном облике приверженцев демократической партии, людей твердых республиканских убеждений ничего общего со средневековыми деспотами. Да и

родовой замок Кентервилей переходит к мистеру Отису в результате законной сделки, с соблюдением всех необходимых формальностей. Посол подчеркнуто заботится о защите законных прав Кентервилей – готов вернуть им шкатулку с драгоценностями, подаренную сэром Симоном Вирджинии. Извечная тема приобретает неожиданный ракурс: не насильственный захват тираном принадлежащих другому роду прав, но духовная экспансия одной нации за счет жизненного пространства другой. Идет вытеснение исконной английской культуры с ее почтением к традициям, сомнительными американскими ценностями. Налицо внешние приметы культурной агрессии: семейные портреты в тяжеловесных рамах сменяются фотографиями членов американского семейства; даже покойного сэра Симона – символ исконной английской культуры – норовит «выжить» из замка «единственный подлинный и оригинальный призрак – дух фирмы Отис». Снисходительно-скептическое отношение американцев к стране-прародительнице проскальзывает в разговорах, разрушая неповторимую атмосферу английских чаепитий. Превосходство американской актрисы Фанни Давенпорт над великой французенкой Сарой Бернар, американской кухни над английской, исключительное значение Бостона для духовного развития всего человечества, рекомендации Вирджинии сэру Симону «съездить в Америку да подучиться немного» – всюду назойливое подчеркивание главенства заокеанской культуры, духовный снобизм, высокомерие и чванливость, притязание на культуррегство, агрессивное внедрение американской системы ценностей, материальных и духовных.

В условном «товарном каталоге» Старого Света, составленном американцами, фигурируют и не подлежащие купле-продаже культурные, духовные ценности. При покупке замка призрак, котирующийся наравне с актрисами и оперными примадоннами, становится объектом торговли: «Пусть привидение идет вместе с мебелью». Посол хвастливо бравирует: «Заведись в Европе хоть одно привидение, оно мигом очутилось бы у нас в каком-нибудь музее или в разъездном паноптикуме».

Сами Отисы – с европейской точки зрения безродные – выскочки: мать семейства в прошлом нью-йоркская певичка, а у посла несомненные повадки ковбоя с Дикого Запада. Как и исторические узурпаторы, они спешат обзавестись замком – родовым гнездом, создать собственную родословную, породнившись со знатью. Эту общую для американцев тягу к обжитому культурному пространству Англии, ностальгию по корням, выраженную в привычном финансовом эквиваленте, замечает маленькая Вирджиния: «Я знаю многих людей, которые дали бы сто тысяч долларов за обыкновенного деда, а за семейное привидение – и того больше».

Старомодный сэр Симон не просто знакомит маленькую Вирджинию с английской и – шире – европейской культурой и ментальностью, – он приоткрывает перед ней завесу мистериальности бытия: «Он открыл мне, что такое Жизнь, и что такое Смерть, и почему Любовь сильнее Жизни и Смерти».

Эта реплика героини неожиданно высвечивает в шутовском противоборстве готической английской и прагматической американской ментальностей потенциально заложенную в ситуации философскую глубину и трагедийность. Современник О. Уайльда Г. Джеймс, чье американское происхождение и увлеченность европейской культурой позволили ему взглянуть на проблему под «заокеанским» углом зрения, создал близкую по смыслу сцену в романе «Женский портрет» (1881). Заокеанская гостья начинает открывать для себя Европу с вопроса: «Скажите, а у вас здесь водятся привидения?» На что наследник Гарденкорта с грустью замечает: «Я-то показал бы его вам, да вы его не увидите. Немногие удостоиваются этой чести. Незавидной чести. Привидения не являются таким, как вы, – молодым, счастливым, неискушенным жизнью. Тут

надобно пройти через страдания, жестокие страдания, познать печальную сторону жизни. Тогда вам начнут являться привидения» [2; 39]. Когда впоследствии Изабелла Арчер раскрывает умирающему кузену злополучную историю своих отношений с Озмондом, перед ней на краткий миг появляется призрак – знак того, что Ральф лежит мертвый в своей спальне и опыт, о котором он говорил ей, уже пережит.

Г.Джеймс предлагает исполненную жизненной трагичности развязку там, где на-смешливые интонации О.Уайльда окрашивают предвкушаемый массовым читателем *happy end*. Изабелла принимает на себя психологическое бремя прошлого; Вирджиния с чисто американской легкостью помогает прошлому расправиться с бесполезным грузом грехов и страстей. Это позволяет увидеть в финале повести ироническую «аллегорическую примирения вины и невинности, Старого и Нового Света» [3; 32]. Счастливый брак Вирджинии – символ союза пасторального мира доброй старой Англии и нравственной чистоты и строгости пуритан Новой Англии. «Старосветское» приданое – шка-тулка с драгоценностями и герцогская корона – являются «the reward of all good little American girls», как назидательно замечает автор, пряча лукавую усмешку. На символическом языке готики это означает искупление потомками прадедовских грехов, ибо родовое проклятие Кентервилей снимается благодаря заступничеству наивной малень-кой американки. На языке пародии брак юной Вирджинии с герцогом Чеширским и представление ее ко двору прочитывается вдобавок и как окончательное и бесповорот-ное «тихое завоевание» Англии, покорившейся духу американского прагматизма и мо-рализма: ее изнеженный дух не в силах устоять перед энергией и нравственной катего-ричностью заокеанских потомков.

Пародийная направленность повести ощутима уже в намеренно утрированных О.Уайльдом зловещем пейзаже, замковом интерьере – привычных детерминантах го-тического жанра, функционирующих здесь как ироническая стилизация. Игровое нача-ло пародии выявляется и в неожиданной авторской трактовке готических амплуа, что заставляет «вселенского злодея» появляться в обликах галантного кавалера, денди, актера, мученика, преображает невинную заокеанскую героиню в активную поборницу справедливости, заступницу и искупительницу «прародительских» грехов, а прагма-тичное американское семейство – в культурных агрессоров по отношению к доброй старой Англии. Прихотливое смещение эмоциональных и нравственных акцентов, вос-создание эффекта *suspense* на наименее пригодном для этого бытовом сюжетном мате-риале, мгновенные переключения жанровых регистров (готика – пародия – сказка – притча), диалог обыденного, материалистического и возвышенного, готического соз-нания, поданный через призму непростых англо-американских контактов, – все эти черты вкупе позволяют говорить об оригинальности аранжировки извечной готиче-ской темы в повести-пародии О.Уайльда «Кентервильское привидение».

РЕЗЮМЕ

У статті аналізується функціонування елементів класичної готики в пародії О.Уайльда «Кентервільський привид». Похмурий краєвид, замковий інтер'єр є легко пі-знаваною іронічною стилізацією. Письменник вдається до раптових змін в традиційних готичних амплуа, трансформуючи «вселенського злочинця» у галантного денді, актора, мученика, невинну героїню – у поборницю справедливості, прагматичну американську родину – в культурних агресорів. Вигадливе зміщення емоційних та моральних акцен-тів, використання *suspense* в побутових епізодах, несподівані зміни жанрового характе-ру (готика – пародія – казка – притча), діалог буденної матеріалістичної та піднесеної

готичної ментальностей, показаний через призму англо-американських контактів, свідчить про оригінальність аранжування готичної теми в уайльдівській пародії.

SUMMARY

The article deals with the analysis of classical Gothic elements' functioning in the parody by O. Wilde «The Canterville Ghost». Sinister landscape, castle interior are ironically stylized and easily recognizable. The author indulges in an unexpected change of traditional Gothic parts which leads to «the unprecedented villain»'s transformation into a gallant dandy, actor, martyr, makes a champion of justice out of the innocent heroine, presents a pragmatic American family as cultural intruders. Quaint shift of emotional and moral stresses, suspense implementation in everyday episodes, abrupt genre switches (Gothic narration – parody – fairy-tale – parable), a dialogue of routine materialistic and elevated Gothic mentality viewed through the lens of Anglo-American contacts serve to create an original arrangement of the Gothic plot in O. Wilde's parody.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Соловьева Н.А. В лабиринте фантазии // Комната с гобеленами. Английская готическая проза. – М.: Правда, 1991. – С.5-22.
2. Джеймс Г. Женский портрет. – М.: Наука, 1981.
3. Shewan Rodney. Oscar Wilde. Art and Egotism. – The Macmillan Press Limited, 1977.

Надійшла до редакції 15.03.1999 р.

УДК. 801. 313

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНА ГРУПА ПРІЗВИСЬК ЗА ФІЗИЧНИМИ ОЗНАКАМИ ЛЮДИНИ (на матеріалі антропонімії Донецької області)

О.В.Антонюк

У сучасній українській мові поряд з прізвищами, іменами, іменами по батькові в усному мовленні жителів Донецької області активно використовуються прізвиська. Це назви, «які даються людям у різні періоди їх життя за тією чи іншою властивістю їх вдачі, зовнішнім виглядом і т. ін.» [1, С.82]. На відміну від офіційних антропонімів, прізвисько не тільки називає особу, але ще й влучно характеризує її.

У процесі прізвиськової номінації основну роль відіграють ті чи інші ознаки людини, на основі яких прізвиська об'єднуються у лексико-семантичні групи (ЛСГ) за фізичними та психічними особливостями денотата, за родом діяльності, особливостями мовлення, територіальними та етнічними ознаками та ін. Однією з найбільш продуктивних та різноманітних є ЛСГ, мотивована фізичними ознаками людини.

Найчастіше у прізвиськах цієї ЛСГ реалізуються мотиви номінації, що сприймаються зором і вказують на зріст людини, її масу, особливості статури, колір волосся чи шкіри, пропорційність різних частин тіла, вродливість, вікову специфіку, стан шкіряного та волоссяного покриву тощо.

У запропонованій роботі аналізуються зібрані в Донецькій області прізвиська (понад 600 одиниць).

Велику підгрупу становлять прізвиська, що вказують на зріст. Сема «зріст» реалізується через такі конкретизатори, як «високий», «низький». Для позначення особи високого зросту використовуються прізвиська типу *Стропило, Штопор, Довгий, Костиль, Хобот, Дядя Стьопа, Півтора Івана*. Низькорослих людей називають такими прізвиськами, як *Малий, Чотик, Шкет, Жук, Шурупчик, Синок, Цибулька, Блоха, Мурашка*.

Чималою є підгрупа прізвиськ, що вказують на масу тіла особи. Конкретизаторами семи «маса» виступають такі елементи, як «товстий», «худий». Для називання товстих людей використовують прізвиська *Кабан, Сало, Жирний, Арбузик, Товстий, Каністра, Худий*. Для називання худих – *Таранька, Смичок, Сокира, Скелет, Глист, Штакет, Фанера, Доска*.

Таким чином, прізвиська, що вказують на зріст денотата та масу його тіла, базуються на двох бінарних опозиціях: «високий» – «низький», «товстий» – «худий». Часто елементи першої та другої опозицій вступають у взаємозв'язки, що породжує двомотивовані прізвиська типу *Колобок* (про низьку і товсту людину). Але найчастіше такий взаємозв'язок простежується між елементами «високий» і «худий» і реалізується у таких прізвиськах, як *Костиль, Фіміль* (про високих і худих людей). Віднесення прізвиська до тієї чи іншої підгрупи відбувається за порядком називання інформантом мотиву номінації. Деякі прізвиська надаються особам за принципом контрастності: *Жирний* (про худого), *Худий* (про товстого).

Творення таких антропонімів – явище позалінгвістичне і вимагає від автора (номінатора) уміння зіставляти, порівнювати явища об'єктивної дійсності з метою виявлення подібних чи відмінних рис.

Аналізований матеріал показує, що в основу прізвиська може бути покладена не тільки ознака, яка характеризує людину у цілому, але й ознака, яка стосується форми чи розміру якоїсь певної частини тіла, наприклад: а) форма та розмір голови: *Головатий, Капуста, Двоголовий, Кирпич, Конус, Яйце, Дипчик, Яблуко, Петя Сквородка*; б) великий розмір вух: *Вухань, Вуха, Каплан* – «висловухий» (Б. Гр., II, 217), *Кажанчик* – «летюча миша» (Б. Гр., II, 207); в) форма та розмір носа: *Ніс* (про людину з великим носом), *П'ятачок, Курноса, Сучок* (ніс тоненький і гострий, як сучок); г) форма та розмір очей: *Жаба, Лупата, Сова, Китаєць, Японочка*; г) розмір губи (губ) та зубів: *Губа, Корова, Гемба* (велика відкочена нижня губа), *Губошльоп, Хосе Губасіо* (великі губи), *Крот, Рикало* (про людей з великими зубами), *Заєць* (великі передні зуби), *Дирявий* (рідкі зуби); д) форма, розмір чи інші особливості бороди, вусів, брів: *Кіт, Вусатий, Рак* (довгі вуса), *Борода, Душман, Фідель Кастро* (наявність бороди та вусів), *Брова, Брежнєв* (великі кучеряві брови); е) форма, розмір та інші особливості обличчя, щік: *Хом`як* (великі щоки), *Морда, Саня Мордатий* (велике обличчя), *Шайба* (кругле обличчя), *Шиломбрить* (все обличчя у шрамах); є) на розмір живота: *Живіт, Пуздро, Барилко* – «бочка» (Б. Гр., I, 30); ж) форма, розмір чи інші особливості рук та ніг: *Товстий Палець, Косолапа, Жаба, Кривуля* (криві ноги), *Манька Довгонога*.

Як правило, семи «голова», «ніс», «очі», «губи», «зуби», «обличчя» та інші реалізуються через конкретизатори «розмір» (*Вуха, Живіт*), «форма» (*Яблуко, Яйце*), «дефект» (*Шиломбрить, Кривуля*).

В антропоніміці Донецької області значна кількість прізвиськ вказує на колір, стан шкіряного та волосяного покриву, особливості зачіски. Такі прізвиська, як *Кучерявий, Пушкін, Пудель, Баран* вказують на кучеряве волосся, а прізвиська *Лисий, Фантомас, Плейшнер* (за схожістю з кіногероями), *Котовський* (за схожістю з відомим діячем громадянської війни) характеризують лисих осіб. На особливості зачіски вказують оніми *Макітра* (коротка кругла зачіска), *Йожик*.

Часто вживаються прізвиська, що вказують на колір волосся, шкіри, а також на її пігментацію. Сема кольору як правило реалізується через конкретизатори, представлені чотиричленною кольоровою гамою «темний», «світлий», «рудий», «червоний», наприклад: *Білий*, *Сметана* (про людей зі світлим волоссям), *Сивий* (народився з сивим волоссям), *Рижий*, *Лисичка* (про людей з рудим волоссям); *Чорна*, *Капчоний*, *Грек*, *Циган*, *Негра* (про людей з темною смаглявою шкірою), *Редис* (червоне обличчя), *Полуничка* (щоки завжди червоні), *Кум Слива* (синій ніс), *Конопата* (обличчя в лататті). Більшість таких прізвиськ ґрунтується на перебільшенні певної «кольорової» ознаки, а використання етнонімів типу циган, негра, грек вказують ще й на винятковість осіб з цією ознакою серед мешканців даного населеного пункту.

Окрему підгрупу складають прізвиська, які виникли на основі фізичних недоліків, вад носія. Найчастіше такі оніми вказують на каліцтво чи ушкодження якоїсь частини тіла, наприклад: а) очі: *Снайпер*, *Циклон*, *Адмірал Нельсон*, *Соколине Око*, *Камбал* (про однооких людей); *Професор*, *Очкарик* (про людей, які носять окуляри); *Моргало*, *Блимик* (часто кліпають очима); б) руки й ноги: *Костиль* (волочить одну ногу), *Храмой*, *Нюрка Крива* (кульгаві), *Рачкун* (нема однієї ноги), *Галя Безрука* (нема однієї руки); в) груди, спина: *Кінь* (випнуті груди), *Горбатий*, *Верблюдо* (про горбатих людей).

Невелику підгрупу становлять прізвиська, що мотивуються загальним зовнішнім виглядом особи, наприклад: *Красавчик* (симпатичний, стрункий), *Папа Римський* (гарна зовнішність, біляве волосся, високий, стрункий), *Князь* (гарний, високий), *Богиня* (така гарна, хоч ікони пиши). Такі прізвиська є, як правило, багатомотивованими. Їх непродуктивність, на нашу думку, можна пояснити швидкою мінливістю загальних ознак (краса, врода) та відсутністю у носіїв стійких, актуальних рис.

Проаналізовані прізвиська творяться на основі опозицій «нормативність» – «ненормативність», «одиночність» – «множинність» і репрезентують особу через ті її характеристики, що виражені найбільш яскраво. Це різні відхилення від норм, які встановлюються самими людьми. Щоб підкреслити порушення такої нормативності, номінатор абстрагується від багатьох другорядних, несуттєвих властивостей об'єкта, і одночасно виділяє, вичленовує якусь одну ознаку, яка представляє весь об'єкт [2, С.16].

Більшість проаналізованих прізвиськ мають стійкі, актуальні мотиванти, які вказують на певну ознаку прямо, наприклад: *Лисий* (про лисого), *Малий* (про малого), *Кривий* (про кривого). Такі прізвиська становлять ядро ЛСГ. Непряма мотивація часто ґрунтується на порівняльних конструкціях і виявляється у тричленній парадигмі: 1 – суб'єкт (денотат), що порівнюється; 2 – об'єкт (образ), з яким порівнюється суб'єкт; 3 – мотив (ознака) порівняння, на основі якого відбувається прізвиськова номінація.

Суб'єкт та об'єкт поза ЛСГ не мають реального зв'язку. Вони можуть бути представлені відношенням лексичних елементів а) одного рівня (А – А1), б) різних рівнів (А – Б). Перший елемент А завжди представлений категорією **nomina personalia** (що мислиться узагальнено як денотат), другий елемент А1 представлений цією ж категорією і може означати назву особи за свояцтвом, зовнішнім виглядом, родом діяльності, фізичними вадами та ін., наприклад: професор, синок, очкарик, циган. Елемент Б представлений лексичною категорією **nomina impersonalia** і може означати різні назви предметів побуту, одягу, страв, тварин, рослин та ін., наприклад: костиль, капуста, кінь, корова.

Часто елемент А1 представлений онімом (*Кутузов*, *Пушкін*, *Плейшнер*, *Фантомас*). Перехід імен і прізвищ відомих державних, політичних діячів, популярних кіногероїв до класу прізвиськ відбувається на основі загальновідомого (енциклопедичного) значення кожного з цих онімів.

Таким чином, елементи А – А1 та А – Б утворюють єдність тільки тоді, коли внаслідок їх взаємодії виникає прізвисько: *Синок* (прізвисько низькорослої людини), *Сметана* (прізвисько світловолосої людини).

Отже, як показує досліджуваний матеріал, ЛСГ прізвиськ за фізичними особливостями особи є надзвичайно різноманітними. Такі прізвиська належать до найпоширеніших в антропоніміці Донецької області.

УМОВНІ СКОРОЧЕННЯ

Б. Гр. – Словарь української мови. Упорядник Б. Грінченко. – У 4 т. – К.: Наук. думка, 1996 – 1997.

РЕЗЮМЕ

Стаття посвячена аналізу бытующих в Донецкой области прозвищ по физическим признакам человека. В данной лексико-семантической группе прозвищ выделяются подгруппы в зависимости от признака, положенного в основу номинации. Эти признаки характеризуют человека в целом (Красавчик), но чаще указывают на особенность какой-либо части тела: форму, размер, цвет, дефект и др. (Головатый, Сметана, Моргалло). Обращается внимание на случаи непрямого номинации, которая базируется на сравнении (Кутузов).

SUMMARY

The article is devoted to the analysis nicknames of Donetsk region. The author considers the physical-gualitative nicknames. This vocabulary-semantic group divides into parts on the base of the gualitatives of nomination: common characteristics of man (Красавчик), the peculiarity of some part of body: the form, the dimensions, the colour, the defect (Головатый, Сметана, Моргалло). The autor dedicates the cases of nondirect nomination on the base of comparison (Кутузов).

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Худаш М. Л. З історії української антропонімії. – К., 1977. – 236 с.
2. Бучко Д. Г. Кілька уваг про принципи номінації в ойконімії України // Ономастика та етимологія. – Зб. наук. праць на честь 65-річчя Ірини Михайлівни Железняк. – К., 1997. – С.13-23.

Надійшла до редакції 12.06.1999 р.

ББК: Ш12=411.4*22.

ІМПЛІЦИТНІСТЬ ТА ЗНАЧЕННЯ ОБУМОВЛЕННЯ

А.О.Малявін

Явище імпліцитності завжди привертало увагу мовознавців. При цьому імпліцитність розглядається стосовно різних рівнів мови. Особливу ж увагу привертає, звичайно, імпліцитність на граматичному, а точніше, на семантико-синтаксичному рівні. Але у більшості випадків терміни «імпліцитність», «імпліцитний» уживаються без пояснення того змісту, який у них вкладається тим або іншим дослідником. Аналіз уживання цих термінів дозволяє зробити кілька узагальнень:

а) імпліцитність – це «економний спосіб відображення позалінгвістичного змісту» [Медынская 1971: 38];

б) «... під імпліцитністю розуміється додатковий смисловий або емоційний зміст, який реалізується за рахунок нелінійних зв'язків між одиницями мови» [Кухаренко 1974: 72];

в) «... імпліцитні конструкції відрізняються від співвідносних з ними експліцитних лише нерозгорнутістю плану вираження» [Колосова 1972: 63];

Усі ці визначення імпліцитності об'єднані одним: про імпліцитність можна говорити тоді, коли щось виражається приховано. З цієї точки зору особливістю імпліцитності як лінгвістичного явища є «наявність відсутності», при цьому ця відсутність є необхідною, а те, що є відсутнім, передбачається і мається на увазі.

Серед великої кількості розповідних речень, які виражають усю гаму інтенцій мовця, ми виділяємо речення із значенням обумовлення. Речення із значенням обумовлення – це речення, у яких констатується або встановлюється такий взаємозв'язок двох подій, за якого одна подія неможлива без іншої події, наприклад: *Щоб перемогти ворога, треба знати його ідеологію*. (Зауважимо, що «подія» розуміється широко: і як реальна дія (*Друзі прийшли*), і як ознака предмета (*Хлопець високий*), і як визначення місця предмета (*Будинок на горі*) і т.д. (див. [Беличева-Кржижкова 1985:407-408]). У запропонованій роботі ми спробуємо розглянути імпліцитні способи вираження значення обумовлення (пор. із кваліфікацією предметних словоформ типу *через книги* як імпліцитного способу репрезентації пропозиціонального змісту обумовленості [Евтюхин 1997 : 7]).

Одним з варіантів імпліцитного вираження значення обумовлення є вираження значення обумовлення засобами простого речення. (У запропонованому дослідженні не розглядаються випадки, коли значення обумовлення передається засобами простого речення експліцитно, наприклад, за допомогою слів «умова» і «обумовлювати»). По суті, судження обумовлення, а відтак – і речення із значенням обумовлення, є двоядерним і складається з двох пропозицій, що у мові виражається через складне речення, яке, власне, і є первинною і основною (у синхронному плані) формою передачі відношень обумовлення. Звідси можна припустити, що просте речення, яке виражає відношення обумовлення, є результатом дії якихось глибинних мозкових процесів.

Об'єктом запропонованого дослідження є ця вторинна, неосновна форма передачі відношень обумовлення. Зазначимо, що у разі передачі відношень обумовлення засобами простого речення ми стикаємося із неспецифічними формами вираження пропозиції (див. про напівпредикативність та приховану форму предикативності [Загнітко 1996: 47-49]). Усі прості речення, які імпліцитно передають значення обумовлення, можна розподілити на дві групи.

Першу групу становлять прості речення позитивної семантики, особливістю яких є виділення однієї події з ряду інших.

Проаналізуємо, наприклад, речення *Лише сухі немовлята здорові та веселі* (про здатність слів «тільки» і «лише» вносити у речення додаткову пропозицію див. [Богуславський 1993: 41]). Зміст цього речення є прихованим за «прямою інформацією». Треба сказати, що це можливо у тих висловленнях, де «пряма інформація» не є самоцінним фактом і з цієї інформації витікає інша, «непряма інформація», яка, власне, і є основною. У наведеному прикладі непрямо констатується така залежність між двома подіями, за якої одна подія (Здорові та веселі немовлята) неможлива без іншої події (Наявність у немовлят сухої шкіри), коли одна подія є необхідною (перед)умовою іншої події. У розгорнутому вигляді це речення є таким: *Для того, щоб немовлята почувалися добре (були здоровими та веселими), їх шкіра повинна бути сухою (не бути занадто зволоженою)*.

«Розгорнутий вигляд» – це спроба виявити і зафіксувати диференційні ознаки висловлення. Ця процедура має спільні риси із методом каталізу у глоссемантиці. У системі Л.Єльмслева каталіз – це етап, який передуює аналізу і необхідність якого пояснюється неможливістю встановити відношення (функції) між функтивами лише шляхом «механічного спостереження за об'єктами, які виступають у конкретних текстах» [Ельмслев 1960: 349], оскільки таке механічне спостереження може лише ускладнити аналіз неповних текстів, а також незавершених письмових та усних висловлень. Л.Єльмслев відзначає, що така незавершеність часто є проявами мовленнєвого узусу.

Ми пропонуємо увести в обіг поняття «повний варіант речення». Повний варіант речення – форма передачі повідомлення, вміщеного у тому або іншому реченні і зміст якого може бути тлумачений неоднозначно, у формі і засобами, які допомагають повністю розкрити і зрозуміти зміст, що його вкладає у це речення мовець і «зняти» цю неоднозначність. (Доцільність введення такого поняття вже обґрунтовувалася у [Малавін 1997] у зв'язку із розмежуванням складнопідрядних причиново-наслідкових речень і складнопідрядних речень із значенням обумовлення).

Розглянемо ще одне речення: *Треба боротися за покупців* (з інтонаційним виділенням *боротися*). Повний варіант цього речення є таким: *Для того, щоб мати прибуток* (ланцюг «покупець→купувати→прибуток»), *треба боротися* (використовувати нові форми роботи і т.д.) *за покупця*.

Ще один різновид простих речень позитивної семантики, які імпліцитно передають значення обумовлення – це речення, що містять дієприслівниковий зворот, наприклад: *Лише погодившись на цей крок, ви зможете вирішити свої проблеми*. Повний варіант: *Для того, щоб вирішити свої проблеми, ви повинні погодитися на цей крок*.

Імпліцитно значення обумовлення може передаватися у реченнях із словом *залежати*, що уживається поруч із віддієслівним іменником та іменником у родовому відмінку, напр.: *Успіх акції залежить від приходу батька* = *Успіх акції залежить від того, чи прийде батько* = *Акція буде успішною, лише якщо прийде батько* = *Для того, щоб акція була успішною, необхідним є прихід батька* = *Прихід батька – необхідна (перед)умова успіху акції* і т.д.

В той же час речення із дієсловом *залежати* без віддієслівного іменника передає вже не значення обумовлення, а інше значення, – значення залежності А від В: *Успіх акції залежить від батька* ≠ *Для того, щоб акція була успішною, необхідним є прихід батька*. Тобто, як компонент значення обумовлення виступає конструкція *прихід батька*, у якій іменник *прихід* є іменником віддієслівного походження.

Другу групу речень із імпліцитним вираженням значення обумовлення становлять заперечні речення, наприклад: *Без цієї підтримки жодна військова частина не змогла б утриматись в умовах партизанської боротьби* або: *Без національної держави ніяка нація не може жити і розвиватися*. Вважається, що заперечення одного положення є ствердженням положення протилежного [Сергеева 1981:92; Зигварт 1908:135; Кант 1966:310; Потебня 1993:152]. Відповідно, повний варіант такого речення матиме такий вигляд: *Для того, щоб утриматися в умовах партизанської боротьби, необхідна ця (яка саме – для нас зараз неважливо) підтримка*.

Групу простих речень із значенням заперечення, які імпліцитно передають семантику обумовлення, доповнюють прості речення із значенням заперечення, що містять дієприслівниковий зворот, наприклад: *Ми не можемо піти на це, не вивчивши це питання детально* або: *Не відчувачи внутрішньої основи п'єси, виконати її просто неможливо*. Повний варіант: *Для того, щоб піти на це, ми повинні вивчити це питання детально* та *Для того, щоб виконати цю п'єсу, треба відчувати її внутрішню основу*.

Розглянуті нами синтаксичні конструкції – яскравий приклад гнучкості та ефективності, які характеризують природну мову. Невід’ємним елементом спілкування є співвіднесеність мовних значень із іманентною для певної мови моделлю світу («знанням про світ»), яка становить зміст свідомості мовця. Така співвіднесеність сприяє правильній інтерпретації речень або тексту, а в окремих випадках і обумовлює будь-яку інтерпретацію. Спілкування природною мовою стає можливим лише тоді, коли «знання про світ» є спільними для мовця і слухача. На думку В.А.Звегинцева, ми ніколи, спілкуючись мовою, не передаємо своєму співрозмовникові вичерпну інформацію, оскільки багато чого вважаємо зайвим, відомим йому [Звегинцев 1996 : 230].

Проблема імпліцитного вираження змісту пов’язана із проблемою розуміння. Цікавим є питання про те, як система мови забезпечує утворення таких одиниць мовленнєво-розумової діяльності, які є зрозумілими для слухачів (читачів). Можна припустити, що мова володіє інструментарієм у вигляді набору стереотипних моделей речень, за допомогою якого у разі потреби можна побудувати зрозуміле для адресата висловлення.

У вживанні стереотипних моделей речень, які закріплені узусом за вираженням певних смислових інтенцій суб’єкта мовлення, виявляється свобода мовця у виборі семантико-синтаксичної структури речення. Але свобода вибору мовцем оптимального способу вираження відносна і залежить від багатьох факторів: від традицій відображення тих або інших елементів реальної картини світу, від типу контакту з адресатом повідомлення, від стереотипів вираження певних смислових фрагментів висловлення, від стилістичного типу тексту. Основним фактором варіювання мовних засобів є ставлення адресанта до адресата, їх «діалог», прогнозування мовцем розуміння мовлення (пор. із висловленням Л.В.Щерби: «... процеси розуміння, інтерпретації знаків мови є не менш активними і не менш важливими у сутності того явища, яке ми називаємо «мовою», ... вони зумовлюються тим же, чим зумовлюється можливість і процесів мовлення» [Щерба 1974]).

РЕЗЮМЕ

Стаття написана в русле систематизації того набору логических понять, котрые находят выражение в украинском языке. Рассматриваются также единицы, с помощью которых в украинском языке передаётся значение обусловленности.

SUMMARY

The article has been written within the trend of systematization of the set of logical concepts, which are being expressed in Ukrainian language. The units having the meaning of conditionality in Ukrainian are also examined.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Беличева-Кржижкова 1985: Беличева-Кржижкова Х. Система причинных отношений между предложениями в русском и чешском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Современная зарубежная русистика / Перевод с чешского. М., 1985. Вып. 15.
2. Богуславский 1993: Богуславский Игорь М. Об отношении исходной и производной пропозиции // Slavistische Beiträge. – München, 1993. – Band 305.
3. Евтюхин 1997: Евтюхин В.Б. Категория обусловленности в современном русском языке и вопросы теории синтаксических категорий. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997.

4. Ельмслев 1960: Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1.
5. Загнітко 1996: Загнітко А.П. Український синтаксис (науково-теоретичний і навчально-практичний комплекс). Ч.1: Навч. посібник. – К.: ІЗМН, 1996.
6. Звегинцев 1998: Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. – М.: Изд-во МГУ, 1996.
7. Зигварт 1908: Зигварт Х. Логика. СПб., 1908. Т.1.
8. Кант 1966: Кант Иммануил, сочинения в шести томах. – М.: Мысль, 1966. – Т.5.
9. Колосова 1972: Колосова Т.А. Семантические отношения в сложных предложениях. – Филологические науки, 1972, № 5.
10. Кухаренко 1974: Кухаренко В.А. Типы и средства выражения импликации в английском языке. На материале прозы Э.Хэмингуэя // Филологические науки, 1974, № 1.
11. Малявін 1997: Малявін А.О. Спроба аналізу деяких складнопідрядних умовних речень // Функціонально-комунікативні вияви граматичних одиниць: Зб. наук. праць / Укл. А.П.Загнітко (наук. ред.) та ін. – К.: ІЗМН, 1997.
12. Потебня 1993: Потебня А.А. Мысль и язык. – К.: СИНТО, 1993.
13. Сергеева 1981: Сергеева В.Н. К вопросу о значении и смысле предложений-типов и предложений-реализаций // Семантика и прагматика синтаксических единств. – Калинин, Калининский гос. ун-тет, 1981.
14. Щерба 1974: Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Надійшла до редакції 25.06.1999 р.

ББК Ш12=411.2*22

НЕСПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИМЕНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Н.А.Веселая

Стремление систематизировать сведения о синтаксических функциях именительного падежа существительных (N₁) отчетливо отражено в таких фундаментальных справочных изданиях, как «Русская грамматика» [1] и «Синтаксический словарь» [2]. Однако принципы систематизации информации у авторов этих работ не совпадают. И это закономерно, так как аспекты синтаксиса N₁ многообразны.

Нас интересует аспект функционирования N₁, никем другим не исследованный, так как он представляет интерес с позиций теории функциональной эквивалентности [3], в которой рассматриваются в основном факты «синтаксической транспозиции», но в иной интерпретации и – главное – более многосторонне, нежели в теории транспозиции, как она отражена, например, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [4].

Исходя из идеи А.А.Потебни о специализации определенных форм определенных частей речи относительно синтаксических позиций, в частности N₁ как специализированной субстантивной словоформы для позиции и функции подлежащего, [5], все другие функции N₁ в составе предложения квалифицируем как неспециализированные, то есть такие, в которых N₁ является функциональным эквивалентом той или иной словоформы, специализированной для занимаемой N₁ синтаксической позиции.

Принимаем и тезис А.А.Потебни о том, что «неопределенное наклонение глагола» не может быть настоящим подлежащим или дополнением, а оказывается только выдвинутым

на их синтаксические места. Поэтому считаем, что синтаксис N_1 не исчерпывается употреблением его в специализированной функции (подлежащее) и в неспециализированных функциях (именная часть составного сказуемого, обращение, приложение и др.). Логично синтаксис N_1 распространить и на все его функциональные эквиваленты.

Таким образом, синтаксис N_1 должен включать ряд разделов: 1) N_1 – подлежащее; 2) N_1 – в неспециализированных синтаксических функциях ($N_1 \approx \dots$); 3) всевозможные функциональные эквиваленты N_1 ($\dots \approx N_1$) в составе предложения и в тексте. При этом неспециализированные синтаксические функции N_1 должны рассматриваться в сопоставлении с N_1 в его специализированной функции, а все его функциональные эквиваленты ($\dots \approx N_1$) должны рассматриваться и на фоне N_1 , и на фоне их употребления в специализированных функциях. Именно такой подход обеспечивает системные сведения о закономерностях заполнения позиционного состава предложения в связи с действием принципа функциональной эквивалентности определенных неадекватных знаков определенным адекватным знакам в структуре предложения. N_1 ($N_1 \approx \dots$) в неспециализированных синтаксических функциях целесообразно классифицировать по степени его эквивалентности специализированным словоформам. Есть основания полагать, что $N_1 \approx N_7$ и $N_1 \approx \text{Adj}$ функционально ближе к N_1 , нежели $N_1 \approx V_f$ или $N_1 \approx \text{Adv}$ (очень редкие случаи). Это предположение требует детального обоснования, что невозможно сделать в рамках данной статьи.

И функциональные эквиваленты ($\dots \approx N_1$) возможно классифицировать по этому же принципу, т.е. по степени эквивалентности N_1 как специализированной словоформе. Можно предположить, что $\text{Adj} \approx N_1$ обладает более высокой степенью эквивалентности, чем $\text{Inf} \approx N_1$, а последний в свою очередь – более высокой степенью эквивалентности, чем предикативная единица ($\text{ПЕ} \approx N_1$) или сложное предложение ($\text{СП} \approx N_1$). Эти гипотезы прорабатываются, но результаты еще требуют уточнений.

Так как более или менее упорядоченную информацию о синтаксических функциях N_1 можно получить из [1, 2] и различных научных работ, учебной литературы, ограничимся здесь примерами $\dots \approx N_1$ и продемонстрируем характеристику их в соответствии с разнообразием видов функциональной эквивалентности. Вслед за В.В.Лущай различаем одноуровневую и межуровневую функциональную эквивалентность (ФЭ-сть), внутривидовую и межвидовую ФЭ-сть, одноступенчатую и двухступенчатую ФЭ-сть, парадигматическую (ПФЭ-сть) и синтагматическую (СФЭ-сть) [6]. Примеры:

1. Одноуровневая (на уровне словоформ), внутривидовая, одноступенчатая, парадигматическая ФЭ-сть: *... и были у них не пистолеты, по автомату было* (В.Астафьев) – (по N_3) $\approx N_1$. – Ср.: *то-то (столько-то автоматов) было; Отчего, почему мне пришло в голову насчет рыбы?* (В.Астафьев) – (*насчет рыбы*) $\approx N_1$. – Ср.: *То-то пришло в голову.*
2. Одноуровневая, межвидовая, одноступенчатая, парадигматическая ФЭ-сть: *Учиться было интересно* – $\text{Inf} \approx N_1$. – Ср.: *То-то было интересно.*
3. Межуровневая парадигматическая ФЭ-сть: *Но как вести себя, неизвестно* (Из прессы) – $\text{ПЕ} \approx N_1$. – Ср.: *То-то неизвестно*. Здесь парадигматический функциональный идентификатор (то-то), как и в предыдущих примерах, может вводиться в предложение только как альтернатив первой предикативной единицы в составе сложного предложения, эксплицируя таким образом ее синтаксическую функцию относительно структуры второй ПЕ.
4. Межуровневая синтагматическая ФЭ-сть: *Но как вести себя – это неизвестно*. Здесь словоформа *это* (N_1) как формальное подлежащее дублирует синтаксическую

функцию первой ПЕ, тем самым эксплицируя ее и выполняя мета-языковую функцию в структуре предложения.

Таким образом, интроспективный анализ состава предложения [7] позволяет через процедуру идентификации (в случае ПФЭ-сти ее нужно эксплицировать, а в случае СФЭ-сти нужно просто увидеть ее в предложении) выявить факты $\approx N_1$.

РЕЗЮМЕ

У статті досліджується аспект функціонування N_1 відповідно до теорії функціональної еквівалентності.

Обґрунтовано необхідність розмежування N_1 як спеціалізованої субстантивної словоформи для позиції і функції підмета і N_1 як неспеціалізованої словоформи відносно синтаксичних позицій і функцій, у яких він є функціональним еквівалентом тієї чи іншої словоформи, спеціалізованої для займаної N_1 синтаксичної позиції.

Синтаксис N_1 поширюється і на всі його функціональні еквіваленти, які мають розглядатись і на тлі N_1 , і на тлі їх уживання в їх власних спеціалізованих функціях. Висловлюється думка про виправданість класифікації за ступенем еквівалентності словоформ у похідних функціях спеціалізованим щодо даної позиції словоформам.

SUMMARY

In this article the aspect of N_1 functioning is being researched from the position of the theory of functional equivalency. The author substantiates the necessity of differentiation of N_1 as a specialized substantive word-form for a noun position and function and N_1 as a non-specialized word-form for a number of syntactic positions and functions where it is a functional equivalent ($N_1 \approx$) of some word-form which is specialized for the specific syntactic position taken by N_1 . N_1 syntax covers all its functional equivalents that must be considered both at the background of N_1 and at the background of the use in their own specialized functions, the article advances a suggestion of expediency to classify the word-forms in their derivative functions in accordance with word-form equivalency to the specialized for the given position word-forms.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Русская грамматика. Т. II. – М.: Наука. – 1980. – С.426-427.
2. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. – М.: Наука. – 1988. – С.22-26; 384-385.
3. Лушай В.В. Члены предложения и виды синтаксической связи. – К.: НМК ВО. – 1989. – С.3-32.
4. Лингвистический энциклопедический словарь // Под ред. В.Н.Ярцевой. – М.: Сов. энциклопедия. – 1990.
5. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т.1-2. – М.: Учпедгиз. – 1958.
6. Лушай В.В. Организация предложения по принципу функциональной эквивалентности. – В кн.: Язык, смысл, текст. – Донецк. – 1994. – С.100-109.
7. Лушай В.В. Интроспективный анализ состава предложения. – Тез. докл. по итогам научн.-исслед. и метод. работы. Филолог. науки. – Донецк. – 1995. – С.15-16.

Надійшла до редакції 17.05.1999 р.

ББК Ш12=43*34

РОЛЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ТЕРМИНОСИСТЕМЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Т.Я.Волкова

Пополнение лексического запаса какой-либо терминосистемы материальными заимствованиями, которые определяются в данной работе как лексические единицы, перенесенные в данный язык из какого-либо языка в том виде (в той форме), в котором они в нем существуют в момент заимствования [1, с.10], является продуктивным способом терминоведения, что подтверждается на материале терминологии английского литературоведения (2240 ед.), в котором общее число материальных заимствований составляет 1918 слов и словосочетаний (85,6% всей анализируемой терминологической лексики).

Целью настоящей работы является выявление основных тенденций в процессе заимствования иноязычной лексики в терминосистему англо-американского литературоведения и попытка классификации этой лексики по степени ассимиляции в принимающем языке.

Под ассимиляцией в данной работе понимается «усвоение языком заимствуемой лексической материальной формы путем максимального приближения ее фонетических, графических, грамматических и лексико-семантических характеристик к соответствующим нормам заимствующего языка» [2, с.5]. Исходя из этих критериев, в исследуемом материале удалось выделить четыре группы заимствованной лексики в зависимости от степени ассимиляции. В первую группу входят материальные заимствования, в минимальной степени подвергшиеся ассимиляции. Это так называемые варваризмы и экзотизмы. Варваризмами считают иноязычные слова или выражения, не до конца освоенные заимствующим языком, чаще всего в связи с трудностями грамматического освоения [3, с.32]. В англо-американской литературоведческой терминологии к варваризмам относятся такие единицы номинации, как **ab ovo** (i.e. «с самого начала»), **dramatis personae** (i.e. «действующие лица в пьесе»), и т.д., всего 310 единиц (16,2%). В большинстве своем это слова и словосочетания греко-латинского происхождения, обозначающие литературоведческие и риторические приемы и понятия, пришедшие в английский язык непосредственно из языка-источника – всего 210 ед. из 310 (65,2%). Кроме того, в эту группу входят французские (79 ед. или 25,5%), немецкие (18 ед. или 5,8%), испанские и итальянские слова и словосочетания (11 ед. или 3,5%), и др.

Лексические единицы, вошедшие в эту группу, характеризуются неизменностью графической оболочки в сравнении с языком-источником, отсутствием признаков морфологической ассимиляции, т.е. невключенностью в словообразовательную систему принимающего языка, минимальной степенью фонетической и лексико-семантической ассимиляции. В качестве примера рассмотрим термин греческого происхождения **anaphora** – «repetition of a word at the beginning of lines of poetry or clauses or sentences of prose» (Shipley)¹. В древнегреческом языке графическая оболочка этого слова идентична рассматриваемому варианту: **anaphōra** (Webster). Соответственно, и степень фонетической ассимиляции минимальна. Анализируемый термин не образует производных ни по линейной, ни по нелинейной модели [5,59-60], что говорит о его невключенности в морфологическую систему принимающего языка. Единственный

¹ В целях экономии места страницы местонахождения вокабулы того или иного термина в словаре не указывается (Прим. автора).

признак ассимиляции – сужение значения: в древнегреческом языке **anaphōra** происходит от **anapherein**, что означает «to carry up or back» (Webster).

Еще одна лексическая подгруппа, входящая в группу наименее ассимилированной лексики – так называемые экзотизмы, т. е. заимствованные слова, обозначающие реалии, связанные с определенной страной или национальностью (72 ед.). В нашем материале это термины французского (32 ед. или 44,4%), латинского, испанского и немецкого (по 8, или 11,1% в каждой группе), а также одиночные термины итальянского, норвежского, африканского, арабского, малайского, японского, русского и индейского происхождения, например, фр. **chanson de geste** (i.e. «песнь о подвигах»), исп. **capa y espada** (i.e. «плащ и кинжал» – тип испанской комедии), яп. **no (noh)** («традиционная форма японской драмы») и др. В большинстве своем термины эти обозначают литературные формы или понятия, связанные с тем или иным литературным направлением в какой-либо стране в определенный исторический период. Например, **chanson de geste** – «an Old French epic form which flourished between the 11th and 14th centuries, describing the deeds of a historical or legendary hero...» (BLT); **Aufklärung** ... «is the term usually given to the general rationalistic movement in Germany in the 18th century...» (Vivian). Как и варваризмы, экзотизмы в терминологии англо-американского литературоведения представляют наименее ассимилированный слой лексики с точки зрения формальных признаков. Графическая оболочка этих терминов почти всегда полностью сохраняется (ср. нем. **Biedemeier** – «литературный период в Германии с 1815 по 1848 гг.», фр. **la preciosite** – «культ утонченного языка и изысканных манер»), за исключением тех случаев, когда в языке-источнике используется другая система письма, например яп. **Tanka** («японская стихотворная форма»), араб. **ghazel** («персидская стихотворная форма») и др. Насколько можно судить по транскрипции, представленной в различных словарях для ряда терминов, звуковая оболочка этого класса лексических единиц в английском языке так же близка к их звучанию в языках-источниках, как и у варваризмов.

Таким образом, в первую группу входят термины, наименее ассимилированные графически, фонетически, лексически и грамматически, всего 382 ед., что составляет 19,9% всей заимствованной лексики в терминосистеме англо-американского литературоведения.

Ко второй группе относятся заимствованные термины, подвергшиеся большей фонетической ассимиляции, чем предыдущая группа наименований. Так, в звуковой оболочке слова **verse** [vɜ:s] > ст.фр. «vers» > лат. «versus» происходят заметные качественные изменения. В этой группе довольно часто фонетическая ассимиляция термина сопровождается изменениями в графической оболочке слова: ср. **proem** («вступительная часть художественного произведения») > ср.фр. «proheme», **sylogism** («вид логического рассуждения») > ср.фр. «silogisme» и др. Появляются признаки морфологической, или грамматической ассимиляции: к заимствованным корневым морфемам присоединяются исконные или хорошо ассимилированные флексии (ср. **preciosity** > фр. «**préciosité**», **isochronism** > гр. «isos»+«kronos» и др.). У многих единиц номинации этой группы есть производные, например, **lacuna** – **lacunal**, **lacunar**, **lacunate**; **paraphrase** – **paraphraser**. Кроме того, как и в первой группе, в заимствованных словах наблюдается сужение объема значений; например, **isochronism** от < др.гр. **isos** «equal» + **kronos** «time» – «the equal duration of metrical feet, stanzas, or sections in a poem...» (MLDDT). К этой группе относится 265 единиц, или 13,8% всех заимствований в англо-американской литературоведческой терминологии.

В третью группу включены наиболее ассимилированные термины, 161 единиц, или 8,4% всех заимствований. Термины, входящие в эту группу, достаточно хорошо

ассимилировались фонетически и графически. Например, в слове **vowel** < ср.фр. *vouel* < лат. *vocalis* «vocal» появляется передний дифтонг [au] и происходит графическое переоформление; другие примеры – **theme** < лат. *themat* – *thema*, **vehicle** < фр. *véhicule* и др. Почти у всех этих терминов есть производные, т.е. они участвуют в процессе словообразования, что говорит об их выраженной лексической ассимиляции. В лексико-семантическом плане также наблюдается сужение, а точнее, специализация значения. Например, у термина **vehicle**, который пришел через язык-посредник (в данном случае французский) из лат. *vehiculum* «carriage, conveyance», в общелитературном английском языке наблюдается вариативность значений, т.е. полисемия данного термина: 1) главное номинативное значение: «a medium through which something is administered, transmitted, expressed, achieved, or displayed...» (Webster, 1153), 2) специализированное, терминологическое: «one of the two parts of any metaphor». (MLDPT).

Все вышесказанное относится к моноксемным терминам, среди которых можно выделить а) простые слова (e.g. **lai** – «короткое стихотворение, песня», **hero** – «герой художественного произведения»); б) производные (e.g. **syncopation** – «синкопирование», **solecism** – «солецизм») и сложнопроизводные (e.g. **tragicomedy** – «трагикомедия», **rhyme-counterpoint** – «стихотворное произведение с полифоническими рифмами»).

Четвертая группа заимствованных терминов состоит из полилексемных терминов-словосочетаний, каждый компонент которых представляет собой заимствованную лексическую единицу, e.g. **heresy of paraphrase** («ересь пересказа»), **obligatory scene** («обязательная сцена») и т.п., всего 376 ед. (19,6%). Терминологические словосочетания более других ассимилированы с лексико-грамматической точки зрения, о чем свидетельствует их способность вступать в синтагматические отношения в принимающем языке.

Помимо материальных заимствований, в исследуемом материале присутствуют смешанные заимствования, или «термины-гибриды», по Д.С.Лотте [1,14] (188 ед., или 9,2%), в которых происходит соединение основ и префиксоидов различного происхождения, e.g. **automatic writing** («автоматическое письмо»), **implied reader** («предполагаемый читатель»). В приведенных примерах один компонент исконного происхождения (**writing, reader**), другой – заимствован из латинского и греческого языков (**automatic, implied**). Терминологических словосочетаний смешанного типа в исследуемом материале 167 ед. (8,7%). Кроме того, к терминам-гибридам можно отнести 10 сложных слов с одной основой исконного происхождения, и одной заимствованной, e.g. **over-stress** («избыточный акцент»), **crosscut** («поперечный срез» и др. Термины-гибриды представлены в англо-американской литературоведческой терминологии не только терминологическими словосочетаниями и сложными словами с одним (или двумя) исконным и одним (или двумя) заимствованным компонентом, но и сочетаниями заимствованных терминов различного происхождения, e.g. **flat character**, где **flat** древненорвежского, а **character** греко-латинского происхождения. Таких случаев, однако, немного, всего 11 примеров, в которых объединены компоненты различного происхождения: скандинавского и греко-латинского (e.g. **slant imagery, low comedy, kenning metaphor, curtain raiser, bond density**), итальянского и греко-латинского (**masked comedy**) и французского и греко-латинского (**poetic attachments**) (жирным шрифтом выделены компоненты греко-латинского происхождения, курсивом – иного).

Помимо прямых материальных заимствований и заимствований смешанного типа в терминологии англо-американского литературоведения наблюдается еще один тип косвенного заимствования – калькирование, представляющее собой заимствование, воспроизводящее структуру и значение иноязычного слова [1,5]. В отличие от выше-

упомянутых видов заимствований в результате калькирования образуются мотивированные термины. Ориентируясь на сведения, представленные в словарных статьях словарей литературоведческих терминов, удалось выделить в исследуемом материале 25 калек, что составляет 1,2% всего анализируемого материала. Например, **thesis play** – «French: piece a these...» (BLT); **slice of life** – «French: tranche de vie...» (BLT). В словарных дефинициях прямо указывается язык-источник и выражение, содержание которого заимствуется путем перевода, что и составляет сущность калькирования. В других случаях приходится полагаться на косвенную информацию, как, например, в отношении термина **alienation effect** («эффект «очуждения»»), о котором в словаре BCODLT говорится, что это основной принцип теории эпического театра Бертольда Брехта. Следовательно, можно предположить что оригинальный термин появился в немецком языке, и в данном случае мы имеем дело с калькой.

Большая часть выделенных калек (16 ед., 64%) относится к типу структурных, т.е. они заимствуют и структуру, и значение иноязычных номинаций: **blue flower** («голубой цветок») от немецкого blaue Blume, **new novel** («новый роман») от французского nouveau roman, и др. Остальные – семантические кальки, в которых заимствуется понятийное содержание иноязычных номинаций, а не их внешняя оболочка, не их структура: **courtly love** («рыцарская любовь») < фр. 'amour courtois', **defamiliarization** < рус. «остранение», и др., всего 9 ед., или 36%.

В заключение можно сделать следующие выводы.

1. В терминологии англо-американского литературоведения наиболее частотны материальные заимствования (85,6%); количество смешанных заимствований и калек менее значительно (9,2% и 1,2% соответственно).
2. Наименее ассимилированы в терминологии англо-американского литературоведения варваризмы и экзотизмы, составляющие 16,2% всех материальных заимствований. Ядро этой группы – термины греко-латинского происхождения, входящие в подсистему поэтики и заимствованные непосредственно из языков-источников.
3. Основная масса терминологических единиц (90,8%) в англо-американском литературоведении имеет греко-латинское происхождение; остальные термины уходят своими корнями в немецкий (3,6%), итальянский (2,4%), испанский (1,2%) и другие языки. Основной язык-посредник – французский.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

1. BCODLT: Chris Baldick. The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms – Oxford: New York: Oxford univ.press, 1990. – 246p.
2. BLT: Karl Beckson, Arthur Ganz. Literary Terms: A Dictionary. – New York, 1989. – 308p.
3. FHHL: Northrop Frye. The Harper Handbook to Literature. – New York, 1985. – 563p.
4. MLDPT: Jack Elliott, Myers, Michael Simms. The Longman Dictionary of Poetic Terms. – New York; London: Longman, cop. 1989. – 366p.
5. Shipley: Joseph T. Shipley. A Dictionary of World Literary Terms. Forms. Techniques. Criticism. London: Allen Unwin. – 1970. – 466p.
6. Vivian: Percival Vivian. A Dictionary of Literary Terms. Lnd; Routledge. – n.d. – 200p.
7. Webster's New Encyclopedic Dictionary. – Black Dog & Leventhal Publishers Inc.: New York, 1993. – 1787p.

РЕЗЮМЕ

В статье описывается обширный пласт терминологической лексики англо-американского литературоведения, а именно, заимствованная лексика, выявляются ос-

новные тенденции в процессе заимствования, делается попытка классификации этой лексики по степени ассимиляции в принимающем языке. Выделяются различные виды заимствований – материальные, смешанные заимствования и кальки, определяется их удельный вес в исследуемой терминосистеме. Материальные заимствования делятся на четыре группы в зависимости от степени их ассимиляции.

Установлено, что основная масса терминов в исследуемой терминосистеме (90,8%) имеет греко-латинское происхождение; остальные термины уходят своими корнями в немецкий (3,6%) итальянский (2,4%) испанский (1,2%) и другие языки. Основной язык-посредник – французский.

SUMMARY

In the present paper an extensive layer of the terminological of Anglo-American literary criticism, in particular, the loan words, has been described, the principal trends in the process of borrowing have been displayed, and an attempt to classify this lexis according to its assimilation degree in the receiving has been made. Different types of loan words, i.e. material, mixed borrowings and calques, have been distinguished, and their proportion in the terminosystem under analysis determined. Material loan words have been divided into four groups depending on their assimilation degree.

It has been found that the great bulk of the borrowed terms (i.e. 90.8%) in the system under consideration are of Greek and Latin origin; the rest of terms have originated from German (3.6%), Italian (1.2%), Spanish (1.2%) and other languages. The principal intermediary language is French.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. – М.: Наука. 1982. – 149с.
2. Коробова М.С. Немецкие заимствования в английском языке: Автореф. ... дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1966. – 17 с.
3. Д.Э.Розенталь, М.А.Теленкова. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 1985. – 399 с.
4. Гринев С.В. Терминологические заимствования (краткий обзор современного состояния вопроса) // Лотте Д.С. «Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов». – М.: Наука. 1982. – С.108-136.
5. Кубрякова Е.С. Что такое словообразование. – М.: Наука. 1965. – 77 с.
6. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. – М.: Наука. 1989. – 246с.
7. Володина М.Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. – М., 1993. – 112с.
8. Михина И.И. Семантическая вариативность термина и средства ее лексикографического отражения (на примере терминологии литературных жанров в английском и русском языках) Дисс. ... канд. филол. наук. – М. 1988. – 486 с.
9. Палиевская Ю.В. Терминология английского литературоведения как система. – Дисс. ... канд. филол. наук. – М. 1983. – 173 с.

Надійшла до редакції 10.03.1999 р.

ББК: Ш 12 = 432.1*22

ТИПЫ ПОЯСНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

И.М.Подгайская

Место пояснения как особого вида синтаксических отношений в синтаксической системе языка остается до настоящего времени недостаточно определенным с теоретической точки зрения. Именно поэтому в описательных грамматиках и в учебниках по синтаксису конструкции, содержащие пояснительные отношения, либо не описываются вообще, либо упоминаются в разных разделах: в связи с однородными членами предложения; обособлением обстоятельств; при описании приложений. Не существует также единого мнения относительно терминологического обозначения и определения особенностей подобных конструкций. Одни исследователи называют такие конструкции уточнительными [1], другие обозначают их как поясняющие [6], третьи разграничивают уточняющие и поясняющие конструкции [5]. Используются также термины «дубликат» [4] и «тавтология» [2].

Прежде, чем перейти к рассмотрению разновидностей пояснительных конструкций и их функций, необходимо определить, что мы понимаем под пояснительной конструкцией (поскольку поясняющее значение могут иметь и другие синтаксические единицы – обособленные причастные обороты, приложения, вставные, парентезы, придаточные предложения).

Пояснительная конструкция – «это особый тип ряда, состоящий из двух параллельных членов, связанных пояснительными отношениями» [3, с.65], т.е. один из членов конструкции выступает как поясняемый, а другой как поясняющий. Сущность пояснительной конструкции определяется логически и синтаксически.

Логическую основу пояснительных отношений составляет тождество: два члена предложения имеют общую денотативную отнесенность, которая устанавливается в акте коммуникации самим говорящим. При этом поясняемое и поясняющее, как правило, не являются синонимами, поскольку их функция состоит в двойном обозначении объекта действительности, т.е. они призваны один и тот же объект охарактеризовать по-разному. Например, *As usual, the material is divided into two basic sections, that is Vocabulary and Sentence Structure*. Поясняемое и поясняющее в данном примере отнесены к одному и тому же объекту и логически тождественны. Однако это тождество отражает точку зрения говорящего и истинно только для данного конкретного случая. Оно вытекает из конструкции, а не из лексического значения слов, поскольку словосочетания «*two basic sections*» и «*Vocabulary and Sentence Structure*» не являются синонимичными.

С синтаксической точки зрения пояснительная конструкция характеризуется следующим: первый член конструкции (поясняемое) занимает исходную позицию, а второй (поясняющее) вводится в предложение дополнительно к первому, дублируя его синтаксическую функцию [7, с.81]. Таким образом, выполняя одну и ту же синтаксическую функцию в пределах предложения, поясняемое и поясняющее различаются по функции относительно друг друга в пределах конструкции. Пояснительная конструкция может быть в позиции любого члена предложения – главного и второстепенного, так как отношения тождества могут устанавливаться между названиями предметов, их признаков, действий и обстоятельств. В приведенном выше предложении, например, пояснительными отношениями связаны дополнения.

Как отмечалось выше, логически пояснительные отношения основываются на понятии тождества. При этом, тождество объектов может быть полным (когда денотативное содержание поясняемого и поясняющего полностью совпадает) и неполным (когда одна номинация охватывает действительность шире, другая уже или когда объекты номинаций совмещаются частично) [3, с.68]. Степень тождества между поясняемым и поясняющим может служить одним из критериев для классификации пояснительных конструкций в английском языке.

Рассмотрим каждый вид тождества и соответствующие ему типы пояснительных конструкций.

Так, отношение **полного тождества**, при котором денотативное содержание поясняющего и поясняемого полностью совпадает, реализуется в двух видах значений: собственно отождествление и отождествление на основе конкретизации.

Собственно отождествление может передаваться латинской аббревиатурой *i.e.*, ее английским эквивалентом *that is*, словосочетаниями *in other words*, *otherwise stated*, союзом *or* в пояснительном значении (часто в сочетании с наречием *rather*). Например, *An economy will "choose" the right things to produce if economic decisions are highly decentralized – that is if markets are allowed to work. The Balkans are the Greek's natural new hinterland: or, rather, their rediscovered hinterland.*

Функцией пояснительных конструкций в приведенных примерах является более точная формулировка мысли путем повторения сказанного другими словами. Однако собственно отождествляющие конструкции могут выполнять и другую функцию – они могут являться средством разъяснения, расшифровки, толкования смысла, дефиниции различных реалий, которыми оперирует автор текста. Например, *Tickets for a charter flight were supposed to be sold only as part of a "packaged" tour, i.e. one including hotels, meals and transfers.*

В рассмотренных выше примерах формальным показателем пояснительных отношений являются союзы и словосочетания. Существуют так же конструкции, формальным признаком которых выступает только предупредительная интонация, на письме оформленная при помощи тире. Например, *Leszek Balcerowicz, the architect of Poland's Big Bang, calls this "pure socialist production" – output that can exist only under central planning.* В такого рода конструкциях возможна подстановка союза *that is*.

Другой разновидностью отношения полного тождества между поясняемым и поясняющим, как отмечалось выше, является отождествление на основе конкретизации. В этом случае, члены конструкции связаны между собой: 1) как отвлеченное и конкретное; 2) как общее и частное.

1) Первый вид отношений – от отвлеченного к конкретному – выражается при помощи наречия *namely* или предупредительной интонации, в письменной речи – выраженной тире или двоеточием.

В таких конструкциях часто имеются дополнительные средства формальной организации: в состав поясняемого входят специальные показатели отношения конкретизации (например, числительные *one, first, second* и др.): *A new word was on the lips of foreign companies and governments: privatisation. In Indonesia one man embodies that temptation – namely B.J.Habibie, the minister for science and technology.*

Подобного рода пояснительные конструкции являются средством привлечения внимания читателя к наиболее важной с точки зрения автора информации. Такая информация содержится в поясняющей части, она конкретизирует более общее понятие и находится в конце предложения, причем часто позиционно отделена от поясняемого понятия. Такая позиция поясняющего логически выделяет его, превращает в главный

смысловый центр предложения, что позволяет рассматривать такие конструкции как экспрессивное синтаксическое средство наряду с эмфатическими конструкциями и обособлением. – Ср. степень экспрессивности передачи информации: *A new word was on the lips of foreign companies and governments: privatization. A new word "privatization" was on the lips of foreign companies and governments.*

2) При отношениях от общего к частному более общее понятие конкретизируется путем перечня. Формальными признаками таких конструкций являются предупредительная интонация, на письме выраженная тире и двоеточием, и специальные показатели отношения конкретизации – местоимения *all, every, those*; прилагательные *many, other*; числительные *two, three, four*: *Military control would probably contain the two most obvious threats to stability – fundamentalism and separatism. But now just under half of the UN's 35.000 firms are from four countries: America, Japan, Germany and Switzerland.*

В тексте функцией этого типа конструкций является пояснение высказанного утверждения путем перечисления частных случаев или разновидностей каких-то фактов, явлений, понятий и т.д.

Логические отношения общего и частного также являются основой конструкции, отражающих **неполное тождество** между поясняемым и поясняющим. В этом случае частное (поясняющее) представляет общее (поясняемое) не в полном объеме, а выступает как случай, как пример. Другими словами, поясняемое охватывает действительность шире, чем поясняющее, которое включается в него как часть. На основании этого подобные конструкции иногда обозначают как «включение» [3, с.74]. Эту разновидность пояснительных конструкций отличает обособляющая интонация, которая в письменной речи фиксируется запятыми. Отношение включения эксплицитно выражается при помощи словосочетаний *for example, for instance, such as*; предлогов *among, including*; наречий *notably, particularly, especially, specially*; основной функцией таких конструкций в тексте является пояснение путем введения примера, иллюстрации. Например, *Japanese companies established overseas, notably in Britain and America, use the same techniques. Even American Airlines is talking to potential partners, among them Lufthansa. Governments all around the world, especially in the developing countries, are queuing up to attract Multinationals.*

Отношения неполного тождества между поясняющим и поясняемым реализуется еще в одном виде пояснительных конструкций, – уточняющих. В отличие от включающих конструкций, в которых одна номинация охватывает действительность шире, чем другая, в уточняющих конструкциях объекты номинаций совмещаются частично. Характерной особенностью таких конструкций является отсутствие формальных лексических показателей; единственным признаком отношения уточнения является обязательная обособляющая интонация, которая связывает уточняемое и уточняющее и на письме передается запятыми. Основной функцией таких конструкций является сообщение дополнительных сведений об уточняемом объекте путем сужения его объема или конкретизации. Например, *During the 1980s, after the Iranian revolution, they worried that Indonesia might see a rise in Islamic fundamentalism.*

Таким образом, в зависимости от степени тождества между поясняемым и поясняющим различаются четыре основные типа пояснительных конструкций – собственно отождествляющие, конкретизирующие, включающие и уточняющие. Каждый тип конструкции обладает собственными формальными признаками и имеет специфическую функцию в тексте.

РЕЗЮМЕ

У статті розкривається логіко-синтаксична сутність пояснювальної конструкції та здійснюється спроба класифікувати пояснювальні конструкції а підставі міри тотожності

ті між пояснюваним і пояснюючим. Кожен тип конструкції характеризується з точки зору формальних показників та функції, яку він виконує в тексті.

SUMMARY

The article provides the classification of explanatory according to the degree of identity between the notion explained and one which explains. Each type of constructions is characterized in terms of its formal markers and its function in the text.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козлова С.Н. Уточняющие обстоятельства места и времени в современном английском языке. – Автореф. дис... канд. филол. наук. – Л., 1966. – 24 с.
2. Кузнецова И.Е. Тавталогия интеллективного текста // Язык для специальных целей как объект функциональной стилистики. – Сыктывкар, 1984. – С.61-70.
3. Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. – М., 1959. – 198 с.
4. Современный русский язык / Н.С.Валгина, Д.Э.Розенталь, М.И.Фомина. – М., 1987. – С.374.
5. Современный русский язык. Синтаксис. Ч.1. – Гродно, 1982. – С.95.
6. Структурный синтаксис английского языка. – Л., 1972. – С.80-82.

Надійшла до редакції 10.03.1999 р.

ББК Ш12-432.4*008

32=411.2

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ НАЧИНАТЕЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ

И.Г.Воротникова

Статья посвящена сопоставительному описанию средств, формирующих функционально-семантическое поле (ФСП) начинательности в немецком и русском языках.

Материалом исследования послужили данные различных лексикографических источников, а также произведения современной немецкой и русской художественной прозы общим объемом 10 тысяч страниц.

Под ФСП начинательности мы понимаем совокупность находящихся в системных отношениях разноуровневых средств, характеризующихся общей функциональной направленностью, то есть обладающих единой семантической функцией – функцией выражения значения начинательности. При определении ФСП начинательности мы исходили из основных методологических положений теории функционально-семантических полей и концепции грамматико-лексических полей [3; с.6].

В теории ФСП постулируется возможность выделения в любом языке группировок разноуровневых средств выражения категориальных смыслов – фундаментальных понятийных категорий [2, с.47]. Такие аспектуальные значения, как значения длительности, повторяемости, начинательности, результативности и другие, имеют место во всех языках и признаются в силу этого лингвистической универсалией [1, с.78; 10, с.73].

Существование лингвистических универсалий языков объясняется в известной мере единством общих законов логического мышления. Следствием этого, по мнению Г.В.Колшанского, является то, что языки всего мира, будучи языком человека, необходимо должны содержать некоторые всеобщие признаки, присущие им как человеческому языку [9, с.22]. С.Д.Кацнельсон, развивая эту мысль, отмечает, что несмотря на семантическое разделение мира, «есть ... элементы функций, которые проявляются в той или другой степени в разных языках» [8, с.73].

Таким образом, все языки способны передавать любую идею, любое значение адекватно и вместе с тем своеобразно. Используя свои структурные возможности.

В настоящей статье, как уже отмечалось выше, анализируются средства ФСП начинательности на материале двух языков – немецкого и русского. При этом необходимо учитывать тот факт, что средства выражения начинательности принадлежат системам двух разноструктурных языков и принципиально отличаются друг от друга по наличию /отсутствию морфологической категории вида. Это обуславливает принципиально различные тенденции при реализации аспектуальных значений в данных языках. Поэтому несомненно, что и реализация начинательного значения в указанных языковых системах имеет свою специфику.

Ядро поля в обоих языках образуют средства лексического уровня – собственно начинательные глаголы: *beginnen, anfangen* – в немецком языке, *начать(ся), начинать(ся)* – в русском языке – специализированные средства выражения начинательности, а также их функциональные синонимы, обладающие единой семантической функцией и способные замещать начинательные глаголы в определенном контексте.

Собственно начинательные глагольные лексемы имеют наибольшую частотность употребления, максимальные возможности сочетаемости и способны функционировать как самостоятельно, так и в качестве фазовых глаголов, под которыми мы понимаем, вслед за М.Дейчбейном, такие глаголы, которые акцентируют наше внимание на определенном отрезке, фазе соответствующего действия или процесса [13, с.82]. Фазовый глагол в аналитической конструкции, становясь как бы вспомогательным глаголом, никогда полностью не десемантизируется. Сохраняя первоначальное значение начала, фазовый глагол остается уточнителем характера протекания действия, а именно – характеризует действие с точки зрения его начала. Принадлежность данных глаголов к доминанте обусловлена также их универсальностью, которая заключается в том, что значение начинательности они передают наиболее однозначно и способны заместить любое из средств выражения исследуемого значения, что позволяет считать их идентификаторами значения начинательности.

Die Diskussion ist beendet, die Arbeit beginnt [Aula, 83].

Ich wollte nicht Geld, als ich das große Spiel anfang [Billard, 89].

Ich hatte angefangen, die Front des Bahnhofsgebäudes zu zeichnen [Billard, 67].

Und sie begann sofort kleinlich auf seinen Wert zu berechnen [Angst, 98].

Начать день поездкой в новой машине, значило начать его хорошо [Набоков. Другие берега, с.452].

Уже начался учебный год [Белые одежды, с.14].

Вспомним, с чего я начинал разговор [Белые одежды, с.285].

Солнце поднималось, и уже было ясно, что начинается жаркий летний день... [Честь имею, с.32].

К собственно начинательным глаголам в немецком и русском языках примыкают их функциональные синонимы. Выявление их проводилось как на основе анализа текста, так и при использовании данных словарей. К группе функциональных синонимов

относятся: в немецком языке (105%) – глаголы kommen, ausbrechen, losgehen, entstehen, losbrechen, einsetzen, anbrechen (sich) stürzen, eröffnen, anlaufen, eileiten, stürmen, angehen, anheben, einbrechen, starten, eintreten, loslegen, sich anspinnen, aufnehmen, sich entspinnen; в русском языке (5%) – глаголы заняться, пойти, завести, засесть, затеять, открыть, возникнуть, завязать, вспыхнуть, разразиться, загореться, стартовать, взять, настать, наступить, установить, воцариться, приступить.

Sie ging sofort los, den Blick auf Boden gerichtet [Impressum, с.119].

... bei dem 19. Zug brach die Kriese aus [Schachnovelle, с.92].

Мачеха снова затевала ссоры [Астафьев. Перевал, с.111].

Солдат приступил к делу первой необходимости – начал перевязывать рану своим единственным платком [Астафьев. Рассказы, с.144].

К центральным конституентам ФСП начинательности в обоих языках относятся словообразовательные средства. Русский язык располагает рядом специализированных словообразовательных формантов – приставок, которые, присоединяясь к производящей основе, преобразуют ее, оформляют ее грамматически. В структуре ФСП начинательности русского языка словообразовательные средства преобладают (58,3%), что отражает господствующую в русском языке тенденцию выражать аспектуальные значения богатым набором формальных средств.

В ходе анализа лексикографических источников было выделено 1062 глагольных лексемы с формально фиксированным значением начинательности, которые представляют собой синтетические структуры с формантами за-, по-, вз-/вс-, воз-/вос-, раз-/рас-. Наибольшей словообразовательной активностью обладает приставка за- (77% от числа всех словообразовательных средств). По мнению исследователей, она является чуть ли не универсальным средством реализации значения начинательности в русском языке [7, с.10]. Далее следуют приставки раз-/рас-/ (10,4%), по- (6,7%), вз-/вс/ (3,8%), воз-/вос-/ (2,1%).

Перечисленные начинательные приставки охватывают широкий круг глаголов различной семантики (глаголы, обозначающие акустические, оптические процессы, глаголы движения, состояния и другие). Данные приставки сочетаются исключительно с основами глаголов несовершенного вида, которые имеют неопределенное лексическое значение и поэтому не вступают в противоречие со значением начинательной предельности, носителем которого является начинательная приставка.

Зал вздохнул и весело загудел [Белые одежды, с.112].

Лужин опустил голову и пошел в дом [Защита Лужина, с.46].

В немецком языке отсутствуют специализированные словообразовательные средства для выражения акционального и, в частности, начинательного значения, так как немецкие приставки, как правило, многозначны и не имеют четкой акциональной направленности, а вносят лишь изменения в лексическое содержание глагола.

Однако некоторые приставки оказывают влияние на значение глагольной основы, реализуя при этом значение начинательности. Как показал анализ материала, в немецком языке существуют префиксы и полупрефиксы, способные формировать у глаголов значение приступа к действию или состоянию, то есть значение начинательной предельности (32%): auf- (частотность 10%), an- (7%), er- (5,3%), los- (4%), ein- (3%), ent- (2%), aus- (1%), ab- (0,1%).

Префиксы и полупрефиксы начинательной семантики способны сочетаться с различными в семантическом отношении глагольными лексемами. Наиболее широкими возможностями сочетаемости отличаются полупрефиксы an-, auf-, ein-.

Es rannte auf eine Lokomotive los... und wollte ihr ans Bein [Aula, с.42].

Dann setzte der Vogel ein, trällerte und jubelte dann auf... [Scharlach, с.60].

Sie kann beim leichtesten Anlaß erröten, erblassen [M. Stuart, с.103].

Все остальные средства в большей или меньшей степени удалены от центра поля, что зависит от их избирательности и частотности употребления при выражении значения начинательности. В русском языке к ним относятся прежде всего лексико-синтаксические средства, далее следуют собственно синтаксические средства и фразеологические единицы со значением начинательности.

В русском языке значение начинательности может быть реализовано не только собственно начинательными глаголами и их функциональными синонимами, но и так называемыми многозначными глаголами в сочетании с определенными признаками контекста.

Вслед за Л.М.Васильевым мы считаем, что «значения многозначного слова представляют собой цельное семантическое поле (класс семем), компоненты которого связаны друг с другом иерархическими зависимостями... Его тождество в плане выражения поддерживается единой словоформой (лексемой), а в плане содержания – инвариантной семой (инвариантным семами)» [4, с.10].

Отношения между отдельными значениями многозначного слова в лингвистической литературе квалифицируются как деривационные [11, с.96; 8, с.57-61; 4, с.8-10; 12, с.316].

Какое из значений многозначного слова будет реализовано, зависит от окружения слова, от контекста, в котором оно функционирует.

Аналізу подверглись те многозначные глагольные лексемы с формально нефиксированным значением начинательности, у которых одна или несколько сем при благоприятных контекстуальных условиях соотносятся со значением «начало действия». Это такие глаголы, как поднять(ся), включиться, ударить, нагрязнать, брызнуть, прыснуть, потечь, лечь, завести, завязаться, встать и другие. Частотность их употребления в тексте составила 2%.

Семантика начинательности характерна для следующих значений многозначного глагола «прыснуть» – «литься мелкими каплями» (о дожде), «не удержавшись, разразиться смехом» (разг.), «броситься бежать» (разг.). Например: Прыснул дождик... [Астафьев, Рассказы, 124]. Регистраторша, подняв глаза, прыснула, не удержав смеха [Белые одежды, 19]. Тетя Поля прыснула из дома на улицу [Белые одежды, 24].

Указанные значения конкретизируются существительными, с которыми сочетается данный глагол (дождик), дополнительной информацией («не удержав смеха»), обстоятельствами, уточняющими характер протекания действия («из дома на улицу»). Как показал анализ материала, семантику начинательности способен реализовать только глагол совершенного вида (прыснуть). Глагол несовершенного вида не способен актуализировать значение начинательности.

О решающей роли контекста при реализации начинательного значения полисемантическим глаголом свидетельствуют также следующие примеры:

Но как зима ляжет, всякое сообщение замирают... [Астафьев. Рассказы, 492].

Слезы брызнули, он поперхнулся, удерживая их [Братья и сестры, 290].

И потек знакомый всем доклад... [Белые одежды, 105].

Данные глаголы, не обладающие формальными показателями значения начинательности и употребляющиеся в переносном смысле, находясь за пределами начинательного способа глагольного действия (НСГД), способны реализовать значение начинательной предельности, чему способствуют определенные условия контекста: лексическое окружение, стилистическая окрашенность глагола, использование его в переносном значении, особенность реальной ситуации.

Функциональными синонимами специализированных аналитических конструкций с начинательными глаголами являются конструкции пуститься, приняться, броситься, кинуться, ринуться, удариться, рвануться + инфинитив.

Старику так делалось жутко, что он вдруг принимался невесело балагурить [Астафьев. Рассказы, с.207].

А академик – тот прямо плясать то и дело пускается [Белые одежды, с.334].

С хохотом и звоном ударился малый бежать по огороду, тетки за ним, кричат, ловят [Астафьев. Ода, с.31].

Особенностью этих глаголов, как и многозначных, является невозможность их абсолютного употребления. Они требуют развертывания в синтаксическое целое, а также соответствующих ситуативных, контекстуальных условий, лишь при наличии которых каждый из них сможет функционировать в качестве индикатора начинательности. Таким образом, формально принадлежа к лексике, они функционируют на уровне синтаксиса.

К синтаксическим средствам выражения начинательности в русском языке относятся сочетания частиц ну, давай, и, да и глагола пошел с инфинитивом. Особенность подобных сочетаний состоит в том, что они, наряду с начинательным, выражают модальное значение: «эмоционально-волевое отношение субъекта к действию» [5: с.462].

Данные конструкции обозначают возникновение экспрессивно окрашенных действий и употребляются зачастую с частицами и, да, как. При этом в них усиливается модальное значение.

Прибежал хозяин, снял кнут – и хлестать его [Астафьев. Рассказы, с.83].

Она выскочила на улицу и давай кричать во все горло [Братья и сестры, с.132].

Значение начинательности в русском языке может выражаться на уровне межфразового контекста (МФК) имплицитно, когда не задействованы конкретные языковые средства (0,06%). Значение начинательной предельности возникает в данном случае как реакция на чью-либо реплику или действие и т.д. и является ситуативно и контекстуально обусловленным.

Немецкий язык располагает более развитой системой синтаксических средств выражения значения начинательности, чем русский язык. В немецком языке имеется ряд слов и словосочетаний, которые при употреблении в качестве обстоятельств характеризуют действие со стороны его фазисности и кратности, то есть указывают на начало, длительность или конец действия, его однократность или многократность.

В результате анализа материала удалось установить, что значение начинательности может актуализироваться следующими наречиями (6,4%): plötzlich, auf einmal, sofort, mit einem Mal, seit, von nun ab, ab sofort, endlich, schließlich, da, jetzt, nun, bald, wieder, zwar schon.

Следующим синтаксическим средством является фигура аспектологического контекста – ряд сопряженных в последовательности действий (СПД) (5,2%). Характерной особенностью данной фигуры является наличие цепи последовательных, сменяющих друг друга во времени действий.

Значение начинательности может проявляться в определенных условиях межфразового контекста (0,35%). И в этом случае начинательное значение присуще только не-предельному глаголу.

В актуализации начинательности принимают участие также некоторые типы придаточных предложений вводимых союзами als (2,6%), wenn (1,2%), bis (0,18%), daß (0,3). Значение начинательности может возникнуть в сложносочиненном предложении с союзом und (0,73%).

Распространенным средством выражения исследуемого значения является также инхоатив, когда подчеркивается начальная граница нового качества, начало перехода из одного состояния в другое. Носителем инхоативной разновидности НСГД является сочетание глагола werden с краткой формой прилагательного /2%/:

Zum allgemeinen Erstaunen der Nachbarn wurde Crescenz... *umgänglich* [Leporena, с.75].

В русском языке функцию инхоатива выполняет конструкция «стать + прилагательное» (1,3%).

В немецком языке существуют еще некоторые типы сказуемого, которые в определенных контекстах реализуют значение начинательности. К ним относятся: а) сочетание «müssen» – «глагол в форме инфинитива»; б) каузативные конструкции с глаголами machen, lassen + глагол в форме инфинитива.

Периферию поля в обоих языках замыкают словосочетания фразеологического типа: в немецком языке 2%, в русском – 2,7%.

Анализ средств, формирующих ФСП начинательности в немецком и русском языках, показал, что при реализации начинательности данные языки проявляют как сходство, так и различие. Сходство состоит в уровне организации средств выражения – в немецком и русском языках значение начинательности выражается лексическими, словообразовательными и синтаксическими средствами. Все конститuentы поля объединены общей интегральной семой начинательности.

Различия же проявляются в том, как распределяются и соотносятся между собой все эти разноуровневые средства, а также в доле участия каждого из них в реализации начинательного значения и, следовательно, в организации ФСП начинательности в каждом из исследуемых языков.

Средства выражения начинательности распределилось в ФСП начинательности следующим образом:

В немецком языке:		В русском языке:	
Лексические средства	44,7%	Лексические средства	27,5%
Словообразовательные	32,4%	Словообразовательные	58,3%
Синтаксические	19,8%	Лексико-синтаксические	1,5%
Фразеологические сочетания	2%	Синтаксические	10%
		Фразеологические сочетания	2,7%

РЕЗЮМЕ

Проблеми вивчення способів номінації, процесу перетворювання фактів позамовної дійсності у здобуток системи та структури мови є одними з найбільш актуальних на сучасному етапі розвитку мовознавства. Кожна мова має певний набір засобів для позначення фрагментів довколишньої дійсності. Предметом дослідження у статті є порівняльне вивчення засобів номінації, які використовуються для позначення початкової фрази дії, процесу, стану у німецькій та російській мовах.

SUMMARY

The problems of the study of nomination methods, the process of making the facts of the extralingual reality a system and the structure of the language are the most actual in modern linguistics. Each language possesses a definite set of means to express the fragments of the surrounding reality. The subject of the investigation in this article is the comparative study of means of nomination which are used to name the inceptive phase of the action, of the process and of the state in German and Russian.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. – М., 1971.
2. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л., 1983.
3. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. – Л., 1967.
4. Васильев Л.М. Полисемия// Исследования по семантике. – Вып. 1. – Уфа, 1975. – С.3-10.
5. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1972.
6. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. – М., 1969.
7. Земская Е.А. Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке // Исследования по грамматике русского литературного языка. – М., 1965.
8. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. – М.-Л., 1965.
9. Колшанский Г.В. Логика и структура языка. – М., 1965.
10. Маслов Ю.С. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. – М.-Л., 1963.
11. Потенция А.А. Из записок по русской грамматике, Т. 4. – М., 1941.
12. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973.
13. Deutschbein M. Die Einteilung der Aktionsarten// Englische Studien. 1920. Bd. 54. H.1. S.80-83.

Надійшла до редакції 28.03.1999 р.

ББК Ш 12 = 471.1* 31

СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ ПОСТУПАТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ (в сопоставлении с украинским)

И.Г.Алёшина

Современная системно-функциональная лингвистика оперирует комплексными единицами, наиболее адекватно отражающими устройство языка в его парадигматическом и синтагматическом измерениях. К таким единицам в лексике относится семантическое поле. Исследования лексической подсистемы языка на основе полевой модели, проводимые обычно в форме выявления лексических группировок разного типа и объёма, а также установления их отношений друг с другом и стали важным и уже достаточно оформившимся направлением современной лингвистики. В данной статье предпринята попытка установить сходства и различия в структуре, внутренней организации лексико-семантической группы (ЛСГ) глаголов поступательного движения во французском и украинском языках.

Полевой подход к смысловой структуре слова (семантеме) и значению (семеме) позволяет значительно расширить представления об объёме семантики слова и происходящих в ней процессах. Наиболее известные концепции поля изложены в работах Й.Трира, В.Г.Адмони, А.В.Бондарко, Л.Вайсгерберга, Е.В.Гулыги и Е.И.Шендельс, Г.А.Золотовой, О.А.Лаптевой, А.Г.Сковородниковой и др. Данная работа базируется на положениях, разработанных Е.В.Гулыгой и Е.И.Шендельс, развитых затем А.В.Бондарко. Поле, по определению Е.В.Гулыги и Е.И.Шендельс, носит семантико-

грамматический характер, т.е. рассматриваются какое-либо грамматическое значение и его языковое оформление [1, с.71]. Под функционально-семантическим полем А.В.Бондарко понимает «двустороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне» [2,с.40]. Функциональный подход позволяет интерпретировать семантическое поле как целостную и напряжённую структуру иерархически зависимых единиц.

В принципе корректное и функциональное выделение тех или иных ЛСГ глаголов самых различных типов возможно, очевидно, только при сопоставлении с конкретными языками, – считают М.В.Всеволодова и Е.Ю.Владимирский [3, с.30]. Для того, чтобы быть адекватным, «контрастивное исследование должно содержать систематическое сравнение форм и значений единиц структуры сопоставляемых языков, исходя из предположения о существовании некоего базового сходства между языками при наличии дифференцирующих данные языки различий» [4, с.29]. Причём, как справедливо замечает В.Н.Ярцева, сравнение должно осуществляться в результате поэтапного описания материала, первую степень которого составляет раздельное описание соответствующих микросистем каждого языка, вторую – установление сопоставимости этих черт и третью – процесс сравнения [4, с.40].

Межязыковое изучение языковых полей также представляет большой интерес, так как способствует решению проблемы соотношения универсального и идеозначимого в языке, позволяет выявить национальную специфику членения и отражения в языке объективной действительности [5, с.7]. Семантическая общность единиц может проявляться на уровне системы и на коммуникативном уровне. На уровне системы семантическая общность проявляется в наличии общих компонентов значения, в общности семантических процессов, происходящих в единицах или с единицами [6, с.8].

ЛСГ являются образцовыми полевыми структурами в том смысле, что обладают всеми их признаками. ЛСГ обладают сложной полевой структурой. В них отчётливо выделяются ядерные и периферийные зоны. Идентификация единиц в рамках ЛСГ осуществляется на основе ядерных сем, входящих в состав всех её конститuentов. Единицы, значения которых исчерпываются набором ядерных сем, образуют ЛСГ [7, с. 50]. В лексико-семантических группах глаголов ядро обычно оказывается состоящим из максимально абстрактных единиц, зачастую включающих лишь одну сему, являющуюся архисемой ЛСГ [5, с.56]. Лексические группировки полевой структуры бывают разных типов. Одни более структурированы, выявляют несколько зон и других подразделений, другие состоят из одной – двух зон, очень просты по своему устройству [8, с.59].

В данной статье рассматривается лексико-семантическая группа глаголов поступательного движения. Движение предметов неживой природы осуществляется по инициативе и под влиянием живых существ, а также под действием разнообразных физических сил природы: ветра, воды и других. В реальной действительности движение связано с тремя средами: с поверхностью земли, с водой, воздухом. Разнообразные формы механического движения находят выражение в лексико-семантической группе глаголов движения, в том числе и поступательном. Эта лексико-семантическая группа выделяется из класса глаголов на основе признака *«перемещение в пространстве одних тел относительно других»*, *«смена местонахождения в пространстве»*, а также абстрактных категориальных признаков *«способ перемещения»*, *«среда (сфера) перемещения»*, *«направление перемещения»*. Названные абстрактные семантические категории выделяются путём сопоставления значений элементов поля.

Глаголы поступательного движения – одна из наиболее многочисленных и структурно разнообразных групп глаголов во французском и украинском языках. Поступательное движение – это направленное движение / перемещение, которое больше характерно человеку и чаще всего наблюдается в окружающем мире. Глаголы поступательного движения выделяются из класса глаголов на основе семы «**характер движения**» (в указанный класс входят ещё глаголы колебательного движения и глаголы кругового движения). Особенностью глаголов этого класса является значение целостного непрерывного действия. Как показывает собранный нами материал, семантика глаголов поступательного движения передаётся во французском языке чаще мотивирующими основами, а в украинском прежде всего префиксами (*в-, ви-, від-, до-, з-, за-, на-, над-, у-* всего 34 приставки и их фонетических вариантов для глаголов направленного движения и 26 приставок и их вариантов для глаголов ненаправленного движения) и мотивирующими основами глаголов, которые обозначают как однонаправленное, так и ненаправленное (разнонаправленное) перемещение. Например, в украинском языке, сочетаясь с основами глаголов однонаправленного движения, приставки выполняют двойственную функцию – переводят эти глаголы в категорию глаголов совершённого вида и придают им новое значение. Так, с корнем *-вед-* имеется 173 глагола, выражающих разные виды движения. В результате исследования выделено во французском языке 153 лексические единицы с доминирующей семой «*поступательное движение*», в украинском – 297.

Слова, образующие лексико-семантическую группу глаголов поступательного движения, обозначают механическое перемещение одного тела относительно другого. Механическое движение могут осуществлять все предметы объективной реальности. Одни из них осуществляют это движение самостоятельно (живые существа), другие не способны к механическому движению (неживые существа). Сюда же относят глаголы, которые обозначают перемещение, являющееся результатом взаимодействия субъекта и объекта, которые двигаются одновременно (укр. *везти, конвоювати*, фр. *transporter, escorter, convoier*). Следует указать на необходимость разграничения в многозначном слове основного и переносного значения. Основным значением рассматриваемых глаголов мы считаем такое, при котором передаётся реальное перемещение в пространстве. При переносном значении речь идёт не о механическом и видимом передвижении, перемещении лица или предмета по плоскости, а о движении, развитии явлений (например, звуков, мыслей, событий, движения во времени и т.д.). Переносное значение актуализируется только на синтагматическом уровне. Мы рассматриваем глаголы движения в их прямом значении.

Процесс движения представляет собой очень сложное явление. Он предполагает такие факторы – компоненты ситуации, как: субъект (тот, что выполняет движение), предикат перемещения, исходный пункт движения (локатив) или конечный пункт движения, объект, адресат, инструменталь (способ движения). Относительно к ситуации одни факторы являются обязательными, другие факультативными.

Исследуемый материал структурируется по трём уровням абстракции:

уровень доминанты, который включает наиболее абстрактные единицы (фр. *s'approcher, arriver, parvenir*, укр. *наблизитися, досягти*);

уровень ядра, к которому относятся, в основном, глаголы – идентификаторы, нейтральные в стилистическом плане и немаркированные никакими дополнительными семами;

уровень периферии, который включает единицы информационно насыщенные, маркированные значением дополнительных второстепенных сем.

Среди глаголов, которые обозначают процесс движения, выделяется слово, которое наиболее обобщённо указывает на поступательное движение. В наших материалах это глаголы *фр. se déplacer*, *укр. рухатися*. Эти глаголы обозначают поступательность движения в самом общем виде, никак не конкретизируя ни позиции, ни местоположения предмета. Контекстуальное окружение этих глаголов создаёт условия для нейтрализации его основных индивидуальных признаков: «**поступательно**», «**самостоятельно**», «**без помощи транспортного приспособления**», «**по твёрдой поверхности**». Утратив свои фундаментальные признаки (выше перечисленные), эти глаголы пытаются приблизиться к ядерным элементам всей группы глаголов движения. Они приобретают способность выступать в значениях, нейтральных к характеру движения, способу перемещения, среде.

На первом уровне дифференциации лексико-семантическое поле глаголов поступательного движения разделяется на основе абстрактно-семантической категориальной семы «**среда перемещения**» на группы со значением:

- 1) глаголы нейтральные к этой семе:
фр. pouvoir, transporter, s'approcher, circuler;
укр. зарухатися, курсувати, відтранспортувати, наближатися, діставатися;
- 2) перемещение по твёрдой поверхности:
фр. aller, grimper, porter, se trainer;
укр. йти, лізти, носити, відтягти, волочити;
- 3) перемещение в воде или по воде:
фр. naviguer, nager, d'amarer;
укр. завеслувати, відчаливати, відшвартовуватися, надпливати;
- 4) перемещение в воздухе:
фр. voler, survoler;
укр. літати, летіти, линути, витати;
- 5) перемещение жидкостей, газов, которое не связано с какой-либо средой:
фр. couler, ruisseler, se repandre;
укр. бурлити, віяти, витікати, зливатися.

Другие абстрактно-семантические категории лежат в основе дифференциации этих групп глаголов. По абстрактно-семантической категории «**направление движения**» глаголы разделяются на две группы: глаголы направленного и ненаправленного движения (движение как процесс). Первая группа глаголов может быть подразделена на глаголы:

- 1) со значением однонаправленного перемещения. Данные глаголы ориентированы по отношению к субъекту\объекту движения или речевой ситуации в целом (т.е. направление движения указывается дейктически) или указывают на точку отправления\прибытия или обозначают различные векторные характеристики движения (вперёд, назад, вверх, вниз, через что-то, кругом и т.д.);
фр. partir, aller, venir ;
укр. прийти, залізти, від'їхати, полетіти;
- 2) со значением неоднаправленного перемещения:
фр. errer, vaguer, voler;
укр. лазити, їздити, літати, блукати

Данная категория является критерием при выделении парных глаголов движения в украинском языке, коррелирующих по однонаправленности\неоднаправленности, в частности: *бігти-бігати, летіти-літати, пливти-плавати, йти-ходити*.

Абстрактно-семантическая категория «способ перемещения» конкретизируется в значениях глаголов, которые указывают на

– самостоятельное перемещение без помощи транспортных средств:

фр. *courir, marcher*;

укр. *йти, лізти, бігти, кульгати*;

– перемещение с помощью транспортных средств:

фр. *rouler, patiner, voiturier, charier*;

укр. *їхати, возитися, кататися, возити*;

По своему значению к ядру примыкает глагол фр. *aller*, укр. *іти*. Семантическое содержание этого глагола наиболее абстрактно среди исследуемых элементов. Это содержание исчерпывается на уровне абстрактной семы «характер движения» и конкретизируется семой «поступательность», а также семами «среда перемещения», «способ перемещения», «направление перемещения», к которым он нейтрален.

Некоторые языковеды считают, что отношения периферийных глаголов к ядерным можно назвать отношениями подчинения, поскольку первые относятся к другим как частное к общему, как видовое к родовому [9, с.20]. По мнению Л. Ибрагимовой, периферийные глаголы во всех семантических полях находятся в привативной оппозиции (включение одной семы в состав другой полностью, без какого-либо семантического остатка) с базовыми ядерными глаголами и в эквиполентной оппозиции (оба элемента оппозитивной пары семантически маркированные) один с другим [7, с.24]. В смысловой структуре глаголов периферии присутствуют дополнительные семы, которые являются носителями вспомогательной информации, по которой противопоставляются члены одной группы другой. В качестве примера рассмотрим подгруппу глаголов субъектного движения нейтральных к семе «среда». Данная подгруппа разнообразна по наполняемости, структуре как во французском языке, так и в украинском.

Ядерными элементами являются фр. *atteindre, s'approcher*, укр. *досягти, наближитися*. Эта подгруппа разделяется на микрогруппы. Значения приближения содержат семемы укр. *близитися, ближчати, зближатися, зближуватися, зблизитися, наближати, наближувати, наближити, наближатися, наближуватися, наближитися*, фр. *survenir, ramener, se rapprocher, arriver, penetrer, venir*. Глагол укр. *близитися* своей семантикой уже направленный, но его значение в первую очередь – направленность действия. С помощью словообразовательных средств в украинском языке глагол приобретает конкретный, чётко определённый характер укр. *близити - ближчати, наближитися - зближитися*. Глаголы этой подгруппы сохраняют тот же способ действия, те же смысловые особенности, что и исходное, но различаются семантическим оттенком уточнения, которое привносят суффикс и префикс. Небольшой синонимический ряд фр. *s'approcher*, укр. *близитися - наближитися - зближитися* можно рассматривать и с точки зрения явления градации, поскольку синонимия как языковое явление построена на «диалектическом соотношении тождества и подобия значений лексем»

Для всех глаголов этой микрогруппы характерен один признак «перемещаться на близкое расстояние». Семемам «наближатися, наближуватися, наближитися» свойственна дополнительная сема «на большое расстояние», а семемам «зближатися, зближуватися, зблизитися» – «вплотную». Как составной компонент этой микрогруппы следует рассматривать и глаголы так называемого результативного приближения (*доганяти-догнати, здоганяти, здогонити-здогнати, наздоганяти-наздогнати*), которые обозначают перемещение до определённой границы без её пересечения, с определённой целью. Во французском языке подобные значения указываются дополнительными словами.

Некоторые глаголы указывают на привязанность к определённом направлению, а также на смену направления перемещения как в сторону, так и в обратном направлении. Ядро этой микрогруппы составляют глаголы

фр. *tourner*,

укр. *звернути, звертати*;

«по извилистой линии»(с отклонениями со стороны в сторону):

фр. *manoeuvrer, louvoyer*;

укр. *виляти* (ядерное), *вильнути*(«один раз»), *вихляти*(разг.), *маневрувати, лавірувати, кривуляти*.

«назад к начальному пункту» :

фр. *revenir, rentrer, retourner*,

укр. *вертатися, вернутися*(ядерные элементы), *вертати,вернути, ворочати, завертатися, завернутися, звертатися, звернутися*.

«в границах чего-либо»:

укр. *з'їжджати, з'їздити, з'їхати*;

«в середину»:

укр.*заїжджати, заїздити, заїхати, , уїжджати, в'їздити, уїздити, в'їхати, уїхати*.

«мимоходом»:

фр. *passer, entrer*;

укр. *заїжджати, заїздити, заїхати*.

«с определённой целью»:

укр. *заїжджати, заїздити, заїхати, виїжджати, виїздити, виїхати*,

«предварительно приготовившись»:

фр. *aller, partir, se rendre*;

укр. *відряджатися, відрядитися, з'їздитися, з'їжджатися, з'їхатися*

«часто, по привычке»:

укр. *занадитися*.

«неожиданно»:

укр. *курнути, майнути*,

« по определённым причинам»:

укр. *наїжджати, з'явитися, наїздити, наїхати, з'явитися, з'являтися*.

Фр. *apparaître, arriver, venir*.

Последние две единицы составляют ядро микрогруппы. В украинском языке большое разнообразие приставок привносят в значение глаголов новый оттенок, наполняют их новым смыслом:

«далеко»: *заглиблюватися,заглибитися,заїжджати, заїхати, мандрувати*;

«быстро»: *замчати, майнути*;

«в большем количестве»: *наїздити, наїжджати, наїхати*;

«не туда куда следует»: *заїжджати, заїздити, заїхати*;

«с разных мест в одно»: *з'їжджатися, з'їздитися, з'їхатися*;

«на короткий отрезок времени»: *наїжджати, над'їздити, над'їхати, заїжджати, заїздити, заїхати*;

«с трудностями»: *діставатися, дістатися, вибиратися, вибратися*;

«туда и назад»: *з'їздити*;

«проводить до определённого места»: *виряджати, вирядити*;

«побывать во многих местах, во всех направлениях»: *з'їздити*;

«в другое место»: *вибиратися, вибратися, виїжджати, виїздити, виїхати, мандрувати, вандрувати*;

В результате анализа глаголов поступательного движения установлено, что одной из особенностей французских глаголов является их абстрактность, то, что они представляют действие в отвлечённой форме. Поэтому особую роль при разграничении значений играет контекст, на что и указывают французские лингвисты (А.Доза, М.Шён, С.Ульман).

В результате анализа наметились три типа возможных расхождений при выражении движения в сопоставляемых языках:

- 1) формальные (расхождение в плане выражения, совпадение в плане содержания). Французский и украинский языки пользуются разными языковыми средствами для выражения одного и того значения.
- 2) семантические (совпадение в плане выражения, расхождения в плане содержания). Смысловая эквивалентность обеспечивается в линейном ряду лишь на уровне самой внеязыковой ситуации.

РЕЗЮМЕ

Стаття присвячена питанням вивчення системної організації семантичного поля дієслів поступового руху у французькій мові в порівнянні з українською як окремого фрагмента мовної картини світу. На основі моделі семантичних відношень та ієрархії сем визначена внутрішня структура семантичного поля обох мов. Встановлені спільні та специфічні риси лексичних одиниць, що позначають різні види поступового руху.

SUMMARY

The article deals with studying systematic organization of semantic field of French verbs meaning progressive movement compared with Ukrainian and viewed as a separate fragment of the linguistic world picture. The semantic relationship model as well as some hierarchy have made it possible to determine the internal structure of semantic field in two corresponding languages. There have also been determined common and specific features of lexical units meaning various types of progressive movement.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. – М., 1969.
2. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л., 1989.
3. Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. – М., 1982.
4. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. – М., 1981.
5. Полевые структуры в системе языка. – Воронеж, 1989.
6. Семантическая общность национальных языковых систем. – Воронеж, 1986.
7. Ибрагимова В.И. Семантика глаголов пространственной локализации в современном русском языке. – Уфа, 1992.
8. Уфимцева А.А. Лексическое значение. – М., 1986.
9. Грицик Н.І. Дієслова із значенням наближення в українській мові у зіставленні з російською. – АКДС, К. 1981 22 с.

Надійшла до редакції 29.03.1999 р.

ББК Ш12=411.4*221

КАТЕГОРІАЛЬНЕ ЗНАЧЕННЯ КЛАСУ ІМЕННИКА – ГОЛОВНОГО ЧЛЕНУ НОМІНАТИВНИХ РЕЧЕНЬ

І.Сушинська

Для сучасної лінгвістики характерна інтенсивна розробка питань, які можна описово (в аспекті взаємодії наук) визначити як «філософські проблеми мови». Водночас саме міждисциплінарний характер цієї галузі пізнання, різноманітність дослідницьких напрямків, що входять до її сфери, і їх взаємодія визначають необхідність подальшого поглибленого вивчення цієї проблематики. Чималий інтерес містить, зокрема, лінгво-філософське дослідження окремих словесних категорій.

Номінативні класи іменника є ще істотно не з'ясованими у функціональному аспекті. Важливо відзначити, що орієнтація на дослідження ономазіологічних класифікацій у сфері іменника надзвичайно точно відповідає природі цього семантичного класу: ім'я досить чітко відмежовує у позамовній дійсності відокремлені один від одного фрагменти. Адекватний опис класифікаційної сітки імен, тобто їх узуальних, власне мовних характеристик, дозволяє дослідити специфіку функціонування імен певних типів у мовленні, визначити основні риси їх комунікативного потенціалу. Дослідження відношень категорій мови до категорій мислення, а через них – до позамовного світу доречно починати з розгляду узуальних, відносно чітко виділених мовних класів і лише потім переходити до вивчення специфіки мовної інтерпретації. Ім'я найбільш чітко, порівняно з іншими універсально-семантичними категоріями мови, орієнтоване на членування континуума (перш за все просторового). Власне, найменування можна визначити як вказівку із знятою наочністю, тобто здійснене не за допомогою вказівного жесту, але закріплене системою мови раз і назавжди. Порівняймо: *Ось ліс* і *Ліс* [1; 87]. Розгорнутий опис лінгвістично орієнтованого поняття предметності вперше у вітчизняному мовознавстві дав О.М. Пешковський. Наводячи ряд слів зі спільним однаковим коренем для різних предметів, а не ознак, дослідник зазначає, що це ряд форм, об'єднаних щодо значення, тобто вони становлять формальну категорію – категорію предметності або іменниковості. Слова, що характеризуються відповідними формами, називаються іменниками [2; 95].

Стосовно способу вираження предметності, О.М.Пешковський звертає увагу на те, що загальна категорія предметності створюється системою відмін. У цьому твердженні міститься основний недолік, пов'язаний із поняттям «предметності», – відсутність наявного розрізнення власне мовного й онтологічного аспектів проблеми. Хоча Пешковський і зауважує, що іменники означають предмети (отже, «предмети» є позамовними сутностями), він не зовсім чітко відокремлює «іменниковість» як власне мовну (граматичну) категорію і «предметність» як онтологічну категорію, що знаходить відображення у системі іменника.

Як слова, що виражають значення предметності, розглядається не лише імена, які означають цілісні матеріальні об'єкти (до них у повсякденному обігу застосовується слово «предмет»), а й імена на позначення якостей, відношень тощо: *чорнота*, *сила*, *розум*. Залучення до аналізу таких імен допомагає висвітлити питання щодо лінгвістичної природи «предметності». Природа абстрактних імен тлумачиться як подвійна саме тому, що вони розглядаються і в мовному і в денотативному плані, зокрема у їх відношенні до онтологічної категорії предмет. Предмет, таким чином, становить собою певну модель, наслідування якої визначає мовні (формальні і семантичні) особливості абстрактних імен. Саме співвіднесеність відпредикативних імен із загальним розумінням

предмета в його мовному аспекті дозволяє розглядати існування таких імен як фундаментальний для мов світу факт.

За таким підходом вже можна достатньо точно охарактеризувати поняття предмета, як воно розуміється у лінгвістичному описі іменника, – це матеріально цілісний предмет, самостійна річ, тіло. З іншого боку, як найбільш типові (і навіть історично первинні) розглядаються імена фізично окремих об'єктів. Така центральність імен цілісних матеріальних об'єктів, «тіл» («загальних імен») обґрунтовується тим, що вони найбільш тісно пов'язані з пізнавальними процедурами індивідуалізації, ототожнення, перерахування об'єктів.

У семантиці існує спроба представити абстрактні імена як неповноцінні або навіть несправжні, виключити їх із сфери «іменниковості». В основі даної теорії міститься положення про те, що насправді існують лише матеріально самостійні, «тілесні» предмети. Жоден реальний об'єкт, таким чином, не є ані властивістю, ані відношенням, ані подією [3; 97].

Критика «вузького» розуміння предмета у лінгвістиці не повинна, однак, заходити дуже далеко, перетворюючись у заперечення значимості «тіла» в розумінні «речі». Далеко не завжди певне вираження співвідноситься з референтом, який становить собою реальний і до того ж фізично цілісний об'єкт, тіло. Одним з основних напрямів сучасної логічної семантики, зокрема, є критика суто референтного підходу до інтерпретації логічних мов, перш за все – «принципу предметності». Щодо імен, що утворюють речення, цей принцип визначається таким чином: «Речення промовляє щось лише тоді, коли імена, які до нього входять, щось означають. Отож, неозначаючий є незначимий» [4; 80-81]. Однак у природній мові вислови, які не означають реальних фізичних референтів, зазвичай є цілком значущими, осмисленими. Такі імена навряд чи принципово відрізняються від імен, які співвідносяться з реальними предметами і, відповідно, можуть утворювати речення нарівні з іменами, що означають реальні фізичні тіла: *Порожнеча щастя. Дякую, Господи!* (В.Стус); *«Виручай! Воля! Воля!» І він гнав. Він знав, що від того залежатиме його бути чи не бути...* (І.Багряний); *Тиша. Шенім очеретів. Співи птахів. Спокій* (О.Бердник).

Ім'я у своєму протиставленні семантичному класу предикатів розвиває дещо більшу семантико-синтаксичну самостійність, яка виявляється в більш або менш чіткій орієнтації на функціонування у позиції суб'єкта. Слово, що виступає у такій функції, не набуває формальних знаків синтаксичної залежності. Мабуть, не випадково у функціонуванні імен природних класів (на позначення явищ з навколишнього середовища), які, можливо, є «першими іменами» мови, дуже поширена суб'єктна позиція. При вживанні ж у функції предиката вони виражають значення не характеризуючої, а просто таксометричної предикації. Слід визначити, що імена природних класів у своїй більшості підлягають перерахуванню на відміну від імен на позначення, імен реченнєвих, збірних, абстрактних.

Значеннєва структура імен природних класів, як і інших імен номінальних класів, складається з певного числа диференційних ознак, за якими імена протиставляються одне одному у системі мови загалом і в середині різних лексико-семантичних груп. Семантика імен номінальних класів базується на виділенні певних окремих якостей природних об'єктів (майже виключно людей), і в цьому розумінні має більш-менш чіткий предикатний характер. Власне, абстрактні імена, звичайно, не функціонують у ролі Предиката. Якщо ж вони виконують цю функцію, у реченні простежується не характеризуюча, а ідентифікуюча предикація: *Надворі стоголоса дітвора залила вулиці веселим криком, веселим шумом. Радість і жура* (В. Стус); *Втома. Він почав розуміти, що*

таке втома (І. Багрянний); *Сонливість, апатія, збайдужіння. А ще ж недавно все це були здорові люди!* (О. Гончар).

Багато з якісних імен (не абстрактних) мають обмеження на вживання в позиції синтаксичного суб'єкта, бо характеризуються «природженим предикативним статусом» (*хуліган, дурепа, роззява* тощо): *–Вишкребок! Злидень з битого шляху! Вишкварка!* (М. Стельмах); *–Велетень! Один за мільйон сказав...* (О.Довженко); *Хто він? Вепр, що сховався в хащах від мисливців. Без права на життя, без паспорта. Вепр!* (І. Багрянний).

У логічній семантиці досить поширене «предикатне розуміння реченнєвих імен, які не підлягають перерахуванню», як імен властивостей. Так, вода означає властивість бути частиною води, що існує у світі, тощо. Ця точка зору має досить умовний, переважно метамовний характер.

Ще однією групою імен, які ілюструють положення про наявність іменників, що не підлягають перерахуванню, «предикатних» розумінь є збірні імена (*студентство, молодь, професура* тощо). Слід зазначити, що «предикатні риси» збірних імен носять переважно «лінгвістичний», суто мовний, до того ж не універсально-мовний характер, і навряд чи можуть бути репрезентовані в логічній формі. Збірні імена розуміються нами як «згорнуті» предикати: вони мають властивість «конденсувати» пропозицію. Конкретний предикат, який входить до її складу, виконує певну функцію в тексті – становить собою узуальну, системно-мовну характеристику збірних імен.

Збірні імена є оцінною категорією. Ця властивість чітко простежується на сучасному етапі розвитку мови, оскільки кількість іменників цього типу порівняно невелика. Рідкісність форми, як відомо, може сприяти розвитку в неї експресивно-оцінних ознак. Збірні імена нарівні з іншими іменниками можуть утворювати номінативні речення (НР). Переважно збірні іменники функціонують у НР констатувального типу та в називному уявленні: *Студентство. Інтелігенція. У наш час ці поняття не завжди є відповідними. Молодь... Як багато цікавого чекає на цих хлопців і дівчат!* [Українська газета, лютий, № 3, 1997].

Стосовно класу власних імен слід зазначити, що, не будучи уповні типовими іменами, вони становлять собою семантичну універсалью. Це пов'язано з тим, що власні імена характеризуються певними ознаками «егоцентричних» одиниць мови, виявляють чітку екстралінгвістичну спрямованість, меншою мірою залежні від граматичної форми, ніж імена інших типів, менш специфічні формально. Власні імена орієнтовані (хоча і не зовсім жорстко) на визначення одиничних репрезентантів ситуації спілкування. Така орієнтація є одним з найсуттєвіших факторів, які визначають специфіку цих імен. Спрямованість власних імен на означення «одиничних об'єктів» значною мірою визначає відсутність у них розвинутого узуального й узагальнюючого значення, притаманних окремим іменникам властивостей. Власні імена семантично орієнтовані головним чином не на мову, а на мовлення. Головною для власних імен є функція референції об'єкта, а не його характеристизації. Важливу роль у їх функціонуванні відіграє контекст, причому не стільки «вузький», суто мовний, скільки «широкий» – екстралінгвістичний: *Анастасія. Им'я старомодне й претензійне, як у візантійських імператриць чи в київських князів...* (П.Загребельний); *Юлічка... Коли вона лежала, зігвавшись в постелі, то здавалась йому зовсім маленькою* (О.Гончар); *Галина... Галина... Я не можу добре ставитись до неї, я ж бо жінка* (Л. Письменна).

Таким чином, імена, які вільно висловлюють числові значення, найповніше втілюють у собі універсально-семантичні ознаки класу імен. Це загальні, або конкретні імена. Зважаючи на те, що імена загальні, конкретні є найтипівішим виявом іменника, саме вони складають переважну більшість іменників – головних членів номінативного речення.

Підкласи імен, які не підлягають перерахуванню (збірні, реченнєві, абстрактні імена), не є типовими іменами і, становлячи собою повні номінації, характеризуються більш-менш чітко вираженими предикатними рисами (здатність формувати згорнуту пропозицію та ін.). Імена цього типу утворюють порівняно менший відсоток номінативних речень і не всіх можливих різновидів.

Власне імена в силу своєї специфічності утворюють найменшу кількість НР. Сфера їх функціонування обмежується вказівними, буттєвими НР та називним уявленням.

РЕЗЮМЕ

В данной статье делается попытка провести лингвофилософское исследование номинативного класса существительного. Определяется содержание лингвистически ориентированных понятий «предмет» и «предметность», а также их лингвистически ориентированная природа. Анализируется «узкое» и «широкое» понимание понятия предмета в лингвистике. Выявляется структура значений абстрактных, конкретных и собственных имен, способность их образовывать номинативные предложения.

SUMMARY

The present article makes an attempt to carry out the linguistic and philosophical investigation of the nominative class of noun. The content of the linguistic notions «object» and «objectivity» and their linguistic nature are also being determined. A «narrow» and a «wide» understanding of the notion of object in linguistics are being analyzed. The structure of meaning of abstract, concrete, collective, proper nouns and their ability to form nominative sentences are being revealed.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Степанов Ю.В. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М.: Наука, 1985. – 216 с.
2. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 7-е изд. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
3. Котарбинский Т. Избранные произведения. Пер. С польск. – М.: Наука, 1963. — 310 с.
4. Бессонов А.В. Предметная область в логической семантике. – Новосибирск, 1985. – 143 с.
5. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Щерба Л.В. Избр. работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 186 с.

Надійшла до редакції 15.06.1999 р.

ББК Ш10*20

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА

Е.В.Ситникова

Современный этап развития отечественной лингвистики характеризуется всё возрастающим интересом к комплексным единицам: словообразовательному гнезду, словообразовательной парадигме и т.д. Словообразовательные гнезда среди комплексных единиц занимают особое место. Они играют важнейшую роль в системной организации словообразования наряду со словообразовательным типом. В русском языке в среднем на одно

гнездующееся непроизводное слово приходится более десяти производных слов. Всего 3,7% одиночных слов, не входящих ни в какие словообразовательные гнёзда, отмечено А.Н.Тихоновым в «Словообразовательном словаре русского языка» [1]. Несмотря на не столь давнее изучение этой языковой единицы, уже сейчас можно сказать, что исследование словообразовательных гнёзд имеет свою историю и традиции. Убедительным подтверждением этого является, в частности, лексикографическая практика.

Существует различное понимание словообразовательного гнезда как лингвистического феномена и соответственно различные подходы к анализу семантической и структурной организации словообразовательного гнезда и его свойств.

«Словообразовательное R-гнездо определяется как конечное множество словообразовательных структур слов, характеризующееся тождеством первого деривационного шага и соответствующее минимум одному гнезду в естественном языке» [2]. Авторы метода аппликативной порождающей модели (Соболева П.А., Белокриницкая С.С., Гинзбург Е.Л., Альтман И.В., Смирнова Т.А. и другие) представляют гнездо в виде деривационного графа или в виде таблиц R-слов. Вершина графа – исходное слово, а направление ребер соответствует определённым частям речи: вертикальное и горизонтальное – существительному и наречию, лево- и правонаправленные – глаголу и прилагательному. Граф аппликативной порождающей модели репрезентирует только частеречную организацию гнезда. Распределение производных по частям речи отражают и таблицы R-гнёзд. Релятор R_n маркирует категориальную принадлежность слов гнезда: R_1O – глагол, R_2O – существительное, R_3O – прилагательное, R_4O – наречие.

Словообразовательные значения в рамках аппликативной порождающей модели оцениваются как «область языковых универсалий», как «стандартные схемы интерпретации производящего типа, субстанция, имеющая отношение к признаку, признак, имеющий отношение к процессу» [3] и т.п. Такое видение словообразовательного гнезда и словообразовательной семантики позволило выявить частеречную типологию гнёзд. И.В.Альтман описывает типологию отглагольных гнёзд в связи с семантикой входящих в них слов [4]. Гнёзда объединяются в типологические группы в зависимости от принадлежности производных, входящих в эти гнёзда, к той или иной части речи, исследуются различные такты производности, их полнота, как закономерности семантической структуры гнёзд отражают семантику исходного слова. Однако подход к производному слову прежде всего на уровне категориальной семантики, когда допускается «временное, относительное исключение из анализа более точных, семантических явлений, лежащих за пределами морфемного вывода» заранее предполагает решение только определённого класса проблем.

Более эффективным представляется другой подход, при котором в словообразовательном гнезде прежде всего учитывается смысловая доминанта (работы Тихонова А.Н., Улуханова И.С., Кубряковой Е.С., Земской Е.А., Янценецкой М.Н.).

А.Н.Тихонов под словообразовательным гнездом понимает упорядоченную отношениями производности совокупность слов, характеризующихся общностью корня. «Общность однокоренных слов проявляется не только в плане выражения, но и в плане содержания (корень выражает общий для всех родственных слов элемент значения), то есть слова, объединяющиеся в словообразовательное гнездо, имеют и смысловую и материальную общность» [5]. В этом случае, слова в гнезде группируются по принципу словообразовательной цепочки и парадигмы с учетом ступенчатого характера словообразования. В каждом гнезде объединяются однокоренные (родственные) слова, имеющие живые семантические связи. Каждое производное слово через мотивирующий компонент семантики вовлекается в многосторонние связи: с вершинным сло-

вом, с членами словообразовательной цепочки и парадигмы. В таком взаимодействии облегчается понимание лексической семантики членов словообразовательного гнезда. Большое значение придается семантической однородности гнезда. «Каждое гнездо имеет свою семантическую структуру, представляет собой определённый «семантический комплекс, состоящий из взаимосвязанных смысловых компонентов, принадлежащих отдельным однокоренным словам» [6]. Однако из-за суммарного привлечения вершинного слова (в случае его многозначности) без дифференциации входящих в неё лексико-семантических вариантов между членами словообразовательного гнезда часто возникает семантическая несовместимость.

На первых этапах изучения гнездо представлялось как единица словообразовательной системы языка. Этот подход был органичным в начале исследования словообразовательного гнезда именно потому, что до определённого времени считалось, что только словообразовательный тип является системообразующей словообразовательной единицей. Но по мере того, как утверждалась тесная взаимосвязь лексики и словообразования, словообразовательное гнездо стало видеться как сложное лексико-семантическое единство, как комплексная языковая единица, играющая важную роль в системной организации словообразования и лексики. Возникла необходимость изучения словообразовательного гнезда наряду с такими лексическими единицами, как лексико-семантические и тематические группы слов. Показательно, что среди «пучков слов», обеспечивающих системность лексики, П.Н.Денисов выделяет словообразовательное гнездо [7]. Словообразовательное гнездо по своей семантической природе оказывается схожим с такими группами слов, в основе объединения которых лежит семантика слова (лексико-семантическая группа, синонимический ряд, антонимическая пара). Теоретическим обоснованием отнесения словообразовательного гнезда к лексическим микросистемам является утвердившееся в современной лингвистике положение о сущности лексических микросистем как таких общностей слов, которые объединяются по каким-то признакам, но и имеют различительные признаки.

Лексико-словообразовательный подход к изучению гнезда осуществлен в работах Т.Ф.Ивановой. Исходя из признания тесной связи словообразования с лексикой, рассмотрения слова как комплексной единицы языка и обращения к семантической стороне словообразования, автор обосновывает необходимость описания производного слова как единицы не только словообразовательной, но и лексической системы языка. Предлагается назвать гнездо не словообразовательным, а лексемно-словообразовательным, отражая в названии тот факт, что элементарной единицей гнезда является слово – лексема. Само гнездо служит объектом двух видов анализа: словообразовательного и лексико-семантического. Под лексемно-словообразовательным гнездом понимается иерархически упорядоченная совокупность однокорневых слов (лексем). Однако, исходный тезис, что «семантические мотивационные связи между исходным словом лексико-семантической группы и его производными существуют и выявляются на уровне отдельных лексико-семантических вариантов слов... мотивационные отношения в лексико-семантической группе правомерно исследовать именно на уровне отдельных лексико-семантических вариантов исходного слова и его производных» [8], углубляя понимание словообразовательного гнезда, с другой стороны несколько обедняет представление о семантическом устройстве гнезда, потому что не предполагает анализа связи между производными в пределах парадигмы.

В рамках лексико-семантического аспекта изучения словообразовательного гнезда анализируются словообразовательные возможности тех или иных лексико-семантических групп, даже отдельных слов, а также семантическая и структурная ор-

ганизация соответствующих гнёзд. Отмечено, что принадлежность исходного слова к определённой лексико-семантической группе соответствующим образом влияет на организацию словообразовательного гнезда, его семантическую структуру. Указывается, что словообразовательное гнездо - средоточие не только собственно словообразовательного, но и лексического, морфологического и синтаксического начал. Производные слова в их отношениях с производящими выступают как носители различных типов значений, связанных с разными уровнями языка.

Несмотря на обращение к семантическому аспекту исследования словообразовательного гнезда, зачастую при изучении вопросов деривации упор делается на формальную соотносённость и зависимость производных. Очевидно, что представление словообразовательного гнезда как однокорневого, морфологически организованного объединения слов, это только способ первичной подачи материала, который раскрывает лишь один из типов зависимости слова (члена словообразовательного гнезда) – формально-семантический, когда всё-таки форма – способ организации семантических связей слова.

Обращение к лексико-семантической стороне словообразовательного гнезда не могло не вызвать вопроса о соотношении словообразовательного гнезда с такой комплексной единицей лексики как лексическое гнездо.

В.В.Виноградов в работах по исторической лексикологии наметил отдельные черты обеих языковых единиц (хотя самого термина «словообразовательное гнездо» как такового ещё не существовало). «Линии взаимодействия, связи и отношения разных словообразовательных типов слов и разных лексико-семантических категорий отчетливо проступают в так называемых лексических гнёздах, в их строении, в их сцеплениях, в закономерностях их исторических изменений...» [9]. При изучении группировки слов по гнездам приходится учитывать своеобразие в строении и соотношении непроеводных и производных слов, свойственные разным сериям или разрядам слов, а также разные закономерности связи основ теми или иными аффиксальными элементами. Способ же расположения «по морфологическим, словопроизводственным гнёздам» опирается на живые морфологические и семантические связи между родственными словами. Это собрание слов по гнёздам и семьям чаще всего основано на сознании единства их происхождения и родства значения. Е.Л.Гинзбург, опираясь на толкование лексического гнезда В.В.Виноградовым, анализирует проблему соотношения лексического гнезда и словообразовательного гнезда. Под лексическим гнездом понимается совокупность однокоренных лексических единиц, объединяемой семантической непрерывностью этих единиц, наличием у них общих семантических составляющих. Словообразовательное гнездо – структура совокупности однокоренных из одного лексического гнезда, разделяемая и другими лексическими гнёздами. Происходит отождествление словообразовательной структуры ряда лексических гнёзд и словообразовательного гнезда. «В этом и только в этом контексте мы будем говорить о принадлежности лексического гнезда к некоторому словообразовательному гнезду или наоборот – о реализации, воплощении словообразовательного гнезда данным лексическим гнездом, о варианте словообразовательного гнезда, который представлен данным гнездом» [10]. Однако лексическое гнездо не всегда может совпадать с совокупностью слов, представляющих некоторое словообразовательное гнездо. Е.Л.Гинзбург отмечает, что возможны ситуации, когда лексическому гнезду может быть сопоставлено несколько словообразовательных гнёзд, так что объединение слов, на которых они реализуются, исчерпывает состав лексического гнезда и для каждой совокупности слов, реализующей одно из словообразовательных гнёзд, найдётся совокупность слов из того же гнезда, реализующая другое словообразовательное гнездо, такая, что у них найдутся общие члены.

В работе Е.Л.Гинзбург было сделано важное замечание, значимое для решения проблем сообщения лексического гнезда и словообразовательного гнезда и более адекватного и глубокого видения последнего: всё разнообразие словообразовательных связей слов в гнезде нельзя свести только к отношениям производности (это значило бы существенно обеднить его словообразовательную характеристику), то есть организация и состав гнезда определяются не только словообразовательными отношениями.

Лексическое гнездо и словообразовательное гнездо рассматривала и М.Н.Яценецкая. Она чётко определила системообразующее, сущностное свойство лексического гнезда, которое является в некоторой степени оппозиционным по отношению к таковому у словообразовательного гнезда: «Вступая в эпидигматические отношения, однокорневые слова организуются в лексическое гнездо. В отличие от словообразовательного, отражающего формально-семантические связи производных слов, лексическое гнездо создаётся лишь за счет лексических связей семантического включения» [11].

Сопоставление лексического гнезда и словообразовательного гнезда позволило выявить три группы различий этих единиц: опосредованные отношения словообразовательных гнезд в лексическом гнезде нередко предстают как отношения непосредственного семантического включения; в лексическом гнезде появляются эпидигматические связи, обратные словообразовательным; третья группа различий совмещает в себе особенности первых двух групп: лексическая мотивация представляет опосредованные словообразовательные отношения как непосредственные и по своему направлению противоположна словообразовательной мотивации.

Несмотря на то, что в работе Яценецкой М.Н. даются дифференциальные признаки словообразовательного гнезда и лексического гнезда, выявляется ряд точек соприкосновения, интегрирующих моменты для лексического гнезда и словообразовательного гнезда: часть лексических связей совпадает со словообразовательными, и именно они «обладают большой значимостью в лексическом гнезде. Лексические мотивационные связи, не совпадающие со словообразовательными обладают потенциальной способностью служить схемой построения новых слов. Реализация этой возможности может привести к появлению словообразовательных типов, характеризующихся новым видом производящих основ и аффиксов... Все словообразовательные отношения возникают и функционируют на определённой лексической базе. Слова, не имеющие лексических связей, не могут вступать в словообразовательные отношения» [12].

Из всех работ, посвящённых изучению словообразовательного гнезда, интересными представляются те, в которых анализируются словообразовательные гнезда в рамках лексико-семантического аспекта. Ведь в жизни гнезда исключительно важную роль играет именно семантика. Она лежит в основе многих процессов, происходящих в гнезде, и в существенных чертах определяет специфику гнезда как единицы словообразовательной системы языка.

РЕЗЮМЕ

Найважливішу роль у системній організації словотвору відіграють словотворчі гнізда. Поняття словотворчого гнізда як лінгвістичного феномену трактують по-різному, і відповідно до цього існують різні підходи до аналізу семантичної та структурної організації словотворчого гнізда та його властивостей. В даній статті представлені деякі аспекти розгляду словотворчого гнізда (І.В.Альтмана, О.М.Тихонова, П.М.Денисова, Т.Ф.Іванової, В.В.Виноградова, М.М.Яценецької та ін.)

SUMMARY

Word – formative families of words are of utmost importance in the systematic organization of the word-formation. There are various definitions of a family of words as a linguistic phenomenon, and thus there are various approaches to the analysis of semantic and structural organization of a family of words and of its properties. The given article presents some of the aspects of the family of words study (ofl. V. Altman, A.N. Tikhonov, P.N. Denisov, T.F. Ivanova, V.V. Vinogradov, E.L. Ginsburg, M.N. Yantsenetskaya etc.).

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. Ок. 145.000 слов. – 2-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1990.
2. Соболева П.А. Аппликативная грамматика и моделирование словообразования. – АДД. – М., 1970. – С.39-51.
3. Гинзбург Е.Л. Исследование структуры словообразовательных гнезд // Проблемы структурной лингвистики. 1972. – М., 1973. – С.78-96.
4. Альтман И.В. Отглагольные гнезда. Типология и семантика // Проблемы структурной лингвистики. 1981. – М.: Наука, 1983. – С.96-106.
5. Тихонов А.Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. Курс лекций. – Самарканд: Изд-во Самаркандского ун-та, 1971. – С.387.
6. Там же. – С.401-412.
7. Денисов П.Н. Словообразовательная семантика в русском языке. – М.: Наука, 1981. – С.64-78.
8. Иванова Т.Ф. Моделирование словообразования // Проблемы структурной лингвистики. 1971. – М., 1972. – С.31-48.
9. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Вопросы теории и истории языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С.98-130.
10. Гинзбург Е.Л. Отношения между словами в словообразовательном гнезде // Межвузовская научно-методическая конференция по вопросам преподавания русского языка в нерусской аудитории. – Алма-Ата, 1976. – С.167-169.
11. Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования / Ред. д-р филол. наук О.И.Блинова. – Томск: Изд-во томск. ун-та, 1979. – С.110-123.
12. Там же. – С.130-142.

Надійшла до редакції 25.06.1999 р.

ББК Ш 12=432.4*21

СОПУТСТВУЮЩЕЕ ДЕЙСТВИЕ В ПРОСТЫХ И СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Н.В.Пырлик

1. Объектом исследования в данной статье являются немецкие моносубъектные простые осложненные и сложноподчиненные предложения, имеющие в своем составе более одного предиката (в широком понимании этого термина), такие как, ср.:

(1) *Leise pfeifend ging er dem Gesindehaus zu* (F., S.55). – ‘Тихо насвистывая он пошел к дому для прислуги.’

(2) «*Mein Lieber*», *sagt er, ohne die Pfeife fallen zu lassen*. (Zw., S 387). – ‘«Мой дорогой», — говорит он, не роняя трубки.’

(3) *Im Vorbeigehen erkannte Fabian auch Taubenhaus*. (K., S.113). – ‘Проходя мимо Фабиан также узнал и Таубенхауза’.

(4) *Pinneberg aber geht weiter, an dem Kino vorbei, an seiner Wohnung vorbei, tief in den Gedanken versunken*. (Fall., S.211) – ‘Но Пиннеберг идет дальше мимо кинотеатра, мимо своей квартиры, глубоко погруженный в мысли.’

(5) *Er sagte das so beiläufig, während er eine Akte durchblätterte* (W., S.120) – ‘Он сказал это так между прочим, когда пролистывал дело’.

Данные предложения характеризуются:

- 1) единым промежутком времени совершения обоих действий (t);
- 2) единым субъектом действия (S).

Субъектом действия S в течение периода времени t совершаются действия А и В, где А – главное, В – сопутствующее. Данные действия вступают в отношения определенной иерархии (переднеплановость/заднеплановость) [1].

2. Цель исследования заключается в выявлении закономерностей взаимодействия различных языковых средств, выражающих сопутствующее действие в сложноподчиненных и простых предложениях.

3. Задачами исследования являются:

1) выявление и описание состава регулярных и нерегулярных языковых средств, принимающих участие в оформлении сопутствующего действия в простом и сложноподчиненном предложениях;

2) выделение основного средства, специализирующегося на выражении сопутствующего действия в данных синтаксических конструкциях;

3) установление закономерностей взаимодействия грамматических и лексических значений глагольных форм, оформляющих главное и сопутствующее действия.

4. Материалом исследования послужили 5 тысяч предложений, полученных в результате сплошной выборки из 20 прозаических произведений немецкой литературы XX века, из которых около 3,4 тысячи (68%) моносубъектные простые осложненные, более 1,6 тысячи (32%) моносубъектные сложноподчиненные временные предложения (СПП).

5. Анализ полученных примеров показал, что наиболее частотным средством выражения сопутствующего действия является причастие I (как самостоятельное, так и первопричастный оборот) – 1918 простых осложненных предложений.

5.1. Акциональность причастий ставит их в связь с подлежащим как называющим субъект обозначаемого ими действия, но при этом связь со сказуемым осуществляется при одновременной соотнесенности причастного компонента в качестве сопутствующего действия. В зависимости от функции, которую причастие I выполняет в предложении, можно установить следующие структурные модели:

I модель: обособленное причастие I как обстоятельство (825 предложений – 43%), ср.:

(6) *Schmunzelnd ging er hinaus* (Wal., S.77) – ‘Усмехаясь, он вышел.’

II модель: первопричастный оборот – обстоятельство (978 предложений – 51%), ср.:

(7) «*Abwarten*», *befahl sich Baron Ellendt, hin und her gehend* (Zw., S.125) – ‘«Ждать», – приказал себе барон Эллендт, двигаясь туда-сюда’.

III модель: субстантивированное причастие как подлежащее (18 предложений – 1%), ср.:

(8) *Der Sterbende lag mitten im größten Saal, mit dem Kopf nach dem Eingang, hinter Kissen versteckt* (M., S.420) – ‘Умирающий лежал посредине большого зала головой к выходу, спрятанный за подушками.’

IV модель: причастие I в функции определения (96 предложений – 5%), ср.:

(9) *Auf der Friedhofsmauer saßen die schwatzenden Jungrussen.* (Gr., S.499) – ‘На кладбищенской стене (ограде) сидели болтающие молодые русские.’

Из полученных 1918 примеров с причастием I модель I (самостоятельное причастие I как обстоятельство) представлена 825 предложениями (43%), модель II (первопричастный оборот) – 978 предложений (51%), модель III (причастие в функции подлежащего 19 примеров (1%), модель IV (причастие – определение) – 96 предложений (5%).

5.2. В исследовании также рассматривались предложно-субстантивные сочетания с именами существительными акциональной семантики, которые выступают в простых предложениях в качестве вторичного предиката, ср. (3).

Предложно-субстантивные сочетания встретились в 685 предложениях, что позволяет отнести их к одному из специализированных способов выражения СД. Наиболее частотными являются следующие предлоги:

- mit (с) – 413 предложений 60%;
- bei (при) – 103 предложения 15%;
- in (в) – 109 предложений 16%;
- während (?о время) – 28 предложений 4%;
- unter (среди) – 21 предложение 3%, ср.:

(10) *Dies deklamierte er, unerbittlich, mit steifer Geste* (M., S.580) – ‘Это он декламировал непреклонно с сильным жестом.’

5.3. Глагольные свойства причастий активизируются в функции обстоятельства, которое имеет значение сопутствующего действия. В этой связи интерес представляют причастия II с зависимыми от них словами (второпричастный оборот). Специфика данных оборотов заключается в том, что выделяются лишь определенные структурно-семантические типы этих оборотов. Типы определяются лексическими значениями причастий и их уточнителями, как, например, следующие:

– I тип – причастие II *benommen* ‘оглушенный’, *berührt* ‘затронутый, задетый’ со значением физического или душевного состояния + существительное, обозначающее фактор, обусловивший это состояние, ср.:

(11) *Berührt von dieser schweren Erinnerung, seufzte er leise auf* (W., S.21) – ‘Задетый этим тяжелым воспоминанием, он тихо вздохнул.’

II тип – причастие II *versunken* ‘погруженный’, *vertieft* ‘углубленный’ + in (в) + существительное, обозначающее мыслительный процесс, ср. (4).

III тип – причастие II *gerichtet* ‘направленный’ + существительное (чаще всего со значением ‘взгляд’), ср.:

(12) *Fabian hörte ihr zu, die Blicke ohne Unterbrechung auf sie gerichtet* (K., S.205) – ‘Фабиан слушал ее, не отводя от нее взгляда’.

6. Моносубъектные временные сложноподчиненные предложения представлены 1,6 тыс. примерами. Наиболее частотные союзы:

- als (когда) – 535 предложений 33%;
- während (в то время как) – 461 предложения 29%;
- indem (в то время как) – 350 предложений 22%;
- wenn (когда) – 167 предложений 11%;
- wobei (при этом) – 87 предложений 5%, ср.:

(13) „*Es ist Zeit!*” ...*sagte er laut vor sich hin, als er die „Berg” verließ* (К., S.372) – ‘«Пора!» – говорил себе громко он, когда покидал «Бэрг».’

(14) „*Muß wohl sein,*” *meinte Sophie, während sie den Brief faltete.* (Zw., S. 452) – ‘«Должно быть хорошо», – думала Софи, в то время как расправляла письмо.’

Наиболее полно и четко временные сопутствующие отношения в СПП могут быть переданы лишь в сочетании всех языковых средств, реализующих временную семантику, т.к. у каждого из них своя функция. Глагольные формы дают основную временную ориентацию глагольного действия, указывая на одновременность ситуаций (действий) двух предикативных единиц [2]. Лексические уточнители (показатели) расширяют сферу временных значений (*immer noch, noch, (dabei, sogleich, gleich)*). Они указывают на длительность действия, возможно, его измерение и датировку. Семантика глаголов является средством, оказывающим влияние на семантику временных форм (предельность/непредельность). Следует отметить, что языковые средства выражения временных отношений между ситуациями (действиями) обоих компонентов СПП в определенной мере разнообразны:

а) сочетания временных форм глаголов – сказуемых в главной и придаточной частях;

б) лексические уточнители времени;

с) временные союзы;

д) лексическое значение глаголов.

Соотношение временных глагольных форм обоих конституентов СПП является грамматической базой для реализации сопутствующего действия.

7. В статье анализировались определенные средства выражения сопутствующего действия. Основные статистические данные могут быть представлены в следующей таблице.

Таблица – Частотность употребления языковых средств, оформляющих сопутствующее действие

Способ выражения СД	Количество предложений (%)	Пример
Простые предложения (3400 примеров) (68%)		
Причастие I (обособленное и оборот)	1918 38%	<i>Pfeifend ging er durch die Düsseldorfer Bahnhofshalle.</i>
Предложно-субстантивные сочетания	685 14%	<i>Plötzlich, mit einem kleinen Schrei, fuhr sie hoch.</i>
Причастие II	410 8%	<i>Berührt von dieser schweren Erinnerung seufzte er leise auf.</i>
Сложные предложения (1600 примеров) (32%)		
Временные сложноподчиненные предложения	1600 (32%)	<i>„Es ist Zeit!...” sagte er laut vor sich hin, als er die „Berg” verließ.</i>
Всего: 5000 примеров простых и сложных предложений (100%)		

8. Представляется, что разнообразие средств выражения сопутствующего действия в простом предложении связано, прежде всего, с его структурными возможностями включать в свой состав наряду с личной формой глагола различные части речи, имеющие акциональную семантику. В то же время сложноподчиненные предложения не обладают подобной структурной емкостью, так как уже изначально имеют более сложное строение.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

Fall. – Fallada
F. – Feuchtwanger
Gr. – Grass
K. – Kellermann
M. – Mann
Wal. – Walser
W. – Wolf
Zw. – Zweig

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ:

Walser M. Seelenarbeit. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1983. – 295 S.
Wolf F. Der Sprung durch den Tod. Berlin und Weimar: Aufbau Verlag, 1984. – 374 S.
Mann H. Die Gattinnen. Berlin und Weimar: Aufbau Verlag, 1969. – 739 S.
Grass G. Die Blechtrommel. Munchen: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1993. – 731 S.
Zweig A. Einsetzung eines Konings. Berlin und Weimar: Aufbau Verlag, 1970. – 512 S.
Feuchtwanger L. Narrenweisheit oder Tod und Verklärung von Jean-Jacques Rousseau. Berlin und Weimar: Aufbau Verlag, 1970. – 463 S.
Kellermann B. Totentanz. Berlin: Verlag Neues Leben, 1981. – 383 S.
Fallada H. Kleiner Mann – was nun? Berlin und Weimar: Aufbau Verlag, 1967. – 358 S.

РЕЗЮМЕ

У статті розглядаються моносуб'єктні прості та складні речення, що мають у своєму складі більше одного предикату (в широкому розумінні цього терміну).

Дані речення містять дві дії, одна з яких – головна, а інша – супутня. Автор досліджує різні способи вираження супутньої дії: такі як самостійний дієприкметник, дієприкметниковий зворот, приєдниково-субстантивні сполучення з іменниками акціональної семантики.

SUMMARY

The article deals with monosubject compound and simple sentences, which include more than one predicate. The sentences in questions are characterized by the presence of 2 actions, the principal and the attendant one.

The author analyses the different means of expressing an attendant action such as: non-finite forms of the verb, prepositional-substantive combinations with nouns of actional semantic.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Прокопчук А.А. Сложноподчиненное предложение и текст. Харьков: Основа, 1990.
2. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. – 4. Aufl. – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopaedie, 1984.

Надійшла до редакції 15.05.1999 р.

ББК Ш10*316

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕСТАНДАРТНЫХ ОЦЕНОЧНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА*О.Л.Бессонова*

Различные группы слов занимают разное положение на аксиологической шкале, иными словами являются в большей или меньшей степени оценочно окрашенными. Особый интерес представляет группа стилистически маркированных лексических единиц. Стилистически маркированными называют языковые средства, находящиеся за пределами литературной нормы (диалектизмы, просторечные или жаргонные элементы языка, т.е. слова типа англ. *prig* 'вор' - Brit.slang, *a thief* 'Брит. сленг, вор', *nob* 'шишка' - sl. member of the upper classes, person of high rank 'сленг. представитель высшего класса, высокопоставленное лицо', франц. *frangin* 'арго. женщина', укр. довбня 'разгов. ругательн. балда'). Термин «стилистически маркированная лексика» имеет много синонимов – нестандартная или просторечная лексика, в английском языке – сленг (slang), в романистике – арго (argot). Можно говорить об универсальности просторечья, так как оно присуще всем национальным языкам и социально-коммуникативным системам.

Обзор литературы показал, что несмотря на то, что создана солидная теоретическая база для выявления коммуникативного статуса нестандартной, или просторечной лексики, не существует единой концепции в этом вопросе. Подробный анализ отечественных и зарубежных концепций нестандартной лексики или сленга можно найти у Е.Патриджа, Г.Менкена, Д.Кристала и Д.Дейви, В.Хомякова, М.Маковского и др. [1-6]. Большой Оксфордский словарь английского языка определяет сленг как «разговорный язык, который считается ниже стандарта речи образованных людей и состоит либо из новых слов, либо из общераспространенных употребляемых в специальных значениях и как совокупность особых лексем, используемых группой лиц, принадлежащих к низшим слоям общества и пользующихся дурной репутацией» [OED:17].

Интересно происхождение термина «сленг», этимология которого объясняется по-разному разными авторами. Оксфордский словарь отрицает норвежское происхождение этого слова, в то время как Э.Уикли, автор этимологического словаря английского языка, фиксирует связь слова *slang* со скандинавским выражением *slenja-kjeften* 'to sling the jaw' – 'оскорблять, обижать'. Впервые выражение *to speak in slang* 'говорить на сленге' зафиксировано в 1828 году, а первое употребление слова *slang* в значении «ругаться, оскорблять, обижать» относится к 1840 году. Э.Патридж приводит данные о «цыганском» происхождении слова *slang* [1]. Согласно другой теории *slang* является арготическим искажением французского слова *langue* 'язык'. Однако французский язык располагает термином «арго», который является синонимом слова «сленг». М.Маковский высказывает гипотезу о том, что слово «slang» возникло в результате контаминации нескольких корней и восходит к индоевропейскому корню *length* [6].

В отечественной лингвистике существуют два взаимоисключающих взгляда на сущность нестандартной лексики. Согласно первому, в связи с пониманием просторечия как разговорно-бытовой лексики в широком смысле просторечная лексика относится к лексике литературного языка. Поэтому просторечие является частью разговорно-бытовой лексики, а также может входить в лексику литературного языка или противопоставляться диалектной лексике. Согласно второй точке зрения, просторечие противопоставляется норме литературного языка и считается нелитературной речью. Таким образом, различаются разговорная лексика литературного языка и просторечие, которое остается за пределами лите-

ратурного языка. Просторечная лексика противопоставляется разговорной, книжной лексике литературного языка, а также диалектной лексике [7].

Представляет интерес определение, данное сленгу М.М.Маковским, согласно которому «сленг – это общая для всех носителей языка лингво-социальная норма, которая, реализуясь на уровне разговорной речи, генетически и функционально отлична от жаргонных и профессиональных элементов языка; семантика сленговых лексем не всегда восходит к стилистическому переосмыслению, а слова сленга не обязательно используются для создания стилистического эффекта» [6:22-23].

Вслед за В.А.Хомяковым нестандартная или просторечная лексика в данной работе понимается как сложная лексико-семантическая категория, представляющая совокупность социально-детерминированных лексических систем (жаргоны, арготизмы и т.п.) и стилистически сниженных лексических пластов (коллоквиализмы, сленгизмы, вульгаризмы и т.п.), которые характеризуются существенными различиями и расхождениями в основных функциях и в социолексикологическом, прагматическом и стилистическом аспектах [7]. Сленг рассматривается как основной компонент английского просторечия, включающий в себя социальные варианты (профессиональные и корпоративные жаргоны, кэнт) и распространенную социальную генетически неоднородную микросистему, имеющую своеобразный вокабуляр [8]. Представляется обоснованным выделение В.Хомяковым таких отличительных черт сленга как распространенность и понятность для всех социальных групп общества, его ярко выраженный эмоционально-оценочный характер с преобладанием эмотивной функции над коммуникативной (коннотации над денотативным аспектом).

Являясь интереснейшим языковым явлением, которому присущ оценочный компонент, нестандартная лексика или сленг отражает образ жизни речевого коллектива, который его породил. Наиболее развитой семантической сферой является поле «человек». Значение лица является кардинальным для классификации всей лексической системы, так как мир осмысливается через человека. Внутри лексической системы категория лица воплощается в лексическом значении разных классов слов. Материалом для анализа послужили нестандартные имена существительные, выделенные методом сплошной выборки из массива оценочных наименований лица (далее НЛ). Они представляют значительный пласт лексики и составляют 21% в английском, 24% во французском и 27% в украинском языках соответственно от общего количества оценочных НЛ выборки в языках набора. Критерием выделения данного массива послужили следующие пометы в словарных статьях: *sl.*, *colloq.* - в английском языке, *fam.*, *pop.*, *arg.* - во французском языке, *розм.*, *фам*, *лайл.* - в украинском языке. Семантическое поле «человек» отражается в нестандартных существительных-НЛ в исследуемых языках по-разному. Так, в английском языке наибольшее количество сленгизмов – 67% – выделено в ЛСГ, где оценка дается по расово-этническому признаку (англ. *yankee* ‘янки’, *digger* ‘австралиец’, *coon* ‘негр’). Также достаточно значительным является удельный вес сленговых выражений в ЛСГ с оценкой по признаку профессии, рода занятий (51% от общего количества единиц выборки: англ. *tes* ‘детектив’, *sleuth* ‘ищейка’), по признаку возраста (39% от общего количества единиц выборки: англ. *gaffer* ‘папаша’). Во французском языке признак возраста также доминирует в арготических НЛ (52%), например: франц. *morgion* ‘молокосос’, *rejeton* ‘букв. отросток, побег; отпрыск (о ребенке)’. Примерно равное соотношение арготизмов-НЛ наблюдается в ЛСГ, выделенных по признаку способностей, профессионализма, по расово-этническому признаку и составляет 39%, 38% и 36% соответственно от общего количества оценочных НЛ в данных группах (франц. *mécano* ‘разгов. механик, шофер’, *bourge* ‘полицейский, агент’, *zozo* ‘дурачок, простофиля’, *youpin* ‘еврей’ и др.). В отличие от английского и французского языков украинская нестандартная лексика превалирует в оценке внешности человека – 59% от общего количества единиц этой ЛСГ (укр.

одоробало 'пугало (о человеке)', джэнджик 'щеголь'). По признакам поведения, характера, по оценке моральных качеств (35%), возраста (43%), способностей и профессионализма (36%), расово-этническому признаку (35%) удельный вес просторечных НЛ внутри ЛСГ примерно одинаков.

Французский и украинский языки отличаются от английского тем, что достаточно большой удельный вес в них (36%) приходится на нестандартные НЛ внутри ЛСГ, где дается оценка по признаку физического состояния (франц. *patraque* 'развалина (о человеке)', *crevard* 'чахлик', укр. кривуля 'хромоножка', псих 'псих' и др.). Отмечено незначительное количество сленгизмов с признаком «внешность», а также «моральные качества», «характер», «поведение» в английском и французском языках в отличие от украинского. Наименования животных часто используются для характеристики человека (укр. шакал 'шакал (о человеке)', папуга 'полугай (о человеке)', франц. *récorge* 'букв. животное, перен. дура, тупица', *bique* 'коза; разг. пренебр. старая ведьма', англ. *swine* 'свинья (о человеке)'). Однако украинский и французский языки значительно чаще используют наименования животных для оценки различных человеческих качеств, характеристики признаков, действий (сравн. во французском языке 33% оценочных НЛ этой ЛСГ относятся к разряду нестандартных слов, в укр. яз. они составляют 31%, а в английском лишь 19%). Такое расхождение связано с национальным своеобразием и самобытностью, характерных для ЛСГ названий животных-НЛ. Исследование семантической структуры слов раскрывает ассоциативные пути, которые соединяют в сознании языкового коллектива представление об одном предмете с представлением о другом предмете или явлении, в результате чего эти представления включаются в качестве значений в смысловое содержание слова. Сам отбор предметов или явлений-образов осуществляющийся на протяжении столетий и закрепившийся из поколения в поколение в языке, приотрывает многие стороны исторического развития народа, его национальной культуры, духовного склада и мирозерцания. Количественные совпадения в языках набора нестандартных слов по выделенным признакам можно объяснить принципом «общности мышления» у различных народов. Как указывает Д.С. Лихачев, «одно и то же отношение к окружающему миру... создает иллюзию перевода. Одни и те же понятия замещают друг друга. Одни и те же представления лежат в основе многих ... понятий» [9:54]. Расхождения в семантическом объеме нестандартной лексики поля «человек» исследуемых языков связано с акцентированием в языках набора признаков, отражающих коннотативные особенности оценочной лексики.

Сопоставительный анализ структуры нестандартных элементов показал, что их образование в целом происходит в рамках закономерностей внутриязыковых словообразовательных механизмов. Однако структурные особенности языков набора оказывают влияние на продуктивность того или иного структурного типа. Данные сопоставительного количественного анализа основных структурных типов нестандартных оценочных НЛ представлены в таблице 1.

Таблица 1. Сопоставительная характеристика основных структурных типов нестандартных оценочных НЛ в английском, французском, украинском языках

Языки			
Структурные типы	Англ. яз.	Франц. яз.	Укр. яз.
Непроизводн.	54%	40%	42%
Суффиксация	20%	31%	34%
Сокращение	16%	4%	0,30%
Конверсия	2%	11%	3%
Сложение	2%	7%	6%
Другие	6%	7%	14,70%

Данные таблицы показывают, что:

1. Наиболее продуктивным в сфере образования нестандартных оценочных НЛ является тип непроизводных существительных, в том числе заимствований. Продуктивность этого типа несколько выше в английском языке (54%) в отличие от украинского (42%) и французского (40%) языков, что связано со структурно-морфологическими особенностями языков: имеется в виду достаточно разветвленная система суффиксов во французском и украинском языках. Необходимо отметить, что в случае с непроизводной лексикой, сленговое значение возникает, как правило, в структуре полисемантического слова. Например, словом *faïgu* в значении «ведьма» в английском языке называют отвратительную развратную женщину, а в значении «гомосексуалист» женоподобного мужчину или мальчика. Такая уничижительная ирония не может быть выражена сложным словом или словосочетанием. Как пишет Д.Н.Шмелев, «при образовании новых наименований из различных способов номинации наибольшую активность приобретают те, которые обеспечивают или предельную (в соответствии с возможностями языка) мотивированность нового обозначения, или же его полную немотивированность, т.е. непроницаемость для всякого рода «словообразовательных» ассоциаций» [10:209-210]. В связи с этим явно преобладающую роль по сравнению с аффиксальным словообразованием приобретают такие способы номинации как заимствование иноязычных слов (франц. *ratraque* 'развалина (о человеке)', *taboul* 'псих'; англ. *stock* 'калека'; укр. *шайтан* 'шайтан', *поганка* 'некрасивая женщина, девушка'). Следует согласиться с Э.Патриджем относительно того, что заимствования из других языков приводят к образованию сленга. Заимствования либо сами по себе являются сленговыми выражениями, либо поглощаются существующими сленговыми выражениями прежде, чем входят в литературный стандарт [1].

2. Во всех языках набора второе место по продуктивности занимает суффиксный тип с разной степенью выраженности в английском (20%), французском (31%) и украинском языках (34%). Одним из факторов, оказывающих влияние на характер продуктивности, является соответственно разное количество оценочных суффиксов в языках набора. Следует подчеркнуть различие между понятиями продуктивность суффикса и его употребительность: тот или иной суффикс может быть продуктивным и в то же время малопродуктивным, что характерно для просторечных суффиксов [9]. Нестандартные оценочные НЛ в украинском языке образованы с помощью суффиксов -юк (-ючка), -оня, -ало, -иха, -ище, -ило, -ун (-уха), -уга (-юга), -аха, -ака, -ач, -ник, -ище, -яга, -яй, -ець (укр. *селючка* 'жительница села', *здоровило* 'здоровьяк', *одинак* 'бобыль'), во французском языке с помощью суффиксов -ard, -on, -eug, -eux, -in, -ot, -aud, -ette (франц. *gazette* 'сплетник', *poivrot* 'пьянчужка', *badigeonneur* 'мазала (о художнике)', *poissard* 'базарная баба'), в английском языке – с помощью суффиксов -o, -er, -ie, -y, -et (англ. *googie* 'новобранец', *buffer* 'старый хрыч', *skivvy* 'прислуга' и др.). Не все из перечисленных суффиксов являются продуктивными, и в этом заключается структурная отмеченность, т.е. необычность сочетания основы с суффиксом, непродуктивным в литературном стандарте. Это создает стилистическую маркированность производных слов, наличие в их семантической структуре экспрессивно-оценочной коннотации.

3. По остальным структурным типам наблюдаются количественные расхождения в языках набора. Так, для английского языка очень характерно сокращение (англ. *sleuth* 'детектив, ищейка' от *sleuth-hound* – конечное сокращение, *tec* 'детектив' от *detective* – начально-конечное сокращение, *commie* 'коммунист' – конечное сокращение и т.д.). Как показывает анализ материала, наиболее частотны сокращения, составленные из

начальных букв. В целом просторечные аббревиатуры или сокращения не отличаются от аббревиатур литературного стандарта. Для украинского и французского языков этот тип не характерен. Во французском и украинском языках достаточно распространенным является механизм сложения основ (франц. *jean-foutre* 'посредственность', *sans-le-sou* 'бедняк', *crève-la-faim* 'голодающий бедняк', укр. *дурисвіт* 'обманщик', *пустобрех* 'пустобрех'). Как видно из примеров экспрессивность и стилистическая сниженность просторечных сложных слов достигается не за счет нарушения структурных норм языка, а в результате осложнения словообразовательного акта метафорическими или метонимическими переносами значения сочетающихся основ.

4. Среди других типов, являющимися незначительными в количественном отношении следует выделить редупликацию в английском языке (англ. *riff-raff* 'подонки', *goly-poly* 'пончик (о человеке)'), звукоподражание, обратную деривацию, искажение, образование от имен собственных во французском языке (франц. *dondon* 'дебелая, дородная женщина', *marmot* 'мальчуган' от *marmotter*, *capiston* 'капитан' от *capitaine*, *pisodeme* 'дурак, балда' от имени фарисея, который задавал Христу наивные вопросы). В отличие от других языков набора для украинского языка характерен безафиксный тип в образовании нестандартных оценочных НЛ (укр. *пройда* 'проньера', *причепа* 'придира'). Анализ структурно-семантических особенностей нестандартных оценочных НЛ показал, что:

1. В языках набора нестандартная лексика поля «человек» занимает важное место на аксиологической шкале, в основном в той ее зоне, которая связана со знаком «-». Это объясняется тем, что просторечная лексика, выражающая своего рода социальную оценку, порождается определенными социальными группами языкового сообщества.
2. Ключевыми признаками, по которым дается оценка человеку в нестандартном вокабуляре, являются: внешность, поведение, характер – в украинском языке, род деятельности, профессия – во французском языке, физическое состояние – в украинском и французском языках, возраст, расово-этническая принадлежность – в английском, французском и украинском языках. Очевидно, каждый язык по-своему членит внеязыковую действительность и отражает реальные связи, существующие между разнообразными предметами и явлениями действительности.
3. Образование нестандартных оценочных НЛ идет в рамках словообразовательных механизмов языков набора. Типологической чертой является преобладание производной лексики в английском языке по сравнению с французским и украинским, и суффиксации в украинском и французском по сравнению с английским языком, что обусловлено более развитой системой суффиксов, участвующих в образовании нестандартных слов в украинском и французском языках. Продуктивными для английского языка структурными типами являются сокращение, редупликация, для французского языка – сложение, звукоподражание, для украинского языка – безафиксная деривация.
4. Образуясь в структуре полисемантического слова, нестандартные или сленговые значения отличаются метафорическим характером, иронией, способностью к созданию юмористического эффекта. «Остроумие арготического слова в значительной мере стерто и разменено в процессе длительного употребления. Это не шутка, а некоторый намек на шутку, не смешное, а знак смешного... Эмоция арготического слова точнее всего может быть определена как смешное в потенции» [11:89]. Таким образом, соотносясь с системными значениями лексических единиц, нестандартные

оценочные НЛ могут развивать в контексте потенциальные возможности, заложенные в их семантической структуре.

РЕЗЮМЕ

У статті розглядаються структурно-семантичні особливості нестандартних оцінних назв особи. Аналізуючи концепції сленгу у вітчизняній та зарубіжній лінгвістиці, автор підкреслює універсальний характер цього явища. Літературна лексика взаємодіє з просторіччям, нестандартні слова можуть переходити в розряд стандартних. Автор робить узагальнення та висновки щодо впливу мовних словотворчих механізмів на продуктивність структурних типів, характеру ключових ознак, за якими оцінюється людина у нестандартному вокабулярі. Підкреслюється значний метафоричний потенціал полісемантичних слів, у семантичній структурі яких утворюються сленгові значення.

SUMMARY

The article deals with the structural and semantic peculiarities of colloquial and slang evaluative names of persons. Giving a brief sketch of different opinions as for the status of slang the author underlines its universal character. The conclusion is made that standard vocabulary is constantly interacting with colloquialisms and slang words and under certain conditions slang words and colloquialisms may enter the bulk of the standard vocabulary. It is highlighted that language word formation mechanisms affect the productivity degree of slang evaluative names of persons. The main characteristic features according to which evaluation of persons in non-standard vocabulary is made are singled out. High metaphoric potentials of polysemantic words forming slang meanings are pointed out.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Patridge E. Slang today and yesterday. London, 1960.
2. Menchen H. The American Language. New York, 1960.
3. Crystal D., Davy D. Advanced conversational English. Essex, 1981.
4. Хомяков В.А. Структурно-семантические и социально-стилистические особенности английского экспрессивного просторечия. Вологда: Волог. гос. пед. ин-т, 1974.
5. Хомяков В.А., Беляева Т.М. Нестандартная лексика английского языка. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985.
6. Маковский М.М. Английские социальные диалекты. –М.: Высшая школа, 1982.
7. Хомяков В.А. Некоторые типологические особенности нестандартной лексики английского, французского и русского языков // Вопр. языкознания. –1992. – №3. – С.94-105.
8. Хомяков В.А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия. Вологда, 1971.
9. Лихачев Д.С. Язык и мышление. 1935.
10. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973
11. Лихачев Д.С. Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. Москва, 1964.
12. Oxford English Dictionary, vol. 1-12, Oxford, 1933.
13. Weekly E. An Etymological Dictionary of Modern English. – in 2 vol. – 1967.

Надійшла до редакції 08.07.1999 р.

ББК Ш40*001.91.

ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ АРХЕТИПИЧЕСКОГО В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЦЕЛОГО (на материале романа У.Голдинга «Шпиль»)

А.Л.Захарова

В творческом наследии Уильяма Голдинга одним из наиболее концептуальных произведений является роман «Шпиль». Глубина символического наполнения, сопряженная с богатейшей образностью, позволяют назвать данное произведение «романом-символом», «романом-мифом», интерпретация которого является своеобразным «восхождением» от знакового (текстового) уровня до уровня художественно-архетипического осмысления.

Предметом анализа в данной статье служит рассмотрение двух архетипов:

- 1) жертвоприношения как воссоздания акта творения;
- 2) двуглавого холма Марса как модификации структуры «Храм – Гора» («Мировая Гора»), – и их трансцендентное функционирование в художественном мире произведения.

Возведение шпиля над собором, являющееся центральным событием романа Голдинга, представляет собой имитацию космогонического действия. По мнению Мирчи Элиаде, «прототипом строительного ритуала является жертвоприношение, совершенное во время основания мира» [4, с.44-45]. Кроме того, как отмечает ученый, «любое жертвоприношение есть в свою очередь повторение акта творения» [4, с.37], а «все, что основывается, основывается в Центре Мира (поскольку, как нам известно, само Сотворение началось с некоего Центра)» [4, с.43]. Поэтому строительство шпиля в романе Голдинга можно представить как аналог космической жертвы, «ритуал перехода от мирского к священному, от преходящего и иллюзорного к реальности и вечности, от смерти к жизни, от человека к божеству» [4, с.43]. Как пишет Элиаде, «достижение «центра» равносильно посвящению, инициации» [4, с.43], и возможно предположить, что именно эта архетипическая идея через обостренное чувство избранности приводит Джослина к одержимости желанием возвести шпиль, невзирая на необходимость огромных материальных и моральных жертв. Лишь в глубине его сознания, поглощенного великим замыслом строительства, возникает мысль: «At what point should I have to give up the one for the other?» [Golding, p.118]. Строительство шпиля обнажает бездну космической противоречивости личности настоятеля собора. Джослин, соединяющий в себе небеса и ад, приносит многое в жертву ради возведения шпиля, но и сам становится жертвой.

Уже первые строки романа, где Голдинг описывает залитый светом витраж с изображением Бога-Отца, Авраама и Исаака, воскрешают в нашей памяти повествование Библии об акте великой веры через великую жертву. Примечательны слова самого Джослина: «Even in the old days he [God] never asked men to do what was reasonable. Men can do that for themselves. They can buy and sell, heal and govern. But then out of some deep place comes the command to do what makes no sense at all – to build a ship on dry land; to sit among the dunghills; to marry a whore; to set their son on the altar of sacrifice. Then, if men have faith, a new thing comes» [Golding, p.121].

Стивен Медкалф, отмечая глубину разработки данной проблемы в романе «Шпиль», сопоставляет его с произведением известного философа: «In theme and intensity the book is one to put alongside Kierkegaard's treatment of Abraham in «Fear and Trembling» [6, с.32].

«Рассечение духовной целостности» [1, с.295] героя романа является итогом попытки воплотить в жизнь мессианские идеи избранности. Расколотость и двойственность сознания Джослина не в силах более подняться над ницшеанской дилеммой цели и средств на пути к ней, ему «постоянно хочется падать – вверх» [3, с.24].

Говоря о фундаментальной космогонической идее вечного жертвоприношения как основе изначального порядка, совершаемого на вершине Мировой Горы, следует отметить и такой архетипический символ как «Храм – Гора», соотносимый с сакральными сооружениями различных культур. Данный символ воплощает идею Центра, вертикали, *axis mundi*, связующей три мира (ад, землю и небо).

Но существует и другой архетипический образ горы, обладающей не одной, а двумя вершинами, которые, по мнению Мариуса Шнайдера, связаны друг с другом «существенными ритмическими сторонами явленного творения – света и тьмы, жизни и смерти, бессмертия и тленности» [2, с.147]. Это двуглавый холм Марса, символ вечного жертвоприношения и двойственности, являющий феноменальный мир как системе постоянных инверсий. Осуществив глубокое исследование мифа о Близнецах в мегалитических культурах, Шнайдер пришел к выводу, что гора Марса, две вершины которой – противоположности в их динамическом аспекте, соотносима с двумя башнями готического собора на западном фасаде [2, с.548].

Возможно предположить, что подобная космологическая модель не могла не найти отражения в романе, одним из главных образов которого является готический собор с возводимым над ним шпилем.

Более того, по нашему мнению, источником столь мощных образных и смысловых антиномий произведения У.Голдинга «Шпиль» является трансценденция архетипа горы Марса с ее двумя вершинами, символизирующими два извечных космологических начала. К.Г.Юнг подчеркивал, что «каждый архетип способен к бесконечному развитию и дифференциации» [5, с.28]. Так и архетип горы Марса с ее двумя вершинами, соотносимыми с двумя сторонами творения, светом и тьмой, в своем развитии подразделяется на ряд дуальных пар. Представим наиболее важные, на наш взгляд, бинарные оппозиции романа Голдинга «Шпиль»:

1. Свет и тьма являются глобальными понятиями, влияющими на структуру романа и на понимание его глубокого символизма.

Первое восходит к теологии Дионисия Ареопагита и его трактатам «О божественных именах» и «О небесной иерархии», а также работам аббата Сугерия. Их философия Божественного Света, его эманации и особой световой информации – фотодосии – легла в основу строительства готических соборов.

Мысли о тьме как некоей субстанции, онтологически присущей человеческой душе, всегда волновали У.Голдинга. Даже детские и юношеские медитативные размышления писателя были связаны с проблемами жизни и смерти, света и тьмы. «I am, in fact, an Ancient Egyptian, with all their unreason, spiritual pragmatism and capacity for ambiguous belief» [6, с.4], – писал о себе молодой Голдинг, интуитивно постигая глубины древнего символизма. Как отмечает исследователь его творчества С. Медкалф, мрачный дом XIV века, где жила семья Голдинга, соседствующий с кладбищем, близость древнейших архитектурных сооружений, увлечение египетскими символами повлияли на осмысление бытийных феноменов будущим писателем [6, с.3-4]. Величие древнего мегалитического храма Стоунхенджа и космогонические египетские символы будут звучать громкими аккордами языческих реминисценций в романе У.Голдинга «Шпиль».

2. Християнское и языческое сосуществуют в антиномическом единстве в целостном пространстве романа, становятся мощнейшим средством художественной выразительности.

Данную оппозицию представляется целесообразным подразделить на следующие бинарные пары:

- 2.1. Готический собор – языческий храм; католический священник – древние жрецы: «...now that the candles have gone from the side altars, I could think this was some sort of pagan temple; and those two men posed so centrally in the sundust with their crows [...] the priests of some outlandish rite...» [Golding, p. 10].
- 2.2. Святое – демоническое. Храм – царство света, вне его – тьма и бесы, пытающиеся проникнуть внутрь. Здесь Голдинг блестяще показывает инверсию: «the saints that jumped and rattled in the windows» [Golding, p. 169].

Шпиль также трактуется инверсивно: «...what had once been the whispered expostulations of the spire was now a shouting and screaming with the roar of released Satan as a sort of universal black background» [Golding, p. 176].

- 2.3. Службы в соборе и культовые огни Ивановой ночи, зажженные поклонниками Сатаны.
- 2.4. Священный гвоздь, католическая реликвия, воплощение христианского ритуала, призванного противостоять бесовским козням, и веточка омелы, символ колдовства.
- 2.5. Целибат католического священника и его страстная любовь к Гуди Пэнголл, жене сторожа собора.
- 2.6. Смирение – гордыня; христианская добродетель и ее антипод, считающийся смертным грехом.

3. Соотнесение архетипической и художественной космогоний в их символическом выражении является одной из важнейших оппозиционных пар в романе. Архетипическое осмысливается художественно в целостном пространстве романа, обогащая полифонию произведения.

Антиномии, соотносимые с проекциями двух вершин холма Марса, выступают как средство внутренней динамики романа, ритмически организуя его структуру и обретая единство в художественном синтезе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Golding W. The Spire. – London-Boston: Faber and Faber, 1964. – 223 p.

РЕЗЮМЕ

Праця Захарової А.Л. «Трансценденція архетипового в структурі художнього цілого» присвячена проблемі взаємодії художнього та міфологічного типів свідомості. Автор досліджує функціонування архетипових моделей в «романі-символі» У.Голдінга «Шпиль», інтерпретація якого постає своєрідним «сходженням» від знакового (текстового) рівня до рівня художньо-архетипового осмислення.

SUMMARY

The paper «The Transcendence of the Archetypal in the Structure of the Artistic Whole» written by Zakharova A.L. is devoted to the problem of interaction between artistic and archetypal consciousness. The author investigates the functioning of the archetypal patterns in the Golding's «novel-symbol» «The Spire» the interpretation of which appears to be a specific «ascent» from the sign (textual) level to the level of artistic and archetypal comprehension.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Бердяев Н.А. Царство духа и царство Кесаря. – М.: Республика, 1995. – 383 с.
2. Керлот Х.Э. Словарь символов. – М.: REFL-book, 1994. – 608 с.
3. Ницше Ф. Злая мудрость. – М.: Триада-Файн, 1993. – 240 с.
4. Элиаде М. Космос и история. – М.: Прогресс, 1987. – 312 с.
5. Юнг К.Г. Психология и алхимия. – М.: REFL-book, К.: Ваклер, 1997. – 592 с.
6. Medcalf S. William Golding. – Longman Group Ltd, 1975. – 43 p.

Надійшла до редакції 15.05.1999 р.

ББК Ш43(4ВЕЛ) (=432.11)6*8 Грин 4

СИСТЕМА ГЕРОЕВ В РОМАНАХ Г.ГРИНА «СИЛА И СЛАВА» И «МОНСЕНЬОР КИХОТ»

А.А.Кавакин

В данной статье предлагается рассмотреть особенности концепции гриновского героя в романах «Сила и слава» (The Power and the Glory, 1940) и «Монсеньор Кихот» (Monsenior Quixote, 1982). Эти два произведения рассматриваются в контексте преемственного развития их поэтики: несмотря на то, что их отделяет более 40 лет, два анализируемых романа представляют развитие одной и той же проблемы – возможности сосуществования атеизма (марксизма, коммунизма) и христианства (католичества). Эти романы Грина часто называют католическими [7,9], а иногда, из-за напряженного спора-диалога идеологий в этих романах, они определяются как романы идеологий [3].

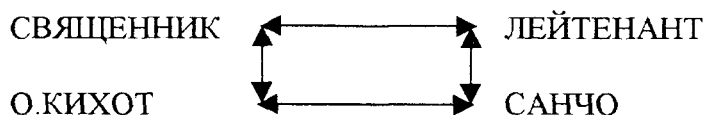
В центре обоих романов – два главных героя, чьи образы выстраиваются на пересечении трех основных факторов: идеологии, сомнения и амбивалентности. С.Н. Филюшкина, рассматривая проблемы автора и персонажа в современном английском романе, говорит о Грине следующее: «... автор превращает сознание своего героя в своеобразную фокусирующую призму», которая «наводится Грином и на коллизии, связанные с проблемой идейного самоопределения человека ...» [10, с.134]. Такая фокусировка достигается через введение идеологического восприятия героями окружающего мира. Идеология героя в романах Г.Грина обычно проходит проверку в экстремальных ситуациях, которые приводят героя к сомнениям в истинности своей идеологии, в правдивости своей внутренней веры. Сомневающийся герой – это лейтенант, задумавшийся о правильности своего дела, священник, мечущийся между греховностью и святостью (роман «Сила и слава»), это о.Кихот и Санчо, выехавшие из Эль-Тобосо в поисках истины (роман «Монсеньор Кихот»). Но сомнение раздваивает цельное восприятие мира, делит целое на две противопоставленные части, и поэтому священник в романе «Сила и слава» одновременно и святой, и грешник, а о.Кихот в романе «Монсеньор Кихот» – еретик и правоверный. Таким образом, герой сомневающийся не может не быть героем амбивалентным. Сомнение и амбивалентность создают благоприятную основу для диалога двух главных героев в обоих романах, что, в свою очередь, приводит к эволюции образов героев в целом.

Результатом такого развития становится сближение двух героев-антагонистов, возникновение между ними многочисленных связей – о главных героях можно говорить как о парных образах. Объединяющую силу сомнения видит и о.Кихот: «Как странно ... что сомнение может объединить людей, пожалуй, даже в большей мере,

чем вера. Верящий будет сражаться с другим верящим из-за какого-то оттенка в понимании, – сомневающийся же сражается лишь сам с собой» [5, №1, с.25]. Уже в романе «Сила и слава» имеет место сближение таких героев с диаметрально противоположными взглядами, как лейтенант и священник. У.Аллен говорит об этом так: «Любовь движет и священником, и лейтенантом милиции, и в итоге – пусть ненадолго! – их объединяет, пожалуй, даже чувство товарищества» [1, с.131].

Если в «Силе и славе» сближение происходит ненадолго, то в романе «Монсеньор Кихот» дискуссии героев посвящено все произведение. С.И. Бэлза пишет об этом как о санчоизации о.Кихота и кихотизации Санчо и говорит о взаимопроникновении их идей [см: 4, с.209]. Таким образом, в романе «Сила и слава» две идеологии ненадолго встречаются в образах священника и лейтенанта, а в первой части романа «Монсеньор Кихот» происходит сближение и взаимопроникновение, объединение идеологий коммунизма и католичества, но уже в образах о.Кихота и Санчо. Во второй части романа «Монсеньор Кихот» результатом объединения двух идеологий становится переход от жестких догм к живым идеям. Отказ от догматической трактовки подразумевается с самого начала произведения – в карнавальном осмыслении религиозных обрядов и теологических споров, а сцена последней битвы о.Кихота с официальной церковью становится центром и итогом развития всего романа. С точки зрения католичества в этой битве о.Кихот выступает против одного из главных положений церкви – иерархичности и включенности каждого ее члена в иерархию. Опошление шествия с Пресвятой Девой, оклеенной денежными купюрами, разрешено епископом, а значит, и церковью. Несогласие и протест о.Кихота против подобного шествия приводит его к выступлению против иерархии, к обретению внутренней живой веры – по словам Г.А. Анджапаридзе, происходит «процесс отторжения человека от навязанной ему догматической морали» [2, с.17].

Рассматривая эволюцию поэтики в трансформации образов героев, можно также заметить включение каждого из героев в определенную схему как синхронических, так и диахронических связей с точки зрения развития типологически сходного персонажа в другом произведении. Перед нами возникает развивающаяся система парных образов:

Каждый элемент системы оказывается связанным с двумя соотносящимися с ним элементами. Так, священник в романе «Сила и слава», ненадолго встретившись с лейтенантом, порождает в нем сомнения в правильности его идей. Вместе с тем, жизнь священника между грехом и святостью, его искания из плана практического, жизненного и бытового трансформируются в рефлексии и сомнение по поводу веры в образе о.Кихота. Лейтенант, показанный в романе «Сила и слава» как образ еще закрытого для диалога героя, получив от священника заряд амбивалентного, основанного на сомнении мышления, в романе «Монсеньор Кихот» находит развитие в образе Санчо, который ведет диалог с о.Кихотом. Парные образы священника и лейтенанта из романа «Сила и слава» переосмысливаются в парных образах о.Кихота и Санчо в романе «Монсеньор Кихот» – они как бы продолжают прерванный спор-диалог.

Одним из свойств, характеризующих парные образы, является зеркальная симметрия их поступков, некоторых деталей внешности и т.п. В романе «Сила и слава» симметрия подчеркивается двумя взаимосвязанными мотивами – бегством священника

и преследованием его лейтенантом. Взаимодействие героев построено по принципу «реакция-антиреакция», когда поступок одного из них вызывает ответный шаг другого. У лейтенанта и священника один и тот же путь в пространстве романа, они движутся по одной и той же замкнутой линии – столица, деревня, река, столица и т.д. Эта замкнутая линия в чем-то напоминает движение по дантовским кругам ада, а мотив смерти и разложения становится основным в поэтике всего романа.

Подобная же симметрия наблюдается и во взаимодействии образов о.Кихота и Санчо в романе «Монсеньор Кихот», но, так как они уже путешествуют вместе, одинаковость их действий организована и в стилистических деталях. Рассмотрим, как построен диалог в начале первой части романа. Параллелизм, симметрия здесь выражаются в практически одинаковых фразах, произносимых героями. Это позволяет свести в иногда парадоксальное единство крайности двух идеологий – марксизма и католичества. Так, Санчо сначала сообщает о своем поражении на выборах и отъезде из Эль-Тобосо. Затем о.Кихот рассказывает свою историю об отстранении его от дел и также о решении начать путешествие. Приведем отрывок из дальнейшего диалога, чтобы нагляднее показать взаимопроникновение идеологий главных героев, достигающееся с помощью симметричного расположения фраз:

« – Я умываю руки и уезжаю из Эль-Тобосо, – заявил бывший мэр.

– А меня вынуждает уехать епископ, – признался ему о.Кихот...

– Надо было мне предупредить вас. Вот что получается, когда слишком доверяешь Церкви.

– Да дело тут не в Церкви, а в епископе... Вот вы – другое дело... Ваша партия подвела вас, Санчо...

– Дело вовсе не в моей партии... В каждой партии есть предатели. В вашей партии тоже, отец Кихот. Был же у вас Иуда...

– А у вас был Сталин...

– Александр Шестой?

– А у вас Троцкий? Правда, насколько я понимаю, теперь можно придерживаться разного мнения о Троцком» [5, №1, с.11-12].

Парадоксальное сведение различных имен – Иуда и Сталин, Александр Шестой и Троцкий – позволяет выделить общее зерно истины в двух точках зрения, объединяет героев.

Кроме парных образов главных героев, в романах «Сила и слава» и «Монсеньор Кихот» Г.Грин вводит большое количество параллельных образов, двойников, что приводит к тому, что даже внутренние противоречия и этапы развития одного образа изображаются посредством двойничества. В романе «Сила и слава» вариантами веры священника, но с какими-либо изъянами, оказывается вера Хуана из благочестивой религиозной книги, протестантизм Леров и отказничество Хосе. Такие образы-двойники как бы сравнивают веру и полуверу (священник и Хосе), веру, прошедшую через грех и сомнение, и веру, принятую людьми, но не продуманную ими (священник и семья Леров), веру выстраданную и благообразное мученичество (священник и Хуан). Меньше параллельных образов у лейтенанта – с ним соотносим только начальник полиции, для которого идея сама по себе не важна, а противопоставление лейтенанта и начальника полиции в чем-то сопоставимо с противопоставлением священника и Леров. В романе «Монсеньор Кихот» о.Кихот и Санчо представляют собой некое единство, поэтому их двойники – тоже парные образы: о.Эррера и епископ, являясь образами представителей церковно-догматического мышления, определяют развитие конфликта во второй

части романа. Появляючися же в кінці произведения о.Леопольдо и профессор Пилбим как бы показывають різницю между о.Кихотом и Санчо начала и кінця романа: о.Леопольдо и профессору еще далеко до единства и взаимопонимания главных героев, у них еще не было своего путешествия. Кроме того, введение образов о.Леопольдо и Пилбима дает вариант возможного дальнейшего развития того же конфликта, но уже на другом, философском уровне.

В романе «Монсеньор Кихот» также интересно реминисцентное сопоставление образа о.Кихота со святыми католической церкви, книги которых он читал во время путешествия. Мысли о.Кихота об Августине, авторе «Града Божия», приложимы к самому священнику: «... он был и грешником, и одновременно святым; он не был теологом-моралистом, он был поэтом и даже юмористом» [5, №1, с.45]. Три книги, которые о.Кихот взял с собой в путешествие, написаны св.Франциском Сальским, св.Хуаном де ла Крусом, св. Терезой Авильской. Деятельность Франциска Сальского по обращению протестантов в католическую веру чем-то напоминает попытки о.Кихота обратить в христианскую веру Санчо, тем более, что имя святого упоминается в спорах с Санчо. Более тесная связь существует между о.Кихотом и Терезой Авильской и Хуаном де ла Крусом. Оба святых – испанские мистики, писатели, современники Сервантеса, создавшего книгу о предке о.Кихота. Неслучайно последняя месса о.Кихота пронизана мистицизмом, сближающим его образ с фигурами этих святых. Терезу Авильскую и Хуана де ла Круса преследовала инквизиция, а о.Кихота, обвинив в сумасшествии, как и его великого предка, также преследует официальная церковь, на этот раз в лице епископа. О.Кихот въезжает в город босоногим, и это также не случайно – он как бы общается к ордену босоногих кармелитов, крупными фигурами в истории которого были св. Тереза и Хуан. Посещение героями Саламанки, где учился Хуан де ла Крус, также сближает его с о.Кихотом, что связывает образ этого героя с проблемой героического мученичества. Мистическое учение Хуана сурово, он утверждал, что истинный путь к Христу – через крест. Этим путем идет и о.Кихот. Его путь обозначен словами св.Хуана: «О души, мечтающие о спокойных и утешительных духовных путях, если бы вы знали, как нужно вам страдать, чтобы достигнуть этого утешения и спокойствия; если бы вы знали, как это невозможно без страдания и как без него вы не искали бы никаких утешений ни в Боге, ни в твари, но предпочли бы им крест»[цит. по: 8, с.53].

Гриновская концепция героя становится созвучной словам св. Хуана: как в «Силе и славе», так и в «Монсеньор Кихоте» этическое самоопределение индивида происходит в выборе путей жизни и смерти. Делая моральный выбор, герой совершает действия, ведущие к трагическому исходу, без разлада с собой, без чувства мучительной жертвенности. Кристально ясным представлено в романе «Сила и слава» решение священника идти к умирающему преступнику и исповедовать его. При этом, зная о возможном трагическом финале (аресте и расстреле), он принимает решение сразу же, без мучительных раздумий. К такому же типу героя принадлежит и о.Кихот. Он вступает в битву с продажными священниками, для него нет выбора, у него только один путь – пойти на битву, принять свой крест и погибнуть.

Таким образом, герой в романах Грина – это сомневающийся идеолог, погруженный в сомнение по поводу своей веры, что приводит его к рефлектирующей амбивалентности, и вместе с тем, к возможности вступить в диалог с другим героем-идеологом, в результате чего появляются парные образы, развитие которых, в свою очередь, дублируется введением образов двойников. Типологически парные образы беседующих антагонистов получают развитие в романах «Сила и слава» и «Монсеньор Кихот», которые могут быть рассмотрены в качестве различных этапов эволюции

главных героев, результатом которого становится этический выбор, ведущий к трагическому финалу.

РЕЗЮМЕ

Стаття присвячена розгляду системи героїв в романах Г.Гріна. Особлива увага надається аналізу парних та паралельних образів, які відбивають розвиток концепції головних героїв у цих творах письменника.

SUMMARY

The article analyses the system of characters in Greene's novels. A special attention is paid to the problem of double and parallel characters which underline the development of Greene's hero.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аллен У. Традиция и мечта. – М., 1974
2. Анджапаридзе Г.А. Возможен ли ответ на вечные вопросы бытия? // Грин Г. Избранное. – М., 1990. – С.5-18.
3. Аникин Г.В. Современный английский роман. – Свердловск, 1971.
4. Бэлза С.И. Новое «евангелие» о Дон Кихота // Грин Г. Монсеньор Кихот. – М., 1989.
5. Грин Г. Монсеньор Кихот // Иностранная литература. – 1989. – № 1-2.
6. Грин Г. Сила и слава // Иностранная литература. – 1987. – №1-2.
7. Коссак Е. Экзистенциализм в философии и литературе. – М., 1980.
8. Мень А. Мрак и свет // Наука и религия. – 1991. – №1. – С.1, 53.
9. Мень А. Трудный путь к диалогу: О романе Грэма Грина «Монсеньор Кихот» // Иностранная литература. – 1989. – №1. – С.209-213.
10. Филюшкина С.Н. Современный английский роман. – Воронеж, 1988.

Надійшла до редакції 17.05.1999 р.

Ф І Л О С О Ф І Я

ББК Ю251 + Ш 10*34

ОБ ОМОНИМИЧНОСТИ ТЕРМИНА «ЧЕЛОВЕК»
В ФИЛОСОФИИ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУКАХ*В.А.Капустин*

В современной философской литературе бытует мнение о том, что социальная философия (по крайней мере в ее современном состоянии) якобы не справляется с познанием человека и ее нужно дополнить особой наукой – философской антропологией, или человековедением. Одной из причин, порождающих такое мнение, является та путаница, которую вносит в проблему человека существование в науке двух слов-омонимов. В естественных науках, и прежде всего в антропологии, в слово «человек» вкладывается вполне определенный смысл – особь вида «*Homo sapiens*».

В научной философии особь этого вида в полном согласии с антропологией, физиологией, медициной и т.д. рассматривается как природное существо, а словом «человек» обозначают нечто иное, а именно: общественное существо, бытие которого есть деятельность, а сущность – совокупность общественных отношений. Путаницу эту усугубляет обыденное сознание, для которого человек дан лишь в образах восприятия и представления, и где фиксируется лишь внешний телесный облик. Правда, обыденное сознание, в отличие от ряда ложных философских концепций, все же предполагает в человеке внутреннюю сущность, закрепляемую словом «душа», которая в большинстве случаев никакого религиозного оттенка не имеет.

В естествознании человеческое тело понимается либо как организм, либо как его ископаемые останки, по которым можно судить об организме. В научной философии к человеческому телу относят все то в природе, что управляется его разумной волей или в чем опредмечен его разум. В философских работах 40-х годов «ранний» К.Маркс развил идею о природе как социальном неорганическом теле человека. «Природа есть **неорганическое тело** человека, а именно – природа в той мере, в какой она не есть человеческое тело. Человек **живет** природой. Это значит, что природа есть его тело, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть» [1, с.92]. Таким образом, в трактовке ученого, тело человека далеко выходит за пределы его организма и само по себе человеком не является. Человек «общается со своим телом» и, следовательно, тело есть нечто иное, чем человек, а человек нечто иное, чем его тело. К человеческому телу относятся палка и камень первобытного человека, механизмы, машины, роботы человека современного. К нему относится и вся искусственная среда его обитания, начиная от одежды, домашней утвари, жилища и кончая всем комплексом общественного комфорта, обеспечивающего его жизнедеятельность. «Практическая универсальность человека проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его неорганическое тело, поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности» [1, с.92]. Говоря о неорганическом теле человека, К.Маркс, по-видимому, имеет ввиду лишь то, что оно находится вне его организма: лошадь, например, запряженная в плуг является таким

же элементом человеческого тела как и трактор, так как управляется его разумной волей. Что же касается человеческого организма, то далеко не все в нем является телом человека социального; к последнему относится только то, что в данный момент подвластно его разумной воле. Все остальное в нем принадлежит к естественной природе, к той части мира, которая не охвачена человеческой деятельностью.

Тело вообще есть понятие геометрическое, в котором фиксируются пространственные границы чего-либо в трех измерениях. Пространственные границы человека, если можно так выразиться, антропологического совпадают с поверхностью, отделяющей организм от внешней среды. Очертания же тела человека социального настолько подвержены метаморфозам, что ни о какой его стабильной пространственной форме не может быть и речи. Сегодня человек слит воедино, например, с экскаватором, завтра с лыжами, послезавтра и вовсе на время лишился тела и т.д. В этом смысле человек социальный является сущим оборотнем.

Проведение достаточно четкого пространственного различия между антропологическим и социальным «телами» человека имело место в персоналистской концепции Н.О.Лосского. «В изложенном мною учении о строении человека, – отмечает русский философ, – словом «тело» приходится обозначать два весьма различных понятия. Во-первых, этим словом обозначается **пространственный** объем, создаваемый действиями отталкивания и притяжения, производимыми человеческим «Я» вместе с подчиненными ему деятелями, а также вообще все действия их, имеющие пространственную форму. Во-вторых, я условлюсь употреблять то же самое слово «тело» для обозначения другого понятия: совокупность субстанциальных **деятелей**, вступивших в союз с человеческим «Я», и подчиненных ему, можно также назвать телом этого «Я». Не совсем удобно обозначать одним словом два различных понятия, однако путаницы от этого не произойдет, потому что в большинстве случаев из смысла предложения видно, какое значение имеет в нем слово «тело» [2, с.339-340]. В первом случае у Н.О.Лосского есть подход к пониманию «социального тела» человека («все действия человека, имеющего пространственную форму»), а во втором случае речь идет о «теле антропологическом», понимаемом в характерной для этого автора терминологии как «совокупность субстанциональных деятелей». Можно согласиться с ним и в том, что «не совсем удобно обозначать одним словом два различных понятия». Однако, несмотря на наличие двух слов-омонимов и в нашем тексте не должно произойти никакой путаницы, ибо четко определено, какое значение имеет слово «тело» в каждом случае.

Не менее резко различаются и временные границы человеческого бытия в естествознании и философии. Границы антропологические опять-таки весьма просты – это временной интервал между моментами рождения и смерти организма. Бытие же человека социального есть деятельность. При этом нужно уточнить, что здесь речь идет о деятельности неотчужденной, целостной, представляющей собой всю полноту человеческого бытия. Чтобы выяснить смысл этого уточнения, необходимо ввести понятие элементарного целостного акта деятельности. Такое понятие является результатом расчленения деятельности на такие простые неделимые дальше ее элементы, в которых сохранились бы все существенные определения деятельности вообще. Соотношение целостного элементарного акта деятельности и деятельности вообще аналогично соотношению молекулы и вещества, из данных молекул состоящего. Для полного выяснения, например, сущности воды достаточно подвергнуть исчерпывающему анализу одну ее молекулу. То же можно сказать и о деятельности, для полного понимания которой так же достаточно проанализировать ее элементарный целостный акт.

Прежде чем совершить реальное воздействие на объективный мир, человек, в отличие от животного, знает, что он будет делать: он создает идеальный образ конечного результата деятельности, т.е. ставит перед собой цель, а также создает образ деятельности, направленной на реализацию цели, т.е. продумывает средства достижения цели. Все это вместе взятое есть идея или замысел. Объективная же детерминанта замысла обнаруживает себя в потребности. Потребность живого человеческого индивида, обусловленная его телесной организацией, приобретает форму человеческой потребности, когда этот индивид включается в определенную совокупность общественных отношений. Объективная потребность как первичный импульс деятельности находит чувственное выражение в интересе, интерес осознается и становится идеей, замыслом. Потребность – интерес – замысел в своем единстве составляют первое звено любого элементарного целостного акта деятельности, а именно: ее побудительный мотив, ее программу. Поскольку замысел содержит в себе в снятом виде и потребность и интерес, то первое звено акта деятельности можно называть просто замыслом, если при этом не забываются его объективные детерминанты.

Второе звено представляет собой процесс реализации замысла, превращение идеального в реальное. Этот момент человеческой деятельности придает ей характер непосредственной действительности, превращает деятельность в человеческое бытие: человек свое бытие обретает не в мышлении, а в его реализации, в предметном воплощении замысла, в практическом действии. Совокупность всех этих вторых звеньев актов деятельности и составляет практику. Изменяя объективный мир, человек неизбежно изменяет и свой внутренний субъективный мир; опредмечивая замысел, он распредмечивает объект деятельности. Поэтому можно сказать, что к концу каждого акта деятельности возникает новый видоизмененный субъект. Такое изменение является, во-первых, познанием и, во-вторых, трансформацией социальной сущности человека. Последняя означает то, что, осуществляя любое практическое действие, субъект включается в определенный круг объективных общественных отношений, которые в результате этого действия переходят в субъективную форму, т.е. духовно ассимилируются субъектом. Изменение субъекта в результате собственного действия, отражение в субъекте этого действия в форме приобретения знаний, формирования новых моральных устоев, политических убеждений, религиозных или атеистических взглядов и т.д. можно закрепить в термине «рефлексия».

Итак, целостный элементарный акт деятельности представляет собой органическое единство трех следующих друг за другом моментов, или звеньев:

- первое звено – программа, побудительный мотив, идеальный план, замысел;
- второе звено – реализация цели, практическое действие, опредмечивание замысла;
- третье звено – изменение субъекта в процессе практики, рефлексия.

Следовательно, временные границы бытия социального человека – это границы его деятельности. И значит, если между отдельными актами деятельности протекает время, деятельностью не заполненное, то не заполнено оно и человеческим бытием. И это бытие человек каждый раз обретает, когда выходит из небытия в начале деяния, затем он изменяется, формируется, развивается на всем протяжении деяния, достигая полноты бытия в опредмечивании мысли, в практическом самоутверждении, и исчезает, уходит в небытие, когда деяние завершается. Деятельность как последовательная совокупность деяний имеет дискретный характер, т.е. человеческое бытие, как сказал бы физик, квантовано на определенные порции деятельности. Эти порции оторваны друг от друга не абсолютно, их связывает воедино, если продолжить физический образ, такое поле, как память, благодаря которой деятельность приобретает относительную

непрерывность. Одним словом, человек социальный может оказаться в состоянии небытия при бытии человека антропологического в отсутствии деяния как в условиях медицинской нормы, так и, тем более, в условиях патологии, когда деятельность в принципе невозможна. И наоборот, антропологический переход в небытие не всегда связан с переходом в небытие социальное, так как одно деяние может совершаться множеством индивидов, физически сменяющих друг друга при реализации одной цели.

Здесь может сложиться ложное впечатление, что человек социальный совершенно отрывается от его человеческого организма, а значит, и деятельность – от руки, мышление – от мозга... В действительности же речь идет не об отрыве, а об установлении четкой границы, разделяющей природу и общество, речь идет о том, что эта граница проходит не по поверхности кожи и вообще не является границей пространственной. В пространстве вообще нет ничего, кроме природы, и поэтому всякое тело, естественное или искусственное, включая тело человека антропологического и человека социального, есть **природа**. Природа первозданная и природа управляемая и преобразуемая человеком.

Человек, безусловно, обладает телом, но это тело не является человеком социальным. Человек социальный (повторим еще раз) в своем бытии представляет не тело, а деятельность; в своей сущности – не тело, не сущность тела, а общественные отношения, в которых нет ни грамма вещества. Конечно, человек от этого не становится бесплотным духом, бестелесным существом, он мыслит с помощью мозга, действует с помощью рук, сталкивая между собой тела природы; его деятельность в практической части носит вполне материальный характер, но человек социальный – это не вещь, а **процесс**.

Природа в очень большой мере детерминирует деятельность человека именно через потребности организма, принимающие форму человеческих потребностей. В свою очередь человек, реализуя свои цели, навязывает их природе как закон, очеловечивает природу, превращая ее во все возрастающих масштабах в тело культуры. Но никакая самая тесная связь, самое интенсивное взаимодействие не стирает границы между природой и человеком как общественным существом.

РЕЗЮМЕ

У цій статті соціальне буття людини трактується як діяльність. У свою чергу для розуміння сутності діяльності необхідно вичленувати цілісний акт діяльності, що являє собою органічну єдність трьох моментів, які йдуть один за одним, чи ланок:

перша ланка – програма, стимулюючий мотив, ідеальний план, задум;

друга ланка – реалізація мети, практична дія, опредмечування задуму;

третя ланка – дія суб'єкта у процесі практики, рефлексія. У зв'язку з розумінням діяльності як абстрактного буття людини, у статті проведено уточнення термінології, що має завжди, а в цьому випадку особливо, концептуальне значення. У природничих науках термін «людина» має цілком чіткий однозначний смисл. У сучасній філософії в термін «людина» вкладається не менш чіткий, але зовсім інший смисл, і цю омонімічність термінів у різних науках необхідно завжди враховувати.

SUMMARY

The paper treats social being as activity. In order to understand the of activity it is necessary to single out an integral act of activity, whicy it the organic of the thesee points os chains following lach other.

The first chain is the programme incentive motiff, ideal plan, intention.

The secend chain is the sealization of the aint, practical action aucl objectiona lization of the intention.

The thisd chain is the change of the subiect in the process of practice, reflection.

In orev of interpreting activity as an abstract being of man the paper clarifies the terminology, which always, in this case, in pastrulas is of conceptual importance. In natural ectences the term «man» has a clear and exact meaning. In modem philosophy the term man acquires the same cleas get quite different meaniry, and it is very nuportant to take into account this omonimity of femes in different sciences.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т.42, Экономически-философские рукописи 1844 года.
2. Лосский Н.О. Ценность и бытие // Н.О.Лосский. Бог и мировое зло. – М., 1994. – С.339-340.

Надійшла до редакції 28.05.1999 р.

УДК 130172/179

ПРЕОДОЛЕНИЕ ДУХА КАТАСТРОФЫ КАК НАСУЩНАЯ ЗАДАЧА СОВРЕМЕННОСТИ

Н.Н.Емельянова

Умонастроение, характерное для нашего общества в его современном состоянии, можно определить как катастрофическое. Массовый скепсис, своеобразный исторический пессимизм являются закономерными следствиями духовно-практического эксперимента, осуществляемого над нашим народом в течение многих десятилетий абсурдного двадцатого века.

Философская мысль с неизбежностью приходит к скептическому воззрению как к последнему логическому выводу из своих собственных предпосылок. Истории известен реалистический скептицизм античных мыслителей (пирроники, академики); нату-ралистический скептицизм эпохи Возрождения (Монтень); скепсис эмпириков Нового времени (Юм); виталистический скепсис XIX в. (Мах, Ницше); скептицизм экзистенциалистов XX в. (Сартр, Камю, Хайдеггер). Сам по себе скептицизм возникает оттого, что у человека просыпается желание схватить сущность мира не в мифах, а в логической форме. Однако философски обоснованное сомнение приводит к тому, что человеческое бытие теряется в негативных решениях и абсолютной противопоставленности миру.

Пессимистическое мироотношение можно рассматривать как симптом усталости народа, надорвавшегося в бесплодных жизненных усилиях. Этот трагический симптом выражает состояние духа, заключенного в бесконечной пустоте между старыми, разрушенными верованиями (в Бога, в партию, в идею и т.д.) и позитивистским умонастроением. Сама по себе вера характеризует позицию, с которой индивид смотрит на жизнь. Это уверенность в предварительно принятых гипотезах, которые еще не могут быть доказаны. Вера ограничивает или активизирует поступки человека в соответствии с вытекающими из нее этическими нормами, целями и представлениями. В соответствии с этим она очерчивает границы дорог жизни.

Утрата веры приводит к тому, что идеи, порождающие оптимистическое мироощущение, становятся прекрасными, но иллюзорными фантомами. Уныние и безнадежность делают счастье неспособным к реализации, а жизнь и смерть – равноценными. Сама смерть превращается в высшую форму отрицания, посредством которой человек освобождается от тщетных надежд и долгого обольщения жизнью. В результате

картина мира вырисовывается в виде чудовищной экспериментальной фабрики, где кое-что удается, и несказанно многое не удается. Как иронично заметил Гартман, неприятность похмелья всегда превышает приятность опьянения.

Истина, выходящая за пределы индивидуального бытия, ослепляет и сжигает разум, пытающийся разложить мир по логическим полочкам. Не находя спасения ни в вере, ни в логике, человек сам себя обожествляет и постепенно остается с собственным «ничем». Одержимый болезненной страстью к своему «я», он опустошает себя и теряется в бессильной и бесформенной пустоте. Парадоксальным образом его «я» превращается в игральные жестоких и прихотливых случайностей. И тогда во Вселенной, сошедшей с орбиты, не остается иной жизни, кроме жизни в пропастях. «Наша цивилизация выжила при попустительстве трусливых и злобных душонок, в мелком тщеславии стареющих подростков. Люцифер умер вместе с Богом, и из его праха возник жалкий бес, который и сам уже не видит, куда его несет» [1].

Пессимистическое мироощущение, опираясь на неосознанный эсхатологизм, делает ценностью не что иное, как апокалипсис. Это не случайное, а закономерное явление цивилизации как своеобразного итога утверждения определенного типа ценностного отношения человека к действительности. С одной стороны, индивид не является целостно организованным существом. Словно рожденный для недовольства, он всегда требует больше, чем мир дает ему добровольно. С другой стороны, переломный общественный период знаменуется крушением привычного уклада жизни. Это ставит под сомнение всю ту систему ценностей, которая успела приобрести для массового человека прочность предрассудка и обеспечивала автоматизм его повседневного поведения. Ломка стереотипов приводит к тому, что в обыденном сознании ценности становятся ингредиентом отчужденного мира, который противостоит желаниям индивида и навязывает ему свою волю.

«Глубокая тоска, бродящая в безднах нашего бытия, словно глухой туман, смещает все вещи, людей и тебя самого вместе с ними в одну массу какого-то странного безразличия» [2]. В то же время, на основе изолированности и самозащиты, растет гипертрофированная рассудочность и крепнет нравственный сепаратизм. В этих условиях неизбежно возникают вопросы: можно ли вычленивать в общественном сознании основное и неосновное? Что уже стало непоправимым и что еще можно исправить?

Духовный кризис, переплетающийся с кризисом социальных структур, проявляется через нигилистическое оголение, неприятие мира и снятие с него обманчивых покровов. Культивирование духа катастрофы, отвергающее перспективность любых прогрессивных усилий, составляет классический невроз кризисных времен. Но это не единственная позиция перед лицом духовного кризиса. Другим способом мироотношения является консервативная замкнутость на усвоенных идеях и приверженности к установившемуся порядку вещей. Умеренный скептицизм не только мирно уживается с конформизмом, но и нередко маскируется им. Консервативный дух порождает философию «серенького» дня, в основе которой лежит принцип: «...Жизнь все равно есть тюрьма, которую нужно только обставить так, чтобы в ней были канарейка и самовар» [3].

И, наконец, третьей позицией в условиях духовного кризиса может стать бунтарско-жизнетворческая, основанная на активном самопреодолении личности. Продуктивно жить, не веря в обновление бытия, можно только в том случае, если отсутствие веры превратить в метод. Отчаянию – слабости противопоставляется отчаяние – вызов как новое определение человека. Если людей гонят стадами, значит, необходимо расшеять эти безликие толпы. Миру нужны новый социальный порядок и новая религия,

но самое главное – ему необходима внутренняя революция человеческого духа, основанная на новых ценностях.

Времена меняются, и соответственно меняется система ценностей и смыслов бытия человека, группы, общества. В нашу переломную эпоху приоритетной вновь становится ценность жизни. Ее реализация возможна на пути взвешенного морального выбора, с учетом прошлого опыта и возможных последствий нынешней общественной ситуации для будущего. Нужна по-новому интерпретированная философия ценностных ориентаций, предлагающая современную концепцию общих целей. Ценность «я – жизнь» обретает ценностную субстанциональность только при условии свободного избрания индивидом в качестве высшего целеполагания ответственность за «жизнь другого». «Я существую лишь в той мере, в какой я существую для другого» [4].

Основу жизни должен составлять не принцип конкуренции, а принцип солидарности. Мораль, сорванная с мертвых петель прописного долга и отождествленная с «я» индивида, может соединить индивидуализм и универсальный долг, вращаясь в социальное. Насущная задача состоит в том, чтобы примирить ценности внутренней жизни личности и массовые ценности в свободном от неопреодолимых противоречий единстве. Чтобы выполнить эту задачу, необходимо осуществить выбор между созерцанием и действием. «Либо Бог, либо время, или крест, или меч» [5].

Современная нам эпоха – это кризисная точка в общем ходе истории, и в то же время – решающий поворотный пункт. Поскольку мир, лишенный смысла, непереносим, возникающий в обществе хаос рано или поздно сублимируется в перегруппировку сил для новой организации. Дальнейшее развитие зависит от того, что мы выберем – злой рок, катастрофу, конец всякого созидания или начало становления нового человека. Противовесом позиции «сжатого кулака» должна стать позиция «открытой ладони», предполагающая толерантность как способ неагрессивной заинтересованности в других людях.

Бесспорно, переход к такому типу мироотношения является весьма сложной мировоззренческой задачей. Можно сколько угодно говорить о политическом цинизме и экономической нестабильности общества, но подлинной трагедией современности является стагнация духа, превращающая мир в потерянный рай. «Для бездуховности нет никакого авторитета... Она поклоняется растяпе и герою с одинаковым рвением, но настоящим ее фетишем выступает все-таки шарлатан» [6]. Поэтому так важно помочь человеку создать тот внутренний круг ценностей и привязанностей, от которого невозможно будет отказаться ни при каких обстоятельствах. Этот круг должен строиться на самообуздании субъекта, с одной стороны, и разрушении выстроенного для него духовного порога, с другой.

Философам, которые издавна были носителями духовности, принадлежит и особое право, и особая ответственность в выработке новых мировоззренческих ориентиров жизнедеятельности. Их может объединить раскованная рефлексия, настойчивость мысли, основанная на позиции радикального антидогматизма. Нельзя забывать, что интеллектуально-душевный потенциал нового поколения лепится при непосредственном участии наставников – педагогов и философов. Юношеский максимализм и скептицизм, по своему существу, гораздо плодотворнее, чем интеллектуальная тупость и душевная сытость. Трудно не согласиться с утилитаристом Д.Миллем, вынужденным признать, что все-таки лучше быть недовольным Сократом, чем довольной свиньей.

Не в последнюю очередь будущее нашего общества зависит от того, какую житнетворческую концепцию мы сможем предложить ищущим, критически настроенным умам. Подлинная щедрость в отношении к грядущему состоит именно в том, чтобы ничего не жалеть для настоящего. Бесчисленные вопросы, возникающие сегодня по

поводу «апокалипсического» бытия, требуют человеческого порядка, при котором и ответы будут человеческими, то есть разумно и правдиво сформулированными. Путь к этому порядку долог и тернист, но и свобода духа – это не удобство, а величие, которого достигают в изнурительной борьбе.

Человек не приносит с собой на свет какой-либо общезначимой моральной аксиомы с четко определенным содержанием. Истолковывая субъективные проявления ценностей, мы тем самым разрабатываем сравнительную нравственную философию. Человек может выбрать для себя множество масок, и он же обладает способностью выбора самого себя. «Лучшая маска, какую только мы можем надеть, – это наше собственное лицо» [7]. Возможность выбирать становится осуществимой в ситуации, когда происходит преодоление индивидом инерции обстоятельств. Воля, разум и чувства оказываются способными разорвать цепь внешних детерминаций во имя тех ценностей, которые выступают ориентиром личностного поступка.

Подмена индивидуального самоопределения социальным псевдовыбором затрудняет или уничтожает возможность раскрытия творческих сил человека. Одним из существенных социальных условий преодоления отчуждения на личностном уровне является предоставление человеку права на свободное созидание своего мировоззрения. Такое право на альтернативность видения мира делает возможным жизненный выбор личности, при котором борьба за самоутверждение не приводит в очередной ценностный тупик, а предполагает позитивный выход или хотя бы бытийственный просвет.

Невозможно игнорировать тот факт, что опыт самоутверждения индивида в мире имеет не только положительное, но и отрицательное содержание. Отрицательный опыт активизирует переживание его субъектом чувства неудовлетворенности данным порядком вещей. Чем больше развит человек, тем острее он реагирует на ущемление своей воли, тем более, что способы этого ущемления становятся все более изощренными. Но человек – это не разумное животное; в нем есть особая область духа – сфера чистой эмоциональности, логика сердца. Возможно, обращение к ней будет способствовать интериоризации ценностей, их внутреннему свободному принятию и превращению в движущую силу поведения.

В любую эпоху мы всегда остаемся детьми своего времени и своего общества, и в то же время – созидателями и этого времени, и этого общества. Только осознав свои житнетворческие возможности, мы сможем преодолеть тотальный дух катастрофы, пронизывающий пустоту сегодняшнего ценностного небытия.

РЕЗЮМЕ

У статті подається аналіз катастрофічних тенденцій, які є характерними для суспільства на сучасному етапі його розвитку. Розглядаються різні способи світоставлення перед наявністю духовної кризи: соціальний песимізм, консервативна замкнутість на засвоєних ідеях та тяженні до усталеного стану речей, поміркований конформізм, а також активний нігілізм, заснований на самоподоланні особистості. Проблема реалізації життєвотворчої позиції індивіда пов'язується з філософією вартісних спрямувань, що пропонує сучасну концепцію загальних потреб. Подолання духу катастрофи трактується як початок духовного самовдосконалення нової людини.

Базові поняття: катастрофа, нігілізм, цінності, духовність, самоподолання.

SUMMARY

The present article is an analysis of a catastrophical frame of mind, which is typical for the present state of society. The following ways of world relations are examined: social pessi-

mism, conservative narrow-mindedness in adopted, fixed ideus and in adherence to established order of things, moderate conformism and active nihilism, based on selfovercoming of personality. The problem of creative power and vital position of individual is connected with philosophy of value orientations, which proposes us a modern conception of common aims.

The overcoming of catastrophes spirit is treated as the beginning of spiritual self-creation of a new man.

Basic words: catastrophe, nihilism, values, spirituality, self-overcoming.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Камю А. Бунтующий человек. – М.: Изд-во полит. литературы, 1990. – С.352.
2. Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 20.
3. Хвылевый М. Повесть о санаторной зоне / Синие этюды. – М., 1990. – С. 445.
4. Мунье Э. Персонализм. – М.: Инион, 1993. – С.41.
5. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде /Бунтующий человек. – М., 1990. – С.71.
6. Кьеркегор С. Понятие страха /Страх и трепет. – М., 1993.–С. 190.
7. Ницше Ф. Философия в трагическую эпоху. – М.: REFC-Book, 1994. – С.390.

Надійшла до редакції 28.05.1999 р.

УДК 130.172/179

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ИНВАРИАНТЫ СУБЪЕКТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ

Т.А.Андреева, В.В.Бондаренко

Проблема темпоральной рефлексии издавна привлекала к себе внимание ученых. В объекте «субъективное восприятие времени» представители разных наук выделяют свой предмет. Значительный вклад в разработку этой проблемы внесли философы. Так, например, Э.Гуссерль в работе «Феноменология внутреннего сознания времени» анализирует фундаментальные философские положения о взаимосвязи времени и сознания, в частности, высказывает идею о том, что анализ проблемы переживания времени способствует более полному и глубокому исследованию структур сознания. Подход к этой проблеме другого немецкого мыслителя – Т.Манна – отличается художественно-образной формой изложения. Объект («субъективное восприятие времени») в данном случае описывает талантливый писатель и изучает вдумчивый философ.

Исследованию субъективных форм восприятия времени отведено значительное место в его произведении «Волшебная гора» («Der Zauberberg»), которое и было выбрано нами в качестве материала для философского исследования. В романе социальное пространство и время оказываются разбитыми на два лагеря: мир «равнины» с его темпоральными шаблонами и мир «гор», горных массивов вблизи Давоса, где располагался лечебный санаторий Берггоф и где господствовало особое время - «время Берггофа». Мыслитель показывает взаимосвязь объективных свойств времени, каковыми являются его равномерность, однородность, последовательность и некоторые другие признаки, с миром человеческой психики, с абберациями сознания в экстремальных условиях.

Главный герой романа Ганс Касторп привык видеть во времени некую сущность, наделенную стабильными свойствами равномерности, одномерности, бесконечности и др. [6, с.71-78]. В Берггофе же он столкнулся с тем, что время как будто изменило свой привычный темп, отчего человек перестает чувствовать его присутствие. Это было

первым, что глубоко потрясло Касторпа и породило в нем сомнения относительно однородности времени. Рассуждая о времени, автор пытается пересмотреть традиционные понятия, говорит о времени «внизу» и о времени «наверху».

Мысли Ганса Касторпа относительно *неоднородного* характера «берггофского хроноса» в целом интуитивно верны¹, ощущаемые им изменения времени – результат – смены внешнего окружения и динамического стереотипа жизни героя. Для жителей санатория хронос словно «замкнулся», то есть стал напоминать древнюю циклическую модель времени. Строгий режим санатория, регулярность и порядок во всем стирали грани между временными промежутками. Каждый последующий день, проведенный в санатории, был похож как две капли воды на предыдущий. Таким образом, время приобрело симметричный, *пространственный* характер.

Вместе с тем, однообразие жизни в Берггофе порождало скуку. А скука – первый союзник и «проявитель» времени в том смысле, что она заставляет человека в полную силу ощутить могущество времени, его размеренный неторопливый ход. Другой характерной чертой берггофского хроноса является его *тягучесть*. «...Когда ты болен и лежишь в постели, кажется, что повторяется все тот же день... Тебе приносят за обедом суп, как принесли вчера, как принесут и завтра. И в тот же миг на тебя повеет чем-то, – чем и откуда ты сам не знаешь; знаешь, тебе приносят суп, а у тебя головокружение, формы времени сплываются, сливаются, и вдруг становится ясно, что истинная форма бытия – это *непротяженное* настоящее («ausdehnungslose Gegenwart» [11, s.263]), в котором тебе вечно приносят суп»².

Автор подчеркивает кольцевой ход времени в санатории, что имеет прямой выход на концептуальный, символический план романа. Берггоф задуман, как своего рода ловушка, из которой почти невозможно выбраться. Случаи полного выздоровления пациентов были так редки, что автор почти не упоминает их. И если больные и покидали «насиженное место», то только «вперед ногами». Однажды попавший сюда человек был обречен задержаться здесь надолго, если не сказать – навсегда. Берггоф – это испытание духа, и человек, в котором проснулся дух, жаждущий роста, уже не в силах заставить его снова уснуть. Этот человек тоже обречен, на этот раз – на духовный рост, *обречен*, ибо, по Т. Манну, дух – уже болезнь.

Подобная модель времени выбрана автором закономерно. Круг является одним из наиболее богатых и универсальных символических образов. С одной стороны, он олицетворяет замкнутость, повторяемость, которая может быть воспринята со знаком «минус» – как безысходность, бесконечный круговорот земной жизни. Так, пациенты Берггофа застряли в сансаре. Они, отмеченные печатью неизлечимой болезни, уезжали из лечебницы, но должны были снова возвращаться туда. При этом лишь немногим было суждено уйти в мир платоновских «чистых форм» (ср. диалектику формы и материи Аристотеля и учение о переселении душ Платона) [1, с.173-177; 3, с.149-152]. Но та же замкнутость может иметь и положительный смысл, суть которого – целостность, законченность, неделимость – характеристики, которыми древние греки наделяли понятие «космоса» как воплощения Божественного Абсолюта. С другой стороны, круг – это символ вечности и бесконечности, где нет границ и пределов, где уже ничто не

¹ См.: теорию относительности: зависимость свойств времени от распределения материальных масс (см.: [2, с.37-39]).

² А.Грюнбаум считает, что деление на настоящее, прошедшее и будущее составляет исключительную черту человеческого сознания и зависит только от выбора субъектом момента времени, обозначаемого им понятием «сейчас».

связывает дух в его свободном полете (древнеиндийское учение о реинкарнации, характерная для Средневековья идея круга, в которой Сотворение мира смыкается со Страшным судом [7, с.72-73]). Уподобление «берггофского хроноса» «восточному» демонстрирует влияние экзогенного фактора на оформление времени. Данное превращение оказалось возможным лишь благодаря искусственно созданным, нетипичным для западной цивилизации условиям, имитирующим восточный уклад жизни с его размеренностью, неторопливостью, где время течет, не зная преград, плотин и ответвлений, единой полноводной рекой. Известно, что субъективное время есть время, преломленное и видоизмененное человеческим сознанием. Познавательная деятельность человека в существенной мере определяется позицией самого субъекта познания. Степень объективности познания и гносеологического образа прямо пропорциональна уровню активности сознания индивидуума, так как «на фоне доминирующих субъективных знаний он схватывает независимое от него самого объективное содержание» [4, с.195-224]. В зависимости от уровня интеллектуального развития человек может воспринимать мир посредством не только чувств и ощущений, но и логических действий или же, что на практике встречается гораздо чаще, при помощи комбинаций первого и второго. На низшей – чувственной – ступени познания субъективность обусловлена спецификой нервной системы, а на логической ступени, при условии, что человек сознательно не старается преодолеть субъективность и выйти на объективный уровень знания, субъективность обусловлена существующими логическими и языковыми формами, различного рода предубеждениями, бытующими в обществе, коллективе и т.д.

Говоря о субъективных формах восприятия времени, нельзя не отметить, что степень их субъективности, а точнее, их удаленности от объективной реальности, может значительно варьироваться. Категорию времени вообще нельзя рассматривать как нечто «само по себе существующее». Будучи *формой* бытия материи, время онтологически «привязано» к ней и находится с ней в диалектическом единстве [8, с.541]. Отсюда логически вытекает необходимость выделения из единой категории времени как «идеального, абстрактного» понятия, различных его аспектов. Так можно говорить о социально-историческом времени, времени индивидуального бытия человека, биологическом времени и, наконец, о субъективном времени человеческого сознания. Являясь существом, наделенным даром сознания, человек может как максимально приближаться к объективному восприятию реальности, так в не меньшей степени и удаляться от нее, погружаясь в область чувственно-логических операций. При этом каждая субъективная модель отражения времени интересна еще и тем, что она крайне индивидуальна и неповторима. А изучение подобных субъективных моделей предлагает новый путь к познанию сущности человека, так как сами субъективные ощущения времени и их рефлексии очень точно характеризуют психологическое состояние и интеллектуальный уровень индивидуума.

Разнообразные причины, вызывающие те или иные временные aberrации, можно разделить на две больших группы. При этом основным критерием такого деления является фактор внутреннего или внешнего воздействия причины на сознание индивидуума. Так, к числу *экзогенных* факторов следует отнести особенности климата, однотипные ландшафты, экстремальные ситуации, создающие условия психологического давления, и некоторые другие объективные причины. В роли *эндогенных* причин здесь выступают особенности психического настроения, рефлексивные переживания, возрастной фактор и др. При этом внутренние причины фактически всегда являются второстепенными и производными от внешних в том смысле, что они формируются (иногда довольно длительное время) под воздействием экзогенных факторов и потому могут быть рассмотрены как порожденные ими. В качестве примера, более

подробно иллюстрирующего механизм воздействия экзогенного фактора, можно привести ситуацию влияния однотипного ландшафта на темпорально-локативные ощущения субъекта. Так, Ганс Касторп отправляется в Давос на три недели навеситить своего двоюродного брата Иоахима Цимсена. Еще не достигнув «таинственного» мира санатория и не вдохнув «пленяющего» воздуха Берггофа, а только находясь на пути к этому забытому всеми жителями «равнины» месту, Касторп уже отмечает происходящие в его сознании странные метаморфозы. Вплоть до настоящего путешествия молодой человек чувствует себя активным и деятельным. Он готовится стать практикантом на судостроительной верфи. Внезапно он ощущает себя погружающимся в некое, прежде ему не знакомое, состояние необыкновенного покоя, граничащего с нирваной. Тонительно долгая дорога уже делает свое дело, и Касторп на глазах превращается из дельца в бродягу и мечтателя. Сам процесс монотонного движения удивительным образом действует на человека. Поначалу он будоражит новизной ощущений, неизбежно возникающей вследствие нарушения относительного покоя, в котором человек пребывает, находясь дома. Когда же первые ощущения новизны и перемены ослабевают, наступает новая стадия – человек вновь успокаивается, только покой на этот раз приобретает новые качества, отличные от прежнего «домашнего» покоя. Это скорее созерцательный покой, углубление в самого себя. Человек как будто порывает с миром реальности и уносится в иные сферы – прочь от обыденности с ее заботами, интересами и обязанностями. Это состояние очень точно определяется словом «транс», а дорога действует как медитативная прелюдия к его возникновению. В подобном состоянии «необычной реальности» (термин К.Кастанеды [5]) самые естественные и привычные вещи предстают в новом необычном ракурсе, как во сне трудно порой узнать знакомое нам лицо или место. Это оказывается справедливым и по отношению к восприятию пространства и времени. Однообразные пейзажи за окном, относительно стабильная скорость их «протекания» и само равномерное движение постепенно ослабляют адекватное восприятие пространства, лежащего по ту сторону окна, как будто по ту сторону реальности¹. Очертания предметов постепенно сливаются в гамму цветовых пятен. Мир за окном теряет свою пространственность, объемность и становится сначала декорацией, а затем, все более сгущаясь, начинает ощущаться как время: мелькание предметов за окном – это течение времени, секунд, минут, часов, таких же похожих друг на друга, как и сами пейзажи. Ганс Касторп как раз и впадает во власть такого трансa: «Пространство, которое переваливалось с боку на бок между ним и родным домом, ... таило в себе силы, обычно приписываемые времени; с каждым часом оно вызывало все новые внутренние изменения, чрезвычайно схожие с теми, что создает время, но в некотором роде более значительные» [6, т.3, с.10].

Понятие движения может справедливо рассматриваться как в отношении пространства (например, метафизическое перемещение объектов), так и в отношении времени, где движение отражается во всевозможного рода изменениях, сопровождающих процесс становления, развития. Таким образом, и время, и пространство характеризуются движением, хотя и несколько различного качества. В случае монотонного «пространственного» движения (на нашем примере – это путешествие Касторпа в Давос) в сознании субъекта происходит наложение «временной» модели движения на «пространственную» модель. Обе эти модели в ситуации равномерного, относительно не-

¹ Ср. также пространственно-телесную ориентацию у М.Хайдеггера: «стояние- перед - ландшафтом» (vor-der-Landschaft-stehen) и его противоположность «быть в природном- пространстве» (in-dem-Naturraum-sein) [10, с.239-252].

прерывного движения становятся чрезвычайно похожими, а для человеческого восприятия и вовсе трудно различимыми. В случае же неравномерного и дискретного движения таких превращений со временем не наблюдается. Похоже, что именно равномерное и непрерывное движение, утомляя сознание своей монотонностью, вызывает у субъекта состояние транса, пребывание в котором позволяет человеку воспринимать вещи и явления в ином необычном ракурсе.

Но не только движение способно менять наше ощущение пространства и времени. Этому еще могут в значительной степени способствовать и особенности ландшафта. В одной из глав романа Т.Манн дает описание прогулки по берегу моря, прилагая к нему свои философские комментарии. Он говорит о явлении «смещения и смешения» пространственно-временных дистанций («*Vermischung und Verwischung der zeitlich – räumlichen Distanzen*» [11, s.771]), возникающем в результате воздействия монотонных звуковых колебаний и однообразия ландшафта: «Идешь, идешь..., никогда ты с такой прогулки вовремя не вернешься домой, ибо ты и время – вы потеряли друг друга. «Там?» Что это за «там»? Далеко ли? Близко ли? Это головокружительно ускользает от твоего определения. Твой взгляд прокладывает путь через неведомое ... Стоя на месте – идем вперед. Ничто не меняется при нашем шаге, *там* – все равно, что *здесь*, *раньше* – все равно, что *теперь* и *потом*, в безмерном однообразии пространства тонет время, движение от точки к точке – уже не движение, тут властвует тождество, а там, где движение перестает быть им, там времени уже нет [6, т. 4, с.287].

Т.Манн приводит в качестве примера философские положения средневековых мыслителей, касающиеся сущности времени. Время – иллюзия, – полагали они, «его течение в формах причинности и последовательности – лишь восприятие наших органов чувств, особым образом построенных, истинное же бытие вещей – это неподвижное «теперь» («*stehendes Jetzt*» [11, s.263]) [6, т. 4, с.287].

Подобные метаморфозы творятся и с пространством морского пейзажа. Ощущение дали и близи смешиваются, и объемность пространственной перспективы уступает место плоскому ее восприятию: «Нет, взгляни, там, в пенном, серо-зеленом просторе, в исполински сокращенной дали, уходящей к горизонту, там стоит парус ...» [6, т. 4, с.286].

Что же касается «неподвижного теперь», упомянутого автором, то более подробно на этот счет высказывается М.Хайдеггер. Рассматривая время антропологически, он заявляет о том, что настоящее в смысле присутствия резко отличается от настоящего в смысле теперь. Согласно его концепции, присутствие значит «постоянное, задевающее человека пребывание». Человек всегда «оказывается захваченным присутствием того или иного присутствующего, однако ровно так же часто его задевает и отсутствие» [10, с.397]. М.Хайдеггер говорит об «уже не настоящем», которое тоже «непосредственно присутствует в своем отсутствии, а именно по способу затрагивающего нас осуществившегося»; однако «отсутствие задевает человека также еще в смысле еще не настоящего, по способу присутствия в смысле на нас наступающего» [10, с.398-399]. Основываясь на уже сказанном, Хайдеггер делает двойной вывод: во-первых, о том, что не всякое присутствие есть обязательно настоящее и, во-вторых, что присутствие обладает протяженностью. Границы между тремя модусами времени – прошлым, настоящим и будущим – фактически сливаются. Не здесь ли кроется разгадка таинственного состояния «безвременья», которое овладело Касторпом, когда тот прогуливался по берегу моря? Ведь его «уже-не настоящее» вследствие однотипности ландшафта удивительно точно ложилось на собственно настоящее («теперь»), равно как и на «еще-не настоящее», что создавало иллюзию постоянного пребывания в настоящем без проекции в прошлое или будущее. Времяощущение, переживаемое Касторпом на по-

бережье, является своеобразным эквивалентом вечности. Возвращаясь из «мира горного» назад, на «равнину», он, находясь до этого «вне времени», снова вливается в жестоку человеческую историю и становится одним из ее участников.

Итак, Т.Манн психологически тонко и философски глубоко проанализировал субъективные модели восприятия времени. Им были наглядно проиллюстрированы и философски осмыслены экзогенные и эндогенные детерминанты темпоральной рефлексии.

Характерными чертами «берггофского хроноса» являются *размеренность, тягучесть*, обусловленные однообразием и замедленным темпом жизни санатория. Темпоральная модель Берггофа, таким образом, оказывается чрезвычайно близкой восточной модели времени, в основе которой лежит неторопливый и размеренный уклад жизни. Но здесь же намечается и существенное отличие обеих временных структур. «Восточное» время при всей своей замедленности ценностно необычайно наполнено. С точки зрения европейца «берггофское» время событийно бедно (обнаруживает свою тягучесть, вызывающую скуку). Однако, было бы ошибкой утверждать, что ценностный компонент во втором случае совершенно отсутствует. Для Ганса Касторпа Берггоф – это испытание, символ духовного становления. В самом слове «Берггоф» (немецкое «Berghof») – буквально «горный двор или двор в горах») заключен глубокий философский смысл. Касторп, пройдя духовную инициацию, приобщается к «вершинам духа».

Таким образом, то, что в первую очередь делает «берггофский хронос» похожим на «восточный» и тем самым обуславливает общечеловеческие стандарты, инварианты в обеих временных моделях, – это природно-климатические, пространственные особенности местности вблизи Давоса, а также специфический уклад жизни санатория. Однако, как было уже сказано, речь идет лишь об имитировании восточной временной структуры, а не о полном уподоблении ей. Схожие черты двух темпоральных моделей демонстрируют всеобщее в различных менталитетах, возможность существования разнообразных маргинальных культурных форм, что свидетельствует о диалектической взаимосвязи единичного и всеобщего в процессе функционирования человечества.

РЕЗЮМЕ

У статті зроблено спробу виділити загальнолюдські інваріанти суб'єктивного сприйняття часу. Автори, спираючись на твір Т.Манна «Чарівна гора» із залученням робіт філософів (Е.Гуссерль, М.Хайдеггер, К.Кастанеда та ін.), аналізують екзо- та ендогенні фактори, які зумовлюють інваріанти східної та західної моделей суб'єктивних часових відчуттів, роблять висновки про те, що в історії людства існування інваріантів в темпоральних моделях об'єктивно детерміноване.

SUMMARY

In the present article it was made an attempt to single out the invariants in subjective perception of time common to all human beings. Taken the novel «The Magic Mountain» by T. Mann as an example and drawn works of philosophers (E.Gusserl, M.Heidegger, K.Castaneda etc.) the authors analyse the exogenic and endogenic reasons, causing these or those time aberrations, indicate the factors that predetermine invariants in eastern and western models of subjective time perception. They draw the conclusion that the existence of invariants in time models is objectively determined throughout the human history.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Собр. соч.: В 4-х т. Т.1. – М., 1976. – С.173-177; 205-208.
2. Аскин Я.Ф. Проблема времени и ее философское толкование. – М., 1966. – 200 с.

3. Асмус В.Ф. История античной философии. – М., 1965. – С.149-152; 205-210.
4. Желнов М.В. Диалектика взаимоотношения объективного и субъективного, материального и идеального, бытия и сознания // Желнов М.В. Предмет философии в истории философии. – М., 1981. – С. 195-224.
5. Кастанеда К. Путешествие в Икстлан. – Т.3., М.; Киев, 1995. – 400 с.
6. Манн Т. Волшебная гора // Т.Манн. Собрание сочинений в 10-ти т. Т.3,4. – М., 1959.
7. Подорога В.А. Метафизика ландшафта. – М., 1993 – 315 с.
8. Тростников М.В. Пространственно-временные параметры в искусстве раннего авангарда // Вопросы философии. – 1997. – № 9. – С.66-81.
9. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С.541-542.
10. Хайдеггер М. Время и бытие. – М., 1993. С.391-407.
11. Mann T. Der Zauberberg. – Berlin und Weimar, Bd. 2, 1965. – 1028 s.

Надійшла до редакції 28.05.1999 р.

УДК 130172/179

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ (методологический анализ)

М.И.Сушинский

Важным аспектом исследования социального познания, внутренне связанным с вопросом ценности и оценки, является вопрос о нормах как специфическом виде знания. Исследование этого вопроса имеет принципиальное значение для понимания специфики социального познания в целом, в особенности тех его областей, которые прямо связаны с нормированием деятельности людей. В свою очередь, эта проблема неразрывно связана с тем, как сами нормы могут быть преобразованы или созданы вновь в ходе творческой познавательной деятельности.

Деятельность по преобразованию и созданию новых норм представляет собой специфическую область социального творчества – нормотворчество, выражающую важную особенность социального познания. Нормы и нормотворчество есть характеристики знания, связанного с отражением социальной реальности, сферы деятельности и отношения людей.

Прежде всего, надо учесть, что в каждом виде социальной нормативности, в той или иной мере присутствуют следующие элементы нормы: гипотеза, диспозиция, санкции. Гипотеза – это предположение об условиях совершения или несовершения требуемого нормой действия. Диспозиция – это содержание действия. Диспозиция является основным элементом нормы, определяет ее содержание. Санкции – это те отрицательные последствия, которые устанавливаются (в институциональных нормах) или подразумеваются общественным мнением (в неинституциональных нормах) по отношению к субъекту, не выполняющему требование нормы. В гипотезе, диспозиции и санкциях как элементах нормы отражены определенные фрагменты социальной действительности: объективные условия совершения действий, объективно существующие стороны действий и поступков людей, общественная необходимость определенной организации деятельности.

Нормы, как особая форма отражения действительности, выступают важным фактором регулирования и организации деятельности людей. В сознании субъекта, усваи-

вающего нормы, возникают ограничения, в соответствии с которыми он из многих возможных вариантов организации своей деятельности осуществляет только один или несколько вариантов. В данной связи важным представляется выяснение вопроса о соотношении свободных действий и норм. Свободное действие – это всякое действие, которое принципиально возможно при существующих объективных условиях, причинно-следственных связях, отражаемых в сознании субъекта. Нормы же есть выражение меры должного в объективно-возможной организации деятельности, воспроизведение в форме правил и образцов ограничений многообразия действий людей.

Как свободное, так и нормативное действия не являются абсолютно произвольными, они осуществляются в соответствии с объективно необходимыми условиями. Но свободное действие и нормативное противоположны и выступают: одно – как относительно неограниченное, в пределах объективно-возможного, второе – как качественно однородное, ограниченное одним или несколькими вариантами объективно возможной организации деятельности. Свободное действие и способы его отражения в сознании субъекта содержат объективную возможность многих (в тенденции всех) вариантов организации деятельности.

В деятельности субъекта мы находим взаимодействие этих противоположностей и их взаимопроникновение. Ни один вид творческой деятельности не может осуществляться субъектом сразу во всех объективно-возможных вариантах ее организации. Но если происходит качественный скачок от старого нормативного варианта организации деятельности к новому, то этот новый вид является результатом преодоления прежней нормативности и, следовательно, содержит в снятом виде следы действия прежних норм.

Содержать в «снятом виде» прежнюю нормативность – означает для субъекта определенное отношение к этой прежней нормативности, которая влияет на выбор новых вариантов организации форм деятельности. Последовательное творчество оказывается здесь связующим звеном между существующим знанием о социальной действительности и новым нормативным знанием.

Специфика нормативного знания

Фактическое знание о социальной действительности является отражением тех объективных процессов, закономерностей, причинно-следственных связей, которые образуют основу многообразия вариантов организации возможных свободных действий. И поскольку в сознании субъекта сосуществует фактическое знание о социальной действительности и нормативное знание о должной организации деятельности, то процесс познания включает в себя взаимодействие этих двух различных рядов знаний. Фактическое знание, являясь отражением социальной реальности в сознании субъекта, связано с задачами определенной деятельности, выражает активность будущего свободного действия, которое затем, превращаясь в свою противоположность, становится новой нормой в процессе выбора одного варианта организации деятельности. Выяснение того, как осуществляется переход от фактического знания социальной действительности к новому нормативному знанию, позволяет раскрыть закономерности познавательного творчества, опосредствующего создание новых норм, выявить их гносеологические и практические функции.

В современных условиях актуальна проблема такого использования научных знаний об обществе, когда они превращаются в нормы, эффективно направляющие и контролирующие исторически перспективные формы деятельности. Поэтому гносеологические проблемы целенаправленного нормотворчества занимают особое место среди проблем, которые встают в ходе исследования социального познания.

Среди этих проблем – выявление эвристического потенциала нормативного знания, который выражается, например, в воздействии уже имеющихся в обществе норм на процесс формирования новых норм. Специфика нормативного знания связана с наличием в нем элементов должного и организационного. Поэтому оно не имеет формы «чисто логического» самостоятельного существования в противоположность фактическому знанию, фиксирующему осуществившиеся или наличные события. Нормативное знание постоянно сопряжено с осуществлением регулятивной и оценочной функций. Без этих функций оно теряет свою специфику.

Однако процедура вычленения нормативного знания в систему высказываний (т.е. тенденция относительного обособления норм как знания), фиксируемых кодексами, наборами правил, изречений различными документами, всегда осуществлялась и осуществляется во все более широких масштабах и все более дифференцировано либо естественно-исторически, либо в ходе целенаправленной деятельности органов государственной власти, организаций, классов, социальных групп и соответственно находит свое системное обоснование в деятельности «теоретиков» названных социальных институтов.

По существу, эта специальная деятельность преследует вполне определенную цель: получить наиболее полное, точное, истинное нормативное знание. Поскольку же нормативное знание выступает одной из относительно самостоятельных разновидностей знаний, то вполне естественно рассматривать специальную деятельность по его получению для последующего внедрения в общественную практику как определенное направление познания. Это направление играет все большую роль в общественном развитии: ускоряющийся темп совершенствования деятельности и общественных отношений несоизмерим с постоянным стихийным процессом формирования норм, отражающих требования общественного развития. Более того, в условиях гражданского общества возникает потребность специально-го познания видов деятельности, тех или иных сторон общественных отношений для научно-обоснованного введения новых форм. Все это заставляет обратиться к рассмотрению процесса получения нового нормативного знания.

В действительности всякое понимание фактического суждения об общественном бытии, деятельности отдельного человека или социальных групп всегда включает в себя в той или иной форме существовавшие или существующие должные нормативные установки. Другими словами, нормативные компоненты являются неотъемлемой частью содержания фактического знания и понять это можно только при учете того, что фактическое знание в конечном счете прямо или косвенно связано с практикой человека. В логике норм силлогизмы отличаются от классических построений, содержащих суждения о фактах. В посылках, содержащих суждения должного, всегда необходимо введение дополнительных утверждений для определения основания того, почему «должное» должно быть именно таким, а не иным. Если в традиционном силлогизме «Все люди смертны – Иван человек-Иван смертен» не требуется дополнительных характеристик к тому, что выражено в содержании суждений, составляющих этот силлогизм, то в логике норм силлогизм типа «Все воины должны быть храбрыми – Иван воин – Иван храбрый» требуется по меньшей мере еще дополнительное суждение о том, каким должен быть воин Иван, чтобы отнести его к классу «храбрых воинов». То есть всякая посылка в виде фактического суждения предполагает введение поясняющего нормативно-оценочного суждения. Это определение – основание «должного» вывода, как бы его ни преобразовывали в суждениях о фактах, содержит некоторый неуничтожимый остаток отношения субъекта к содержанию суждений о фактах с позиций должного.

Именно абсолютизация данного момента со стороны некоторых представителей идеализма (неокантианцы) породила представление о существовании самостоятельно-

го мира должного. Все это требует определенного решения вопроса о связи нормативных и фактических суждений и более широкой проблемы получения нового нормативного знания.

Следует отметить, что при всей трудности решения указанной проблемы, подобное преобразование знаний постоянно осуществляется в науке. И, тем не менее, остается вопрос: как все-таки происходит преобразование знания о действительности в нормативное знание? Ответ на него имеет существенное теоретическое и практическое значение. Ведь если в юридических науках, этике, методологии научного познания и других направлениях познавательной деятельности осуществляется переход от знания о действительности к нормативному знанию, то определение закономерных связей, свойственных этому процессу, конечно, имеет положительное влияние на соответствующие исследования.

И этим не исчерпывается значение постановки и решения проблемы. Существенно то, что в практике управления социальными процессами, реализации задач воспитания, планировании, прогнозировании постоянно имеет место не только операция преобразования знания о действительности в нормативное знание, но и немедленная реализация этого нормативного знания в объективно совершающейся деятельности.

Все это значит, что рассматриваемая проблема имеет существенное значение для понимания общественной жизни и процесса ее познания. Сопоставим в этом плане естественнонаучное и социальное познание, имея в виду процедуру превращения. Обращает на себя внимание тот факт, что между естественнонаучным предвидением и предсказанием тех или иных социальных событий, несмотря на их определенное сходство, существует глубокое различие. И это понятно, если учесть наличие разных форм существования необходимой связи. Естественнонаучное предсказание сплошь и рядом основывается на объективной связи, необходимость существования которой носит характер как бы неизбежности. Так, в случае соединения кислорода и водорода в конкретных пропорциях и при конкретной температуре неизбежно должно образоваться определенное количество воды.

В случае же наступления определенных событий в общественной жизни предсказание должного действия социального субъекта основывается на такой необходимой связи социальных явлений, которая неотделима от процесса реализации целей, удовлетворения потребностей (в единстве со способностью субъекта совершать требуемые нормы). В данном случае предсказывается мера необходимого в возможном многообразии действий субъекта.

Так, политическая норма, зафиксированная в суждении «при наличии противоречивой ситуации в отношениях между странами должна быть разрешена путем мирных переговоров», выражает именно меру необходимого в возможном для противоречия. Нормативно-должное – это лишь одно из возможных следствий, вытекающих из социальной ситуации, описанной фактическими суждениями.

В суждениях о фактах общественной жизни воспроизводятся такие стороны действительности, которые объективно позволяют ограничивать спектр неопределенности действий субъекта. Но этот необходимый объективный элемент в их содержании не есть еще должное и тем более не есть та мера должного, которая образует содержание социальной нормы. Новые нормы появляются на пересечении объективного содержания о фактах, воспроизводящих историческую реальность и наличной системы норм. Там, где действуют люди, всегда имеются какие-либо нормы. Только в связи с уже существующими нормами и происходит появление нового должного, новых норм. Действующие нормы определяют формирование новых норм, влияя на изменение субъек-

том существующей нормативной системы в соответствии с объективными изменениями собственного бытия о котором имеется фактическое знание. Это значит, что связь вновь создаваемых норм с социальной действительностью осуществляется как бы по двум каналам: через существующие нормы, в которых отражена действительность и исходя из отражающего действительность фактического знания.

Если учесть сказанное, становится понятным замечание Н.А.Ивина в адрес исследователей, пытавшихся решить проблему возможности логических связей фактического и нормативного знания. «Были приведены, – пишет он, – многие примеры выводов, посылками которых являются, как кажется, фактические утверждения, а в заключение входит суждение «должен». Более внимательный анализ показывает, однако, что в большинстве этих выводов или посылки не являются в действительности фактическими, а неявно содержат оценку или норму, или заключение не может быть отнесено ни к оценкам, ни к нормам»¹.

Однако суть в том, что в фактических утверждениях «неявно» присутствует оценка или норма. Учет этого обстоятельства дает в руки исследователя ключ к решению рассматриваемой проблемы.

Иначе, как отмечалось, и быть не может, если учесть связь фактических утверждений прежде всего с задачами практической деятельности и вместе с тем с системой существующих оценок и норм. Это требует выявления единства существующего нормативно-должного знания и фактических суждений, выражающих объективную ограниченность многообразия всех возможных действий людей.

Генезис должного в процессе формирования норм есть отрицание бесконечного множества объективно возможных ситуаций и действий посредством признания одного – единственного типа и качества действий как необходимого для определенного рода ситуаций. Существенно отметить, что требование совершения действий, возможных в определенных ситуациях, можно выразить посредством фактических суждений, не содержащих связки «должен». «Должен» появляется только тогда, когда во-первых, из множества условий выделяется определенный типичный их выбор и, во-вторых, для этих условий из всех возможных действий выбирается только один какой-то тип или порядок действий. Если этот процесс представить логически, то суждение, выражающее содержание нормы, выглядит так: С (субъект) должен при обстоятельствах Х (определенная ситуация) совершить Р (определенные действия).

Возникновение нормы и последующее ее выражение в виде такого суждения предполагает отрицание субъектом в определенной ситуации многих иных действий.

Итак, если все условия и действия представить в виде исчерпывающей совокупности фактических суждений, то новое нормативно-должное оказывается выбором некоторых из множества фактических суждений, причем этот выбор предопределяет отрицание всех отдельных суждений, что фиксируется формулой: должен именно это, а не иное. Выявление определенных суждений о фактах в противоположность всем другим в данной типичной ситуации – это и есть творческий акт выбора субъектом нового типа действия.

Чтобы раскрыть механизм перехода от фактического знания к нормативному и тем самым обосновать познавательную роль норм, следует учитывать наличие различных уровней нормативного отражения действительности, взаимосвязь исходных и детализирующих норм. Поскольку в деятельности людей проявляются объективные за-

¹ Ивин Н.А. Основания логики оценок. – М., 1996, с.222.

коны, постольку нормы, отражая непосредственно организационную сторону деятельности и опосредственно ее условия, приобретают объективное содержание.

В зависимости от способа выражения в содержании норм объективной общественной необходимости можно выделить два уровня нормативного отражения. На первом происходит отражение закономерностей, которые выражают социальное качество организации деятельности, поведения, общественных отношений. Этот уровень является базисным, существуя как обязательное условие нормативности вообще. Нормы этого уровня могут до определенного момента не осознаваться. Таковы некоторые исходные законы и принципы мышления, нравственности, языка, которые выполняют свои регулятивные функции независимо от их осознания, от того, выражены эти основополагающие нормы в суждениях или нет.

Конечно, исходные нормы, как правило, неясно или неполно воспроизводятся на уровне общественного сознания. Но это только зачаточная форма знания. Потребуется специальная научная познавательная деятельность, чтобы наиболее адекватно выразить исходные нормы в суждениях и иных логических формах знания. Известно, что для точного выражения исходных норм правильного логического мышления потребовалась значительная теоретическая работа. Так обстоит дело с осознанием нравственных, логических и языковых норм. Аналогично дело обстоит и с осознанием политических и правовых норм, осуществляемых в ходе развития политических и правовых наук. Только будучи осознанны, теоретически нормы раскрывают свою творчески познавательную роль.

Исходная норма множеством нитей связана с детализирующими ее содержание более конкретными нормами, формирующимися на втором уровне нормативного отражения. И в этом качестве нормативное знание существует как дифференцированная система множества высказываний со связками: должен – не должен, может – не может, обязан и т. д. Эта система логических высказываний относительно осуществившейся и осуществляемой деятельности представляет знание, обогащенное единичным (в том числе случайным), частично преобразуемым в практике содержанием.

РЕЗЮМЕ

У статті здійснюється спроба аналізу суспільних норм у системі людина – суспільство і людина – природа. Важливого значення норми набувають у діяльності суспільних груп, колективів, індивідів завдяки регулятивній сутності. Розкривається специфіка нормативного знання, взаємодія категорій «повинного» та «норми» як діалектичної тотожності категорії «Буття».

SUMMARY

The given article presents an attempt to analyse the social norms in the system person-society and person-nature. These norms acquire especial significance in the activity of collectives 'and individuals' social groups due to their regulating essence. The article reveals the normative knowledge specificity and the interaction of the categories of «obligation» and «norm» as a dialectical identity of the category of «being».

Надійшла до редакції 28.05.1999 р.

УДК 10(09): 141

ПРОБЛЕМА БОГОПОЗНАНИЯ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

В.Ю.Дубниченко

С античных времен философское мышление пыталось выйти за пределы физического мира, доступного чувственному восприятию. Что такое мир как целое, каковы его основания и как возможно познание мира – вот те основные вопросы, ответы на которые образуют систему фундаментальных понятий **метафизики**, которая, в строгом смысле, является законченной, целостной системой мирозерцания и поэтому имеет все основания претендовать на статус **метафилософии**, поскольку гносеология есть предварительное условие, а этика – следствие решения метафизической проблематики. «Кто видит в метафизике лишь никчемное резонерство, набор слов..., тот обнаруживает лишь недостаток философской культуры своего ума или даже просто незнакомство с предметом своей отрицательной оценки» [5, с.8].

Так как основная проблема метафизики – соотношение и взаимосвязь, взаимодействие трех понятий: **субстанции, материи и души**, то любая философская конструкция, пытающаяся рассмотреть эти понятия как взаимообусловленные, оказывается метафизической системой или хотя бы попыткой построения таковой. Из трех указанных понятий центральное место занимает понятие субстанции; в зависимости от того, в каком отношении к субстанции находится материя и душа, различаются типы метафизических систем: отождествление субстанции и материи приводит к материализму, отождествление субстанции и души, будь то индивидуальный или общий принцип, приводит к идеализму. Но классической считается такая метафизическая система, в которой соотношение трех фундаментальных понятий выражается как позиция **Бог - Человек - Природа**. В этом смысле русская религиозная философия, возникающая как оригинальный тип философствования в последней трети XIX в., безусловно классическая метафизическая система, для нее главной является проблема отношений человека и Бога, проблема соединения человека с Богом в единое целое и постижение человеком своей тождественности Богу как трансцендирование собственного тварного бытия. Именно осознание метафизических принципов бытия приводит человека к Богу, предлагая единственно возможный для человека путь – «...путь религиозного преобразования жизни, путь достижения подлинного бытия» [1, с.173].

Таким образом, русская религиозная философия – это метафизика всеединства, продолжающая и развивающая идеи, сформировавшиеся в европейской философии во времена раннего христианства, и особенно идеи византийских мыслителей. Один из самых замечательных религиозных мыслителей византиец Василий Великий сказал в IV в.: «Бог стал человеком, чтобы человек мог стать богом». Тем самым он выразил смысл учений каппадокийских Отцов церкви, считавших, что спасение есть дело собственной заботы, дело личных отношений с Богом. Если выразитель западноевропейской религиозной философии Августин, тоже живший в IV в., считал, что Бог осуществляет управление миром, непостижимое разумом, поэтому в мире действует предопределение, делающее невозможной свободу воли, и спасение души возможно только как искупление греха, то восточно-христианская философская традиция переносит акцент с искупления на познание, постижение божественной воли и самого Бога. Намечается расхождение во взглядах на отношения между Богом и человеком: в западном христианстве страшный суд воспринимается как расплата за грехи, восточное христи-

анство оставляет человеку надежду оправдаться перед Богом. Философско-богословским обоснованием этой надежды стало учение об обожении, согласно которому человек как творение божие получает свое бытие от Бога и поэтому стремится к Богу, чтобы воссоединиться с Ним. Этот богочеловеческий процесс и есть основа единства Бога и мира, причем Бог – истинное бытие, мир – бытие неистинное, тем самым человек, становясь богочеловеком, творит из небытия бытие, т.е. (в терминах святоотеческой традиции) человек становится «Богом по благодати».

Способ соединения с Богом, или обожение, был разработан как концепция «синэргизма», ее создатель Максим Исповедник (580-662 гг.). Согласно ей, человек, остро ощущая несовершенство своего бытия и бытия физического вообще, находится в состоянии внутреннего конфликта, разрешить который можно только выйдя за пределы здешнего бытия. Человек стремится к трансцендированию своей личности как к более совершенному бытию, каким обладает более совершенная Личность, чем он сам. Стремление человека к самопреодолению – фундаментальный предикат бытия человеческой личности, поскольку оно (бытие) окончено. На обыденном уровне такое стремление переживается как попытка преодолеть смерть. На метафизическом уровне человек ищет способ претворения в Личность. Активность человека как выражение стремления находит многие способы проявления. Все они суть **энергии**, которые должны быть собраны воедино и подчинены энергии преображения, личного переустройства. Таково стремление, исходящее от человека. Но есть и встречное стремление, исходящее от Личности: она, как идеал, притягивает, влечет к себе; таким образом, возникает как бы сотрудничество двух энергий: личности несовершенной, но к совершенству стремящейся, и Личности совершенной, открывающей себя человеку именно как цель. «Энергийное» соединение человека и Личности со стороны человека и есть «синэргия». Поскольку совершенная Личность к человеку не влечется, она влечет, заставляя его в конечном счете соучаствовать в себе. Проще говоря, человек как божье творение содержит в себе часть божественной энергии, поэтому он просто вынужден, не может не стремиться к слиянию с энергией Бога; соединение энергий для человека возможно только через веру и волю. Именно вера и есть единственный способ понимания божьих помыслов, а воля – способ их осуществления. Идея о соединении Бога и твари не по сущности, а по «энергии» привела в X в. к разработке концепции и методики **исихазма**, византийская философия уклонилась в мистицизм. Симеон Новый Богослов (949-1022 гг.) критерием правды считал дух, а дело спасения рассматривал как индивидуальное соединение веры и воли. Причем последняя реализует себя как «подвиг», включающий в себя особый психофизический метод молитвы и определенные ритуальные действия; результатом «подвига» должно быть отрешение от мира и непосредственное созерцание Бога. Византийский богослов Григорий Палама (1296-1359 гг.) дал философское оформление **исихазму**. Исихаст, применяя указанную выше практику, непосредственно созерцает **излучение** Бога, т.е. **Фаворский свет**. Бог как сущность человеку недоступен, поскольку пребывает в себе, мир пронизан энергией Бога, она же сообщается и человеку. Единство Бога как сущности проявляется и как единство всех энэргий; человек, будучи богоподобным духом, может преображать плоть в соответствии с духом.

Таким образом, неоплатонизм ранней византийской философии постепенно заменяется аристотелизмом.

Необходимо подчеркнуть, однако, что византийский тип философствования очень условно может быть назван неоплатонизмом. Существенное отличие заключается в том, что для платоника или неоплатоника единое все-таки есть объект познания даже в том случае, если экстатическое состояние – единственный способ богопостиже-

ния. Только ограниченность нашего разума, принадлежавшего миру множественности, мешает постичь единое во всей его полноте. В противоположность античному неоплатонизму византийские богословы придерживаются апофатического метода, утверждая: «Мы можем постичь Бога не в том, что Он есть, а в том, что Он не есть». Наши знания, выраженные через понятия, всегда направлены на то, что окончено, что нуждается в определении; но определение есть полагание предела, что в принципе невозможно по отношению к Абсолюту, Бесконечному, ибо Бог беспределен – и потому непостижим.

Попытка сочетать веру с разумом в духе аристотелевско-томистской традиции, обьявив философию самостоятельным источником познания, в том числе и Бога, которую в XI в. предпринял Михаил Пселл, вылилась в спор варлаамитов и паламитов, причем и те, и другие стояли на позициях аристотелизма. «Выговорив это свое последнее слово, Византия завершила свою историческую задачу, и ей делать было больше нечего. В истории открылся новый век – век культурного воплощения этого слова, и культурная миссия переходила к новому народу, уже усвоившему добродетель восприимчивости, а потому – и способность воплощать в себе горний первообраз. Византийская Держава выродилась в «грекосов», а из русских болот возникало русское государство» [7, с.374].

Русская религиозная философия, возникшая спустя чуть более 500 лет после падения (в 1453 г.) Византии, восприняла основную идею византийских мыслителей: **познание всегда идет путем, основная цель которого – не знание, но единение, обо-
жение, совершающееся в человеческих личностях.** Зачинателем русской метафизики стал Вл.Соловьев (1853-1900 гг.), назвавший свою философскую систему «философией жизни». В ее основу положен принцип всеединства, понимаемый им как универсальный конструктивный принцип. Абсолютное, Бог – это не бытие, а сущее, а так как оно является всеединым, то Бог – Всеединое сущее. На основе принципа тринитарности Соловьев выделяет три модуса бытия – волю, представление, чувство, три сферы деятельности – жизнь, знание, творчество; само положительное всеединство тоже имеет три модуса, являющие себя как абсолютные ценности – Благо, Истина, Красота. Выстраивается система категорий, отражающих **друг друга на основе осуществления принципа «все во всем»:**

	Сущее (абсолютное)	Бытие (логос)	Сущность (идея)
Абсолютное	Дух	Воля	Благо
Логос	Ум	Представление	Истина
Идея	Душа	Чувство	Красота

«Человек не только участвует в действии космических начал, но **способен знать** цель этого действия и, следовательно, трудиться над ее достижением осмысленно и свободно» [6, с.124]. Знание цели предполагает постижение всеединства, т.е. Абсолютно-Сущего, но познающий не может относиться к нему как к внешнему объекту познания, должна быть внутренняя связь познающего и познаваемого, иначе принцип всеединства нарушается. Противопоставление субъекта и объекта познания годится для эмпирического и рационального познания, направленного не на сущее, а на его предикты; сущее же познается только на основе мистической интуиции, которую Вл. Соловьев понимает как веру. Физический, материальный мир истины в себе не содержит, поэтому устремление человека к истине – это устремление к Богу, возможное только как любовь, соединяющая Истину, Благо и Красоту, причем любовь человека – ответный акт на любовь Бога, являющую себя как нисхождение благодати, тем самым любовь, приближая человека к Богу, становится

способом **преображения** человеком самого себя и мира, целью которого становится слияние с Богом, т.е. обожение. Таким образом, познание есть творчество по законам красоты, направленное на осуществление блага.

Вл. Соловьев стоит фактически на позициях платонизма, однако дуализм платоновского учения он преодолевает с помощью христианской антропологии.

Метафизику всеединства, в русле которой строил свою концепцию Вл. Соловьев, продолжает Е.Трубецкой, считавший, что в концепции всеединства не хватает гносеологизма. Истина для него – содержание сознания, направленного на объект, однако поскольку она одновременно смысл познаваемого объекта, то принадлежит не сознанию, а самому объекту. Из этого положения Е.Трубецкой делает вывод, что в субъекте должен содержаться объект, он имманентен ему; очевидно, что таким субъектом-объектом может быть только Бог, именно в нем пребывают истины – смыслы, т.е. первообразы. Вещь, предмет есть проявление божьего замысла. Преображение вещи становится возвращением к первообразу, что означает: Абсолютное есть единство чувственного и духовного, но чувственное не обязательно стремится преобразиться в духовное, что и есть свобода выбора добра или зла.

Е.Трубецкой тоже стоит на платонистских позициях с уклоном в неокантианство.

Тему всеединства разрабатывали также С.Булгаков, П.Флоренский, но их философские построения сильно теологизированы.

В XX в. сложилось целое направление в русской метафизике, интересно и своеобразно решающее проблему богопознания. Оно получило название интуитивизма, поскольку его представители Н.Лосский, С.Франк и А.Лосев считали, что «...познанный объект, даже если он составляет часть внешнего мира, включается непосредственно сознанием познающего субъекта... в личность и поэтому понимается как существующий независимо от акта познания» [4, с.321]. Способом познания предмета может быть только непосредственное созерцание, т.е. интуиция как единство чувственного восприятия, памяти, воображения и мышления (последнее включает в себя суждение, понятие и умозаключение). Интуитивисты пытались определить онтологические предпосылки гносеологии, однако решение этой проблемы необходимо привело их к решению метафизической задачи объяснения мира как целого.

У Н.Лосского мир – это сообщество «субстанциональных деятелей», иерархически организованных, испытывающих друг к другу «симпатию» и образующих консубстанциональное единство: мир есть "органическое целое". Каждый «деятель» обладает свободой самоопределения, т.е. способностью к творчеству, в том числе своей собственной жизни. Эта способность позволяет «субстанциональному деятелю» путем самосовершенствования и включения во все более сложные объединения «деятелей» становиться личностью, свободной не только от условий своей жизни, но и от Бога в силу непричастности мира Богу. Бог сотворил мир, но в дальнейшем проявляет себя в нем только как благодать. Личность в своем творчестве необходимо осуществляет акты познания; в зависимости от объекта познания возможны три вида интуитивного созерцания: чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. Последняя направлена на Абсолютное, а так как между познающим и познаваемым существует «гносеологическая координация», то Бог как Абсолютное, существуя независимо от личности, тем не менее включен в личность. Тем самым личность ориентирована на абсолютные, божественные ценности, реальный мир укоренен в идеальном бытии.

Идеи Н.Лосского близки монадологии Лейбница, что признавал сам автор.

С.Франк в построении своей метафизической системы опирается на философию Н.Кузанского, считая исходным принципом «единство бытия и истины», которое он

понимает как всеединство. Мир есть самовыражение Бога, его иное, поэтому всякое индивидуальное бытие укоренено во всеединство, которое С.Франк называет (вслед за Н.Кузанским) «Непостижимым»; т.к. оно бытие для себя, но индивид в нем участвует, то познание Бога возможно как «общение личности со светом, который неприсущ ей» [8, с.447]. Участие индивида в Боге убеждает в абсолютной самоочевидности Бога и позволяет обнаружить формы, в которых он проявляет себя в мире. Знание о Боге возможно только как откровение, т.е. Франк, используя апофатический метод, считает мистическую интуицию единственным способом познания Абсолюта как всеединства. Философская система Н.Бердяева не принадлежит метафизике всеединства, но тем не менее проблема богопознания включена в ее ткань. Бердяев указывает на противоположность субъекта (духа) и объекта (природы), считая носителем духа живую личность, у которой два пути: объективация личного начала и трансцендирование за свои пределы как утверждение соборности. Наличие духа в человеке говорит о существовании Бога, ибо царство духа и есть Божье царство: «...вся историческая судьба есть не что иное, как судьба человека, судьба же человека есть не что иное, как судьба глубочайших внутренних отношений между человеком и Богом» [1, с.42]. Познание духа невозможно рациональным путем, но только на основе жизненного опыта. Бог раскрывает себя символически. Таким образом, Н.Бердяев тоже признает в качестве способа богопознания мистический опыт, интуицию, считая Бога «ноуменом». Сама проблема познания лишь следствие объективации духа, который воспринимает свое бытие как ряд экзистенциалов; истина принадлежит необъективированному бытию, приблизиться к ней можно только в творчестве, поскольку оно есть способ преодоления объективации.

А.Лосев завершает своей философией метафизику всеединства, хотя в собственном смысле его концепцию нельзя назвать метафизической системой; он назвал ее «диалектической феноменологией», поскольку методологически ориентировался на философию Гегеля и Гуссерля. Центральное место А.Лосев отводит концепции символа.

А.Лосев понимал всеединство как единство идеи и бесконечного множества ее проявлений, что явно свидетельствует о неоплатонистской позиции. Поскольку А.Лосев не религиозный философ, то проблема богопознания в его философской концепции вообще не стоит и поэтому можно считать ее логическим пределом в развитии данной проблемы.

Таким образом, проблема богопознания и способы ее решения в русской философии есть попытка создания цельного знания, цель которого – сверхрациональная истина, возможная только на основе мистического постижения сущего в процессе слияния с ним. Сущее понимается как всеединство, т.е. как идеальная норма социального бытия, предполагающая ее актуальное осуществление и являющаяся единственной истинной целью человеческой деятельности. Это путь обожения, соединения человека с Богом в единое целое и постижение человеком своей тождественности Богу как трансцендирование собственного тварного бытия, претворение человеческой природы в божественную природу, т.е. **преображение**. Всеединство – высший онтологический принцип, оно есть единство блага, истины и красоты, приобретающих тем самым статус **металогических** принципов бытия.

Представления о всеединстве в русской философии восходят к идеям восточной патристики, через которую были усвоены учения неоплатоников, в особенности философы Плотина и Прокла. В историко-философском «споре» Платона и Аристотеля русская метафизика всеединства находится на стороне Платона, что проявилось как пантеизм и панентеизм после усвоения христианского платонизма. Оказала также влияние западноевропейская метафизика всеединства, в особенности философское

учение Кузанского, Лейбница, Шеллинга. Однако русская религиозная философия – оригинальное направление в развитии философской мысли, о чем свидетельствует логическое завершение ею метафизики всеединства в ее наиболее зрелой форме.

РЕЗЮМЕ

У статті розглядається проблема богопізнання, яка є основною гносеологічною проблемою в російській релігійній філософії. Зроблена спроба прослідкувати зв'язок російської філософії з візантійським релігійно-філософським типом дослідження цієї проблеми, для якого богопізнання має не тільки теоретичне, але й практичне значення, ставши основою практики ісихазму, тобто священної безмовності.

Висновок, зроблений у результаті цього дослідження: російська релігійна філософія – закономірний етап у розвитку метафизики всеєдності, для якої проблема богопізнання є ключовою.

SUMMARY

In the article the problem of god-cognition is considered, which is the main gnosiological problem in the Russian religion philosophy. Besides the connection between the Russian philosophy and the Byzantine religio-philosophical way of studying this problem is retraced, where the god-cognition makes not only the theoretical, but also the practical sense. This sense has become the basis of ishasmus practice, that is the holy silence. The conclusion, which is made on the basis of this research, is as follows the Russian religions philosophy, is a natural and logical stage in the development of all-unity metaphysics, for which the god-cognition is the key-problem.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. Смысл истории. – М., 1990. – С.174
2. Карсавин Л. Святые отцы и учителя церкви. – М., 1994. – С.339.
3. Лосев А. Диалектика мифа. – М., 1991. – С.253.
4. Лосский Н. История русской философии. – М., 1991. – С.559.
5. Лосский Н. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. – М., 1995. – С.400.
6. Соловьев В. Соч. – М., 1990. – С.574.
7. Флоренский П. Троице-Сергиева лавра и Россия. В кн. Сергей Радонежский. М., 1991. – С.366-386.
8. Франк С. Соч. – М., 1990. – С.607.

Надійшла до редакції 28.05.1999 р.

УДК 130.323.12.172.1

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЗАПАДНОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Л.С.Рязанова

На пороге XXI в., задумываясь о будущем человечества, современная социальная философия все чаще обращается к категории «цивилизация» для анализа современности и футурологических прогнозов. Одной из самых заметных теорий последних десяти-

тилеть XX в. является концепция столкновения цивилизаций профессора Гарвардского университета С.Хантингтона. Отталкиваясь от нее в понимании процесса экономической и политической трансформации в Украине и России, попытаемся уяснить источники трудностей и неудач, которые сопровождают демократические преобразования. Находясь в процессе цивилизационной и культурной самоидентификации, Украина особенно ясно осознает свою, исторически обусловленную, амбивалентность.

Стоит заметить, что как бы не хотелось некоторым политическим и общественным деятелям безоговорочно отнести Украину к Западной цивилизации, тем не менее, практически все сторонники цивилизационного подхода (Данилевский, Тойнби, Хантингтон и др.) выделяют особую восточно-славянскую или христиано-православную цивилизацию. О столкновении Запада и Востока, о попытке внести ценности и основания одного культурно-исторического типа в другой и будет идти речь.

Приступая к анализу политико-правовых оснований западной цивилизации, необходимо выделить либеральную идеологию, которая является феноменом европейской культуры. Либерализм был результатом мировоззренческой революции, совершенной в эпоху Возрождения и Нового Времени, когда была поколеблена феодальная социальная доктрина, заключающаяся в том, что человек от рождения принадлежит к тому или иному сословию, цеху, гильдии, и именно этим определяется его ценность. Феодальная культура осуждала всякую активность, ибо достоинство христианина заключалось в смирении и покорности судьбе и властям. В период Возрождения и Реформации, когда провозглашается доминантность «земной жизни», приоритет «земных» ценностей и стимулов было заявлено о необходимости активной деятельности и преобразования мира. Огромное значение для возникновения либерализма имело признание «свободы мысли». Либерализм лучше всего прижился в протестантских странах, отразив интеллектуальный климат и общественные настроения, распространенные на заре Нового времени, для которого были характерны неприятие иррациональных абсолютов, отрицание догматизма и авторитетов, вера в возможность переустройства мира на чисто рациональной основе.

В конце XX в. под либерализмом понимается идейно-политическое течение, выдвигающее на первый план борьбу за свободу человеческой личности от всех форм контроля и манипулирования. В социальном плане, в противовес феодально-корпоративным и социалистическим системам, он призывает к установлению отношений равноправных, максимально рационализированных, обусловленных лишь прагматическими соображениями выгоды. В этом отношении наиболее важную роль сыграли разработанные идеологами Просвещения (Д.Локк, Ф.Вольтер, Ш.Монтескье, Ж.Ж.Руссо и др.) теории «естественного права» и «общественного договора», основное содержание которых сводилось к тому, что политическая власть основана на соглашении между людьми, что правовая и государственная система должны соответствовать принципам разума и служить общему благу людей и что, кроме того, существуют некоторые врожденные человеческие права, которые обязана уважать любая государственная власть. Либералы унаследовали от Просвещения, во-первых, веру в пользу и необходимость социального прогресса, достигаемого благодаря свободному развитию личности и раскрепощению ее творческих способностей, во-вторых, рационалистический и индивидуалистический тип мышления, восприятие мира через призму частного интереса.

Классический либерализм есть синтез трех компонентов: экономического, культурного и политического либерализма. Это значит, что идеалом для него является максимальная активизация предпринимательской активности, раскрепощение культуры и развитие системы демократических прав и свобод. Все эти установки объединялись

воинственным антиэтатизмом. В противовес автократическому абсолютистскому государству, либералы выдвинули концепцию правового государства, функции которого должны ограничиваться защитой самых общих интересов граждан и деятельностью в строгом соответствии с конституцией и иными законами, а не на основе насилия и произвола монархов и чиновников. Из теории правового государства вытекала идея разделения властей и приведения их к некоторому равновесию.

На уровне декларации фундаментом либерализма являются принципы свободы, равенства, братства. Не случайно на первом месте свобода, ибо, с либеральной точки зрения, она необходима человеку для развития и полного раскрытия его творческого потенциала. Свобода для либералов – универсальная ценность, преобладающая над всеми остальными. При этом, свободу можно рассматривать двояко: в негативном и позитивном смысле. В первом случае, она воспринимается просто как отсутствие внешних ограничений, во втором, речь идет о свободе для чего-либо – для самореализации, творчества, принятия решений, научного поиска, предпринимательства. Свобода для либералов – условие жизни. Но зачем нужна свобода – убедительно не аргументируется. Вслед за Ж.Ж.Руссо либералы считают, что все злое в человеке – результат давления, цепей, и если человека освободить, то он сам собой превратится в зрелого гражданина.

Н.Бердяев критиковал понимание свободы в социальной философии либералов, считая, что она основана на ложном учении о человеческой природе, на нежелании знать ее иррациональные стороны. С либеральной точки зрения человек свободный, представленный сам себе непременно употребляет свои силы лишь на созидание. А что может помешать употребить их на саморазрушение? Немецкий философ-экзистенциалист К.Ясперс высказал глубокие замечания о подобной ситуации: «Жестко в частной жизни требовать, чтобы человек был свободен, хотя он не способен к этому и в сущности нуждается в том, чтобы ему подали руку и бережно повели по пути к свободе. С другой стороны, право на самоопределение – это подарок несвободным людям, которые не знают, что делать с таким подарком... Подарок в виде такого права на самоопределение оборачивается фарсом доверия к человеку»¹. Другой выдающийся философ XX в. русский мыслитель Н.Бердяев писал: «Истинное освобождение человека предполагает освобождение его не только от внешнего рабства, но и от внутреннего рабства, от рабства у самого себя, и своих страстей и у своей низости»², поэтому правда либерализма – это формальная правда. Либерализм развивался как элитарное идейно-политическое течение. Он апологизировал собственность как меру свободы, абсолютизировал конкуренцию и предпринимательскую инициативу, обращаясь, прежде всего, к сильной личности, обладающей высоким интеллектом, имущественным положением, а также заявлял приоритет личности, а не социальных общностей или институтов. Автономия и изолированность считаются фундаментальными условиями существования личности.

Либерализм критикуют многие мыслители за недооценку самостоятельного значения семьи, рода, общины, государственности, национальности, а также трактовку многовековой культурной наследственности как “пережитков прошлого”. Отсюда стремление к унификации и неадекватное опознание творческих импульсов как принадлежащих личности, а не той основе, в которой укоренено ее бытие. Либеральные мыслители считают, что прочные социальные связи препятствуют полной эмансипации личности. Что касается свободы, то если она не сопровождается и не поддерживается минимумом экономической само-

¹ Ясперс К. Куда движется ФРГ? Факты. Опасности. Шансы. – М., 1969. – С.111.

² Бердяев Н.А. Философия неравенства. – М., 1990. – С.146.

стоятельности, то она не существует для отдельного человека. Свобода имеет относительную ценность, если человек – раб своей нищеты.

Выступая за демократию, политическое равенство, гражданские права и свободы, либералы выражали нематериальные интересы своих народов. Хотя они всегда были склонны рассматривать себя в качестве законных представителей своих наций, в целом их притязания на руководящую роль во многих случаях были отвергнуты обществом. Основопологающие либеральные принципы: представительная демократия, парламентаризм, всеобщее избирательное право, свобода печати и союзов, независимое и гуманное судопроизводство – ложились в основу различных политических движений, становились привычными и само собой разумеющимися, при этом сам либерализм утрачивал постепенно влияние. Можно сказать, что либеральные ценности присвоены и растворены в политико-правовых ценностях западной цивилизации.

В условиях трансформации тоталитарных режимов в демократические рыночные экономики в полной мере ощущается бесперспективность механического перенесения либеральных идей на восточно-славянскую почву, коль скоро, либерализм есть детище западной цивилизации. Недооценка исторической, национально-культурной, социально-экономической и психологической самобытности – вот основные недостатки либеральной идеологии. Относительно их можно заметить, что они носят иногда прямотаки разрушительный характер. Так, концепция “минимального” государства для России, с ее специфической историей, особым отношением к государственности, неприемлема и невозможна. Особенностью восточнославянской ментальности является слабый индивидуализм при очень высоком патерналистском сознании, при стремлении иметь государство народной воли.

Именно самоустранение государства от регулирующих и контрольных функций привело к усилению мафии. Это путь в никуда, ибо в условиях криминализации широких слоев населения значительная часть социальных низов оказывается не в состоянии улучшить свое материальное положение. Включение человека в криминальные структуры – это определенная социальная защита, социальные гарантии ему и его семье, а также и перспективы роста, карьеры (пусть даже уголовной). И следует заметить, что сложившаяся ситуация во многом устраивает либерально-ориентированную власть, так как мафия эффективно нейтрализует социальный протест. На сегодняшний день, либеральная демократия в нашей стране ассоциируется с остановкой производства, массовыми увольнениями, быстрым ростом безработицы, хроническими невыплатами зарплат, инфляцией. Для многих эти процессы есть результат развала государства, тотальной коррупции и бюрократического произвола, милицейского террора. Именно либерально-ориентированные международные экономические организации требуют повышения оплаты за жилье, угрожая массовыми выселениями обнищавшего населения. Это путь в никуда. В таких условиях должны ли мы отвергнуть либеральную идеологию или же принять ее с определенными конкретно-историческими правками?

Интересным является вопрос о перспективах либерализма в Украине и России. Безусловно, есть области, где либеральная идеология способна помочь продвижению страны по пути демократизации. Это, во-первых, борьба за демократию, в широком смысле этого слова, против государства, превратившегося в «псевдодемократическую фикцию», не позволяющего рядовым гражданам действительно влиять на политику властей. Необходимо противодействовать вождистским замашкам политических лидеров, авторитарным тенденциям политического развития.

В связи с тем, что правовой нигилизм является достаточно распространенным, формирование демократической политической культуры является по-прежнему акту-

альной задачей. Ориентация на терпеливое, кропотливое возвращение цивилизационных форм взаимоотношений между властями и оппозицией, преодоление конфронтационной логики «холодной» гражданской войны, когда политический противник воспринимается не как оппонент, у которого есть неотъемлемое право высказывать и пропагандировать свои взгляды, а как подлежащий уничтожению «враг народа», внедрение в сознание людей мысли, что демократия существует только для «демократов». Очень важной представляется борьба за реальный плюрализм в средствах массовой информации, недопущение монополизации средств массовой информации адептами какой-либо одной точки зрения, разъяснение того, что не может быть монополии на истину, что плюрализм существует не только для сторонников правительства. Отвечающим интересам страны является стремление справедливо разделить общественное богатство, осуществление гласности при проведении приватизации, а также борьба с коррупцией и экономическими преступлениями. Либеральная идеология должна нацелить государство на обеспечение личной безопасности человека (как чисто физической, так и социальной, экономической, юридической, экологической и т.д.). Это особенно актуально в современных условиях экономического кризиса и взлета преступности.

В заключение заметим, что внедрение принципов либерализма дважды в XX в. оказывало разрушительное воздействие на Россию. Здесь причина абсолютной несовместимости западной и русской цивилизаций или в негодных методах внедрения? И нужен ли вообще либерализм славянскому миру? Думается, что либерализм в самом общем виде как признание суверенности человеческой личности отнюдь не чужд русской идеи. Проблема – в определении оптимальных, именно для восточнославянской ментальности, форм разграничения и соединения прав государства, общества и человека. Ведь если на Западе государство – это надстройка, над гражданским обществом, а на Востоке этатизация общественных структур близка к тотальной, то в России между государством, обществом и личностью существует сложная взаимосвязь; границы между ними подвижны, колеблясь в широком диапазоне: от петровско-сталинского государства до периодически повторяющихся антиэтатистских смут. Современная Украина ищет эти оптимальные соотношения, пытается вписать либерализм в контекст собственного социума, не впадая в этатистски-бюрократический произвол, но и не оставляя рядового гражданина один на один с проблемами, которые ему не под силу решить в одиночку. Сумеет ли она решить эту задачу – покажет время.

РЕЗЮМЕ

У статті Рязанової Л.С. «Філософські засади сучасного західного лібералізму» актуальні проблеми переходу Росії та України від тоталітарних режимів до демократичних, ринкових економік розглядаються через категорію «цивілізація». Подано аналіз філософського тла, сформованого в епоху Нового часу та Просвітництва. Зроблено висновки стосовно того, що політична та економічна безвихідь сьогодення демонструють безперспективність механічного перенесення ліберальних ідей на східний слов'янський ґрунт. Лібералізм є породженням західної цивілізації, який вочевидь недооцінює історичну, національно-культурну, соціально-економічну своєрідність.

SUMMARY

The paper by Ryazanova L.S. «Philosophical Background of Modern Western Liberalism» deals with the topical problems of Russia and Ukraine transition to democratic regimes from the totalitarian ones. The issues concerned are considered via «civilization» category. Civilization is treated as a special cultural and historical type. The analysis of philosophical

foundations formed in the epoch of New Time and Enlightenment is given. The author comes to the conclusion that political and economic deadlocks of realities is a result of underestimating historical, national, cultural, social and economic as well as psychological originality on the part of liberalism.

Надійшла до редакції 28.05.1999 р.

ББК Ю 810.2

ПРЕДМЕТ И СТРУКТУРА ЭСТЕТИКИ

Л.Ф.Корытин

Эстетическое сознание нашего общества, как и нравственное, правовое, политическое, а также, как и вся наша жизнь, нуждается в возрождении и дальнейшем развитии. Мало найдется других областей знания, где допускались бы такие произвол и субъективизм, такая авторитарность и небрежность в суждениях о сущности и структуре науки, как в эстетике. Философия еще так и не определилась в вопросе о том, что конституировать в качестве самостоятельной формы общественного сознания: эстетическое сознание или художественное. Чаще всего приоритет отдается художественному только потому, что его легче охарактеризовать – здесь имеется большая историческая традиция.

Но не только потребности общественного осознания сущности и структуры эстетики, диктуемые необходимостью преодолеть произвол в оценках эстетических качеств действительности, делают актуальной тему статьи. В еще большей мере это обусловлено практическими потребностями в эстетическом воспитании. Еще никогда не были так своевременными мысли Гегеля о социальной сущности и роли эстетического сознания как сегодня. В первой программе системы немецкого идеализма он писал: «Идея, которая все объединяет, – идея **красоты** в самом высоком платоновском смысле слова. Я убежден, что высший акт разума, охватывающий все идеи, есть акт эстетический и что **истина и благо** соединяются родственными узами **лишь в красоте**. Философ подобно поэту должен обладать эстетическим даром. Люди, лишенные эстетического чувства, а таковы наши философы, – буквоеды. Философия духа – это эстетическая философия. Ни в одной области нельзя быть духовно развитым, даже об истории нельзя рассуждать серьезно, не обладая эстетическим чувством. Теперь ясно, чего не хватает людям, которые не понимают идей и достаточно откровенно признаются, что для них темно все, что выходит за таблицы и реестры» [Гегель. Работы разных лет. Т.1. – М.: Мысль, 1970, с.212].

Духовная неразвитость человека может выражаться в самых различных формах. Но опаснее всего она тогда, когда приводит к коррозии жизненные ориентиры, и человек в своем поведении начинает руководствоваться не нравственными идеалами и истиной, а соображениями корысти, страха, воли начальства, конъюнктурными и меркантильными расчетами. Именно это беспокоит наше общество сегодня. Философский диагноз этой социальной болезни в свое время поставил Гегель.

Какова же сущность идеи, «которая все объединяет», «эстетического акта», «эстетического дара» или эстетического сознания, без которых «нельзя быть духовно развитым» и которые обеспечивают эту развитость, какова структура этого сознания и науки о нем? Только предварительный, требующий дальнейшей детализации и развития ответ на этот вопрос является целью данной работы.

С известной долей справедливости можно утверждать, что эстетика как теоретическое выражение специфической формы общественного сознания широкое признание получила в нашей стране на протяжении жизни одного поколения. К ней приобщились огромные массы людей после того, как она шагнула в сферу материального производства, вошла в производительный труд людей. А до этого она была известна узкому кругу лиц, занимавшихся теорией, историей или практикой художественной культуры. Правда, и раньше были попытки соединения эстетики с практикой хозяйственной деятельности. Но для широкого и устойчивого союза красоты и промышленности еще не было достаточных материальных оснований.

Сегодня стали общеупотребительными, вошли в лексикон всех слоев населения понятия «эстетика труда», «эстетика быта», «эстетика досуга», «эстетика спорта» и т.д. В средствах массовой информации, в популярной и научной литературе мы все чаще встречаем уже не удивляющие нас словосочетания типа «эстетика техники», «эстетика машиностроения», «эстетика станкостроения», «эстетика электротехнической промышленности», «эстетика легкой промышленности», «эстетика мясомолочной промышленности», «эстетика мотоциклетостроения», «эстетика складских помещений», «эстетика зернохранилищ», «кладбищенская эстетика» и т.д. и т.п. В 1974 г. появилась первая монография, посвященная эстетике мышления [см. Лутаенко В.С. «Эстетика мышления». – Київ: – Мистецтво, 1974]. Можно сказать, что, сколько существует видов деятельности, столько может быть и различных «эстетик». И, таким образом, все люди могут быть приобщены к эстетической деятельности. Поэтому вопрос о содержании этой деятельности, о ее сущности и закономерностях развития, вопрос, который является главным, основным в эстетике, имеет не только теоретическое, но и практическое значение. От того, как он будет пониматься людьми, каким будет их эстетическое сознание, зависит во многом характер их труда и потребительские свойства продуктов этого труда. И если раньше от его решения зависела только художественная практика, содержание и форма произведений искусства, то теперь от этого зависит вся многообразная человеческая деятельность и «вторая природа». Поэтому с полным основанием можно утверждать, что сегодня значение правильного ответа на вопрос о сущности эстетики, о ее предмете возросло пропорционально расширению сферы эстетической деятельности людей.

Безусловно, в наше время почти каждый грамотный человек может что-нибудь сказать об эстетике, охарактеризовать ее предмет с той или иной степенью достоверности. И, как правило, люди делают это, руководствуясь своими профессиональными, общекультурными, мировоззренческими установками. Поэтому при всей глубине и проницательности суждений об эстетике они будут различаться у инженера, архитектора, художника, дизайнера и т.д. И это естественно, так как профессиональные задачи и средства их реализации у дизайнера, например, и у деятеля искусства различны. Они, эти задачи, находятся в разных сферах действительности и с разной степенью полноты отражают многообразие эстетических явлений. И только эстетика как философская дисциплина стремится к полной характеристике своего предмета, к такой характеристике, которая будет охватывать главное, основное, существенное и необходимое в массе всевозможных сторон и аспектов предмета. Другими словами, **философская эстетика**, в отличие от «частных» эстетик, стремится выявить и зафиксировать в теории **общее в многообразии конкретных видов человеческой деятельности**, то, что делает их эстетически значимыми, ценными. Но для этого автору такой теории нужно быть одинаково компетентным в самых различных областях человеческой деятельности, что практически невозможно, так как их в настоящее время насчитывается около 50 тысяч. Конечно, можно найти логические и фактические основания для классификации этого ог-

ромного многообразия и свести его, например, к разновидностям восьми основных, субстанциальных видов деятельности. Тогда они не покажутся таким немислимо сложным и неупорядоченным конгломератом и появится уверенность в возможности выявления их общих свойств и овладения одним человеком основами всех видов деятельности.

Именно этим путем идут члены Нижегородского философского клуба, разрабатывая теорию формирования универсума, то есть гармонически и всесторонне развитой личности. И все же Президент этого клуба, профессор Л.А.Зеленов вынужден констатировать, что «несмотря на многовековое развитие эстетической науки, однозначного и общепризнанного определения ее предмета пока нет» [Л.А.Зеленов, Г.И.Куликов. Методологические проблемы эстетики. – М.: Высшая школа, 1982, с.8]. Из этого следует парадокс: методологический уровень решения проблемы мы преодолели, то есть нам известна сущность человеческой деятельности, и поэтому мы определили общее в ее многообразных видах, а в отношении частного вида деятельности – эстетической – ясности нет. Здесь можно предположить только две причины этого парадокса: либо неверна методология, раз в нее не вписывается конкретный факт действительности (эстетическая деятельность), либо эта методология неверно интерпретируется применительно к этому факту. Есть все основания принять второе соображение.

Самым распространенным является определение эстетики как науки «о сущности эстетического в действительности, об общих законах эстетической деятельности и свойствах эстетического сознания». Из приведенной дефиниции следует, что **эстетика это наука об эстетическом**: о сущности **эстетического** в действительности вообще и, в частности, об общих законах эстетической деятельности и о свойствах эстетического сознания. Таким образом, эстетика определяется через эстетическое. Представляется, что такая тавтология (логическая ошибка *petitio principii*) не только не дает знания о предмете эстетики, но и приводит к новым вопросам, увеличивает наше незнание. Вместо ответа на вопрос, что такое эстетика, названная дефиниция приводит к трем новым вопросам: что такое сущность **эстетического** в действительности, какова специфика общих законов **эстетической** деятельности и свойств **эстетического** сознания? Все три вопроса связаны с понятием «эстетическое», и без выяснения его содержания методологического основания в ответах на них не будет. И не только на них: понятия «эстетический идеал», «эстетический вкус», «эстетическое чувство», «эстетическое свойство» и т.д. также требуют расшифровки. Раскрыв же это содержание, мы тем самым получим ответ на вопрос о предмете эстетики. Методологически неверным и спекулятивным является сам прием определения науки через простое перечисление сфер бытия и приложение к ним прилагательного, образованного от названия науки. Таким образом, создается только видимость решения проблемы, но не действительное ее решение. По мнению некоторых авторов, такой прием определения науки, то есть определение ее посредством тавтологии, вполне допустим и часто встречается. Например, **физику** определяют как науку о **физических** явлениях, **биологию** – о **биологических** [см. Л.А.Зеленов, Г.И.Куликов. Методологические проблемы эстетики, с.16], теорию государства и права как науку о государстве и праве [см. Теория государства и права. – М.: Юридическая литература, 1985, с.9-10] и т.д. Думается, что то обстоятельство, что такие определения предмета науки широко распространены, не является их оправданием, а тем более доказательством их истинности. Если бы мы вдруг решили, руководствуясь этой логикой и по аналогии с эстетикой, определить **философию** как науку о сущности **философского** в действительности, об общих законах **философской** деятельности и свойствах **философского** сознания или, что одно и то же, как науку о **философских** явлениях – это было бы неблагоприятным занятием, и оно вряд ли нашло бы

понимание у людей, знакомых с философией. Поэтому справедливо, на наш взгляд, стремление многих авторов преодолеть тавтологию в определении предмета эстетики (М.С.Каган, Л.Т.Левчук, Л.И.Новикова, Л.Н.Столович и др.).

Наряду с описанным **декларируемым** определением предмета эстетики существует **фактическое** сведение эстетики к науке об искусстве, о художественном освоении человеком мира, к философии искусства. Классическое выражение этого сведения приписывается Гегелю. Но это не совсем справедливо. Гегель не страдал претенциозностью и не выдавал свою философию искусства за нечто глобальное, именуемое эстетикой. Во введении к «Лекциям по эстетике» он уточнил, что готов использовать термин «эстетика», поскольку это слово утвердилось в обычной речи. Но «единственное выражение», отвечающее содержанию нашей науки, – это «**философия искусства**», или, еще более определенно, – «**философия художественного творчества**». [Гегель. Эстетика. – Т.І. – М.: Искусство, 1968, с.7]. Эстетика и философия искусства для него не одно и то же. В принципе Гегель не отказывает природе в эстетической значимости, красоте. Он говорит лишь о неготовности других людей и своей собственной анализировать эту красоту. Гегель **вынужден** ограничивать предмет эстетики прекрасным в искусстве (но не сводить одно к другому!) и считать это вполне уместным, потому что, как говорит он сам, «при всех разговорах о красоте природы (древние говорили об этом меньше нашего) до сих пор еще никому не пришла в голову мысль взяться за изучение предметов естественного мира под углом зрения их **красоты** и создать науку, дающую систематическое изложение этих красот. Руководствуясь точкой зрения **полезности**, создали, например, науку о предметах природы, помогающих нам в борьбе с болезнями ... Но никто не объединил в одно целое и никогда не рассматривал различные царства природы с точки зрения **красоты**. Мы чувствуем, что наши представления о красоте природы слишком **неопределенны**, что в этой области мы лишены критерия, и потому объединение предметов природы с точки зрения красоты не имело бы особого смысла» [там же, с. 9]. Говоря иначе, Гегель под эстетикой понимал нечто большее, чем философия искусства. Эстетика, по его мнению, включает в свой предмет и красоту природы. Но последняя еще не изучена, не обобщена, представления о ней «неопределенны» и отсутствует «критерий» ее оценки с точки зрения красоты. Поэтому он не видит для себя возможности и смысла заниматься анализом природы на предмет ее красоты. Для этого еще просто не наступило время и Гегель целиком отдается изучению **только** искусства, а свою науку об искусстве, философию искусства, он называет эстетикой только потому, что этот термин «утвердился в обычной речи».

Действительно, эстетика всегда имела своим предметом, прежде всего искусство, так как другие виды человеческой деятельности были или еще не развиты и потому не заключали в себе эстетического содержания, или же имели это содержание только в зародыше. Сегодня практика со всей отчетливостью показывает ограниченность, односторонность, неполноту такой трактовки предмета эстетики: искусство – только часть этого предмета, наряду со всем материальным и духовным производством, бытом, досугом и т.д. Безусловно, это важнейшая часть, так как от искусства, его идейно-художественной зрелости по-прежнему в значительной мере зависит общий уровень эстетической культуры общества. Однако последняя все же включает в себя искусство как свою часть, то есть не сводится к искусству.

Нельзя назвать полным и исчерпывающим определение эстетики как науки «о наиболее общих принципах освоения мира по законам красоты» [Юрий Боров. Эстетика. – М.: Политиздат, 1981, с.5], так как предметом эстетики являются кроме красивого, прекрасного также безобразное, возвышенное и низменное, трагическое и комиче-

ское. Конечно, в качестве предмета эстетики эти явления выступают не в равной мере. Преимущество прекрасного здесь неоспоримо, и вся история эстетики подтверждает это. Но эта же история убедительно свидетельствует о росте социальной значимости явлений, характеризующихся понятиями безобразное, возвышенное и низменное, трагическое и комическое, об усилении внимания к ним по мере развития общества.

Вызывает желание возразить и определение эстетики как науки «о становлении чувственной культуры человека» [Эстетика. – Київ: Вища школа, 1997]. В свете гегелевской мысли о том, что «акт эстетический» – это «высший акт разума, охватывающий все идеи», такое определение явно снижает «планку» эстетического, упрощает предмет эстетики.

Перечисление и анализ определений предмета эстетики можно продолжить. Но их авторы в той или иной мере тяготеют к трем уже названным, и поэтому нет необходимости это делать. Неполнота, односторонность, отсутствие достаточно широкого методологического обоснования обнаруживается в них со всей очевидностью.

Чтобы получить полное и по главному, существенному, а не случайному и второстепенному основанию определение предмета эстетики, нужно корректно сформулировать проблему. И, на наш взгляд, лучше всего исходить из факта, что исторической традицией и в теории, и в практике зафиксированы как основные, субстанциальные шесть видов явлений действительности, которые, **безусловно**, относятся к эстетическим. Это прекрасное и безобразное, возвышенное и низменное, трагическое и комическое. Конечно, ими не исчерпывается все многообразие конкретных форм бытия, которые мы называем эстетически значимыми. Существуют переходные и синтетические формы, скажем, трагикомедия. И внутри себя они дифференцированы: трагедия бывает оптимистической и пессимистической, героической и бытовой, а комическое подразделяется на иронию, юмор, сатиру, гротеск, сарказм. Спектр эстетических явлений очень широк, но мы можем (только благодаря сложившейся исторической традиции – не выдумывая ничего!) выделить в нем эти шесть основных, классических форм, комбинации из которых, как из семи нот или из семи цветов радуги, составляют все неисчерпаемое многообразие эстетически значимой действительности, природного и социального бытия. Со всей определенностью можно утверждать, что **предмет эстетики очерчивается границами именно этих шести основных явлений и сочетаний из них.**

Конечно, Гегель был прав, утверждая, что «истина того, что притязает на признание, должна быть доказана». Но ему же принадлежит и суждение иного рода: «Могло бы даже показаться смешным, если бы кто-нибудь потребовал, чтобы в астрономии и физике доказывалось, что существуют солнце, звезды, магнетические явления и т.д. В этих науках, имеющих дело с чувственно наличными явлениями, предметы берутся из внешнего опыта, и, вместо того чтобы **доказывать** их существование, достаточно **указать на них**» [Гегель. Эстетика. Т. I, с. 29]. И хотя категории эстетики нельзя назвать «чувственно наличными явлениями» – они всего лишь отражают эти явления, – у нас именно такой случай, когда доказательство того, что названные явления составляют предмет эстетики может показаться надуманным и смешным. Поэтому мы ограничимся указанием на них.

Однако дело не только в этом. Нужно еще выяснить **сущность** эстетического, то есть то общее, что имеется между различными явлениями, которые мы называем эстетическими, то свойство, наличие которого делает их эстетически значимыми, а отсутствие – эстетически нейтральными. Другими словами, перед нами встает традиционная философская проблема, без решения которой эстетическая теория не сможет подняться до уровня философских обобщений и не приобретет собственно эстетический характер: она будет оста-

ваться или философией искусства, или теорией прекрасного, или технической эстетикой и т.д., то есть «частной», а не философской эстетикой. Чтобы преодолеть эту односторонность, нужно найти общее между прекрасным, безобразным, возвышенным, низменным, трагическим, комическим и всеми возможными комбинациями из них.

Возможно ли найти это общее и правомерна ли такая формулировка проблемы? Да, возможно и правомерна. В противном случае нам придется отказаться от терминов «эстетика» и «эстетическое», ибо само употребление их является свидетельством того, что это общее в многообразных природных и социальных явлениях существует. Иначе на каком основании такие различные явления, как прекрасное, безобразное и т.д., обозначаются одним термином – «эстетическое»? Безусловно, от того, что мы обозначаем одним словом разные явления, у последних не образуется единство. Но чтобы это слово имело реальное содержание, единство должно быть объективно присуще тем предметам и явлениям, которые оно обозначает. У нас нет оснований сомневаться в научности термина «эстетическое». Но то общее в многообразии действительности, которое он отражает, четко обозначить еще предстоит.

Но это еще полдела. Решение названной проблемы обусловлено решением другой – проблемы определения **сущности каждого** из шести основных эстетических явлений в отдельности. Только анализ этих **шести сущностей шести основных эстетических явлений** может сделать определение **сущности эстетического** нетривиальным и содержательным, объективным и по основному содержанию. Таким образом, решение проблемы предмета эстетики примет следующий вид:

1) определение сущности **каждого** из шести основных явлений, традиционно считающихся эстетическими: прекрасного, безобразного, возвышенного, низменного, трагического, комического;

2) обобщение полученных результатов и определение основного, главного, существенного для всех эстетических явлений, содержания. Эта сущность второго порядка (сущность первого порядка характеризует общее для многообразных форм существования отдельных основных эстетических явлений – прекрасного, безобразного и т.д.) и есть предмет эстетики. В истории эстетической мысли вопрос о сущности второго порядка, то есть о выяснении общего между прекрасным, безобразным, возвышенным, низменным, трагическим и комическим, специально не ставился. Однако поиски «формулы красоты», природы и содержания других эстетических явлений, то есть «сущности первого порядка», сами собою приводили к проявлению их общности, родства. Наиболее весомым по понятным причинам был вклад в это дело теории прекрасного, разработка которой особенно настойчиво и последовательно осуществлялась с глубокой древности.

Как и вся философия, эта теория развивалась в русле двух противоположностей – материалистической и идеалистической концепций прекрасного. В логике этих противоположностей, обусловленной гносеологическими причинами, отразилась логика приближения к пониманию проблемы единства всех эстетических явлений. Поэтому, не прибегая к анализу каждого в отдельности, мы остановимся только на том из них, которое получило наиболее адекватное отражение в теории – на прекрасном.

Нужно заметить, что при всей исторической важности постановки проблемы прекрасного и гениальности тех, кто ее сформулировал (способность подняться на такой уровень обобщения, на котором возникает вопрос о единстве всех разнообразных предметов и явлений, называемых, например, прекрасными, встречается не часто, и она всегда становится эпохальной, то есть определяющей характер развития теории на протяжении веков), от нее еще бесконечно далеко до понимания проблемы эстетического. Необходимость в ее постановке и возможность решения наступят значительно позже и в условиях, когда будут

решены более частные вопросы эстетики, то есть будет накоплен материал для следующего уровня обобщения. Так в диалектическом единстве количественных и качественных изменений происходит развитие эстетического сознания.

Все древние концепции прекрасного у материалистов имели ту же логику, которая была свойственна их определениям содержания понятия «материя». Материалисты Древней Греции и Рима, Средневековья, Возрождения, Нового времени, Просвещения стремились постичь сущность, первооснову, первопричину прекрасного, раскрыть истоки его многообразных форм, добраться до самого «донышка» в понимании его природы. Овладение тайной прекрасного сулило возможность преобразования мира по его подобию. Именно поэтому такую поразительную настойчивость проявляли люди в своих поисках глубинной причины красоты. Материалисты эти причины видели в объективных чертах, свойствах самих предметов и явлений. По их мнению, для понимания красоты достаточно в многообразии физических особенностей объективного мира выделить главные, основные, те, благодаря которым он становится прекрасным. Гераклит Эфесский (ок. 530-470 гг. до н.э.) полагал, что мир представляет собою единство изменчивого и устойчивого, подвижного и постоянного, он весь состоит из противоположностей и существует благодаря борьбе этих противоположностей. Отношения **гармонии и меры** между противоположными сторонами, свойствами предметов и явлений делают их прекрасными. Благодаря гармонии и мере в мире царит строгая закономерность. Гармония, как основа прекрасного, характеризует главное в природе, в человеческих отношениях, она свойственна произведениям искусства. Мера так же свойственна всей действительности в качестве объективной закономерности. Она характеризует свойства и связи объективного мира. «Этот космос, один и тот же для всего существующего, не создал никакой Бог и никакой человек, но всегда он был, есть и будет вечно живым огнем, мерами загорающимся и мерами потухающим» [Материалисты Древней Греции. – М., 1955, с.44].

Гераклитовские идеи о гармонии и мере находят развитие у основоположника атомистического материализма Демокрита (ок. 460-370 гг. до н.э.). Он говорил: «Прекрасна во всем середина: мне не по душе ни изобилие, ни недостаток ... Если превысить меру, то и самое приятное станет самым неприятным» [Лурье С.Я. Демокрит. - М., 1970, с. 375]. Сущность прекрасного у Демокрита характеризуется и более конкретно. Она, по его мнению, заключается не только в отношении гармонии и мер **противоположностей**, но и в симметрии, мере, гармонии **всех** частей целого, в определенных количественных отношениях. Другими словами, прекрасное, по Демокриту, имеет место там и тогда, где и когда имеются симметрия, мера, гармония частей целого.

В эпоху раннего Средневековья христианский богослов и философ Аврелий Августин (354-430 гг.) красоту реального мира объяснял объективными свойствами предметов и явлений. Гармония и порядок в мире вещей, математические числовые пропорции в музыке и архитектуре – вот, по его мнению, признаки прекрасного [см. Лекции по истории эстетики. Книга I. – ЛГУ, 1973, с.67-68].

Законченность форм, числовая гармония, блеск – это те объективные качества явлений, которые приносят удовольствие при их чувственном созерцании и которые свойственны красоте. Так объяснял прекрасное другой богослов, католический теолог, монах-доминиканец Фома Аквинский (1225-1274 гг.). И хотя Средневековью характерно было конечным источником, первопричиной красоты называть Бога, земную красоту рассматривать как отблеск божественной [см.: там же, с.68-75], материалистические тенденции объяснения прекрасного объективными свойствами вещей потеряны не были.

В эпоху Возрождения эти тенденции углубляются, становятся преобладающими. Красота усматривается в единстве, в многообразии, в гармоничности, соразмерности, пропорциональности, упорядоченности частей целого. Вот пример характерного для того времени понимания красоты. Красота – это «упорядоченное созвучие (*concordia*) и как бы гармония, сокровенным образом вытекающая из сочетания, соединения и связи многих частей, различных и по-разному, согласно с присущими им свойствами и нуждами, обладающих самих по себе и в себе хорошими пропорциями и в определенном смысле красивых, которые отличны друг от друга и несогласные до того, как они объединяются для образование тела» [История эстетики: Памятники мировой эстетической мысли. Т.1 – М., 1962, с.563].

В противоположность философам, определявшим общее в многообразии конкретных проявлений прекрасного, то есть сущность прекрасного, через физические свойства предметов и явлений, другие мыслители противопоставляли общее единичному и рассматривали прекрасное (общее) само по себе, безотносительно к отдельным предметам, которые, по их мнению, подлинной красоты не содержат. Идеи, понятия, мир идей – вот эталоны, образцы красоты, совершенства. Только в них сосредоточена **вся** совокупность черт прекрасного. В реальных вещах эта совокупность представлена односторонне, поэтому они ущербны в сравнении со своими эталонами и преходящи, в то время как идеи – вечны. И душа человека – средоточие идей. Познание же эталонов красоты-идей «на самом деле, не что иное, как припоминание: то, что мы теперь припоминаем, мы должны были знать в прошлом ... Но это было бы невозможно, если бы наша душа не существовала уже в каком-то месте, прежде чем родиться в нашем человеческом образе. Значит ... душа бессмертна» [Платон.: Избранные диалоги. – М.: Художественная литература, 1965 с.348]. Можно предположить, что душа, до того как приняла наш человеческий образ, находилась в божественном мире идей – мире подлинной красоты И там она познала эти идеи. Спустившись же на Землю и вселившись в наше тело, она вспоминает теперь то, что видела раньше в мире идей. И процесс познания красоты, по Платону, сводится к процессу воспоминания, редуцирования во вне того, что а priori содержится уже в душе. Так великий афинянин характеризует сущность и путь познания красоты. Он не отрицает наличия в реальных явлениях «отдельных проявлений прекрасного». Но эти «проявления» делают мир вещей лишь копией, тенью мира идей, мира подлинной красоты. Все земное – несовершенное, ущербное, преходящее и неполноценное в сравнении с «высшей красотой». Однако в диалоге «Пир» Платон указывает и совершенно иной путь познания красоты. Чтобы освоить идею прекрасного, говорит он, нужно начать с познания отдельных проявлений прекрасного в конкретных явлениях, «надо все время, словно бы по ступенькам, подниматься ради этой высшей красоты вверх от одного прекрасного тела к двум, от двух – ко всем, а затем от прекрасных тел к прекрасным делам, а от прекрасных дел к прекрасным учениям, пока не поднимешься от этих учений к тому, которое и есть учение о высшей красоте, и не познаешь, наконец, что же есть красота» [там же, с.169]. Здесь уже мы видим, что общее, родовое, сущностное содержание многообразных конкретных форм прекрасного вторично, ступеньками, ведущими к нему, являются отдельные проявления прекрасного, распределенные в конкретных явлениях, а не редуктивные потуги бессмертной души. Но это не мешает Платону оставаться на своих принципиальных позициях в понимании сущности и природы высшей красоты, которая, по его мнению, является «не в виде какого-то лица, рук или иной части тела, не в виде какой-то речи или науки, не в чем-то другом, будь то животное, земля, небо или еще что-нибудь, а сама по себе, через себя самое, всегда одинаковая, все же другие разновидности прекрасно-

го причастны к ней таким образом, что они возникают и гибнут, а ее не становится ни больше, ни меньше, и никаких воздействий она не испытывает» [там же, с.168].

Сказанное разрешает заключить, что древнегреческий философ установил столь высокие критерии определения красоты явлений действительности, что последние удовлетворить им не могут. Нет ни среди людей, ни среди животных, ни среди всей природы, ни среди явлений культуры ничего такого, что не могло бы быть еще лучше, чтобы вполне и без остатка заключало в себе все лучшие свойства предметов своего рода и было тождественно своей идее, своему понятию. Поэтому «высшая красота» – это чисто духовное явление, это идеи, понятия. В реальном же мире она невозможна принципиально. И в наименьшей степени она возможна в искусстве, которое, копируя мир вещей, то есть мир те-ней высшей красоты, становится копией копии, тенью тени высшей красоты

Теория прекрасного Платона трансформировалась в различных вариантах учений на протяжении более двух тысяч лет. И, наконец, классическое оформление и развитие на основе всего исторического и художественного опыта человечества она получила в эстетике Гегеля (1770-1831 гг.). Как и Платон, он прекрасное характеризовал как тождество реального и идеального, действительности и идеала. И в этом отношении тождества идеал представлялся как образец, критерий, с которым должна соотнобразовываться действительность и, достигая соответствия которому, последняя может быть прекрасной. В отличие от основателя афинской Академии, классик немецкого идеализма сделал значительные шаги в сторону материализма в своей эстетике: он не отрицал принципиальной возможности тождества реальности и идеала, то есть прекрасного в природном и социальном бытии и не только не отказывал произведениям искусства в красоте, но и разработал теорию прекрасного в сфере художественной практики. Красота, по Гегелю, рождается в отношении реальности и идеала. В разные исторические периоды стороны этого отношения выступают в различной пропорции. И когда развитие реальности приводит ее к тождеству с всегда равным себе идеалом, то есть отношение между этими двумя сторонами начинает характеризоваться их равенством, соответствием друг другу (у Гегеля это следующая за символической и предшествующая романтической **классическая** форма искусства), тогда рождается прекрасное.

Концепция, выраженная в формуле «прекрасное есть жизнь», направленная против Гегеля, на самом деле только дополняет его идеализм, развивая в сторону материализма, сближения с последним. Н.Г.Чернышевский (1828-1889 гг.), разъясняя свою формулу красоты, показывает, что не всякая жизнь, а только соответствующая нашим понятиям о том, какой она должна быть, может быть прекрасной. По сути дела, здесь, как и у Платона, и у Гегеля, в решении вопроса о сущности прекрасного имеет место соотнесение реальности с идеалом: жизнь соотносится с идеальным представлением о том, какой она должна быть, то есть с идеалом. И характер пропорции относящихся сторон определяет, прекрасна ли жизнь, те предметы и явления, которые ее выражают. Если соотносящиеся стороны находятся в гармоническом единстве, они соответствуют друг другу, то есть имеет место тождество между реальностью и идеалом, реальность равна нашему идеалу (идеал – образец, критерий!), значит эта реальность прекрасна. Логика этих рассуждений абсолютно совпадает с логикой Платона и критикуемого Н.Г.Чернышевским Гегеля. Отличает автора «Эстетических отношений искусства к действительности» то, что природу идеала он объяснял реальными, материальными явлениями. В конечном счете «образцом», критерием оценки действительности на предмет ее эстетической значимости становится сама действительность, те ее предметы и явления, которые в наибольшей степени нам желанны и потому являются для нас «мерками», то есть идеалами, сравнивая с которыми все другие, мы заключаем о сте-

пени их красоты. Вне этого соотношения, взятые сами по себе, ни реальный мир, ни наши идеальные представления о нем, ни какие-либо конкретные предметы реального мира, ни наши понятия о том, какими они должны быть, никакой эстетической ценностью не обладают. Только в связи друг с другом, только в единстве они порождают прекрасное. То есть прекрасное – это не природа, не предметы, явления или их объективные свойства, и не идеи, мир идей, не понятия, идеалы. А это **отношение** между тем и тем. Односторонне, таким образом, характеризовали сущность красоты материалисты. И идеалисты страдали точно такой же односторонностью в объяснении сущности прекрасного. Те и другие брали одну из сторон – действительность или идеал – и представляли ее в качестве субстанции красоты.

Если в этом же аспекте проанализировать остальные основные эстетические явления, то и они предстанут в своей сущности как **различные пропорции отношения между действительностью и идеалом**. И вне этого отношения, взятые сами по себе, отдельно друг от друга, эти стороны не могут являться выражением прекрасного, безобразного, возвышенного низменного, трагического и комического. Не соответствуя, противореча нашим идеалам, действительность, ее явления и предметы – безобразны. У Платона идеальные представления о реальном бытии были такими высокими, а само бытие, современная ему действительность была настолько неразвитой и поэтому несоответствующей его идеалам, что он ей отказывал в эстетической ценности. Гегель видел возможность реализации идеалов в искусстве и поэтому превозносил его красоту над красотой мира. Наконец, Н.Г.Чернышевский, материалистически объяснив природу идеала и устранив непроходимую грань между действительностью и идеалом, определил безобразное, в противоположность прекрасному, как несоответствие предмета или явления жизни тому, какими бы мы хотели иметь эти явления. Трагическое и комическое, возвышенное и низменное, обнаруживаясь в реальности в самых различных и многообразных формах, имеют общим то, что и они являются **отношением** между названными сторонами и вне этого отношения невозможны. Без наличия у человека идеального представления о предметах или явлениях мира его отношение к этим предметам или явлениям не будет эстетически значимым. Точно так же как и наличие этого представления, не превратившееся в цель деятельности и не ставшее основой отношения к действительности, не породит эстетического явления.

Таким образом, наиболее общим для всех основных эстетических явлений и реального многообразия их проявлений в действительности является то, что все они есть не что иное, как отношение между реальностью и идеалом. Поэтому **эстетика** – это наука о наиболее общих законах отношения человека к миру с позиций идеального представления о том, каким должен быть этот мир. **Эстетика** – это наука об отношении между реальностью и идеальным представлением о ней. **Эстетика** – это наука об отношении между реальностью и идеалом. **Основной вопрос эстетики** – это вопрос об отношении между реальностью и идеалом. Он имеет шесть сторон, которые характеризуются понятиями: прекрасное и безобразное, трагическое и комическое, возвышенное и низменное. Каждая из сторон является конкретной пропорцией отношения между реальностью и идеалом. Предмет и структура эстетического сознания и науки о нем определяются основным вопросом и его сторонами.

РЕЗЮМЕ

Автор статті робить ще одну спробу у вивчанні питання концептуального оформлення естетики як науки. Він давно займається цією проблемою, намагається дати

свое визначення предмета эстетики і пропонує звернутися до гегелівської філософії мистецтва.

SUMMARY

The author of the article makes another attempt in the study of question conceptual formalizing of esthetics as a science. He has been engaged with this problem for a long time, he is trying to give his definition of object esthetics and offers to turn to Hegel's philosophy of art.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегель. Эстетика. Т.І. – М.: Искусство, 1968. – С.312.
2. Гегель. Работы разных лет. Т.І. – М.: Мысль, 1970. – С. 668.
3. Зеленов Л.А., Куликов Г.И. Методологические проблемы эстетики. – М.: Высшая школа, 1982. – С. 176.
4. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т.І. – М.: Искусство, 1962. – С.890.
5. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Ранний эллинизм. – М.: Искусство, 1979. – С.816.
6. Лутаенко В.С. Эстетика мышления. – Київ: Мистецтво, 1974. – С.220.
7. Лурье С.Я. Демокрит. – М.: Мысль, 1970. – С.210
8. Платон. Избранные диалоги. – М.: Художественная литература, 1965. – С.442.
9. Эстетика. – Київ: Вища школа, 1997. – С.399.

Надійшла до редакції 28.05.1999 р.

ББК ЮЗ (4Рос) 6

К ПРОБЛЕМЕ НИГИЛИЗМА

В.В.Волошин

Данная работа представляет собой оценку некоторых историко-философских аспектов нигилизма в их связи с современностью.

Слово «нигилизм», образованное из латинского nihil (ничто), впервые появляется в конце XVIII века у немецкого философа Ф.Г.Якоби. Традиционно нигилизм определяется как абсолютное отрицание общепринятых ценностей, идеалов, моральных норм и культуры в целом.

Актуальность раскрытия причин, особенностей, перспектив нигилизма представляется очевидной. Нигилизм явился важнейшей чертой русского революционного движения, сыгравшего значительную роль в современной истории. Глубокий анализ нигилизма дается в сборнике «Вехи», ставшим заметным событием начала XX века. Нигилизм продолжает проявлять себя и сейчас. В настоящее время имеется почва для его оформления в систему взглядов, претендующих на главенство в духовной жизни. И этот процесс не может не вызывать тревогу.

Как философская доктрина и элемент общественного сознания нигилизм выходит из недр европейской культуры XIX века. Видным теоретиком индивидуалистического нигилизма на Западе был М.Штирнер. Он не ищет истину там, где ее еще никто не искал. По его мнению, абсолютное и самодостаточное «Я» уже обладает истиной, ее «меч» должен находиться в руках личности, свободной от общества и государства. Скептическое отношение к морали, утверждение, что порок и добродетель – фикции,

сочетаются у Штирнера с резкой критикой как религии, так и истории. Ценность «Я» не может быть достаточной, пока в центре – Бог или Мир [1]. Заслуживает внимание то, что Штирнер предсказал одну из дилемм тоталитаризма: государство или личность. Он подмечает особенность человека вдохновляться «внешней» для него истиной, которая затем абсолютизируется и становится причиной отчуждения. Русский философ С.Л.Франк находит в аморализме и цинизме Штирнера скрытую правду, заманчивый призыв к духовной свободе [2]. Однако такая правда легко может стать орудием лжи и насилия. Чуть позже Ф.Ницше также отказывает в праве на существование не оправдавшему себя христианству и утилитарной морали, лишаящей человека способности к самоутверждению и творчеству. Ницше понимает, как тяжело расставаться с ценностями, ставшими плотью и кровью цивилизации, с тем, что считается удобной и выгодной истиной [3]. Поэтому предпринимается активное нападение с целью развенчать, а затем разрушить в человеческом сознании фундамент «добрых и полезных заблуждений». Ницше выбирает сомнительную роль патологоанатома европейской культуры. Но он вынужден обращаться к имеющимся ценностям и их выражению в языке. Его попытки комбинирования и замены этических констант оказываются либо проблематичными, либо откровенно циничными. Ротация ценностей и их историко-культурной основы, уход в иное этическое измерение, иррационализм и символизм Ницше оставляют простор для произвольных трактовок.

Западный нигилизм есть вызов философии, потерявшей в своих спекуляциях человека. Преодоление подобных диссонансов идет изнутри. Западная культура постепенно вырабатывает иммунитет против разрушительных «переоценок всех ценностей».

Русский нигилизм, оказавшийся тесно связанным с революционным движением, быстро стал практикой. Один из его источников – достижения западной философии и естествознания, которые, по мысли Н.А.Бердяева, были религиозно и метафизически нейтральны [4], а следовательно не предназначены для практического применения на иной культурно-исторической почве. Кропотливый синтез подменяется эклектическими выводами, усложненными освободительным пафосом. Интересна фигура Д.И.Писарева, претендующего на роль универсального мыслителя энциклопедиста. Он выступает против «бесцельной роскоши» умозрительной философии, иронизирует над православием, требует нравственной гигиены и эмансипации. Незадолго до смерти Писарев в письме Тургеневу утверждает, что Базаров не мог умереть и остается самим собой [5]. Его слова оказались пророческими наполовину: Базаров действительно живет, но превращается в Нечаева и Каляева, Азефа и Малиновского. То, что не удастся Штирнеру и Ницше, удается русским «бесам» и «карамазовым», которые трансформируют нигилизм из протеста одиночек в массовое явление.

Неразрешенная проблема теодицеи, банкротство официального православия ведут к атеизму, принимаемому как догмат, без работы ума и сердца [6]. Русский нигилизм отрицает Бога и абсолютизирует Историю. Человек ответственен только перед своим разумом, требующим справедливости и свободы. Их достижение есть благо, но путь к нему лежит через борьбу, отрицание религии и преклонение перед материальными сферами жизни. Отнятое у Бога становится достоянием Человека. С.Л.Франк отмечает, что отказ от тайны и божественного источника человеческой судьбы и исторического процесса ведет к исчезновению объективного различия между добром и злом [7]. Однако в русском нигилизме сохраняются определенные черты религиозного сознания, такие как фанатичный аскетизм, мессианские и эсхатологические мотивы. Ф.Ницше характеризовал нигилизм петербургского образца как веру в неверие, доходящую до мученичества за нее [8]. Мессианизм и догматизм наводят на страшную

мысль: в силу неизбежности прогресса можно искусственно подтолкнуть к гибели то, что обречено на уход с исторической сцены.

Нигилизм убивает не только религию и мораль, но и культуру, связанную с необходимостью почитания и смирения. Будучи слабо аргументированной и упрощенной, философия революции отвергает все сложное и утонченное. Культура лишается самооценности, связи с традицией и рассматривается с точки зрения оправданности и полезности.

Одна из причин нигилизма состоит в том, что человек убеждается в бессмысленности и тщетности своего бытия. В итоге – страх и муки, приводящие к пассивному нигилизму, загоняемому внутрь, как, например, у многих героев произведений Ф.М.Достоевского. Но есть и иной выход: вскрыть причины утраты смысла и найти новый путь возвращения к нему. В европейском нигилизме подобная тенденция реализуется в основном в форме индивидуальных исканий. Неразрешенная проблема человеческого одиночества – одна из причин западной переоценки всех ценностей. В русском нигилизме на передний план выносятся интересы общества. Из неотъемлемого права человека на свободу делается парадоксальный вывод: для достижения этого права можно вообще упразднить право. Такой подход вызывает протест у Б.А.Кистяковского, ибо право составляет главное и самое существенное содержание свободы [9].

У Ф.Ницше, а позднее О.Шпенглера, М.Хайдеггера, С.Маркузе проходит идея об упадке и даже гибели европейской цивилизации. Скепсис сопровождается глубоким пессимизмом: прошлое исчерпало себя в полном объеме, наличные метафизические истины либо безжизненны, либо неразрешимы для человеческого разума. Теряется ощущение целостности, исчезают всеобщие связи. Состояние, когда прежние ценности низложены, а новые еще не положены, М.Хайдеггер вслед за Ф.Ницше относит к крайнему нигилизму [10]. Хотя не исключено и иное понимание подобного нигилизма, например, как умеренного.

Русский нигилизм ищет всеобщности и смысла исключительно в лоне экономики и политики. Изначально ставится цель: радикальные перемены за предельно короткий срок. Показательна критика «Вех» В.И.Лениным. Он не хочет замечать, что авторы сборника делают акцент на духовной жизни, и находит у них только определенную реакционную политическую программу [11]. Ницше не скрывает своей центральной идеи – воли к власти. В революционном радикализме она скрыта за демагогией поиска вселенского счастья.

Трагизм русского нигилизма в благородстве его целей. Но дабы достичь поставленных целей, используются любые средства: нагнетание социальной ярости, психологическое давление на людей и внесение между ними раскола, цинизм и ложь – открытые и завуалированные. Ценность человека определяется исключительно его отношением к революции. Как следствие – искренние и чистые люди оказываются связанными общностью идей с преступными фанатиками. И те, и другие противопоставляют себя обществу и видят в этом ценность.

А.С.Изгоев указывал на равнодушие к вопросам национальной чести, которое царит в обществе, занятом исключительно вопросами реформирования внешних форм жизни [12]. Отмеченный процесс имеет место в постсоветских обществах. Они постоянно апеллируют к Западу, рвутся в зоны экономической и политической интеграции, где будут далеко не на первых ролях. Поглощается низкопробная продукция западной массовой культуры. Поток новшеств в целом негативно воспринимается людьми старшего поколения, и это способствует усилению чувства апатии и потерянности. У молодежи, не имеющей достаточного жизненного опыта и устоявшихся духовных ценностей, снижается способность критического отношения к действительности.

Если отсутствуют предрасположения к восприятию новаций, возможности выборочного их использования, то заимствования, пусть даже и апробированных ценностей, не дают положительных результатов. Плодотворный скепсис в отношении к достижениям Запада был присущ авторам «Вех». Они считали: любые общественные изменения продуктивны только в том случае, если являются результатом внутреннего духовного опыта.

В настоящее время претворяются в жизнь наиболее реакционные идеи М.Штирнера о том, что только сила имеет ценность и является собственником права, а свобода принадлежит тому, кто умеет ее взять. Достижение власти и материального благополучия любыми путями и как можно скорее становится общественным идеалом. Следование традиционным этическим нормам представляется как нечто старомодное и бесполезное. Цинизм и аморализм утверждаются как должное. Теряется способность к терпимости и компромиссу. И, самое тревожное, в обществе ослабляется иммунитет на внутренние негативные процессы. Налицо симптомы опасной болезни. И чтобы ее скрыть, используются традиционные нигилистические методы – поиск врага и демагогия.

Вновь мы не видим трезвого и долговременного анализа прошлого. Он подменяется поверхностной критикой и спекуляциями. Общество остается без исторических ориентиров, ранее незыблемые истины отвергаются. Это углубляет духовный вакуум. Потрясения начала XX-го века оправдывались надеждой на счастливое будущее. Сейчас такая надежда подорвана, что, однако, не мешает появляться новым концепциям всеобщего благополучия.

В отличие от прошлого, носителями идей о новой переоценке ценностей выступают их бывшие апологеты. И сегодня мы наблюдаем усиление социальной нестабильности, которая используется для извлечения политических дивидендов. Хаотичные экономические эксперименты ведут к опасной поляризации общества. Большая часть его оказывается один на один со своими проблемами. Отчаяние, безысходность и растерянность приходят на смену эйфории обретенных «демократии» и независимости.

Специфические формы принимает отношение к религии. Она превращается в элемент моды, атрибут реформ, одно из средств завоевания политического авторитета. В основе религии, согласимся с С.Н.Булгаковым, лежит пережитая в личном опыте встреча с Божеством. Путь к этой встрече – через муки, ошибки, озарение истиной. Вера не может появиться «вдруг», ее нельзя внешне оформить [13]. Лицемерить в самом святом и сокровенном – прямой путь к максимально опасным формам нигилизма.

Нигилизм имеет свои причины. Важнейшие из них: разрыв между выработанными нравственными и религиозными ценностями и их практическим воплощением, крушение существующих целевых установок, потеря чувства осмысленности и связи, неустойчивость казавшихся незыблемыми истин.

Сравнение западноевропейского нигилизма с русским позволяет определить последний как активный и оптимистический, рациональный и антиперсоналистический, предельно последовательный в своем атеизме, утилитарный, не имеющий культурной преемственности. При существующих отличиях результат любого нигилизма – манихейство, деструкция, макиавеллизм, утрата гуманистического начала.

Против нигилизма выступают авторы «Вех». Их протест не был услышан, хотя «веховский» анализ сохраняет свое значение и сейчас. Мы находим заметные параллели между тупиковой ситуацией начала века и нынешней. В настоящее время проявления нигилизма обнаруживаются в дискредитации прошлого, пренебрежении правом и моралью, потребительском отношении к религии, отсутствии исторического творчества, фактическом отказе от культурной самоидентификации. В этих проявлениях нет

радикальных идей, что позволяет определить их как умеренные. Но ситуация близка к изменению. Когда общество забывает об абсолютных и вечных истинах, находятся силы, предлагающие собственную, нигилистическую трактовку этих истин.

РЕЗЮМЕ

Нігілізм з середини ХІХ століття стає важливим елементом духовного життя. В Російській імперії він утверджується як частина ідеології революційного руху. Викрити негативні моменти нігілізму намагаються автори збірки «Вехи». Зараз нігілістичні ідеї набувають специфічних, все більш чітких форм, деформують духовне поле пострадянських суспільств.

SUMMARY

Nihilism has become an important element of spiritual life from the middle of the XIX century. It become firmly established as part of ideology of revolutionary movement in Russian Empire. The authors of "Vekhi" collection undertook an attempt to reveal negative points of nihilism. At present the ideas of nihilism receive specific and more distinct forms and distort spiritual field of postsoviet societies.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Штирнер М. Единственный и его собственность. – Харьков: Основа, 1994. – 560 с.
2. Франк С.Л. Крушение кумиров // Сочинения. – М.: Правда, 1990. – С.113-182.
3. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Соч. в 2 т. Т.1. – М.: Мысль, 1990. – С. 231-490
4. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Из глубины. Сборник статей о русской революции. – М.: Правда, 1991. – С.11-30.
5. Писарев Д.И. Письмо И.С. Тургеневу // Соч. в 4 т. – Т. 4. М.: ГИХЛ, 1956. – С.423-425.
6. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи... Указ. изд. – С. 31-72.
7. Франк С.Л. Этика нигилизма // Там же. – С. 167-199.
8. Ницше Ф. Веселая наука // Указ. изд. Т.1. – С. 491-719.
9. Кистяковский Б.А. В защиту права // Вехи... Указ. изд. – С. 122-149.
10. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 63-176.
11. Ленин В.И. О «Вехах» // Полн. собр. соч. – Т. 19. – С.167-175.
12. Изгоев А.С. Об интеллигентной молодежи // Вехи... Указ. изд. – С. 97-121
13. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – 415 с.

Надійшла до редакції 20.05.1999 р.

ПЕДАГОГІКА І ПСИХОЛОГІЯ

ББК 10945.403-52

О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМАХ КАТАРСИСА

М.И. Яновский

Понимание механизмов воздействия искусства на человека было актуальной проблемой начиная с античной эпохи. Не уменьшилась ее актуальность и в наше, казалось бы, сугубо прагматичное время. Действительно, благодаря телевидению и радио современный человек находится в зоне интенсивного действия как минимум двух видов искусства – кинематографа и музыки. Можно сказать, что они стали даже своего рода средой обитания, убежищем для людей, еще не успевших «отвоевать» свое место в круговороте социальной жизни (молодежь) или в известном смысле утративших его (пенсионеры). Искусство, таким образом, восполняет ущербность, несовершенство устройства социума. Но, с другой стороны, искусство является пространством рефлексии социума, его «смотровой площадкой» и – нередко – своеобразной лабораторией, где генерируются новые формы его жизни. В этом смысле в наше время важность роли искусства как в жизни индивидуума, так и в жизни общества в целом очевидна. Тем важнее становится задача выведения механизмов воздействия искусства на человека из сферы социального «бессознательного» в сферу социального сознания.

В ряду понятий, фиксирующих понимание общественным сознанием механизмов воздействия искусства, особое место принадлежит понятию «катарсис» (κάθαρσις). Это понятие введено в искусствоведение Аристотелем. Исходно оно означает «очищение»; однако Аристотель придал ему смысл очищения «душевного», точнее – аффективно – эмоционального. По его мысли, произведение искусства способно совершать «посредством сострадания и страха очищение подобных страстей» [1]. Несмотря на отмечавшуюся многими исследователями неопределенность такого понимания «очищения», оно прочно вошло в арсенал наук об искусстве. Так, по мнению известного историка М.Г. Ярошевского, «со времени Аристотеля катарсис (в виде изживаемого личностью страха, страдания и др.) выступал в качестве главного эстетико-психологического феномена» [2]. В наше время катарсис нередко оказывается одним из центральных критериев оценки духовно – возвышающей силы произведения искусства (см. например: [3]).

При всей, казалось бы, очевидной «безупречности» катарсиса как средства вызывания художественного эффекта, у него были и «весомые» критики. Среди последних мы находим, например, такого сторонника именно высокого, духовного искусства, как Гегель [4]. Его авторитет достаточно высок, по крайней мере, для того, чтобы внимательнее «всмотреться» в психологическую сущность данного феномена.

Такой более внимательный взгляд позволяет, вопреки традиционным взглядам, различить в катарсисе... эгоцентрическую «подоплеку». Действительно, когда говорят о катарсисе, то речь всегда идет о *субъекте*; объект, вызвавший катарсис, собственно перестает быть объектом эстетического созерцания. Он становится скорее поводом для такого состояния реципиента, в котором он как бы нарциссически замкнут на себя. Показательно мнение итальянского теоретика литературы XVI века Л.Кастельветро: в катарсисе мы испытываем удовольствие, так как «мы сознаем, что мы хорошие люди, ибо чужое несчастье огорчает нас; сознание этого доставляет нам очень большое удо-

вольствие, так как мы, естественно, любим себя...» (цит. по: [5]). Высказывание Кас-тельверто может вызвать возражения как упрощение, сентиментализация катарсиса. Однако, нам кажется, возражений станет меньше, если заметить, что аристотелевское определение практически полностью подходит к объяснению базового механизма воздействия на зрителя... многочисленных латиноамериканских телесериалов. Действительно, трудно возражать, что интерес к этим фильмам во многом держится именно на *сострадании*¹ к главным героям и на *страхе* за их судьбу. В этом смысле такие филь-мы, как «Просто Мария», «Рабыня Изаура» и т.п., представляют собой вполне канони-ческие образцы именно катартического (в аристотелевском смысле) воздействия ис-кусства. И элемент эгоцентричности зрительского восприятия этих фильмов, прояв-ляющийся как удовольствие от «сознания, что *мы хорошие люди*», в данном случае понятен и очевиден.

В науке XX века понятие «катарсис» тесно связано с именами основоположников двух известных психологических концепций – З.Фрейда и Л.С.Выготского. Оба они начи-нали разработку своих теорий именно с интереса к данному понятию. Оно оказалось свое-образной площадкой для развития их теорий, что, между прочим, придало определенный уклон этому развитию: обе концепции развивались как системы техник (психотехник) «возгонки» человеческой психики от природного, натурального состояния к состоянию культурному, осознанному. С таким «психотехническим» характером психоанализа и куль-турно-исторической теории связана, по-видимому, и «энергетическая» трактовка самого катарсиса. Он понимается как своеобразная техника преобразования (а значит, в конечном счете, и овладения) стихийной эмоциональной энергии, порождаемой человеческой при-родой: «В этом превращении аффектов, в их самосгорании, во взрывной реакции, приво-дящей к разряду тех эмоций, которые тут же были вызваны, и заключается катарсис эсте-тической реакции» [7, с.206]². «Психотехническое» понимание катарсиса, в общем, «за-программировано» Аристотелем, который видел в нем инструмент превращения эмоций стихийных в «целесообразные эмоции» [8]. «Энергетическая составляющая» представле-ний Аристотеля о катарсисе менее явна, однако она угадывалась уже некоторыми антич-ными философами. Так, неоплатоник Олимпиодор обратил внимание, что аристотелев-ский катарсис «излечивает зло злом» (цит. по: [9, с.213]), т.е. пытается преобразовать без-нравственные страсти человека как некий физический объект: путем их усиления (чтобы они, в конце концов, истощились, исчерпались как некая энергия) и путем столкновения (чтобы они нейтрализовали друг друга как две противоположные физические силы). Таким образом, и у самого Аристотеля имплицитно присутствовало энергетическое понимание эмоций и нравственности.

Однако, по нашему мнению, продуктивность преобразования энергии страстей является скорее мифом о катарсисе, чем его реальной особенностью. В действительности эмоциональная разрядка, «взрыв» должны не столько возводить внутренний мир человека на более высокую ступеньку, сколько наоборот – позволять ему оставаться на месте (или даже «опускаться», подвергаться регрессу за счет потери тонуса). Ведь для «возгонки» энергии вверх нужен не сброс и безадресное рассеивание ее в простран-стве. Необходима, напротив, концентрация ее и собирание в одной точке.

¹ Или «жалости», – поскольку слово «*ἔλεος*», употребляемое Аристотелем в цитиро-ванном выше определении катарсиса, может переводиться и как сострадание, и как жалость [6].

² Напомним также известное высказывание Л.С.Выготского о необходимости «при-знания искусства *общественной техникой чувства*» [7, с.9].

Но, может быть, еще более существенно то, что энергетическая парадигма в понимании катарсиса реализует раскритикованную грузинским психологом Д.Н.Узнадзе «догматическую предпосылку традиционной психологии» – постулат непосредственности воздействия психических процессов друг на друга [10]. По его мнению, недостатком этого постулата является игнорирование участия субъекта в психической жизни человека. Иначе говоря, субъект здесь видится как бы выключенным из реальности. Мы считаем, что данный «постулат» является частным случаем общей особенности «классической» (в терминологии М.К.Мамардашвили) философии: «Субъект абстрактно идентифицирует себя с некоторой абсолютной точкой зрения и с этой позиции как бы извне обзирает и свои состояния и внешнее ему бытие» [11]¹. Нетрудно увидеть в такой позиции субъекта проявление... эгоцентричности, той самой, которую мы выше обнаружили в самом аристотелевском катарсисе.

Таким образом, интерпретация катарсиса, предложенная двумя психологическими теориями XX века, возвращает нас к мысли об эгоцентрической природе данного эстетического феномена.

Но если возвышение эмоциональной энергии в катарсисе – это миф, то что же происходит в действительности?

По мнению Аристотеля, эмоциональная разрядка возникает в момент осознания *заслуженности* героя трагедии [9, с.209]. Иначе говоря, она возникает, когда зритель от простой жалости к герою переходит к пониманию его страданий как справедливого наказания. Это означает, что катарсис тесно связан с «судом» над персонажем («... понятие катарсиса необходимо связано с нашими *моральными* оценками» [9, с.186]). В свою очередь, такая судейская оценочная позиция свидетельствует о рассудочной основе катарсиса. В этом смысле катарсис не является глубинным преобразованием эмоций, их трансмутацией. Он скорее является, по своей сущности, решением в ситуации столкновения двух эмоционально насыщенных позиций примкнуть к позиции заведомо положительной в моральном отношении. В этом смысле он есть своеобразное подтверждение, демонстрация *уже существующей*, ранее когда-либо достигнутой причастности к определенным моральным ценностям, обладающим для человека значимостью высокого ранга.

Автор одной из сравнительно немногочисленных работ, посвященных исследованию психологических механизмов катарсиса, Т.А.Флоренская утверждает, что в нем происходит «включение личности в мир высших человеческих ценностей» [12, с.152]. Катарсис пробивает «скорлупу обыденного эгоцентризма благодаря *схожести героя со всеми людьми*» (курсив мой. – М.Я.) [12, с.153]. Но «схожесть», о которой говорит Т.А.Флоренская, по существу свидетельствует о «работе» унифицирующей оценочной системы, что, в общем, является функцией именно рассудка, интеллекта. Следовательно, последний и задает русло для нового течения эмоций в катарсисе. Конфликт эмоций, таким образом, разрешается здесь не через их синтез, гармонизацию, определяемую целостным имманентным своеобразием индивидуальности и ее внутренней логикой, а посредством привнесения (интериоризации) в аффективную «ткань» личности

¹ Классическим воплощением такого понимания места субъекта в мире является, по-видимому, кантовская идея трансцендентального субъекта. В этом смысле фрейдизм и культурно – историческая теория могут быть квалифицированы как, в определенной степени, кантианство.

общепринятых (нормативных) моральных ориентиров, ценностей¹. Происходит как бы нивелирование индивидуального в личности и приобщение ее к социальной общности. Такое «примирение с коллективом», по-видимому, и является причиной переживаемой при катарсисе эмоциональной разрядки. Однако полный отказ от своей индивидуальности был бы равнозначен самоаннигиляции и поэтому невозможен. Вместо него происходит вытеснение своей индивидуальности и демонстрация причастности к ценностям сообщества. Но это означает, что катарсис затрагивает лишь поверхностные слои личности и не приводит к ее действительной глубинной трансформации. Можно также предположить, какова судьба вытесненной индивидуальности. Скорее всего, будучи вытесненной в своих качественных, «тонких» аспектах, она пытается вернуться на арену жизнедеятельности в огрубленных, редуцированных качественно, но «раздутых» количественно формах. Например, как утверждение личного превосходства над людьми, замаскированное работой по внедрению нормативных социальных идеалов (кстати, Аристотель, автор теории катарсиса, воспитал такого известного диктатора, как Александр Македонский). В этом случае человек оказывается своеобразной самозванной персонификацией «сверх – Я» данной социальной общности, самозванным судьей.

Аристотелевский катарсис – явление внутренне связанное с театром и по существу является разновидностью театрального жеста, как бы демонстрацией своего «светлого облика» коллективу как публике. Родство катарсиса с театром носит достаточно глубокий характер. Так же, как театр психологически выключает зрителя из мира (см.: [13, с. 50-55]), так и катарсис выключает из «работы» высшие аспекты индивидуального самосознания (условно говоря, глубинное «я» человека), что делает субъекта в сущности пассивным «созерцателем» мира. В катарсисе ценности не рождаются; они появляются в поле зрения человека в уже готовом виде, «призывая» его примкнуть к ним, и насладиться переживанием причастности к «хорошим, нравственным людям».

Отчуждение между миром и глубинным «я» человека, присущее аристотелевскому катарсису, имеет, можно сказать, метафизические корни. Так, по мнению А.Ф.Лосева, его исходным моментом является переживание жалости «безвинно несчастному» [9, с.209]. Такое несчастье – результат какой-либо «непонятной и ужасной случайности» [9, с. 186]. Следовательно, катарсис – это явление, возможное лишь для такого рода сознания, в мире которого существуют *случайности*. Сам Аристотель, как известно, был философом – эмпириком («идеи вещей неотделимы от самих вещей»), поэтому для него эмпирический факт является первичным пунктом в познании мира. Факт, таким образом, для него изначально был доразумен, случаен, т.е., по сути, *отчужден от субъекта*, непонятен ему. Именно к случайному факту, как продукту чьего-то неразумного произвола, и приложима позиция судьи.

Следовательно, отчужденность субъекта от мира окрашивает, как общая доминанта, и аристотелевскую теорию катарсиса.

Проблема состоит в том, что такого рода отчужденность не только не разрешает эмоциональные конфликты, а, напротив, «разжигает» их. Поэтому, как можно предположить, искусство, использующее разобранный нами эстетический феномен, носит социально деструктивный характер.

¹ Возможно, таким путем и формируется в личности то психологическое образование, которое З.Фрейд назвал «сверх – Я».

РЕЗЮМЕ

У статті обґрунтовується новий погляд на психологічні механізми одного з відомих феноменів дії мистецтва на внутрішній світ людини – «катарсису». Традиційне уявлення про нього як про очищення афективної сфери людини через стимулювання негативних емоцій з наступною їх «розрядкою» відрізняється механістичністю. За думкою автора, психологічно більш коректним було б розуміння катарсису як суб'єктивного переживання єдності з психологічно «безпечними» моральними цінностями в ситуації конфлікту альтернативних установок особистості.

SUMMARY

In this article is founded the new view about psychology mechanism of the «catharsis» – the famous phenomena art influence over inner man's world. The traditional idea about is – as a purifying of man's world. The traditional idea about is – as a purifying of man's affective sphere through stimulation of negative emotions with next relaxation – suffers from mechanism. As author opinions, the understanding of catharsis an experience of participation to psychology «safety» moral values in the situation of the collision into alternative directions of personality – is more correctly for psychology.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Аристотель. Поэтика // Аристотель и античная литература. – М., 1978. – С.120.
2. Ярошевский М.Г. Послесловие. Л.С. Выготский как исследователь проблем психологии искусства // Выготский Л.С. Психология искусства. – М., 1987. – С.318.
3. Семенов В.К. Катарсис и антикатарсис: социально – психологический подход к воздействию искусства // Вопросы психологии. – 1994. – № 1. – С.116-122.
4. Воронина Л.А. Основные эстетические категории Аристотеля. – М., 1975. – С.119-120.
5. Аникст А.А. Теория драмы от Аристотеля до Лессинга. – М., 1967. – С.148-149.
6. Козаржевский А.Ч. Учебник древнегреческого языка. – М., 1993. – С.232.
7. Выготский Л.С. Психология искусства. – М., 1987.
8. Лосев А.Ф., Шестаков В.П. История эстетических категорий. – М., 1965. – С.89.
9. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. – М., 1975.
10. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. – М., 1966. – С.158-162.
11. Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классическая и современная буржуазная философия // Мамардашвили М.К. Необходимость себя. – М., 1996. – С.384.
12. Флоренская Т.А. Проблема психологии катарсиса как преобразования личности // Психологические механизмы регуляции социального поведения. – М., 1979. – С.151-174.
13. Флоренский П.А. Обратная перспектива // Его же. Том 2. У водоразделов мысли. – М., 1990. – С.43-106.

Надійшла до редакції 15.03.1999 р.